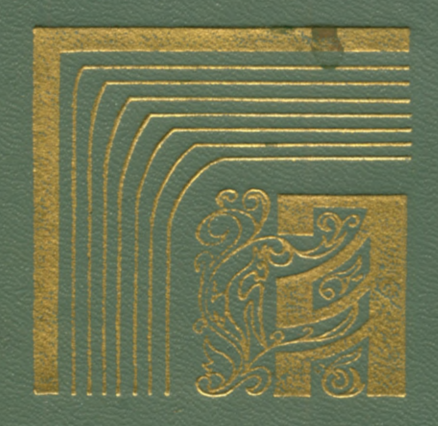

ДРЕВНЕРУССКАЯ РУКОПИСНАЯ КНИГА И ЕЕ БЫТОВАНИЕ В СИБИРИ

ДРЕВНЕРУССКАЯ РУКОПИСНАЯ КНИГА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

ДРЕВНЕРУССКАЯ РУКОПИСНАЯ КНИГА И ЕЕ БЫТОВАНИЕ В СИБИРИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Новосибирск · 1982

Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири.— Новосибирск: Наука, 1982.

Сборник посвящен проблемам древнерусской рукописной и старопечатной книги на территории Сибири, дается характеристика отдельных памятников и их сибирских редакций, а также различных источников по истории Сибири периода феодализма, в первую очередь летописных. Публикуются обзоры крестьянской письменности.

Книга рассчитана на научных работников, историков и филологов, преподавателей высшей школы.

Ответственные редакторы:

д-р ист. наук *Н. Н. Покровский,* канд. филол. наук *Е. К. Ромодановская*

Д $\frac{0503000000-809}{042(02)-82}$ 16—81, кн. 2.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый читателю сборник продолжает издания по археографии и источниковедению Сибири, осуществляемые Сибирским отделением Археографической комиссии АН СССР. Составители стремились сохранить традицию анализа как исторических, так и филологических источников. Поэтому основное внимание по-прежнему уделяется источниковедческим, археографическим, текстологическим аспектам изучения памятников письменности. Сохраняется прежний принцип составления сборника из трех разделов: статьи и сообщения; обзоры, описания, библиография; публикации.

Авторы сборника исходили из важного принципа, согласно которому памятники сибирской письменности являются неотъемлемой составной частью общерусской книжной культуры, единого историко-литературного процесса. Изучение бытовавших в Сибири рукописных сборников, литературных и исторических сочинений нельзя поэтому вести в отрыве от общерусской традиции, от анализа сборников и списков, бытовавших на запад от Урала.

Специфическую окраску и особое значение этот принцип приобретает для одного из главных направлений работы сибирских археографов — выявления и изучения памятников крестьянской письменности. Новосибирские и свердловские археографические экспедиции последних лет обнаружили целый пласт крестьянской литературы, тесно связанной с историей урало-сибирского старообрядчества XVIII—XIX вв. Вся эта литература теснейшим образом взаимодействует с продукцией книжных мастерских известных старообрядческих центров Выга, Керженца, Москвы, Ветки. Между тем даже принципиальные вопросы развития этих центров остаются зачастую еще слабо исследованными. Так, сейчас уже трудно изучать крестьянскую литературу востока страны, не зная в деталях истории как общерусской литературы, так и «согласия» бегунов, сыгравших большую роль в организации крестьянского побега и в развитии народных социально-утопических взглядов. Это же относится и к предшественникам бегунов — филипповскому согласию. Изучение политических тенденций крестьянской пись-

менности невозможно, в частности, без анализа сочинений, посвященных важнейшему лозунгу об отказе от моления за «нечестивых царей». Рассмотрение подобных проблем будет продолжено и в следующих сборниках.

История поселения крестьян-беглецов на Бухтарме во второй половине XVIII в. давно уже интересует исследователей. В последние годы в научной литературе этому вопросу уделяется значительное внимание, вводятся в оборот новые источники. Однако трактовка их не всегда однозначна. Поэтому мы сочли целесообразным полностью опубликовать текст одного из важнейших источников — «Росписи Феденева», составленной в 1791 г. в связи с признанием правительством привилегий бухтарминских беглецов.

Традиционной для сборников является также тема истории сибирского летописания. Новые теории и атрибуции возникли, в частности, в связи с периодом бурного развития сибирского летописания во второй половине XVII в.

В сборнике публикуется научное описание интересной коллекции русских старопечатных книг Государственной публичной библиотеки Киргизской ССР им. Н. Г. Чернышевского (г. Фрунзе), включающей, в частности, три издания Ивана Федорова.

Научно-организационная работа по сборнику проведена Л. В. Титовой.

I. Статьи и сообщения

Т. В. ЧЕРТОРИЦКАЯ

К ВОПРОСУ О ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСТОРИИ ДРЕВНЕРУССКОГО МИНЕЙНОГО ТОРЖЕСТВЕННИКА

Древнерусские минейные Торжественники уже являлись объектом исследования автора[1]. Настоящая статья продолжает эту тему и ставит задачей выяснение генетических корней сборника данного типа, процесса его формирования и историко-литературного развития в конце XIV—XV в. Предпринята также попытка определить место минейного Торжественника среди близких ему по составу и функции памятников.

*

Прежде всего необходимо остановиться на проблеме дефиниции исследуемого сборника — дать рабочее определение минейного Торжественика. Как указывалось нами ранее[2], в работах ученых-медиевистов нет строгих критериев для отнесения того или иного древнерусского сборника к определенному типу книги. Это приводит к формальному объединению памятников, часто не имеющих между собой ничего общего. Очевидно, должны быть объективные признаки, отличающие один тип сборника от другого. Е. И. Демина пишет: «...Нужно исходить из убеждения, что определенное название... может даваться лишь сборникам с устойчивым, исторически сложившимся и сохранившимся при переписке составом статей». Следовательно, первым шагом в решении вопроса научной атрибуции любого сборника «должно явиться описание устойчивого состава статей и основных моделей структуры исторически сложившихся типов сборников»[3].

---

[1] **Черторицкая Т. В.** Торжественник из собрания ИИФиФ (Опыт описания сборника постоянного состава).— В кн.: Источниковедение и археография Сибири. Новосибирск, Наука, 1977, с. 162—198; **Она же.** Древнерусский литературный сборник «Торжественник». (Историко-типологическая характеристика).— В кн.: Вопросы сюжета и композиции. Горький, 1978, с. 18—28.

[2] **Черторицкая Т. В.** Древнерусский литературный сборник..., с. 18.

[3] **Демина Е. И.** Тихонравовский Дамаскин. Болгарский памятник XVII века, ч. I. София, 1968, с. 38.

Метод сравнительно-текстологического изучения 85 списков сборников, близких по составу и зачастую прямо именуемых древнерусскими переписчиками Торжественниками, позволил выделить устойчивый состав статей, описать основные модели структуры минейного Торжественника, его разновидностей и редакций,— и тем самым дать основы атрибуции этого типа сборника.

Итак, «Торжественником» мы называем один из древнерусских четьих календарных сборников переводных и оригинальных русских сочинений, характеризуемый устойчивым жанро-тематическим составом включенных в него статей.

Уже название изучаемого сборника указывает на его функцию и жанровую природу большинства вошедших в него гомилий и житий, читавшихся в определенные праздничные дни.

Торжественник существует в двух своих разновидностях:

Минейный Торжественник — это сборник похвальных слов, поучений о церковных праздниках солнечного календаря с 1 сентября по 29 августа. Приуроченность памятей всех святых к солнечному году определила наличие среди гомилий сочинений агиографических.

Минейный Торжественник может содержать чтения на год, полугодие или на несколько месяцев.

Триодный Торжественник — сборник панегирических и дидактических гомилий, посвященных подвижным, т. е. определяемым по лунному календарю праздникам. Статьи триодного Торжественника расположены по порядку недель: с недели «мытаря и фарисея» до недели «всех святых», и включают чтения на праздничные (недельные) дни [4].

Минейные и триодные Торжественники существуют как отдельно, так и в соединении друг с другом. Для обозначения этого вида книги введен термин «Торжественник общий». Анализ структуры общих Торжественников позволил выделить два их композиционных принципа. 1. Торжественник строго делится на две части: минейную и триодную, причем минейные чтения могут предшествовать триодным или следовать за ними. 2. Триодные чтения включаются в состав минейного сборника и образуют в нем самостоятельное смысловое ядро.

В статье рассматриваются как собственно минейные Торжественники, так и минейные части общих Торжествеников.

Работа построена на основе изучения рукописных сборников, хранящихся в библиотеках и архивах Москвы, Ленинграда, Киева, Новосибирска, Ярославля.

---

[4] О триодном Торжественнике подробнее см.: **Черторицкая Т. В.** Древнерусский литературный сборник..., с. 23—26.

* * *

В научной литературе существует точка зрения, пока не подтвержденная конкретными фактами, что прототипом русских минейных Торжественников является византийский сборник βιβλιου πανηγυρικου, который проникает в славянские страны в первые века после принятия ими христианства [5].

Решить данный вопрос представляется возможным лишь путем изучения состава ранних славяно-русских Торжественников, разыскания греческих рукописей подобного состава и последующего сравнительного анализа славяно-русских и византийских сборников.

В собраниях греческих рукописей, хранящихся в СССР, по описаниям обнаружено три сборника, анализ состава которых не только подтвердил мнение о византийском происхождении славяно-русских минейных Торжественников, но и позволил выдвинуть новую гипотезу, а именно, что славянским книжникам были известны две редакции византийских Панегириков и что эти две редакции являются прототипами древнерусских минейных Торжественников. Следует отметить, что в основе предположения лежит прежде всего анализ литературного материала древнерусской письменности XV века.

Высказанная точка зрения, однако, пока может оставаться только гипотезой, так как выделение и научное обоснование редакций византийских Панегириков, несомненно, должны стать предметом самостоятельного исследования.

I византийская редакция минейного Торжественника, вероятно, была составлена на основе так называемого «сводного византийского календаря VIII века» [6], в котором отмечено девять двунадесятых праздников, шесть больших праздников и 12 дней памяти святых.

В несколько сокращенном виде сводный византийский календарь представлен в минейной части сборника IX в., названного архимандритом Владимиром Торжественником. Описание этого сборника включено в систематическое описание греческих рукописей Московской Синодальной библиотеки под № 215 [7].

Сравним календарные схемы указанных памятников [8]:

Греческий Торжественник № 215, который мы отнесли к I византийской редакции, составили, судя по жанровому определению статей, данному в названиях, ораторские сочинения и весьма

---

[5] **Описание** рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии, ч. I. Казань, 1881, с. 694; **Орлов А. С.** Сборники Златоуст и Торжественник.— ПДПИ, Спб., 1905, вып. 158, с. 10.

[6] **Петров Н.** О происхождении и составе славяно-русского печатного Пролога. Киев, 1875, с. 59—65.

[7] **Владимир,** архимандрит. Систематическое описание рукописей Московской Синодальной (патриаршей) библиотеки. Ч. I. Рукописи греческие. М., 1894, с. 262—267.

[8] Праздничные даты перечислены в хронологическом порядке источников: с 8 сентября по 6 августа.

Торжественник № 215	Общие даты	Сводный византийский календарь
	Рождество богородицы	
	Воздвижение креста	
	Мучение Димитрия	
Зачатие Иоанна Предтечи	Собор бесплотных сил	Память Козьмы и Дамиана
	Введение во храм	
		Память апостола Андрея
		Память Варвары
	Память Николы Мирликийского	
	Предпразднество рождества Христова	
	Рождество	
	Память Стефана Первомученика	
О Ироде и избиении младенцев		
	Обрезание	
	Память Василия Великого	
	Предпразднество богоявления	
	Богоявление	
	Сретение	
	Память 40 мучеников	
	Благовещение	Память Петра Александрийского
	Память Георгия	
	Рождество Иоанна Предтечи	
	Память Петра и Павла	Память Иоанна Богослова
	Преображение	
	Успение	Усекновение главы Иоанна Предтечи

немногочисленные жития святых. Эта редакция имеет по преимуществу гомилетический характер.

II византийская редакция, очевидно, была составлена несколько позже и ориентировалась на месяцеслов при Евангелии 835 года[9], в котором отмечено меньшее число праздников (нет Воздвижения креста, Введения во храм, Собора бесплотных сил), но добавлено больше дней памяти святых: Иоакима и Анны, Феклы, Иоанна Богослова, Григория Арменского, Дионисия Ареопагита, апостолов Матфея, Луки, Иоанна, Филиппа.

В списках греческих Торжественников XI—XII и XIII вв.[10], условно отнесенных нами ко II византийской редакции, сочинения агиографических жанров преобладают над гомилиями. Эта редакция имеет ярко выраженный агиографический характер.

Такова, вероятно, предыстория древнерусских минейных Торжественников, как она представляется на основе анализа состава трех греческих и многочисленных славяно-русских сборников. Византийский литературный пласт лежит в основе всех исследованных древнерусских Торжественников.

* *

Минейный Торжественник появляется на Руси очень рано. Древнейшим списком его принято считать рукопись XII в., известную под названием «Златоструя, заключающего в себе отрывки из Торжественника» (ГПБ-46). Сборник, как это видно из определения, делится на две части[11]: Златоструй — собрание некалендарных поучительных чтений на разные темы и Торжественник.

Торжественник начинается с середины слова о «богатом и Лазаре», ниже, под 6 декабря, помещаются «слово похвальное» и 8 чудес Николы Мирликийского, далее последовательно, по порядку месяцеслова с декабря до 25 марта включительно идут слова торжественные и жития святых (всего 11 сочинений). Четыре гомилии триодного цикла примыкают к словам на «благовещение». Затем писец снова обращается к минейным произведениям: на июнь, июль, август.

Даже несмотря на значительную неполноту минейных чтений в сборнике, можно утверждать, что тип древнерусского минейного Торжественника определился уже в древнейший период.

Торжественник XII в. восходит к I редакции византийского минейного Торжественника и, несомненно, является переводным

---

[9] **Петров Н.** О происхождении и составе..., с. 65—66.

[10] **Амфилохий**, архимандрит. Палеографическое описание греческих рукописей уставного письма и скорописного, со снимками, т. 2. М., 1883, с. 216—219; т. 3, с. 110—112. Оба греческих Торжественника дефектны: первый доведен до июня, второй — до марта.

[11] Рукопись дефектна, ее листы были перепутаны при переплете, поэтому деление на две части условно: календарные чтения Торжественника и некалендарные — Златоструя перемежаются.

сборником. Мы перечислим те произведения, которые составили данный памятник, во-первых, для того чтобы показать действительную связь между списками византийского и древнерусского сборников (общие сочинения этих Торжественников отметим звездочкой), во-вторых, чтобы доказать в дальнейшем преемственность древнерусскими Торжественниками XV—XVI вв. структуры и содержания старейшего переводного списка данного типа сборника. Итак, содержание Торжественника XII в. составили:

Житие Николы Мирликийского с чудесами, нач.: «Добро есть нам божие писание...» [12] (6 декабря);

Мучение трех отроков Анании, Азарии, Мисаила и пророка Даниила, нач.: «Хощу ныне повесть благу повествовати...» (17 декабря); Слово на рождество Христово, нач.: «Праведное взыде днесь солнце...» * (25 декабря);

Память Стефана Первомученика, нач.: «Памяти добрыя предълежаща возлюблении...» * (27 декабря);

Слово о Ироде и младенцах, избиенных им, нач.: «Хотел бых в ину духовнаа словеса...» * (29 декабря);

Чудеса Василия Великого * (1 января) [13];

Иоанн Златоуст. Слово о богоявлении, нач.: «Источник евангельских учений отверсты имать потокы...» * (6 января);

Память Феодора Тирона, нач.: «Максимиан и Максимин цесаря посла по всему миру...» (17 февраля);

Память сорока мучеников, нач.: «В дни Ликиния царя...» * (9 марта);

Житие Алексея, человека божия. Без начала (17 марта);

Иоанн Златоуст. Слово на благовещение, нач.: «И царских тайн праздньство празднуем...» * (25 марта);

Далее следует четыре гомилии, приуроченные к триодному циклу;

Рождество Иоанна Предтечи, нач.: «Солнцу сему хотящу...» * (24 июня);

Поучение Петра и Павла, нач.: «По царствии же Клаудиове царствова Нерон...» * (29 июня);

Житие пророка Ильи, нач.: «Ныне светозарное солнце...» (20 июля);

Слово на преображение, без начала (6 августа);

Слово на успение, без начала (15 августа);

Отрывок из сказания о Борисе и Глебе, приписываемого Иакову, русскому писателю XI века (24 июля).

Таким образом, Торжественник XII в., по всей видимости, является очень кратким древнерусским списком I редакции византийского минейного Торжественника с немногочисленными оригинальными вставками. Мы не знаем, является ли эта краткость из-

---

[12] Эти сочинения Н. Никольский считает принадлежащими русскому писателю конца XI в. Ефрему, епископу Переяславскому. Библиогр. по этому вопросу см.: **Черторицкая Т. В.** Торжественник из собрания ИИФиФ..., с. 171—172.

[13] В греческом Торжественнике № 215 не указано, какие именно чудеса.

начально присущей данному сборнику или она есть следствие чисто механических утрат.

Структура Торжественника XII в. повторяет структуру греческого сборника № 215, в котором слова на «воскрешение Лазаря» и на пасху тоже следуют после слов на благовещение. Этот композиционный принцип заимствован еще восемью русскими Торжественниками XIV—XVI вв. (Чуд.-20, ГАЯО-I, Лук.-85, Пог.-952, Гильф.-53, Тих.-189, КС-168).

Но древнерусский книжник не просто переводил, он соучаствовал в процессе создания нового литературного памятника, построенного по византийским канонам. Житие и чудеса Николы Мирликийского (предположительно сочинение Ефрема Переяславского), сказание о Борисе и Глебе — произведения древнерусских авторов, посвященные исключительно популярным в Киевской Руси святым и включенные в состав Торжественника,— свидетельствуют о раннем приспособлении этого сборника к особенностям древнерусского культа.

Торжественник XII в. стоит одиноко в древнерусской письменности раннего периода: от XII — середины XIV в. до нас не дошло больше ни одного сборника подобного состава. Татаро-монгольское нашествие прервало интенсивный процесс развития древнерусской литературы и уничтожило многие памятники письменности. Поэтому судить о содержании и форме древнейших минейных Торжественников мы можем только по единственному сохранившемуся списку.

* * *

Точка зрения А. С. Орлова, что византийский прототип древнерусского минейного Торжественника был переведен в Болгарии и оттуда пришел на Русь [14] безусловно, подтверждается результатами наших наблюдений над составом рукописей XV—XVI вв. Пребывание и литературная трансформация византийского сборника на болгарской почве может быть доказана следующим. 1. Тем, что во все варианты и разновидности русских минейных Торжественников включаются сочинения болгарских авторов: слово похвальное Климента Болгарского (Охридского) на собор Михаила и Гавриила (в 58 рукописях из 65, в которых это слово могло находиться), слово того же автора на успение богородицы (в 21 рукописи из 57), слово Иоанна, экзарха Болгарского на преображение (в 39 рукописях из 62). Кроме того, в один из списков (сербский Торжественник нач. XV в., Хлуд.-195) [15] вошла похвала Кириллу Философу, написанная Климентом Охридским. 2. В четырех древнерусских (ИИФиФ, ОСРК-895, ОСРК-900, Мих.-487) и одной

---

[14] **Орлов А. С.** Сборники Златоуст и Торжественник..., с. 12.

[15] В описании эта рукопись ошибочно датирована XIV в. См.: **Попов А.** Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872, с. 66.

сербской рукописях представлен болгарский извод со следами древнерусского и сербского правописаний. Это свидетельствует о том, что писцы пользовались болгарским оригиналом. 3. По мнению современных болгарских ученых, значительная часть гомилетических сочинений, посвященных праздникам солнечного круга и читающихся в составе многих древнерусских Торжественников, тоже принадлежит Клименту Охридскому [16].

Таким образом, Болгария действительно явилась тем передаточным звеном, через которое на Русь попадают два византийских прототипа минейных Торжественников. Вероятно, это произошло в конце XIV в. в результате «второго южнославянского влияния».

* * *

Следующий этап развития древнерусских минейных Торжественников относится к концу XIV—XV в. Сравнительный анализ состава и содержания Торжественников данного периода показал разделение всех исследованных сборников на четыре четко обособленные группы и позволил выделить четыре редакции ранних минейных Торжественников.

I редакция древнерусского минейного Торжественника, наиболее популярная на Руси, представлена 13 сборниками XV в.: ИИФиФ, Сол.-369, ОСРК-900, ОСРК-895, Больш.-411, Ув.-329, Лук.-85, Ув.-337, Ув.-1772, ОЛДП-215, Бан-8, ОЛДП-446, Мел-116. Первые три сборника абсолютно идентичны по составу, писаны приблизительно в одно время — в середине XV в., несомненно, с одного оригинала, почерки рукописей тоже очень близки [17].

Устойчивый состав статей рукописей, принадлежащих к данной редакции, совпадает с составом минейных чтений первых трех сборников и описан в нашей статье [18]. Отличия от устойчивого состава статей остальных списков сводятся к следующему.

1. Увеличению количества гомилий, посвященных двунадесятым праздникам, в основном за счет сокращения общего числа сочинений, посвященных дням памяти святых (семи отроков в Ефесе, Георгия, Николы Мирликийского, Иоанна Златоуста, «убиенных отцов в Синае», Спиридона чудотворца, Иоанна Крестителя, сорока мучеников в Ефесе, Ильи пророка),— БАН-8, Ув.-337. В последней рукописи дополнительно введено слово на память Козьмы и Дамиана.

2. Сокращению и гомилетической и агиографической частей модели (ОЛДП-215, ОЛДП-446) и включению при этом других житий и гомилий (Симеона Столпника, Евстафия Плакиды, Ека-

---

[16] **Климент Охридски.** Събрани съчинения/Обработали: Б. Ст. Ангелов, К. М. Куев, Хр. Кодов, Кл. Иванова, т. 2. София, 1977, с. 193—470.

[17] Эти наблюдения, возможно, в дальнейшем позволят поставить вопрос о существовании скриптория XV в.

[18] **Черторицкая Т. В.** Торжественник из собрания ИИФиФ..., с. 168—184.

терины, Бориса и Глеба — Лук.-85, Слова о законе и благодати митрополита Илариона — Ув.-1772).

3. Расширению и той и другой жанровых групп описанной модели (жития посвящаются Симеону Столпнику, Савве пустыннику, Игнатию, Иулиании, Стефану первомученику — Больш.-411).

4. Полностью сохраняя устойчивый состав статей модели, сб. ОСРК-895 незначительно расширен гомилиями на двунадесятые и прочие праздники и помещает особый подбор слов на праздник воздвижения креста (10 соч.), а сб. Мел.-116 дополнительно включает несколько русских сочинений. Менее всего от устойчивого состава статей отклонился список Ув.-329, в который дополнительно включено два слова Иоанна Златоуста на усекновение главы Иоанна Предтечи.

Сравнительный анализ состава статей Торжественников данной редакции позволяет прийти к выводу, что все перечисленные сборники восходят к одному оригиналу, который в наиболее чистом виде представлен сб. Сол.-369 и минейными частями общих Торжественников ИИФиФ и ОСРК-900. Эти сборники, в свою очередь, восходят к I византийской редакции минейного Торжественника, перевод которого был дополнен в Болгарии сочинениями Климента Охридского и Иоанна, экзарха Болгарского.

Обращает на себя внимание, что все 13 списков Торжественников I редакции по составу очень незначительно отличаются от описанной модели данной редакции. При сокращениях или расширениях устойчивого состава статей в разных списках не нарушается жанровая структура, определившаяся еще в византийский период: сохраняется преобладание гомилий над житиями, ораторских панегириков, посвященных церковным праздникам, над словами на дни памяти святых.

В Торжественниках I редакции почти полностью отсутствуют русские сочинения, за исключением тех, которые стали достоянием южнославянских литератур еще в XI—XIII вв.: сочинения Ефрема Переяславского, сказание о Борисе и Глебе, слово о законе и благодати митрополита Илариона, слово на покров. При этом ни один сборник не помещает ни одного оригинального произведения современного или хотя бы близкого хронологически написанию самого Торжественника.

Рассмотрим жанровую структуру описанной модели Торжественника I редакции.

Условно все сочинения модели можно распределить по трем жанрово-тематическим группам. *К первой* отнесем торжественные слова на двунадесятые и некоторые другие праздники христианского календаря. В эту группу входят 33 гомилии, которые приурочены к следующим дням: начало индикта (1), рождество богородицы (2), воздвижение креста (3), введение во храм (1), рождество Христово (4), собор богородицы (1), богоявление (2), сретение (2), благовещение (2), преображение (4), успение (6), обретение нерукотворного образа (2). *Ко второй* группе принадлежат 19 похвальных «слов» на дни, в которые вспоминаются святые, апостолы,

«бесплотные силы», почитавшиеся в христианском культе: архангел Михаил (1), Иоанн Богослов (2), Георгий великомученик (1), Михаил и Гавриил (1), Николай Мирликийский, младенцы, убитые Иродом, Иоанн Златоуст, три иерарха, Иоанн Креститель, сорок мучеников Севастийских, апостолы Петр и Павел (2), рождество Иоанна Крестителя (2), усекновение главы Иоанна Крестителя, память Даниила пророка, Ильи пророка. *К третьей* группе относятся собственно жития, среди которых большая часть — жития-мартирии: «св. отрок, убиенных в Ефесе», мученика Димитрия, «убиенных отцов в Синае», сорока мучеников, великомученика Георгия, а также жития Иоанна Златоуста, Николы Мирликийского, Спиридона чудотворца.

Цифровое соотношение статей этих жанрово-тематических групп такое: 33:19:8.

В списках Торжественников I редакции, отклоняющихся от устойчивого состава статей, изменения прежде всего касаются группы агиографических сочинений; она либо сокращается (БАН-8, Ув.-337), либо внутри нее происходит замена одних житий другими (Ув.-1772, Лук-85, Больш.-411). Таким образом, данная группа литературных сочинений в составе Торжественника I редакции оказывается наименее стабильной.

Большая часть сочинений анализируемой модели принадлежит к памятникам торжественного красноречия. Для жанрового определения этих сочинений древнерусский книжник прибегал к термину, хорошо известному и в византийской культурной традиции — «слово» (λογos). Этот термин оказался необыкновенно емким: он указывал на функцию (слово — речь), форму и содержание, соединяя в себе нравственно-дидактическое и панегирико-поэтические задания.

Слова Торжественника построены по всем правилам риторического искусства: в них выдерживается трехчастная композиционная схема [19], налицо устойчивые стилистические формулы, свойственные произведениям торжественного красноречия [20], особый синтаксис и ритмика [21].

Все гомилии, за редкими исключениями, являются переводами образцов ранневизантийской эпидейктической прозы — сочинений Иоанна Златоуста, Епифания Кипрского, Григория Назианзина, Василия Великого и др.

Слова составляют не только первую группу сочинений Торжественника I редакции. Этим же термином можно определить жанр произведений второй группы, хотя между словами на религиозные праздники и словами, посвященными воспоминанию конкретных событий и лиц, есть некоторые отличия.

Двунадесятые и большие праздники — это, по мнению служителей культа, непосредственное воплощение догматов, в которые

---

[19] **Еремин И. П.** Лекции по древней русской литературе. Л., 1968, с. 71.

[20] **Еремин И. П.** Литература Древней Руси. М.—Л., 1966, с. 136—142.

[21] **Сазонова Л. И.** Принцип ритмической организации в произведениях торжественного красноречия старшей поры.— ТОДРЛ, 1974, т. 28, с. 30—46.

надо неукоснительно верить. Поэтому слова первой жанрово-тематической группы — это патетическая лирика, в которой авторы стремились не столько выразить свое отношение к празднику — оно было едино и незыблемо — сколько передать свои чувства, поэтический восторг и умиление при описывании событий христианской истории, вызвать в душах участников праздника соответствующий эмоциональный настрой.

Сочинения, которые мы выделили во вторую группу, не столь единодушно называются древнерусскими книжниками «словами»: «*Повесть* откровения... Архипа пустынножителя...», «*Слово похвально*... Иоанну Богослову», «*Похвала*... трием иерархом», «*Сказание* о нерукотворном образе». Эти сочинения в большинстве своем тоже составлялись с учетом требований канона эпидейктических произведений, но в них чаще встречаются нарушения композиционной схемы «слова», авторы отступают от канона и в том, что касается разных стилистических украшений. Увеличивается повествовательная часть произведения. Авторы считают своим долгом дать предысторию события, подробно рассказать об отдельных фактах, упомянуть святых и государственных деятелей, причастных к тому или иному событию, объяснить религиозно-нравственное значение совершаемого. Наблюдается иное, чем в торжественных гомилиях на двунадесятые праздники, отношение к изображаемому событию или лицу: авторы чувствуют себя не только певцами, апологетами, но и повествователями, и при этом не выходят за допустимые границы жанра.

Иногда повествовательная и панегирическая части одного сочинения образуют как бы два разных слова. Например, в небольшом по объему сказании о нерукотворном образе Иисуса Христа писатель, ссылаясь на предание («рече некто от первых отче церковникъ»), рассказывает о живописце, попытавшемся нарисовать лик Христа, и о случившемся чуде. Далее в Торжественнике помещено панегирическое слово, приписываемое Григорию Нисскому: «О обретении нерукотворенного и пречестнаго образа...».

Произведения торжественного красноречия не обязательно прямо воспевали «мир горний» и его служителей. Иногда эти восхваления могли быть «зашифрованы» в словах-инвективах, темами которых являются обличения злодеяний и злодеев, еретиков, хулителей веры и т. д. (Слово о Ироде и младенцах, Слово на усекновение главы Иоанна Крестителя). Такие сочинения часто строились на антитезах: жестокость, неумолимость Ирода — горе, плачь матерей и младенцев; мстительность, злоба Иродиады — чистота, покорность судьбе Иоанна. В словах-инвективах злое обличается на фоне хорошего, утверждается нравственный христианский идеал — идеал света, добра, справедливости. И торжество этого идеала тем сильнее и ярче должно запечатлеться в душах «правоверных», чем низменнее страсти «идолопоклонников».

Жанр инвективы в системе жанров исследуемого сборника имеет свои характерные особенности, а именно: обличение здесь не самоцель, и негодование — не превалирующее чувство, а скорее

способ восхваления по методу «от противного», того же нравственно-религиозного идеала, который стоит в центре гомилий-панегириков.

Интенсивное развитие жанров эпидейктического красноречия в творчестве ранневизантийских, а в дальнейшем славянских писателей не могло не отразиться и на житийной литературе. Не исключено, что именно в составе византийских минейных Торжественников получает широкое распространение вид жития-мартирия, который Т. В. Попова определяет как житие-энкомий. «Это риторический вид биографии,— пишет исследовательница,— автор которой непременно должен был произвести соответствующее эмоциальное воздействие на читателя, а отсюда, как следствие, однозначимость положительной или отрицательной оценки героя повествования. Если автор желал похвалить лицо, о котором писал, то биография превращалась, в сущности, в энкомий» [22].

Житиями-энкомиями в древнерусском Торжественнике I редакции являются сочинения третьей группы, причем пять житий из восьми — мартирии, прославляющие гонимых язычниками христиан. В слове Федора Трихетийского «О житии и скорбех Иоанна Златоустаго...» тоже делается акцент на невзгодах византийского проповедника и его борьбе с «неверными». Только два сочинения из восьми могут быть условно отнесены к жанру жития-биографии: «Сказание о чудеси Николы...» и «От жития отца нашего Спиридона чудотворца...» — это развернутые эпизоды из жизни святых, описанные в риторическо-возвышенном тоне.

Жития не нарушают стройной жанровой системы и жанрового единства Торжественника I редакции, они органически входят в этот тип сборника, расширяя круг тем и внося новые поучительные и занимательные мотивы.

Создание или перевод и распространение в многочисленных списках торжественных слов, житий-энкомий, обусловлено потребностью их практического применения. Уставы требуют прочтения отдельных назидательных сочинений на темы дня во время утренней службы после шестой песни канона [23]. И хотя в уставах нет свидетельства о том, что должны читаться именно статьи Торжественников, несомненно, что и эпидейктические сочинения наших сборников тоже ориентированы на произнесение вслух. В этом заключена одна из особенностей художественной специфики «высокого рода литература», в основе своей заимствованной у «вторых софистов» и восходящей к традициям античного эпидейктического красноречия. «Усвоено было все, кроме одного: у нас на Руси не получила распространения практика устного публичного выступле-

---

[22] **Попова Т. В.** Античная биография и византийская агиография.— В кн.: Античность и Византия. М., 1975, с. 222.

[23] **Ищенко Д. С.** Церковные и монастырские уставы.— В кн.: Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Свободного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976, вып. 2, ч. 2, с. 312—313.

ния. Красноречие Киевской Руси...— красноречие литературное (разрядка наша.— *Т. Ч.*) по преимуществу»[24].

«Литературное произведение рассчитано не на индивидуального читателя, хотя произведение не только читается вслух для многих слушателей, но и отдельными читателями,— пишет Д. С. Лихачев,—... средневековый читатель, читая произведение, как бы участвует в некоей церемонии, включает себя в эту церемонию, присутствует при известном «действии», своеобразном «богослужении»[25].

«Церемония чтения» подразумевала коллективность восприятия, что, в свою очередь, определяло подбор образных средств, которые использовались для достижения наибольшего эффекта слухового восприятия, нравственно-эмоционального воздействия. Возникает определенный канон этого рода литературного творчества, который очень близок канону средневекового изобразительного искусства: «... Мастера пришли к созданию самобытного художественного мира, не адекватного, как любая художественная реальность, но и практически не подобного ни миру эмпирического «бытования», ни сфере «сверхбытия»[26]. Сложность поэтических образов, риторичность, «витийство» стиля и языка — все это «неподобное подобие» включает в себя требования канона «высокой литературы»[27].

Минейный Торжественник I редакции ориентирован именно на ранневизантийские образцы эпидейктического красноречия и является своеобразным эталоном «высокого рода» литературы, предназначавшейся для людей, «преизлиха насытившихся сладости книжныя».

Как в первые века христианства, византийские риторы, используя традиции античности, обращаются к созданию произведений, способных привлечь сердца к новому вероучению, оттолкнуть от язычества, показать «истинные» и «ложные» ценности, утвердить «красивое» и «безóбразное», так в Болгарии и в древней Руси X—XII вв. через головы замечательных византийских писателей-современников переводчики, книжники обращаются к ранневизантийским произведениям торжественного красноречия. И дело не в том, что «современная византийская литература... была мало доступна даже для человека, искушенного в «книжном почитании»,... что знакомство с нею требовало осведомленности, которой еще не доставало»[28] (напротив, она была зачастую более проста и понятна), дело в идейной направленности ранневизантийских сочинений и в системе эстетических и нравственных воззрений, которые меняются с повзрослением христианского общества. Система эстетических ценностей тесно связана с уровнем развития общества. Для

---

[24] **Еремин И. П.** Лекции по древней русской литературе, с. 76.

[25] **Лихачев Д. С.** Поэтика древнерусской литературы. Л., 1971, с. 111.

[26] **Бычков В. В.** Византийская эстетика. М., 1977, с. 144.

[27] **Аверинцев С. С.** Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977, с. 175—182.

[28] **Еремин И. П.** Литература Древней Руси, с. 12.

2 Заказ 3146

«новопросвещенных» славянских государств IX—XII вв. было живо, важно, красиво именно то, чем жили византийцы в III—IV вв.

Конец XIV—XV в. в древнерусской литературе знаменателен тем, что в этот период происходит возрождение культурной традиции Киевской Руси, обусловленное объективными процессами исторического развития древнерусского общества, а следовательно, наблюдается возвращение к эстетическим идеалам раннего христианства и впоследствии их переоценка. Один из литературных памятников данной эпохи — минейный Торжественник I редакции — доносит до нас сумму идейно-нравственных, литературно-эстетических воззрений средневекового христианского общества на ранних этапах его развития.

* * *

Ко *II редакции* минейного Торжественника XV в. мы отнесли шесть сборников: Хлуд.-195, Ув.-1045, Рум.-435, ГАЯО-I, Тих.-185, Обол.-151. Эта редакция восходит ко II византийской и характеризуется большей открытостью структуры, подвижностью и широтой состава.

Устойчивый состав статей указанных списков представлен следующей моделью[29]: *Сентябрь:* Иоанн Златоуст. Слово началу индикта, нач.: «Чудна православных торжества...»+; Память Симеона Столпника, нач.: «Странна и дивна...»+; Архип, пустынножитель. Чудо архангела Михаила, нач.: «Начало исцеления...»; Иаков. Слово на рождество богородицы (апокриф); Козьма Вестиктор. Собор Иоакима и Анны, нач.: «Вчера богородичнаго...»+; Андрей (Критский). Воздвижение креста, нач.: «Кресту праздьньство творим...»+; Мучение Никиты, нач.: «В оно время бысть муж...»; Мучение Евстафия Плакиды+; Мучение Феклы+; Житие Ефросинии Александрийской; Память Иоанна Богослова, нач.: «Паки нам с небес..»; *Октябрь:* Слово на покров, нач.: «Страшное и дивное...»; Мучение апостола Анании, нач.: «Сей святый апостол Анания...»+; Деяние Киприана и Устины, нач.: «Явлению господа...»+; Деяние апостола Фомы, нач.: «В то время беша в Иерусалиме...»+; Память Пелагеи блудницы+; Память апостола Луки+; Память апостола Иакова+; Мучение Димитрия, нач.: «При Максимиане...»+; Страсть Парасковии; *Ноябрь:* Память Козьмы и Дамиана+; Климент (Охридский). Похвала Михаилу и Гавриилу; Память Иоанна Златоуста, нач.: «Сей убо блаженыи...»; Память апостола Матфея+; Герман Константинопольский. Введение во храм, нач.: «Се паки иное торжество...»+; Мучение Екатерины; Прокл Константино-

[29] Сочинения, которые встретились в проанализированных греческих рукописях, отмечены знаком +. Начальные слова приводятся только у сочинений, посвященных одним и тем же календарным датам, но принадлежащих разным авторам.

польский. Похвала апостолу Андрею, нач.: «Крепкая апостольского ловления...»; *Декабрь:* Страдания Варвары +; Похвала Николе Мирликийскому; Память трех отроков, нач.: «Се блаженни Даниил...»; Мучение Ульянии; Митрополит Киприан. Житие Петра митрополита; Рождество Христово: два слова, принадлежащие Иоанну Златоусту, нач.: «Ныне моего естества...», «Господу праведному солнцу...» +; Мучение Стефана первомученика, нач.: «Памяти хощетя добры возлюблении...» +; *Январь:* Память Василия Великого +; Крещение, нач.: «Днесь спасение миру...»; Иоанн Златоуст. Собор Крестителя, нач.: «Источник евангельских учений...» +; Житие Иоанна Кущника +; Собор трех иерархов, нач.: «В днех царства...»; *Февраль:* Кирилл Иерусалимский. Сретение, нач.: «Радуйся зело дщи Сионова...» +; Обретение главы Иоанна Предтечи, два слова с нач.: «Явись требогатыи...»; «Праведныи, аще постигнет...»; *Март:* Мучение сорока мучеников в Севастии, нач.: «Во времена Ликиния царя...»; Житие Алексея, человека божия, нач.: «Бе человек благоверен...»; Иоанн Дамаскин. Слово на благовещение, нач.: «Нынешнему честному...» +; Иоанн Златоуст. Слово на благовещение, нач.: «Царских тайн празднъство...»; *Апрель:* Память Георгия великомученика, нач.: «Диоклитиан, римский самодержец...» +; Мучение апостола Марка +; *Май:* Перенесение мощей Николы Мирликийского, нач.: «Присно убо должны...»; Память Константина и Елены, нач.: «В лето седьмое...» +; *Июнь:* Рождество Иоанна Предтечи, нач.: «Солнцу сему хотящу изыти...»; Деяния апостола Петра, нач.: «По Клавдии же царствова...» +; *Июль:* Мучение Кирика и Улиты +; Похвала жития Ильи пророка, нач.: «Ныне светозарное солнце...»; Сказание и страсть Бориса и Глеба, нач.: «Род праведных благословится...»; *Август:* Анастасий Синаит. Слово на преображение, нач.: «Яко страшно место сие...»; Иоанн Дамаскин. Слово на успение, нач.: «Память праведных с похвалами...» +; Иоанн, экзарх Болгарский. Слово на успение; О нерукотворном образе, нач.: «Подобает о том мало побеседовати...»; Усекновение главы Иоанна Предтечи, нач.: «Родившу Иисусу в Вифлееме...».

Отступления от описанной модели Торжественника II редакции состава анализируемых списков могут быть довольно значительны. Точно с данной моделью не совпадает ни один сборник. Все списки, кроме Тих.-185, Ув.-1045, являются расширенными вариантами модели, причем во всех случаях это расширение идет за счет увеличения количества житий и слов, посвященных дням памяти святых. Календарная схема праздников и подбор гомилий, посвященных им, остаются в основном неизменными.

В Торжественники иногда включаются и некалендарные нравоучительные чтения: Поучение Феодосия (Печерского) о казнях божиих и поучение «како подобает жити христианом» (Рум.-435), слова от патериков (ГАЯО-1).

Именно в состав Торжественников II редакции начинают проникать ориначальные русские сочинения, многие из которых близки по времени их создания написанию самих сборников: слово Григория Цамблака, посвященное Дмитрию Солунскому (Ув.-1045),

житие Михаила Черниговского (Ув.-1045), житие Сергия Радонежского, написанное Епифанием Премудрым (ГАЯО-1), слово на покров Пахомия Логофета (Рум.-435, ГАЯО-1), житие Петра митрополита, написанное Киприаном (Ув.-1045, ГАЯО-1), житие Алексея митрополита (ГАЯО-1), житие Дмитрия Прилуцкого (Обол.-151), «Митрополита Феодосия всея Руси о бывшем чудеси, сказанье у гроба иже во святых Алексея митрополита Киевского» (Обол.-151), слово на перенесение мощей Бориса и Глеба (Ув.-1045, Тих.-185), «Сказание о Борисе и Глебе» (Ув.-1045, Рум.-435, ГАЯО-1, Тих.-185), житие Леонтия Ростовского (Ув.-1045), житие Владимира Святославича (Рум.-435, ГАЯО-1, Тих.-185).

Общих слов в Торжественниках I и II редакций сравнительно немного, но в их число входят перечисленные выше сочинения болгарских авторов и древнейшие русские гомилии и жития. Таким образом, можно утверждать, что общеславянский литературный фонд представлен одинаково в обеих редакциях минейного Торжественника XV в.

Для каждой редакции характерен свой подбор сочинений на многие христианские праздники. Так, например, в списках I редакции на праздник воздвижения креста помещаются обычно следующие слова: Иоанна Златоуста с нач.: «И что реку, или что возглаголю...», Василия Селевкийского с нач.: «Всяко убо иже от горшаго на лучшее...», Пандолея презвитера с нач.: «Паки воздвижется крест...», а в списках II редакции этому же празднику посвящается слово Андрея Критского с нач.: «Кресту праздньство творим...». Это может служить доказательством независимости друг от друга двух византийских редакций Торжественника. Древнерусские сборники, несомненно, ориентировались на переводные образцы.

Жанровая структура модели II редакции, как это нетрудно заметить по устойчивому составу статей, существенно отличается от жанровой структуры моделей I редакции. Здесь уже иное цифровое соотношение между сочинениями трех условно выделенных жанрово-тематических групп: 15:18:30.

Для слов двух первых жанрово-тематических групп в основном справедлива та характеристика, которая давалась для сочинений параллельных групп Торжественника I редакции, поэтому в данном случае мы остановимся только на анализе житий.

В Торжественниках II редакции сохраняются жития-энкомии, известные по спискам Торжественника I редакции. По типу энкомий составлено и русское сочинение — Похвальное слово, произнесенное митрополитом Феодосием над гробом Алексея митрополита (Обол.-151).

Остальные жития построены по-другому: в них ясно ощущается стремление авторов отойти от ранневизантийского «витийства» и риторической направленности житий-энкомий. Несмотря на то, что в центре внимания агиографа по-прежнему продолжает оставаться один герой, тематика житий значительно расширяется. В зависимости от иерархического положения святого оформляются разные типы житий: мученические, исповеднические, святительские,

преподобнические, столпнические, Христа ради юродивых[30]. В жития проникают бытовые мотивы, фольклорно-фантастические образы, религиозно-нравственные рассуждения. Манера изложения становится более спокойной, повествовательно-последовательной. Страстям и резко-эмоциональным проявлениям чувств отводится свое место в житиях — в речах святых и их мучителей, авторских панегириках-отступлениях — своеобразных мини-энкомиях. Во всем этом,— пишет Т. В. Попова,— «проявилось желание создать новый оригинальный канон византийской житийной литературы»[31].

Итак, в древнерусской письменности конца XIV—XV в. параллельно существуют и распространяются списки обоих византийско-болгарских Торжественников, пополненные оригинальными сочинениями. Списки этих редакций существенно разнятся между собой по содержанию, языку, стилю и, следовательно, по целевой направленности, функциональной значимости.

Попытаемся теоретически объяснить этот факт. Д. С. Лихачев пишет, имея в виду византийскую литературу: «Рядом с «книжной» литературой с конца XI в. начинает формироваться литература демократическая на народном... разговорном языке»[32]. Это положение справедливо и для русской литературы.

Важнейшее методологическое высказывание В. И. Ленина: «Есть две нации в каждой современной нации... Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре»[33] помогает понять некоторые особенности древнерусской литературы на ранних этапах ее развития.

Причины разграничения двух жанровых систем древнерусской письменности: церковной (духовной) и мирской (светской) кроются, очевидно, не только в бинарности средневекового мировоззрения, но и в сознательной ориентировке литературных произведений на определенный круг читателей и слушателей.

Торжественная и дидактическая проповедь, «агиография ученая, продолжающая линию литературной агиографии VI—VII вв.,... и агиография народная...»[34] — это два разных направления в развитии средневековой литературы, зачастую лежащие в одной хронологической плоскости.

Гомилии и жития-энкомии минейного Торжественника I редакции соответствовали представлению средневековой эстетики о единственно возможной форме собственно литературных, художественных произведений, способных передать «неподобное подобие» «горнего мира». Они отражали общий подъем в культурной и общественно-политической жизни, служили проводниками государственных идей. Это был канон высокого рода литературы,

[30] Анализ типов житий является предметом самостоятельного исследования. См.: **Черторицкая Т. В.** Агиография русских минейных Торжественников кон. XIV—XV вв.— В кн.: Вопросы сюжета и композиции. Горький, 1980, с. 5—18.

[31] **Попова Т. В.** Античная биография..., с. 225.

[32] **Лихачев Д. С.** Развитие русской литературы X—XVII веков, Л., 1973, с. 25.

[33] **Ленин В. И.** Полн. собр. соч., т. 24, с. 129.

[34] **Попова Т. В.** Античная биография..., с. 236.

литературы церкви как государственного аппарата, литературы господствующего класса.

Минейный Торжественник II редакции распространяется, вероятно, в более демократической, но не менее ортодоксально настроенной среде — в монастырях, слоях рядового духовенства.

В этой редакции, как и в I, полно представлены в гомилиях двунадесятые и большие церковные праздники, но главный интерес книжников проявлен к агиографии. Жития византийских и древнерусских святых составляют основной литературно-беллетристический пласт минейного Торжественника II редакции и сближают этот тип книги с Минеями-Четьими.

* *

III редакция древнерусского минейного Торжественника конца XIV—XV в.— смешанная, составленная путем тенденциозного, целенаправленного подбора и выбора сочинений, включенных в первые две редакции.

К III редакции относятся списки: Чуд.-20, Гильф.-53, Ув.-330, Ув.-1781, Ув.-328, Унд.-560, МГУ-4.

Торжественные слова и поучения, посвященные двунадесятым и большим праздникам, обычно берутся из I редакции, а жития — из II. Писцы, соблюдая общую календарную схему Торжественника, относительно свободны в выборе праздничных дней и святых, которых они хотят прославить. Поэтому различия между списками данной редакции иногда очень значительны. При анализе Торжественника III редакции были выделены следующие особенности в композиции и составе отдельных списков:

1. В сборниках могут отсутствовать слова на такие праздники, как Рождество Христово, Благовещение (Ув.-328), Успение (Гильф-53), но гораздо больше, чем обычно, дается сочинений на другие праздники и дни памяти святых.

2. Чаще, чем в Торжественниках I и II редакций, встречаются апокрифы о рождестве богородицы, рождестве Христа, о пришествии Марфы, сестры Лазаря и др. (Ув.-328, МГУ-4, Чуд.-20, Унд-560), а также жития малопопулярных в древнерусском православном культе святых: Уара, Семиона и Саввы и др. (Ув.-328, Унд.-560).

3. Нарушается традиционное расположение статей Торжественника. В основу группировки сочинений, кроме календарного, могут быть положены и несколько иные принципы. Например, Чуд.-20 на л. 2—109 содержит в порядке следования месяцеслова (с сентября по август) слова, поучения и похвалы на дни памяти святых. Далее на л. 109 об.—160 также в порядке следования месяцеслова расположены 12 статей, из которых 9 — торжественные гомилий на господские и богородичные праздники, и только три — иного содержания. В Ув.-1781 в отдельную группу выделены русские сочинения: жития Никиты Переяславского, Петра, Алексея митрополитов, Сергия Радонежского.

4. Древнерусская агиография и древнерусские дополнения, переработки и замены традиционного византийско-болгарского ядра широко распространены в минейных Торжественниках III редакции: житие Николы Мирликийского в Ув.-330, Ув.-1781, Унд.-560, Ув.-328, МГУ-4 расширено чудесами, среди которых два (чудо о половчине и чудо о детище, утопшем и обретенном в Киеве) непосредственно связаны с русской землей; вместо византийского жития апостола Андрея в Ув.-330, Ув.-1781 помещено сказание «О крещении Руси апостолом Андреем»; упрочившийся культ князей-мучеников Бориса и Глеба потребовал введения еще одного дня их памяти (24 июня) и соответственно создания новых литературных произведений на эту тему; слова Григория Цамблака в Унд.-560, МГУ-4, Чуд.-20 заменяют известные гомилии византийских авторов, посвященные пророкам Даниилу, Илье, воспоминанию об усекновении главы Иоанна Предтечи.

5. Некалендарные нравоучительные сочинения проникают в состав смешанной редакции Торжественника и образуют в ней иногда самостоятельную дидактическую группу. Например, в Чуд.-20 особый подбор чтений о монашеской жизни.

6. Жанровый состав Торжественника III редакции дополнен еще одним литературным видом письменности средневековья — жанром экзегезы, заимствованным древнерусскими книжниками, возможно, не непосредственно из византийской литературы, а созданным по аналогии или под влиянием «Благовестника» Феофилакта Болгарского или «Толкового Евангелия» Константина Болгарского. «Поучения от евангелия» пока еще очень немногочисленны среди минейных гомилий и житий (Унд.-560, Ув.-1781).

Соотношение между гомилиями и житиями в большинстве списков рассматриваемой редакции приблизительно такое же, как в Торжественнике II редакции, т. е. сборники имеют ярко выраженный агиографический характер. Занимательность, беллетристичность находят себе место как в переводных, так и в оригинальных сочинениях. В этой связи в обобщающем плане интересно мнение И. Голенищева-Кутузова, исследовавшего поэтический стиль произведений Григория Цамблака: «Новаторский характер агиографических произведений Цамблака заключается в том, что, сохраняя в главных чертах житийную композицию, он значительно усиливает беллетристический элемент и эмоциональную наполненность повествования... Традиционная форма мартирия раздвигает свои рамки, наполняясь новым, почерпнутым из реальной действительности содержанием, вмещая в себя еще больше проявлений авторской личности и постепенно приближаясь к повести» [35].

Торжественники II и III редакций сближаются и в отношении особого подбора сочинений древнерусской агиографии: в списках обеих редакций читаются жития, посвященные первым русским князьям-мученикам за веру, князю-крестителю Древней Руси, а

---

[35] **Голенищев-Кутузов И.** Славянские литературы. Статьи и исследования. М., 1973, с. 33.

также жития, посвященные церковным деятелям, много сделавшим для объединения северо-восточных земель под властью московского князя. В тенденциозном подборе святых, прославляемых статьями Торжественников, ясно и последовательно проведена идея преемственности могущества и славы Киевского государства молодым московским княжеством.

Действительность русской жизни XV в., новые потребности читающего общества вторгаются в литературный процесс и обусловливают появление и изменения едва успевшего распространиться на русской почве византийско-болгарского сборника.

* * *

IV редакцию мы назвали праздничной гомилетической редакцией Торжественника XV в. Выделение этой редакции справедливо исключительно для общих Торжественников.

Два сборника (Пог.-873 и Обол.-124) дают представление о полном и кратком вариантах IV редакции. Эти Торжественники состоят только из эпидейктических гомилий, посвященных всем двунадесятым праздникам, пасхе и некоторым дням памяти святых. В Пог.-873 39 гомилий приурочены к двунадесятым и большим праздникам и в трех сочинениях прославляется деятельность одного из святых — первомученика Стефана. В Обол.-124 всего 14 произведений, но в них достаточно полно представлен весь великопраздничный культовый цикл.

Сочинения Торжественника IV редакции принадлежат византийским авторам, причем в Обол.-124 все торжественные гомилии те же, которые встречаются в общем Торжественнике ИИФиФ[36]. В распространенном варианте IV редакции (Пог.-873) основная масса произведений тоже заимствуется из Торжественника I редакции; дополнительные гомилии праздничного двунадесятого и пасхального циклов надписываются именами Феофилакта Болгарского, Мефодия Патарского, Григория Нисского, Иоанна Златоуста.

На первый взгляд может сложиться впечатление, что Торжественник IV редакции является лишь разновидностью Торжественника I редакции, в которой сокращению подвергалась агиографическая часть. Вероятно, они действительно генетически связаны между собой, но тем не менее разница в идейно-художественном задании, которое несут сборники обеих редакций, очевидна. Составители I редакции, как было показано выше, ориентировались на готовый византийско-болгарский литературный памятник, в котором гомилетические и агиографические сочинения последовательно знакомят читателей с событиями христианской истории. Торжественник IV редакции мог быть составлен непосредственно в славянских странах для потребностей праздничного богослужения. Состав Пог.-873 отражает компилятивный характер работы писцов.

---

[36] **Черторицкая Т. В.** Торжественник из собрания ИИФиФ..., с. 168—197.

* * *

Таким образом, анализ древнерусских минейных Торжественников конца XIV—XV в. свидетельствует, во-первых, о том, что списки Торжественников еще тесно связаны со своими византийско-болгарскими оригиналами, древнерусские книжники часто просто копируют их; во-вторых, что уже в древнейший период Торжественник начинает пополняться русскими статьями, которые иногда вытесняют переводные произведения, как, например, произошло с житием митрополита Петра — в древнерусских Торжественниках оно помещается вместо жития Петра Александрийского.

«Русская литература возникает, формируется и развивается как неотъемлемая часть государственного дела и строительства»,— пишет Е. Н. Купреянова [37]. История минейного Торжественника в XIV—XV вв., как и история любого другого литературного памятника, неразрывно связана с историей страны, с историей народа.

Общение русских с греками и южными славянами, вторжение турок на Балканский полуостров, в результате которого в поисках более благоприятных условий для работы на Русь переезжают многие славянские книжники и живописцы,— все это повлекло за собой начало так называемого второго южнославянского влияния, охватившего различные стороны культурной жизни Древней Руси. «Южнославянские рукописи и переводы наполняют русские монастырские библиотеки и распространяют мысли и настроения византийского Предвозрождения» [38]. Второе южнославянское влияние, вероятно, принесло с собой и византийско-болгарский минейный Торжественник.

«Литература не только откликается на потребности действительности, когда воспринимает те или иные иноземные влияния,— пишет Д. С. Лихачев,— но обладает еще и собственными большими или меньшими способностями воспринимать эти влияния... Русская литература конца XIV — начала XV вв. отмечена именно такой восприимчивостью к явлениям предвозрожденческого характера» [39]. Исторические причины этой восприимчивости достаточно хорошо известны [40].

Жанры и сюжеты византийской, южнославянской, киевской литератур, стиль «плетения словес» используется в ярко тенденциозных памятниках XIV—XV вв. для художественного выражения главной темы этого времени — темы строительства русского централизованного государства. Содержание минейного Торжественника XIV—XV вв. во многом передает тот эмоционально-психологический настрой, который характеризует литературу «второго южнославянского влияния».

---

[37] **Купреянова Е. Н.** Литература Древней Руси.— В кн.: Купреянова Е. Н., Макогоненко Г. П. Национальное своеобразие русской литературы. Л., 1976, с. 9.

[38] **Лихачев Д. С.** Развитие русской литературы..., с. 82.

[39] Там же, с. 79.

[40] Библиография в кн.: **Грихин В. А.** Проблемы стиля древнерусской агиографии XIV—XV вв. М., 1974, с. 15—16, 21.

Социальное расслоение феодального общества, расширение читательской базы в ее разных кругах, разница в идейной и целевой функции литературных произведений и привели, на наш взгляд, к возникновению нескольких редакций древнерусского минейного Торжественника. Дальнейшее развитие этих редакций определялось максимальным удовлетворением интересов той социальной группы, на которую они ориентировались.

Выделенные редакции отражают процесс формирования собственно русского минейного Торжественника, процесс, который завершится в XVI в.

ИСТОЧНИКИ

Минейные Торжественники

1. ГПБ-46. В составе Златоструя, XII в., ГПБ, F.1, п. 46.
2. Хлуд-195, нач. XV в., ГИМ, собр. Хлудова, № 195.
3. БАН-8, первая треть XV в., БАН, собр. Рижской Гребенщиковской общины, № 11.
4. Ув.-337, 1438 г., ГИМ, собр. Уварова, № 63-1°.
5. Унд.-560, втор. пол. XV в., ГБЛ, собр. Ундольского, № 560.
6. ОЛДП-446, втор. пол. XV в., ГПБ, собр. ОЛДП, F, № 446; в рукописи также Синаксарь.
7. Больш.-411, втор. пол. XV в., ГБЛ, собр. Большакова, № 411; в рукописи также Толковый Апостол.
8. Сол.-369, посл. треть XV в., ГПБ, собр. Соловецкого монастыря. № 1448/83.
9. Ув.-328, посл. треть XV в., ГИМ, собр. Уварова, № 71-1°.
10. Обол.-151, кон. XV в., ЦГАДА, собр. Оболенского, № 151.
11. Рум.-435, кон. XV в., ГБЛ, Румянцевское собр., № 435; в рукописи также Поучения из евангелия.
12. Мел.-116, кон. XV—нач. XVI в., ЦБАН УССР, собр. Мелецкого мон., № 116.
13. Гильф.-56, 1509 г., ГПБ, собр. Гильфердинга, № 56.
14. МГУ-4, кон. XV—нач. XVI в. и кон. XVI—нач. XVII в., НБ МГУ, Верещагинское собрание, № 7.
15. Мих.-487, середина XVI в., ЦБАН УССР, собр. Киевского Златоверхо-Михайловского мон., № 487/1645.

Торжественники общие

16. Пог.-873, кон. XIV в., ГПБ, собр. Погодина, № 873.
17. Чуд.-20, кон. XIV в., ГИМ, собр. Чудова мон., № 20.
18. ОЛДП-215, нач. XV в., ГПБ, собр. ОЛДП, F, № 215.
19. Обол.-124, перв. пол. XV в., ЦГАДА, собр. Оболенского, № 124.
20. ИИФиФ, сер. XV в., ИИФиФ, № 53/71.
21. Лук.-85, втор. пол. XV в., ГБЛ, собр. Лукашевича, Маркевича, № 85/1071.

22. Ув.-1045, втор. пол. XV в., ГИМ, собр. Уварова, № 613-1°.
23. Ув.-1772, втор. пол. XV в., ГИМ, собр. Уварова, № 509-4°.
24. ОСРК-895, посл. треть XV в., ГПБ, F. I, № 895.
25. ОСРК-900, посл. треть XV в., ГПБ, F. I, № 900; в рукописи также Синаксарь.
26. Ув.-1781, посл. треть XVI в., ГИМ, собр. Уварова, № 348-1°.
27. БАН-4, кон. XV в., БАН, 21.3.3.
28. Тих.-185, кон. XV в., ГБЛ, собр. Тихонравова, № 185.
29. ГАЯО-1, кон. XV в., ГАЯО, № 1088.
30. Ув.-329, кон. XV— нач. XVI в., ГИМ, собр. Уварова, № 384-1°; в рукописи также Синаксарь.
31. Ув.-330, кон. XV— нач. XVI в., ГИМ, собр. Уварова, № 385-1°.
32. Гильф.-53, кон. XV— нач. XVI в., ГПБ, собр. Гильфердинга, № 53.
33. Пог.-952, 1532 г., ГПБ, собр. Погодина, № 952.
34. КС-168, кон. XVI в., ЦБАН УССР, собр. Киево-Софийского собора, № 168/43.
35. Тих.-189, Златоуст и мин. Торж., кон. XVI в., ГБЛ, собр. Тихонравова, № 189.

Т. С. ТРОИЦКАЯ

РАННИЕ ЭТАПЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСТОРИИ ПОВЕСТИ О ДИНАРЕ (XVI в.)

Литературная история Повести о Динаре в науке представлена крайне упрощенно. М. Н. Сперанский, автор единственного исследования, затрагивающего проблему истории текста Повести, признал ее существующей в одной, первоначальной редакции [1].

Из выявленных сейчас 130 списков памятника М. Н. Сперанский имел в распоряжении немногим более 30, в том числе лишь один список, относящийся к XVI в. Изучение всех известных списков Повести в составе рукописных сборников показало, что на протяжении XVI—XIX вв. Повесть о Динаре имела насыщенную литературную историю, неоднократно с разнообразных позиций подвергалась редактированию, обработке, переосмыслению.

Середина XVI в.— начальный период бытования Повести о грузинской царице в древнерусских рукописных сборниках. 10 сохранившихся списков XVI в. донесли до нас 3 редакции памятника. Сборники литературного и нравоучительного содержания, прибавления к Хронографу редакции 1512 г., Казанский летописец — вот та разнородная литературная среда, которая характеризует раннюю рукописную традицию Повести.

Древнейшие списки Повести о Динаре известны в составе сборников литературного содержания.

Список 40—50-х гг. XVI в. Софийск. 1471 [2] находится в рукописи, происходящей из библиотеки Кирило-Белозерского монастыря [3]. В сборнике преобладают нравоучительные статьи: слова отцов церкви, поучения, патериковые рассказы, толкования; здесь же переписаны Послание Иосифа Волоцкого князю Георгию Ива-

---

[1] **Сперанский М. Н.** Повесть о Динаре в русской письменности.— ИОРЯС, Л., 1926, т. 31, с. 63.

[2] **ГПБ**, собр. Софийское, № 1471, 4°, полуустав, л. 301—306. Филиграни в сборнике не позднее 1553 г. Повесть о Динаре переписана на отдельной тетради. Филигрань — печатка с короной, точной копии отыскать не удалось; близкий знак — Брике, 11031, 1544 г.

[3] **Дмитриева Р. П.** Светская литература в составе монастырских библиотек XV и XVI вв.— ТОДРЛ, Л., 1968, т. 23, с. 155.

новичу, краткие выписки из Хронографа, отрывок из Троянской истории. Как пишет Р. П. Дмитриева, установить обстоятельства составления этого сборника не удается [4]. Назидательный характер Софийского сборника, по всей видимости, акцентировал выраженную в Повести о Динаре религиозно-дидактическую направленность.

Список 50-х гг. XVI в. Волок. 627 [5] и список исхода века Томск. Q. II. 33 [6] текстологически вторичны по отношению к Софийскому списку. Особые чтения этих списков единичны; чаще всего это замена отдельных лексических вариантов синонимичными: «наведу»—«нанесу», «единородным»—«единоверным», «побежду»—«погублю». Состав Волоколамского и Сибирского сборников не позволяет судить о характере восприятия Повести их переписчиками [7].

Список конца 50-х годов XVI в. Синод. 356 [8] содержит дополнительный фрагмент текста—вставку, заключающую в себе 2-ю пространную речь Динары к войску [9]. Речь эта есть призыв подняться на борьбу с иноверцами, защитить свое отечество: «...Ныне воста на ны перский поганы царь со многими великими силами и хощет царство наше разорити... вы же убо не пожалейте о богатстве своем, помогайте убогим и маломощным устроитися супротивным на брань...». Призыв подняться на борьбу с иноверцами звучит и в 1-й речи Динары; однако если во вставке призыв этот выражен сжато, динамично, то там он растворен в многочисленных нравоучениях, развернутых сравнениях, сложных синтаксических конструкциях. Сдержанному, эмоционально-нейтральному стилю 1-й речи противостоит эмоционально насыщенный тон дополнительного фрагмента:

Из 1-й речи	**Из дополнительной речи**
Друзи и братия! Отложите гордость и отверзите от себя страхование, и облецетеся во	Бояре мои, любимии приятели и властели велиции... Молю вы, постражите со мною, доб-

[4] **Дмитриева Р. П.** Волоколамские четьи сборники XVI в.— ТОДРЛ, Л., 1974, т. 28, с. 209.

[5] **ГБЛ**, ф. 113, № 627, конец 50-х гг. XVI в. (филигрань из Патриаршего списка Никоновской летописи), 4°, полуустав, л. 58—67 об.

[6] **ГПНТБ**, собр. Томское, Q. II. 33, исх. XVI в., 4°, скоропись, л. 589 об.— 594. Список опубликован и прокомментирован Т. С. Киркинской (Троицкой): Сибирский список Повести о царице Динаре (XVI в.) (текстологические заметки).— В кн.: Вопросы истории книжной культуры, вып. 19. Новосибирск, 1975, с. 64—82.

[7] Волоколамский сборник состоит из трех рукописей; Повесть о Динаре переписана вместе со Сказанием о Новогородской Софии; Томск., Q. II. 33 — сборник конволютный; часть сборника, в которую входит Повесть о Динаре, имеет сложный состав литературных произведений: сочинения М. Грека, Сказание о том, как Кирилл составил азбуку, отрывок из жития Иосифа Волоколамского и др.

[8] **ГИМ**, собр. Синодальное, № 356, конец 50-х гг. XVI в. (филигрань из Патриаршего списка Никоновской летописи), полуустав, 4°, л. 327—334 об. Сборник из нескольких рукописей.

[9] Текст вставки по списку Синод. 356 опубликован М. Н. Сперанским (Повесть о Динаре в русской письменности, с. 66).

храбрство. Еж ли пленят вы персы, и расточат вы, и расхитят богатство ваше. Но что ради тако закосняем? Но ускорим против варвар.

(Софийск. 1471)

ли, богатства своего не щадите: господь помощник нам, молитвами пречистая богородица.

(Синод. 356)

В дополнительной речи использованы традиционные для повестей о борьбе с иноверцами оценочные эпитеты: «поганые», «супротивные», выдающие публицистическую направленность вставки. В основном тексте Повести подобные эпитеты полностью отсутствуют.

Внесение вставки резко усилило публицистическое звучание Повести: актуальный для периода Казанских походов и Ливонской войны призыв подняться на борьбу с иноверцами получил здесь четкое, эмоционально насыщенное выражение. Поэтому представляется целесообразным считать внесение вставки созданием новой редакции Повести, смысл которой заключен в публицистическом переосмыслении памятника [10].

Идеологический контекст, необходимый для проявления и конкретизации заложенных в Повести публицистических идей [11], выясняется из анализа ее литературного окружения. Помещение Повести в прибавления к Хронографу редакции 1512 г. (сокращенного вида) и II редакцию Казанского летописца—основные этапы публицистического осмысления Повести о Динаре.

ПОВЕСТЬ О ДИНАРЕ В ПРИБАВЛЕНИЯХ К ХРОНОГРАФУ

Половина ранних списков Повести читается в составе прибавлений к Хронографу редакции 1512 года [12]. Хронографы А. С. 4013, Егор. 174, Музейск. 2176 и Солов. 437 (51) имеют прибавления сходного состава. Кроме Повести о Динаре, здесь читаются

---

[10] О редакции со вставкой см. также: **Киркинская Т. С.** Сибирский список Повести о царице Динаре, с. 66—70.

[11] Публицистический характер Повести о Динаре отмечен: **Лурье Я. С.** Судьба беллетристики в XVI в.— В кн.: Истоки русской беллетристики. Л., 1970, с. 439; **Буачидзе Т. П.** Из истории литературных взаимоотношений. Тбилиси, 1968, с. 195 (на грузин. яз.).

[12] **ЦГИА,** ф. 834 (архив Синода), оп. 3, № 4013, 1°, полуустав, 60-е гг. XVI в. л. 501—505 (508—512 по новой нумерации) (далее — А. С. 4013). Рукопись описана: **Бердников Я. И.** Описание четырех рукописей хранящихся в библиотеке Тихвинского Успенского монастыря.— ЖМНП, 1847, № 9, с. 201—226; **ГИМ,** собр. Музейское, № 2176, 1°, полуустав, 60-е гг. XVI в., л. 565—570 об.; **ГПБ,** собр. Соловецкое, № 437 (51), 1°, полуустав, 2-я пол. XVI в., л. 518—522. Рукопись описана: **Описание** рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной Академии, ч. II. Казань, 1885, с. 99—102. Здесь Хронограф ошибочно датирован XVII в.; **ГПБ,** собр. Погодина, № 1404а, 1°, полуустав, исх. XVI в., л. 688—691. Рукопись описана: **Шахматов А. А.** К вопросу о происхождении Хронографа.— Сборник ОРЯС. Спб., 1899, т. 66, № 8, с. 104, сн. I; **ГБЛ,** собр. Егорова, № 174, 1°, полуустав, исх. XVI в., л. 454 об.—458.

также Сказание о крещении Афона[13] и краткий русский летописец за 1454—1533 гг. Прибавления выполнены тем же почерком, что и основной текст Хронографа, традиционный конец Хронографа не отмечен.

* * *

Краткий русский летописец представлен двумя вариантами. В первом из них, известном в списках А. С. 4013 и Егор. 174[14], изложение событий обрывается 1533 годом (сообщением о смерти Василия III, а также о том, что царь Иван остался после смерти отца своего трех лет).

Судя по всему, текст краткого летописца не является оригинальным. Он обнаруживает прямую текстуальную зависимость от так называемой Хронографической летописи, охватывающей период 1451—1551 гг. и примыкающей к 207 главе Хронографа редакции 1512 г.[15] О зависимости краткого летописца от Хронографической летописи говорят следующие наблюдения:

1) Летописец и Хронографическая летопись содержат многочисленные текстуальные совпадения (статья о Феодосии митрополите за 6973 г., о пожаре в Москве за 7001 г., статьи за 7004, 7005, 7008, 7011, 7013 гг. и др.);

2) в краткий летописец включены преимущественно лишь сообщения о событиях, достаточно подробно описанных в Хронографической летописи. Кроме того, большое количество известий Хронографической летописи здесь не упомянуты (сведения о членах царской семьи, сообщения о солнечных и лунных затмениях, о поставлении церквей и проч.);

3) в отдельных случаях в кратком летописце в текст более ранних статей внесены сведения из более поздних (статья за 6975 г. о преставлении великой княгини Марии);

4) в Хронографической летописи указаны год, месяц и день описанного события, в кратком летописце указания на месяц и день отсутствуют.

---

[13] «Повесть о приходе пречистыя богородицы во Афонскую гору в данный ей жребий». Сочинение не опубликовано. Вне Хронографа известно под названием «Воспоминание отчасти святыя горы Афонския, како наречена бысть святыя гора и коих вин ради тако прозвася», (см.: **Белоброва О. А.** Кипрский цикл в древнерусской литературе, Л., 1972, с. 21). По нашим наблюдениям, сочинение это появляется в русской рукописной традиции не позднее 1-го двадцатилетия XVI века (см.: **ГБЛ**, МДА, № 50; **ГБЛ**, Троицк, 686).

[14] Опубликован по списку А. С. 4013: **ПСРЛ**, т. XXII, ч. 1. Спб., 1911, Прилож. III, с. 533—538.

[15] Хронографическая летопись опубликована: **ПСРЛ**, 1911, т. XXII, ч. 1, с. 466—532 по списку 3-й четв. XVI в., Погод. 1443 (за 1451—1485 гг.) и списку исх. XVII — нач. XVIII в., Музейск. 607 (за 1486—1551 гг.). В 1951 г. С. О. Шмидт опубликовал обнаруженную им 2-ю часть дефектной рукописи Погод. 1443 (**ГИМ**, собр. Барсова, № 1799), охватывающую период 1486—1551 гг., см.: Шмидт С. О. Продолжение Хронографа редакции 1512 г.— Исторический архив, т. VII, М.— Л., 1951, с. 258—299.

Сравнение краткого летописца и Хронографической летописи позволяет говорить о их текстуальной связи и о безусловной вторичности краткого летописца. Но Хронографическая летопись доведена до 1551 г., в то время как краткий летописец кончается 1533 годом. Объясняется это, вероятно, тем, что в момент возникновения Хронографическая летопись могла быть доведена только до сообщения о смерти Василия Ивановича (1533 г.), а впоследствии продолжена.

Таким образом, краткий летописец—не оригинальный памятник. Его возникновение тесно связано с судьбой прибавлений к Хронографу редакции 1512 года. Созданный на основе продолжения Хронографа, летописец, вероятно, предназначался для бытования в качественно новом виде дополнительных статей Хронографа.

В краткий летописец были включены известия о наиболее значительных событиях государственной жизни, подробные рассказы зачастую замещены сухими сообщениями, из летописных статей исчезли подробные даты. Заслуживает внимания тот факт, что русские статьи Хронографа также не содержат указаний на день и месяц и в большинстве своем имеют подобный краткому летописцу информативный характер. Вполне вероятно, что в создании краткого летописца проявилось стремление приблизить погодную статью к русской хронографической статье.

* * *

Следующий этап бытования летописца в прибавлениях к Хронографу отмечен дальнейшим его сокращением и появлением публицистически окрашенной концовки. Если краткий летописец по спискам А. С. 4013 и Егор. 174 обрывается 1533 годом, то в списках Музейск. 2176 и Солов. 51 читается также его продолжение (концовка), охватывающее события 1534—60-х гг. Содержание концовки заключается в беглом описании времени правления Ивана Грозного (до 60-х гг.).

Форма повествования, использованная в концовке, резко противостоит способу описания событий в основном тексте летописца: вместо сухих, крайне немногословных погодных записей находим здесь общий очерк царствования Грозного, без упоминания дат и конкретных исторических деятелей. Текст концовки проникнут эмоционально приподнятым настроением: «О колика буря тогда постиже царство великия Русия...» (о бесчинствах в годы малолетства Грозного); «...а потом воцарися совершенно царским постановлением вместо отца своего на скипетродержание, и оженися и нача крепко подвизатися на сопративныя иноплеменники, ополчаясь и побеждая их, и бе бог с ним, и бысть крепко мужествен и достохвален, в победах, и украшен всеми добрыми нравы...» (л. 581 об.) [16].

Кроме внесения концовки, краткий летописец подвергся и другой обработке: изменилась система заголовков, текст погодных

[16] Текст концовки здесь и далее цитирую по списку ГИМ, Музейск. 2176.

статей был несколько сокращен, в ряде случаев допущено свободное изложение и небольшие перестановки [17].

Датировка новой версии летописца не вызывает затруднений: Казань и Астрахань, а также Нарва, Юрьев и Новый Городок упомянуты в концовке как завоеванные русскими; все эти события завершились в 1558 году. Захваченный в 1563 году Полоцк не упомянут, между тем это было очень крупное военное достижение; 1564 год был отмечен несколькими поражениями русских в борьбе с литовцами, изменой русских бояр [18]. В концовке же звучит оптимистический тон: «... и бог милостив бывааше ему (т. е. Грозному), и по его прошению и вере покорися ему многии страны иноплеменник неверных язык...» (л. 581 об.). Вероятно, концовка была написана между 1558 и 1563 гг.

Не противоречат такой датировке и палеографические особенности рукописей, содержащих новую версию краткого летописца: Музейский Хронограф датируется концом 60—началом 70-х гг. XVI в. (по филиграням), Соловецкий—от 60-х гг. до 1598 г. [19] Таким образом, дополненный концовкой вариант летописца дошел до нас в списках, близких времени его обработки [20].

Написанная под впечатлением крупных военных достижений русского государства, концовка содержит открыто выраженную оценку описанных событий. Пафос победоносной войны Грозного с иноверцами (Казанское ханство, Астрахань, ливонские немцы) наполняет текст концовки публицистическим звучанием. Более того, завершая собой текст краткого летописца, концовка навязывает заключенную в ней концепцию нейтрально-информативному летописному тексту: вся предыдущая история, изложенная в погодных статьях, как бы ведет к успехам Грозного, именно он побеждает врагов-иноверцев, угрожавших Руси в разные исторические эпохи. По сути дела, перед нами новая редакция летописца.

* * *

Внесение Повести о Динаре в прибавления к Хронографу не сопровождалось созданием новой редакции Повести, текст Повести

---

[17] Крайне редко текст летописца с концовкой оказывается подробнее. Так, в списках Музейск. 2176 и Солов. 51 под 6972 (1464) годом читается сообщение о победе над ливонскими немцами, взятии г. Вельяна, дани с г. Юрьева. Вероятно, здесь привлечен иной источник в связи с интересом автора Летописца с концовкой к военным успехам русского государства. Вторичность концовки несомненна: способ изложения событий в концовке резко отличен от характера повествования основного текста Летописца. Чужеродность концовки исключает и без того маловероятную возможность усечения ее в списке Архива Синода.

[18] **Очерки** истории СССР, кон. XV — нач. XVII в. М., 1955, с. 365—379.

[19] Хронограф выполнен четким полууставом XVI века; бумага без филиграней. На титульном листе запись: «Книга Хронограф государственных дьяков Щелкаловых дачи». Первый из братьев Щелкаловых (Андрей) умер около 1598 г. (**Лихачев Н. П.** Разрядные дьяки XVI века. Спб, 1888, с. 126).

[20] Близость краткого летописца по списку Солов. 437 (51) времени описанных в летописце событий отмечает **М. В. Кукушкина.** Монастырские библиотеки Русского Севера. **Л.,** 1977, с. 126.

подвергся лишь незначительной лексической правке[21]. В некоторых случаях удается наблюдать унификацию лексических вариантов: так, если в списке Софийск. 1471 слова «властодержец»—«властодержавец», «властодержство»—«властодержавство» использовались как синонимы, то в списке Архива Синода (раннем варианте прибавлений) сохранены лишь «властодержавец», «властодержавство». Явно сознательно «прояснены», переформулированы некоторые конструкции, изменены глагольные формы:

Софийск. 1471	**А. С. 4013**
...и паче всего прилежание имеяше к божественному писанию и о предних царех и *властодръжцех, какова пребывания* в них и *времен прехождения.*	...и паче всего имеяше прилежание к божественному писанию и о предних царех и *властодержавцах, како бе пребывание* в них и *времянное прехождение.*
...и прият град, *и плени,* и възяв вся сокровище предних царей, и камение многоценное, и блюдо лалное, *на нем же* Навуходоносор царь *ядяше.*	...и прият град *и пленники,* .... (деф) сокровища предних царей, камение многоценное и блюдо, *с него ж* Навуходоносор царь *яде.*

Практически идентичные списки Музейск. 2176 и Солов. 437(51) текстологически вторичны по отношению к спискам А. С. 4013 и Егор. 174. Повторяя их мельчайшие особенности, Музейский и Соловецкий списки Повести о Динаре содержат также незначительное число отличий, причем исключительно формального характера:

А. С. 4013, Егор. 174	**Музейск. 2176, Солов. 437 (51)**
Мужество и храбрость и мудрость Динары царицы, дщери иверьскаго царя Александра. Дивна повесть и зело полезна.	Дивна повесть мужества (мужествена — Солов. 437) и храбрости и мудрость целомудреныя девица Динары царицы дщери иверскаго царя Александра.
...и въсприимем попечение о своих сокровищах.	...и восприимем попечение о своих сокровищех.
Егда убо некаа жена зача в чреве чада своя и нача готова ей быти, такоже и вам, богатство и честь въсприимшим.	(пропуск) богатство и честь восприимшим.

Таким образом, в прибавлениях к Музейскому и Соловецкому Хронографам II редакции летописца соответствует текстологически вторичный вариант Повести о Динаре.

Подобно Повести, Сказание о крещении Афона было включено в состав прибавлений без существенной обработки. Следует отметить лишь изменение названия: «Воспоминание отчасти святыя горы Афонския, како наречена бысть святая гора и коих вин ради тако прозвася» было преобразовано в «Повесть о приходе пречистыя богородицы во Афонскую гору в данный ей жребий». Соста-

---

[21] Текст Повести по списку А. С. 4013 сопоставлен с текстом по списку 40—50-х гг. XVI в. (ГПБ, собр. Софийское, № 1471), наиболее близким исходному варианту текста. Более поздний список из собрания Егорова практически идентичен списку Архива Синода.

витель прибавлений акцентировал этим общехристианское значение Афона как жребия богородицы, внимание к частным афонским характеристикам было ослаблено [22].

* * *

Параллельно с эволюцией летописца и происходящими в тексте Повести изменениями происходит поэтапное приспособление Повести к бытованию в новом литературном контексте — в прибавлениях к Хронографу.

В Хронографах Архива Синода и Егор. 174 краткий летописец примыкает непосредственно к 208 главе, то есть сохраняется традиционная схема продолжения Хронографа русскими известиями [23]; Сказание о крещении Афона и Повесть о Динаре приписаны (после летописца) чисто механически [24]. В Соловецком же Хронографе, напротив, произошел процесс приспособления Повести о Динаре к новому литературному окружению: в тексте Повести, после краткой экспозиции, появился киноварный подзаголовок «Царство царицы Динары» (по образцу традиционной хронографической статьи). Кроме того, дополнительные статьи получили нумерацию, продолжающую счет главам Хронографа (Сказание о крещении Афона — глава 209, Повесть о Динаре — глава 210, летописец — глава 211). В Музейском списке нумерация дополнительных статей отсутствует, что позволяет предполагать его первичность по отношению к Соловецкому списку.

Точно в том месте Повести, где в Соловецком списке читается киноварный подзаголовок, в Музейском оставлена чистой часть строки, достаточная как раз для текста подзаголовка. Очевидно, переписчик Музейского списка либо сам принял решение внести подзаголовок, но так и не вписал его киноварью, либо перед ним был текст, имеющий подзаголовок. Так или иначе, мысль о внесении подзаголовка в текст Повести о Динаре присутствует при создании Музейского списка.

Другой важный фактор оформления дополнительных статей — перенесение летописца из начала прибавлений в конец. Изменение порядка следования статей происходит уже в Музейском списке, то есть параллельно с редактированием летописца. Легендарная история грузинской царицы и Сказание об Афоне оказываются заключенными русским летописцем, что ставит описанные в повестях события в контекст русской истории, а публицистически окрашенная концовка замыкает всю цепочку прибавлений.

---

[22] При внесении в Хронограф «Воспоминание отчасти...» утратило присоединяемые к концу сочинения (в ранних сборниках) краткие слова «О житии пресвятой богородицы» и «Знамение господа нашего Исуса Христа».

[23] О сводах, первая часть которых содержит хронографический материал, вторая — летописный см.: **Насонов А. Н.** История русского летописания. М., 1969, с. 410—477.

[24] В Хронографе Егор. 174 исхода XVI в. после текста летописца оставлены чистыми 8 листов бумаги XVI в., заполненные в XVIII в. летописными известиями до 1721 г.

Таким образом, удалось проследить несколько этапов оформления нового вида прибавлений к Хронографу.

I этап (А. С. 4013) [25] Сокращение Хронографической летописи по образцу русской статьи Хронографа. Дополнение Повестью о Динаре и Сказанием о крещении Афона. Лексическая правка Повести, изменение названия Сказания об Афоне.

2 этап (Музейск. 2176) Редактирование летописца, перенесение его в конец прибавлений, появление киноварного подзаголовка «Царство царицы Динары» в тексте Повести.

3 этап (Солов. 437 (51)). Оформление дополнительных статей как глав Хронографа (появление нумерации).

* * *

Внесение Сказания об Афоне и Повести о Динаре в прибавления к русскому Хронографу отражало, вероятно, определенные политические устремления Русского государства.

М. Н. Тихомиров не раз писал о возрастании роли Афона как общехристианского центра после падения Царьграда. «...Выросло значение Афона как единственного культурного центра славянской взаимности, более или менее свободного от турецкого гнета,— пишет М. Н. Тихомиров.— Русский Пантелеймонов монастырь на Афоне окончательно делается патрональной обителью московских царей, «понеже бо из старины тот монастырь святого Пантелеймона в Святой горе строение беяше прежних князей Русских» (ПСРЛ, т. XX, ч. 1., с. 365), как это объяснено уже в летописном известии о пожаловании ему в 1497 г. великокняжеской милостыни. В 1515 г. русский посол Василий Копыл Спячий ходил на Афон с «милостынею» от великого князя Василия III (ПСРЛ, т. XX, ч. 1, с. 390). Монахи Пантелеймонова монастыря обращались к Василию III как к новому ктитору монастыря с просьбой о ремонте зданий. В 1555 г. Хиландарский монастырь переходит под покровительство московских царей [26].

Таким образом, после падения Царьграда отношение русской официальной мысли к Афону определялось возросшей ролью Афона как международного христианского центра; Русь как сильнейшая христианская держава оказывала покровительство святогорским монастырям. Помещение Сказания о крещении Афона в прибавления к Хронографу вслед за Плачем о падении Царьграда лежало в русле отношения московского правительства к Афону во 2-й половине XVI века.

Внесение Повести о Динаре в прибавления к Хронографу в 60-е гг. XVI в., вероятно, было связано с восстановлением в это время русско-грузинских отношений, прерванных в конце XV в.

[25] **Егор.** 174 — поздний список прибавлений этого вида.

[26] **Тихомиров М. Н.** Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до пол. XVII века.— В кн.: Славянский **сборник.** М., 1947, с. 181—183.

В 1557, а также в 1564 г. грузинский царь Леван просил русского царя о покровительстве и военной помощи, на что русское правительство ответило согласием[27].

Повесть о Динаре — первое в истории древнерусской литературы произведение, целиком посвященное Грузии. Легендарная история войны Динары с персами как нельзя лучше служила выражению политических симпатий русских правительственных кругов к христианской Грузии: полужитийный образ грузинской царицы, победившей персов в результате заступничества богородицы, был своеобразным воплощением христианских заслуг Иверии, признанием ее значения. Отвлеченность Повести от конкретной грузинской истории, почти полное отсутствие хронологических и географических привязок способствовали концентрации внимания на оценочном, отчасти панегирическом характере повествования о Динаре.

С другой стороны, после падения Царьграда Грузия осталась единственной в Азии христианской державой, что способствовало возрастанию ее христианского авторитета[28]. Идеализирующая Грузию Повесть логически связывается с последней главой Хронографа. Грузия как бы включалась в число наиболее значительных христианских держав, описанных в Хронографе[29].

Таким образом, внесение Повести в прибавления к Хронографу отражало политические симпатии русской официальной мысли к Грузии. С другой стороны, многократно звучащий из уст Динары призыв подняться на борьбу с иноверцами-персами, уповая на заступничество бога и богородицы, был созвучен политической практике русского государства 50—60-х гг. (взятие Казани, Астрахани, Ливонская война). Сопоставление политических ситуаций получило отражение в следующем этапе оформления дополнительных статей, в прибавлениях к Музейскому и Соловецкому Хронографам.

Близость русской исторической действительности начала царствования Грозного, бегло обрисованной в концовке краткого летописца, и ситуации Повести бросается в глаза: христианская держава, смерть верховного правителя, царствование юного наследника, борьба с иноверцами, победа вследствие божественного заступничества. Предваряющая летописец Повесть о Динаре читается здесь как аналогия русской истории.

---

[27] **ПСРЛ**, 1911, т. XIII, ч. 1, с. 284; 2, с. 391; **История** СССР в 12-ти томах под ред. Б. А. Рыбакова, т. 2. М., 1966, с. 554; **Алексидзе Л. А.** Взаимоотношения Грузии с Россией в XV—XVIII вв. Автореф. докт. дис. Тбилиси, 1964, с. 17—19. Как убедительно показывает Л. А. Алексидзе, на этом этапе русско-грузинских отношений договор не был оформлен. См. также: **Месхиа Ш. А.**, **Цинцадзе Я. С.** Из истории русско-грузинских взаимоотношений X—XVIII вв. Тбилиси, 1958, с. 38.

[28] **Цагарели Александр.** Памятники грузинской старины на св. земле и на Синае.— Православный палестинский сборник. Спб., 1888, т. IV, вып. I, с. V.

[29] Единственное здесь краткое известие о Грузии содержится в статье «О Иверех» (Легенда о крещении Грузии св. Ниной).— **ПСРЛ**, 1911, т. XXII, ч. 1, с. 266.

Бытование Повести в прибавлениях к Хронографу, содержащих отредактированный летописец (Музейск. 2176, Солов. 437 (51)), явилось, вероятно, своеобразным отражением того исторически конкретного публицистического звучания Повести, которое рождалось из близости заключенных в ней идей и образов политической практике русского государства 50—60-х гг. XVI в.

Факт прочтения Повести как параллели русской действительности 50-х гг. со всей основательностью подтверждает текст II редакции Казанского летописца. Обращаясь к войску перед взятием Казани, исходя именно из родства ситуации, Иван IV приводит историю Динары как образец для подражания [30].

Таким образом, Музейский и Соловецкий Хронографы с дополнительными статьями явились тем логически завершенным контекстом Повести, который оптимально акцентировал изначально присутствующие в Повести публицистические идеи [31].

* * *

Другой состав прибавлений, содержащих Повесть о Динаре, представлен в Хронографе конца XVI в. (Погод. 1404а [32]). Прибавления эти включают также Новгородскую IV летопись с продолжениями из Псковской, Рукописание великого князя Всеволода, Послание Вассиана Рыло Ивану III на Угру, Повесть о Козарине, Родство великих князей литовских, Повесть о Митяе. Особое значение, вероятно, имеет объединение Повести о Динаре с Посланием Вассиана Рыло, резонансом усиливающее публицистическое звучание Повести о грузинской царице. Являющийся центральной идеей Послания призыв к освободительной битве [33] —в центре внимания Повести о Динаре. Созвучие Повести и Послания прослеживается и в объединяющей их идее богоизбранности царской (великокняжеской) власти и богоизбранности русского (грузинского) народа (в Повести мотив «Иверия — жребий богородицы»), в самом характере повествования, имеющем (преимущественно и в Повести) форму призыва, убеждения, выраженного от первого лица [34].

---

30 **ПСРЛ**, 1903, т. XIX, с. 441—448.

31 Недаром относящиеся к XVII в. списки Повести в прибавлениях такого вида восходят к Хронографам Музейск. 2176 и Солов. 437 (51), а не к Хронографу А. С. 4013 (см.: **ГБЛ**, собр. Пискарева, № 163; **ГПБ**, собр ОЛДП, Q, 821).

32 Сходный состав прибавлений имеют следующие Хронографы XVII в.: **БАН**, 34. 4. 32, 1-я четв. XVII в.; **ГПБ** Q. IV. 96, 1631 г.; **ГБЛ**, собр. Рогожского кладбища, № 83 (середина XVII в.); **ГБЛ**, собр. Овчинникова, № 482 (XVII в.), **БАН**, 31. 4. 22, конец XVII в.

33 **Кудрявцев И. М.** «Послание на Угру» Вассиана Рыло как памятник публицистики XV в.— ТОДРЛ, М.— Л., 1951, т. VIII, с. 171.

34 К. В. Базилевич усматривает композиционную и текстуальную близость Повести о Динаре и Послания (см.: **Базилевич К. В.** Внешняя политика Русского централизованного государства (вторая половина XV века). М., 1952, с. 412). Однако приведенное сопоставление фрагментов Повести и Послания не кажется нам убедительным: сравнение с библейскими Деворой и Гедеоном является литературным штампом. Главным аргументом против генетического родства этих

В Хронографе Погод. 1404а счет глав также охватывает и прибавления (Повесть о Динаре — глава 257, Послание — глава 256), что дало основание А. А. Шахматову отметить тесную связь между Хронографом и последующими статьями[35].

В прибавлениях в Погодинскому Хронографу использован вариант текста Повести, независимый от списков Повести в составе дополнительных статей Хронографов А. С. 4013, Егор. 174, Музейск. 2176, Солов. 437 (51). Вероятно, включение Повести в прибавления нового вида можно объяснить сложившейся во второй половине XVI в. традицией бытования Повести в составе дополнительных статей Хронографа[36].

ПОВЕСТЬ О ДИНАРЕ И КАЗАНСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ

Как известно, текст Повести о Динаре был использован при составлении II (по классификации Г. Н. Моисеевой) редакции Казанской истории, созданной в 90-е гг. XVI в.[37]. Прибавления к Хронографу по спискам Музейск. 2176 и Солов. 437 (51), где Повесть о Динаре предваряет летописец с концовкой — единственный в известной нам ранней рукописной традиции случай соположения Повести с рассказом (хотя бы и кратким) о казанских победах Грозного. Повесть о Динаре в таком контексте должна была звучать яркой и убедительной аналогией победе Грозного в борьбе за Казань. Вполне вероятно, что знакомство с Хронографом (типа Музейск. 2176, Солов. 437 (51)) могло побудить автора II редакции Казанской истории использовать Повесть при описании казанского взятия. Не исключено, что Повесть в составе прибавлений послужила непосредственным источником для редактора Казанского летописца[38]. В прибавлениях такого вида контекст объединения Повести

двух памятников является полное несоответствие лексических средств для выражения сходных понятий и реалий. См. также: **Шепелева Л. С.** Культурные связи Грузии с Россией в X—XVII веках.— ТОДРЛ, М.— Л., 1953, т. IX, с. 310—311.

[35] **Шахматов А. А.** К вопросу о происхождении Хронографа — Сборник ОРЯС, 1899, т. 66, № 8, с. 104—105.

[36] Возможно, выбор списка Повести для внесения в прибавления к Хронографу основывался и на качествах самого текста: текстологические наблюдения показывают, что протограф Погодинского списка содержит ряд особых чтений уточняющего, конкретизирующего характера. Внесенные в протограф поправки сделали текст исторически достоверней, что могло привлечь внимание составителя прибавлений.

Датировать собственно прибавления к Хронографу Погод. 1404а (но не сам Погодинский список) не удается: летописные известия кончаются 1533 годом, сочинений более позднего времени прибавления не содержат.

[37] **Кунцевич Г. З.** История о Казанском царстве. Спб., 1905, с. 182; **Моисеева Г. Н.** Казанская история. М.— Л., 1954, с. 21.

[38] Г. З. Кунцевич не называет Хронограф среди источников II редакции, однако нет упоминаний и о каком-либо ином сборнике, который мог бы содержать Повесть о Динаре. Текст Повести в составе Казанской истории настолько сильно сокращен и переработан, что выявить текстологически исходный по отношению к версии Казанской истории список Повести не представляется возможным.

с рассказом о покорении Казани уже создан и поэтому шаг к тексту II редакции, где рассказ о Динаре звучит из уст Грозного перед взятием Казани, значительно облегчен. Завершающий прибавления летописец с концовкой и Повесть о Динаре в составе Казанской истории сопровождены сходными нравоучениями:

Музейск. 2176	**К. И.**[39]
Понеже бог смиренных возносит, а гордых низлагает, и сердца сокрушена не уничижит.	Тако бо милосердный бог верующих ему и творящих заповеди его славит и превозносит, а противляющихся ему смиряет и уничижает.

Отношение автора прибавлений к описанным событиям крайне близко тому выводу-назиданию, который делает редактор Казанского летописца из содержания Повести о Динаре.

* * *

Включение Повести о Динаре в позднюю редакцию Казанского летописца неоднократно отмечалось исследователями[40]. Однако принадлежащие им краткие высказывания по этому поводу носят характер упоминаний. Бытование краткой версии Повести о Динаре в составе Казанского летописца—существенный этап ранней литературной истории памятника, в первую очередь потому, что это не использование содержания Повести (как пишет Броссе), не «пересказ» (Сперанский) и не «ссылка» (Шепелева), а создание новой редакции памятника. Причины обращения редактора Казанского летописца к повести о Динаре следует искать в изменившихся взаимоотношениях России с Грузией. Попытка установить прочные связи с Грузией в 60-е гг. XVI в. не принесла успеха. Грузии была оказана военная помощь, но переговоры о покровительстве закончились неудачей[41].

80-е гг. XVI в.— наиболее значительный этап русско-грузинских отношений. В 1586 г. кахетинский царь Александр обратился к царю Федору Ивановичу с просьбой о покровительстве; русское правительство ответило согласием. Грузия превратилась в союзное России государство. С 1587 до 1605 г. беспрерывно осуществлялись посольства московских и кахетинских царей, играющие роль постоянных дипломатических представительств[42].

Повесть о Динаре, изображающая в образе грузинской царицы мудрую благочестивую правительницу, отражала дружественные

---

[39] Здесь и далее Повесть о Динаре в составе II редакции Казанской истории цитируется по списку кон. XVI — нач. XVII в., хранящемуся в ГБЛ, Унд. 774 и опубликованному: **ПСРЛ**, 1903, т. XIX, с. 441—448.

[40] **Броссе М. И.** Сведение о грузинской царице Тамаре в древней русской литературе.— Ученые записки Имп. АН по I и III отделениям. Спб., 1893, т. 1, с. 479; **Сперанский М. Н.** Повесть о Динаре..., с. 63, 83; **Шепелева Л. С.** Культурные связи Грузии..., с. 311.

[41] **Александзе Л. А.** Взаимоотношения Грузии.... с. 19.

[42] Там же, с. 19—20; **Очерки** истории СССР, кон. XV — нач. XVII в. М., 1955, с. 482, 844; **История** Грузии, т. 1. Тбилиси. 1962, с. 285—286.

отношения и возросший интерес к союзному государству. Не случайно в 80-е гг. XVI в. сюжет Повести о Динаре был использован в росписи Царицыной палаты в Московском Кремле, построенной для царицы Ирины [43]. Краткая версия Повести в составе Казанского летописца звучит из уст Грозного, от первого лица; использование Повести основано на общности ситуации (борьба с иноверцами). В речи к своему войску царь приводит историю Динары в качестве примера для подражания.

Как показало сравнение варианта Повести о Динаре, включенного в Казанскую историю, с известными списками Повести, редактор имел перед собой традиционный список основной редакции памятника. Для сравнения взят список 40—50-х гг. XVI в. (Софийск. 1471).

Редактор предпочитает «собрать» текст из небольших фрагментов Повести (не пренебрегая и обрывками фраз), не вводя в изложение свой авторский голос. Причина этого, вероятно, в том, что книжник конца XVI в. ощущал своеобразие стиля Повести о Динаре, не совпадающего с характером его повествования. Принадлежащие ему немногочисленные участки текста вносят диссонанс в лексически консервативный текст Повести: здесь обилие оценочных прилагательных («премудрая и мужеумная», «велеумная», «безбожные»), крайне нехарактерных для исходной редакции Повести, риторическое восклицание («Оле великия божия милости и неизреченныя его щедроты!») как лексически, так и стилистически чужеродное Повести.

Редактор приспосабливает текст Повести к непривычному, новому контексту: опускает экспозицию (рассказ о смерти грузинского царя и о замыслах персов напасть на юную царицу) и диалог Динары с персидским царем, замещая начальную часть Повести кратким описанием победы Динары. Новое вступление, состоящее как из авторского текста редактора, так и из несколько преобразованных фрагментов Повести, мотивирует введение рассказа о войне Динары, задает отношение к героям.

Последовательное изложение Повести начинается с вопроса войска («Рекоша велможи ея... госпоже царице!..»). Редактор сокращает использованную им часть текста приблизительно на треть. Сокращение достигнуто, прежде всего, за счет исключения развернутых сравнений (таких, как «Егда убо жена зача во чреве и нача готова ей быти, такоже и вам, богатство и честь восприимшим и гордости наполнившимся»...), зачастую вместе с примыкающими к ним фрагментами текста. В одном случае сравнение заменено ссылкой на послание апостола Павла к Тимофею. Такая замена согласуется с общим оцерковленным характером поздней редакции Казанского летописца, выдающем в авторе духовное лицо [44].

---

[43] **Овчинникова Е. С.** Повесть о царице Динаре в русском изобразительном искусстве.— ТОДРЛ, Л., 1966, т. XXII, с. 230.

[44] **Моисеева Г. Н.** Казанская история, с. 22.

Исключение громоздких сравнений проясняет текст, облегчает восприятие сюжета; этому же способствует и пропуск некоторых «темных» мест, сокращение сложных синтаксических конструкций, замена малопонятных слов (например, вместо загадочного «чревоженство» здесь читается «ласкания жены и любление детей»).

Разные участки текста в неодинаковой степени подверглись сокращениям. Особенно резко уменьшился объем пространной речи Динары к войску, на долю которой приходится большая часть развернутых сравнений и осложненных конструкций. Сформулированный здесь мотив «Иверия—жребий богородицы» исключен; вероятно, он не был важен для редактора Казанской истории. В результате речь Динары приобрела сжатость, выиграв в выражении важных для редактора конца XVI в. сторон произведения: четче, прямолинейней оформился призыв «охрабриться», отложить страх, возложив упование на богородицу.

Молитва Динары перед битвой сохранена полностью, за исключением обещания отдать захваченные сокровища «в домы твоя (т. е. богородицы) на украшение церквам твоим и на воспоминание твоея помощи и заступления...» (Софийск. 1471).

Судьба захваченных сокровищ волновала автора Повести о Динаре. Впервые проблема эта была поднята в молитве; далее, описывая битву, автор вновь обращается к судьбе сокровищ: «И взят вся сокровища предних царей: камение многоценное, и блюдо лалное, на нем же Навходоносор ядяше, и бисеру драгаго, злата же многое множество. И возложи дань на Тевриз на свою потребу на масти драгия, ашамахии повеле на свои конские подковы имати, а прочии грады разда велможам своим». В концовке сообщается о передаче захваченных царских сокровищ «в домы божия во своей области» [45].

Автор обработки Повести в составе Казанской истории последовательно опускает фрагменты Повести, содержащие сведения о судьбе сокровищ. Излагая молитву Динары, редактор буквально следует тексту Повести, но обещание отдать царские сокровища в «домы богородицы» все же исключает. Почти дословно повторено редактором и описание битвы, однако примыкающий к нему рас-

[45] А. А. Зимин придает большое значение рассказу о судьбе сокровищ в общем контексте Повести. Он дважды подчеркивает, что Динара передает сокровища в дар богородице в Шарбенский монастырь, тот самый, где была похоронена, связывая этот факт с актуальным на Руси серед. XVI в. вопросом о праве монастырей на владение недвижимым имуществом, полученным, как правило, в качестве вкладов «на помин души». (**Зимин** А. А. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, с. 108). Однако в Повести нигде не говорится, что Динара отдала сокровища именно в Шарбенский монастырь, более того, речь не идет и о каком-либо одном монастыре, упоминаются лишь «домы твоя» (богородицы), «домы божия», церкви, и передаются туда только сокровища персидских царей. В результате связь Повести с проблемой вкладов «на помин души» оказывается натяжкой, а мысль о том, что «...составитель Повести стремился изложить легенду о Динаре так, чтобы она являлась лишь рассказом об истории громадных вкладов царицы», представляется сомнительной.

сказ о сокровищах усечен до краткого сообщения: «и взят вся сокровища предних царей». Рассказ о передаче сокровищ в «домы божия» находится в заключительной части Повести; версия Казанского летописца обрывается как раз перед этим фрагментом.

Изложение судьбы царских сокровищ, таким образом, содержится в тех участках текста, которые наиболее полно вошли в обработку в составе Казанской истории; это исключает случайность пропуска фрагментов, сообщающих о судьбе сокровищ. Все 3 отрывка имеют чисто информативный характер, использованные в них синтаксические конструкции просты, доступны; поэтому очевидно, что описание царских сокровищ опущено редактором сознательно, вне связи со стилистической правкой текста.

Действительно, автор II редакции Казанской истории по вопросу о захваченных сокровищах стоит на иных, нежели автор Повести, позициях.

В тексте II редакции несколько раз упомянуто захваченное казанское богатство, но лишь однажды говорится о его судьбе [46].

Как показал Кунцевич, источником для описания судьбы сокровищ во II редакции Казанского летописца явился текст Степенной книги [47]. Действительно, сообщение Степенной целиком вошло в текст Казанской истории:

Степенная книга [48]	**II ред. Казанской истории** [49]
Венец же царский и жезл и знамя царей Казанских и прочая царская орудия в руце благочестивому царю богом предана быша.	Православный же царь не златолюбец, но елико бе избранного оружия, сим подобная, и царьских утварей, тако повеле взяти в свою царьскую ризницу; сокровища же царьская, иже в Казани взято быша, *венец царьский и желз, и знамя казанских царей, и прочая царьская орудия, в руце благочестивому царю богом предана быша;* богатство же и плен повеле взяти воем, елико кто да хощет. Благоверный же князь не богатства ища, но неистовых и богу противляющихся смиряет».

Однако сообщение Степенной книги предельно кратко; собственно о судьбе царских сокровищ здесь и не говорится (упомянуты лишь знаки царского отличия, знамя, орудия). I редакция Казанской истории содержит совсем иное описание захвата казанских богатств [50].

---

[46] В главе «О приведении пред царя и великого князя Казанского царя Едигеря» — **ПСРЛ.** Спб., 1903, т. XIX, с. 467.

[47] **Кунцевич Г. З.** История о Казанском царстве или Казанский летописец. Спб., 1905, с. 530.

[48] **ПСРЛ,** Спб., 1913, т. XXI, ч. 2, с. 647.

[49] **ПСРЛ,** Спб., 1903, т. XIX, с. 467.

[50] **Моисеева Г. Н.** Казанская история, с. 156—157.

Сведения II редакции о захваченных царских сокровищах, таким образом, принадлежат ее автору, редактору конца XVI в., и, следовательно, заключает в себе четко им осознанную позицию по данному вопросу.

Итак, по версии II редакции Казанского летописца Грозный часть сокровищ взял в свою ризницу, часть же повелел взять воинам; действия Динары по версии Повести были иными. Опуская сведения Повести о передаче сокровищ в «домы божия», редактор привел в соответствие поведение идеализированного в летописце русского царя и легендарной грузинской царицы, в образе которой автор II редакции стремился выразить положительный идеал правителя и предводителя войска.

Приведенные наблюдения показывают, что при внесении во II редакцию Казанской истории текст Повести о Динаре подвергся сознательной обработке (упрощение сложных конструкций, исключение развернутых сравнений в целях прояснения сюжетной линии, четкости звучания важных для редактора идей Повести; пропуск фрагментов о судьбе сокровищ). Создание новой редакции Повести о Динаре было связано с внесением ее в Казанский летописец и диктовалось той ролью, которая отведена была ей автором II редакции: понимание истории войны Динары как параллели к событиям казанского взятия обусловили, с одной стороны, усиление публицистических идей Повести, с другой — приведение в соответствие поступков Динары поведению Грозного (по версии летописца).

* * *

Вторая половина XVI в.— период активного публицистического осмысления Повести о Динаре. Создание новых редакций (со вставкой, редакции Казанского летописца) свидетельствует об интересе к публицистической стороне памятника, связанном с общим подъемом публицистики в литературе XVI в.

Литературное окружение Повести о Динаре, наряду с редактированием, способствовало реализации публицистических идей памятника. Соположение Повести о грузинской царице с публицистическими памятниками, созданными на материале русской исторической действительности, приводило к усилению и конкретизации публицистического звучания Повести, активному сопоставлению идей и образов Повести с проблемами, волнующими русского книжника (прибавления к Хронографу, Казанский летописец).

Внесение Повести в такие официальные своды, как Хронограф и II редакция Казанской истории, было связано с политическими симпатиями Московского государства к христианской Грузии.

Обработка Повести о Динаре во 2-й половине XVI в. осуществлялась преимущественно под влиянием нового литературного контекста. В Соловецком Хронографе оформление всего корпуса прибавлений ориентировано на основной текст Хронографа, вслед-

ствие чего Повесть о Динаре приобрела атрибуты хронографической статьи (подзаголовок, номер главы). Особенно значительную обработку текста Повести повлекло за собой включение ее во II редакцию Казанской истории. Содержание Повести тщательно приведено в соответствие с замыслом редактора летописца.

В XVII—XVIII вв. Повесть о Динаре продолжает переписываться в прибавлениях к Хронографу и в составе Казанского летописца, появляются новые списки редакции со вставкой. Но постепенно интерес к Повести как публицистическому памятнику падает: новых редакций, а также литературных контекстов, акцентирующих публицистическую направленность памятника, не возникает. Рукописная традиция XVII в. отмечена борьбой между пониманием Повести как исторического повествования, с одной стороны, и толкованием ее как религиозно-назидательного памятника — с другой. В XVIII в. создается новая редакция памятника [51], полностью освобожденная от публицистических идей.

---

[51] ГБЛ, собр. Тихонравова, № 54, XVIII в., 4, скоропись, л. 54—56.

М. Н. КЛИМОВА

ОПЫТ ТЕКСТОЛОГИИ ПОВЕСТИ ОБ АНДРЕЕ КРИТСКОМ

Сюжет о герое, убивающем отца и вступающем в брак с матерью,— сюжет Эдипа — относится к числу наиболее древних и распространенных в мировом фольклоре и литературе. В. Я. Пропп, исследовавший этот интернациональный сюжет в его соотношении с исторической действительностью, выделил внутри него четыре основных типа, в которые укладывается почти весь европейский материал [1]. В древнерусской литературе представлены первые три типа «Эдипова сюжета» («Андрей Критский», «Юда» и «Григорий»), составляющие чрезвычайно интересную и малоизученную группу так называемых повестей о кровосмесителе; в нее входят Повесть об Андрее Критском, Сказание Иеронима о Иуде Предателе и Повесть о папе Григории [2].

Повесть об Андрее Критском занимает среди древнерусских обработок «Эдипова сюжета» особое место: если другие произведения этой группы были известны в Западной Европе задолго до их появления в русских рукописных сборниках («Папа Григорий» — с XI—XII вв., а «Иуда Предатель» — с XIII в.[3]), то Повесть об Андрее Критском встречается только у восточных славян и не ранее XVI в. К сожалению, произведение это практически не исследовано, и вся история его изучения целиком укладывается во временной отрезок между 1860 и 1915 годами, если не считать упомянутой статьи В. Я. Проппа, где задача специального анализа памятника не ставилась.

Начало изучения Повести было положено ее публикацией, осуществленной Н. И. Костомаровым по рукописи из собрания Буслаева (сейчас ГПБ, 0. XVII. 57, нач. XVIII в.) [4]. Публикация эта,

---

[1] **Пропп В. Я.** Фольклор и действительность. М., 1976, с. 260—261.

[2] О необходимости изучения этой группы уже писали наши исследователи (см.: **Державина О. А.** Задачи изучения переводной повести и драматургии XVII в. ТОДРЛ. М.— Л., 1964, т. XX, с. 242).

[3] **Seelisch A.** Die Gregoriuslegende.— Zeitschrift für deutsche Philologie. Halle, 1887, B. 19, H. IV, S. 385; **Соловьев С.** К легендам об Иуде Предателе.— Историко-литературные этюды, вып. I. Харьков, 1895, с. 149.

[4] **Памятники** старинной русской литературы, вып. II. Спб., 1860, с. 415—417.

изобилующая пропусками и неверными прочтениями, послужила единственным источником сведений о памятнике для большинства позднейших исследований. Общим местом этих немногочисленных работ стали указания на более или менее близкие произведения фольклора, реже рукописной литературы, объединяемые по единственному признаку — наличию в сюжете мотива кровосмешения [5] (даже «Папа Григорий» был издан вместе с «Андреем Критским» как разные варианты одной «Легенды о кровосмесителе»). Предположения же о времени и месте возникновения Повести, ее источниках и специфических особенностях среди обработок «Эдипова сюжета» носили, как правило, характер отдельных замечаний. Так, В. Дидерихс вскользь говорил о том, что Повесть об Андрее Критском возникла в результате контаминации нескольких ранних обработок сюжета (в первую очередь, вероятно, «Папы Григория» и «Иуды Предателя»), а источником ее считал некий недошедший южнославянский оригинал; свое предположение он основывал на том, что отец главного героя в «буслаевском списке» носит нерусское имя «Поуливачь» [6]. А. Н. Веселовский, прибавивший к числу предполагаемых источников Повести Великий покаянный канон Андрея, архиепископа Критского, в качестве оригинала памятника предполагал более древнюю греческую легенду, а также ее пересказ на славянском юге [7]. М. Драгоманов тоже считал, что Повесть возникла «едва ли на Руси, а скорее на христианском Юго-Востоке» [8], в Византии.

Иного мнения о происхождении Повести придерживался Н. К. Гудзий, автор самой обстоятельной статьи о памятнике [9]. Считая несомненной генетическую связь Повести со Сказанием Иеронима о Иуде Предателе, исследователь четко выделил все ее эпизоды, не находящие аналогий в Сказании Иеронима; их происхождение он объяснил материалами восточнославянского фольклора и рукописной литературы, что в конечном счете привело ее к выводу о возможности возникновения Повести на русской почве. Гудзий считал, что Повесть появилась как результат привнесения в сюжетную схему «Иуды Предателя» мотивов «Папы Григория», легенд о кающемся разбойнике и Великого покаянного канона Андрея Критского. В приложении исследователь опубликовал текст Повести о Андрее Критском по киевскому списку (сейчас БАН УССР,

---

[5] См.: **Костомаров Н. И.** Легенда о кровосмесителе.— Исторические монографии и исследования, т. 1. Спб., 1872, с. 303—311; **Diederichs V.** Russische Verwandte der Legende von Gregor auf dem Steine und der Sage von Judas Iscariot.— Russische Revue, XVII, 1880, IX, S. 119—146: **Веселовский А. Н.** Андрей Критский в легенде о кровосмесителе и сказании об апостоле Андрее — ЖМНП, Спб, 1885, т. 239, № 6, с. 231—237; **Драгоманов М.** Славянските преправки на Едиповата история. София, 1891 (отд. оттиск из Сборника за народни умотворения, наука и книжнина, кн. V, VI, XI).

[6] **Diederichs V.** Russische Verwandte..., S. 146.

[7] **Веселовский А. Н.** Андрей Критский в легенде..., с. 235.

[8] **Драгоманов М.** Славяньските преправки..., с. 88.

[9] **Гудзий Н. К.** К легендам об Иуде Предателе и Андрее Критском.— РФВ, 1915, № 15, с. 3—30.

ДА/П.581), сильно отличающийся от «буслаевского» и хронологически более ранний. Публикация эта фактически лишена ошибок и выполнена на высоком научном уровне. К сожалению, важная, во многом итоговая статья Н. К. Гудзия стала последней. После 1915 года какие-либо исследования Повести нам не известны.

Таким образом, ни один из вопросов, возникавших при рассмотрении Повести, в частности, наиболее волновавший дореволюционных исследователей вопрос о ее происхождении, не получил окончательного решения. Они и не могли быть решены на основании одного, случайно взятого списка, без подробного текстологического анализа всех списков памятника. Однако последняя задача вообще не ставилась. Дело ограничилось лишь публикацией двух текстов (Н. И. Костомаровым и Н. К. Гудзием) и краткими упоминаниями о еще двух списках в статье О. Фотинского «К литературной истории южнорусских апокрифов»[10] и в докладе М. И. Соколова[11].

Между тем история текстов Повести (учитывая ее популярность, близость к фольклору, наличие сосуществующих и взаимодействующих с ней устных легенд и преданий на тот же сюжет) не только представляет значительный интерес сама по себе, но и важна при решении других, возникающих при изучении повести проблем. Мы попытаемся систематизировать большинство известных списков повести и создать приблизительную стемму памятника с выделением редакций и вариантов внутри редакций.

Повесть об Андрее Критском пользовалась у читателей особой популярностью: она переписывалась в течение почти трех веков (с начала XVII до середины XIX в.) и дошла в значительном числе списков. Причины этой популярности те же, какими Н. К. Гудзий объяснял чрезвычайную распространенность другого древнерусского произведения о кровосмесителе — Повести о папе Григории: «повышенная драматичность содержания, соединенная с острой занимательностью фабулы, исключительность событий и ситуаций»[12].

В настоящее время выявлено 47 списков Повести об Андрее Критском, из которых в данной работе рассматриваются 35, находящихся в ГПБ, ИРЛИ, БАН, ГБЛ, библиотеке МГУ, ГИМ, ГПНТБ, библиотеке Саратовского университета, БАН УССР и ГАКО.

Приступая к рассмотрению истории Повести, необходимо предварительно отметить ряд общих особенностей, определивших направление всего процесса развития текста.

Прежде всего, параллельно с текстом Повести развиваются, воздействуя на него и испытывая его влияние, другие древнерусские произведения о кровосмесителе — «Папа Григорий» и «Иуда Предатель», а также рукописные обработки сюжета о кающемся разбойнике (например, из Синайского патерика или Пролога). Та-

---

[10] **Волынский** историко-архивный сборник, вып. 1. Житомир, 1896, с. 5.

[11] **Древности.** Труды Славянской комиссии МАО, т. III. М., 1902, с. 4.

[12] **Гудзий Н. К.** Новые редакции Повести о папе Григории.— ТОДРЛ, М.— Л., 1958, т. XV, с. 177.

кая взаимопроницаемость повестей этой группы приводит к самым неожиданным контаминациям разных типов сюжета о кровосмесителе. Необходимо оговорить, что до подробного текстологического анализа вышеназванных призведений (во многом еще остающегося делом будущего) они могут рассматриваться лишь как особые типы интересующего нас сюжета (по классификации В. Я. Проппа). По этой же причине в данной работе будет идти речь в основном лишь об одной стороне этого процесса, т. е. только о влиянии этих произведений на исследуемый нами памятник.

С литературной трактовкой сюжета сосуществуют также его многочисленные фольклорные обработки, развитие которых подчиняется своим особым законам; необходимо учитывать вероятное воздействие устных трактовок сюжета и возможность фольклорного посредства в отдельных случаях.

Наконец, сам сюжет Повести отличается особой гибкостью и предрасположенностью к распространению того или иного отдельного эпизода. Несомненна и известная его светскость в сочетании с дидактичностью, что открывало поле деятельности для переписчиков памятника и создавало возможность индивидуальных обработок. Действие всех этих особенностей привело к образованию большого количества редакций Повести, а также частных вариантов. В настоящее время в результате текстологического анализа Повести об Андрее Критском выделяются пять редакций: краткая, распространенная (с вариантами внутри нее), особая и две вторичных особых редакции — саратовская и московская.

Краткая редакция представлена двумя списками;

1. БАН УССР, ДА/П. 581, л. 115—119 об. (далее $К_1$).

2. ГПБ, собр. Погодина, № 1952, л. 148—152, 40-е гг. XVII в. (далее П).

Датировка списка $К_1$ имеет особое значение, так как это древнейший из дошедших списков повести. Опубликовавший его Н. К. Гудзий датировал список XVI в., сообщая, что на большинстве листов сборника виден «не совсем ясной формы кувшинчик, водяной знак, характерный для XVI в. и отчасти начала XVII в.» [13] Так как основная филигрань сборника не находит точных аналогий в альбомах водяных знаков (имеется отдаленное сходство с № 1952 (1594 г.) и № 4126 (1587 г.) (по Лихачеву)[14], а почерк рукописи (полуустав) не дает дополнительных сведений для более точной датировки, сборник условно датируется рубежом XVI—XVII вв.

Краткая редакция Повести характеризуется конспективностью изложения, превращающегося порой в сухую констатацию фактов, отсутствием психологической мотивировки поступков персонажей, а также личных имен (кроме имени главного героя); нет здесь и упоминания о каноне, написанном Андреем в погребе. Эту редак-

---

[13] **Гудзий Н. К.** К легендам..., с. 7.

[14] Проверка филиграней этого сборника, а также всех других киевских списков выполнена Л. В. Титовой, которой приносим свою искреннюю благодарность.

цию также отличает особая трактовка отдельных эпизодов, нигде более не встречающаяся; мать Андрея, опознав сына по шраму, спрашивает его не о происхождении этого шрама, а о его родителях; для покаяния она посылает его не в «град Крит», а в «скит»; епископ находится не в городе, а на некоем «острове Крицком», существующем независимо от «града Крита» [15]; по наложенной на героя «епитимии» (в других редакциях — «заповеди») он будет прощен богом тогда, когда погреб наполнится землей и наказуемый окажется поверх погреба «на мураве»; прощение Андрея и его матери начинается с того, что последняя приходит к епископу, и тот приказывает ей купить рыбы — в других редакциях покупается (реже ловится) рыба для прибывших к епископу гостей, при этом мать Андрея либо вообще не упоминается, либо она появляется перед гостями.

Оба списка краткой редакции очень близки между собой, с малым количеством разночтений. Отличиями в содержании являются, во-первых, детализация обстоятельств отцеубийства в списке П, во-вторых, пересказ слов матери в сцене узнавания в том же списке П. Обе эти подробности, отсутствующие в списке К 1, свойственны в той или иной степени всем спискам распространенной редакции, с которыми список П сближают и некоторые разночтения, так что не исключена возможность влияния текстов этой редакции на список П (тексты эти известны с начала XVII в.). Вероятно, списки К 1 и П следует рассматривать как отдельные варианты краткой редакции.

Распространенная редакция Повести об Андрее Критском была особенно популярна у читателей; она представлена 30 списками XVII—XIX вв., отличающимися массой разночтений, не выходящих, однако, за пределы редакции. В целом эта редакция характеризуется расширением и углублением сюжетной схемы краткой редакции, детализацией эпизодов, едва там упомянутых, психологической мотивировкой поступков персонажей, активным введением прямой речи. В результате рельефнее становится основная идея произведения (безграничность божьего всепрощения и искупительная сила покаяния), неоднократно варьируемая в ходе повествования; одновременно характер главного героя, едва намеченный в краткой редакции, приобретает ясность и индивидуальность.

Сюжетная схема, данная в краткой редакции, обрастает подробностями неравномерно; при рассмотрении едва ли не каждого отдельного списка распространенной редакции можно заметить детали, отсутствующие или замененные в других списках.

В результате текстологического анализа можно выделить одиннадцать вариантов распространенной редакции, часто взаимодействующие друг с другом, причем процесс этот усиливается в XVIII и XIX вв.

---

[15] Подобный географический феномен можно объяснить не только обрывочностью у переписчика реальных сведений о месте действия, но и влиянием Повести о папе Григории, где покаяние героя происходит на острове.

Первый вариант представлен тремя полными списками:

1. Библиотека МГУ, 2Ес87, л. 170 об.— 179, кон. XVII в. (М).

2. БАН, 38. 6. 7 (Плюшк. 231), л. 149 об.— 156, кон. XVIII в. ($А_6$).

3. ГБЛ, ф. 218, № 316, л. 21 об.— 28, кон. XVIII в. ($Ф_1$).

Хотя наиболее ранний список этого варианта датируется концом XVII в., не исключена возможность его более раннего возникновения. На это указывает отрывок в рукописи ГПБ, Соф. 1485, л. 107 (С), датируемой 10-ми годами XVII в., где сохранилась только концовка[16], почти дословно совпадающая с другими списками первого варианта. Кроме этого, очень близки к тексту данного варианта следующие дефектные списки и отрывки Повести:

1. ГИМ, собр. Уварова, № 422, л. 221—223 об., XVII в. (У).

2. Библиотека Саратовского университета, № 532 (собр. Шляпкина, 177/278), л. 22 об.—24, 2-я пол. XVII в. ($Ш_1$).

3. ГАКО, ф. 149, д. 141, л. 56—70 об., XVII в. ($Г_1$).

4. ГАКО, № 148 (3060), л. 246—251, кон. XVII в. ($Г_2$).

5. БАН УССР, ДА/П. 533, л. 170—178 об., 1-я пол. XVIII в. ($К_3$).

На особенностях текста Повести в первом варианте распространенной редакции необходимо остановиться подробнее, так как он послужил основой для других вариантов.

1. Текст памятника в данном варианте приурочивается ко дню памяти Андрея Критского (4 июля) и в жанровом отношении определяется переписчиком как «житие» (в краткой редакции «слово»), с чем, вероятно, связано резкое возрастание, сравнительно с краткой редакцией, дополнений и комментариев богословского характера.

2. Отец героя назван «Паулий» (или «Павел», в М — «Пауливы»).

3. Значительно расширен эпизод с находкой младенца монахинями (их монастырь в этом варианте назван «Купина»): приводится разговор с игуменьей черноризицы, увидевшей Андрея; игуменья на берегу моря допрашивает сестер и, только убедившись в их невиновности, полагается на божье провидение и берет ребенка в монастырь.

4. Появляются новые подробности в рассказе о воспитании Андрея: его выкармливают козьим молоком и в возрасте 9 лет начинают обучать грамоте.

5. Краткое сообщение о совращении Андреем монахинь превращается в большое описание: говорится о наущении дьявола, по которому 15-летний герой начинает совращать монахинь «ово любовию, ово насильством»; приводится разговор кающихся монахинь с игуменьей; игуменья подробно рассказывает «первие всех», как Андрей соблазнил ее «притчами многими прежних человек

---

[16] Пять предшествующих листов рукописи вырваны, последний же лист уцелел, вероятно, потому, что на обороте начинается другой текст.

падением во грех»; за этим следует пространное описание взаимного покаяния монахинь.

6. Детализирован эпизод отцеубийства: Андрей, нанятый отцом, получает наказ убивать каждого замеченного в саду; спустя некоторое время хозяин ночью отправляется «в виноград» (цель не сообщается); «у виноградных врат» его замечает сторож и убивает, приняв за вора; обнаружив, что убит хозяин, Андрей прячет его под яблоней и сообщает о случившемся хозяйке.

7. Сообщается о любви хозяйки к работнику.

8. Драматизирована сцена узнавания: в первую же ночь жена видит у Андрея шрам и спрашивает его о происхождении шрама; Андрей подробно рассказывает ей о своем прошлом, проявляя непонятную осведомленность о событиях, предшествовавших рождению: «отец его повеле убити бабе и...мати его утробу повеле пререзати»; мать открывает ему страшную правду, после чего посылает потрясенного героя на поиски священника в «град Крит».

9. Первого иерея, отказавшегося его простить, герой убивает «налоем церковным».

10. Подробно приводится разговор со вторым иереем: на его отказ простить грешника Андрей возражает цитатой из Священного писания: «Аще свяжеши на земли, будет связан на небеси, аще разрешиши на земли, будет разрешен на небеси», после чего убивает в ярости иерея: «уби его поясом своим, извлече его из церкви и предаст его смерти».

11. Третьего священника герой убивает «замком церковным».

12. После этого Андрей вспоминает о существовании прозорливого Критского епископа и отправляется к нему, решив в случае нового отказа разорить с вражеским войском родной город.

13. Епископ, увидев в пришедшем «мужа дивна и духовна и украшена мужеством, яко хощет сосуд избран быти», беседует с ним наедине, после чего посылает за грешной матерью; следует новая беседа с невольными грешниками, и только после этого епископ велит выкопать погреб.

14. Находясь в погребе, Андрей пишет канон.

15. Через 30 лет к епископу приходят гости, расспрашивающие мать Андрея о причинах ее наказания.

16. Епископ находит Андрея сидящим «поверх земли...тоя» и дописывающим девятую песнь канона; он постригает его «во иноческий образ» и, благословив, посылает в монастырь, наказав через три дня вернуться и похоронить его.

17. Андрей хоронит епископа в «церкви Всемилостиваго Спаса» и «по божьему изволению» 30 лет праведно епископствует в «граде Крите».

18. Повесть заканчивается длинным прославлением христианских доблестей Андрея-епископа.

По всей вероятности, текст Повести в первом варианте очень близок протографу распространенной редакции, но не тождественен ему, на что указывает, например, ничем не мотивированное знание Андреем своего прошлого. Здесь, видимо, сказалось влияние

Повести о папе Григории, где знание героем своего прошлого мотивировано и является обязательным условием повествования. Это заимствование не было свойственно протографу, на что указывают варианты пятый, восьмой, десятый и одинадцатый, где факта знания героем прошлого нет; в краткой редакции он также отсутствует.

Ко второму варианту распространенной редакции относятся 8 списков:

1. ГПБ, собр. Титова, № 2468, л. 413—421, 60-е гг. XIX в. ($Т_1$).
2. БАН УССР, П 533/1737, л. 70—72 об., XVIII в. ($К_4$).
3. ГИМ, собр. Вахрамеева, № 776, л. 62—64, XVIII в. ($В_1$).
4. БАН, 33. 15. 120, л. 6 об.— 10 об., посл. четв. XVIII в. ($А_2$).
5. БАН, 33. 15. 121, л. 11—16, посл. четв. XVIII в. ($А_3$).
6. ГБЛ, собр. Тихонравова, № 451, л. 70—83, нач. XIX в (Тхн).
7. ГБЛ, собр. Беляева, № 65 (1574), л. 94—97 об., XIX в. ($Бел_2$).
8. ГБЛ, ф. 218, № 806, л. 9—12, серед. XIX в. ($Ф_2$)[17].

В целом текст второго варианта близок к первому, отличаясь большей детализацией, в частности, сообщается имя матери Андрея: «Гордияна» (варианты — Гордиана, Городияна, Гардиона), говорится о вырезанном на дощечке имени найденыша, к обязательному описанию Андрея-святого — «и просвятися лице его аки солнце» — добавляется: «ризы его убелишася аки снег»; прославление Андрея-епископа заканчивается сообщением, что всего он прожил 102 года.

Однако второй вариант не возводим к первому, а, по-видимому, возник независимо от него: можно заметить более простое построение ряда эпизодов в этом варианте сравнительно с первым. Так, в эпизодах убийства попов наиболее ранний текст $Т_1$ орудия убийств вообще не называет, а более поздние списки отличает путанность и крайняя невразумительность этого места, хотя можно заметить влияние списков первого варианта (так, упоминается «налой церковный»). В эпизоде прощения грешников епископ вспоминает о матери Андрея лишь при виде ключа (ср. более сложное и продуманное построение эпизода в первом варианте).

Если предположить развитие текста Повести как движение в сторону все большего усложнения изначально простой сюжетной схемы, то можно считать второй вариант в построении указанных эпизодов более близким протографу распространенной редакции.

Во всех восьми списках второго варианта содержится ошибка, видимо свойственная протографу этого варианта: в рассказе о своем прошлом Андрей ошибочно говорит, что разрезать ему живот велел отец, а не мать.

---

[17] Судя по известным началам текста, к тому же варианту относится и два списка, с которыми мы не имели возможности ознакомиться: список из Самарской публичной библиотеки, Q. III, кон. XVIII в. (см.: **Назаровский А. А.** Библиография древнерусской повести. М.— Л., 1955, с. 44) и список из Волынского епархиального древлехранилища № 20 (инв. 19), 1807 г. (там же).

К третьему варианту распространенной редакции мы относим пять списков:

1. БАН, 21. 7. 8, л. 165—170, серед. XVII в. ($А_1$).

2. ГБЛ, собр. Большакова, № 162, л. 327—334, кон. XVIII в. (Бол).

3. ГПБ, собр. Буслаева, 0. XVII. 57, л. 36—46 об., нач. XVIII в. (Б).

4. ГАКО, № 3060 (95), л. 9—12 об., кон. XVIII в. ($Г_3$).

5. ИРЛИ, собр. ИМЛИ, № 68, л. 34—36, нач XIX в. (И).

Третий вариант возник в результате распространения и детализации текста первого варианта. Главные его особенности следующие.

1. Мотивируется решение хозяина пойти ночью в сад: «Иду в виноград мои, искушу стража своего».

2. Расширен спор со вторым иереем — появляются его реплики: «Не подобает нам таких принимати на дух»; «Не хочу аз таковаго греха носити на себе, яко не имат прощения человек, сотворивыи (толиких) грех» (эта реплика отсутствует в списке $А_1$, впрочем, сильно испорченном).

3. Епископ приходит к Андрею «со всем собором».

4. Епископ приносит в церковь сложенный Андреем канон и читает его вслух.

К этому варианту относится и опубликованный Н. И. Костомаровым «буслаевский» список (Б), на котором основывались дореволюционные исследователи Повести. При анализе списка Б можно заметить ряд деталей, отличающих его от других текстов этого варианта: имя отца Андрея «Поуливачь», «замыкание ноздрей» грешной матери, обращение к ней гостей: «Како у тебя на ноздрях замок сей, коея притчею сотворися тебе?», отклонения в прославлении доблестей Андрея-епископа. Нельзя не заметить несомненную вторичность списка Б даже относительно других списков этого варианта. Так, длинная реплика монахинь в сцене покаяния: «Не утаится всяк грех пред богом, иже сотворит человек, но и раб есть греху, но раби есьми и мы, тому греху повинни...» превращается в списке Б во фразу: «Не ради мы тому греху». Вероятно, можно рассматривать список Б (и близкий к нему И, начала XIX в.) как подвариант третьего варианта, несомненно вторичный.

Четвертый — одиннадцатый варианты распространенной редакции представлены каждый единственным списком. В целом эти варианты характеризуются различными изменениями текста (чаще первого варианта), вызванными указанными ранее процессами (см. с. 48—49), действие которых особенно усиливается в XVIII—XIX вв. Эти единичные, не поддержанные переписчиками, варианты условно называются «авторскими».

Четвертый вариант представлен списком из ГБЛ, собр. Беляева, № 59 (1567), л. 21 об.— 27, втор. пол. XVII в. ($Бел_1$). Текст Повести не дописан, на обороте листа начинается другое произведение. Этот вариант восходит к первому варианту, отличаясь от него рядом подробностей, привнесенных предшествующим переска-

зом сюжета. Например, появляется реплика бабки матери Андрея (?): «Отрочати жив»; игуменья велит ударить «в колокола»; 9-летнего героя отдают «в научение грамотное»; Андрей прячет убитого хозяина «под иво любиму древо»; о свадьбе героя с хозяйкой говорится: «И бывжу обеды и пошли на ложище»; в рассказе Андрея жене о своем прошлом опущен эпизод службы у купца (в первом — третьем вариантах эти события, хорошо известные не только читателю, но и самой слушательнице, педантично пересказываются) и др. Характерна и орфография списка, часто приближающаяся к разговорной речи, а также просторечные формы: «побеже», «рожение» и пр. Наконец, главной особенностью этого варианта является неожиданная подробность: епископ прорезает грешной матери «губы». Подробность эта не имеет аналогий ни в одном списке Повести, однако находит параллели среди многочисленных фольклорных обработок сюжета о кающемся разбойнике, к которым Н. К. Гудзий возводил сам способ наказания матери в Повести. Действительно, в числе наказаний кающегося разбойника есть сходные: обруч на шее или пояснице (который должен сам лопнуть)[18] или замочки в ушах (которые должны сами разомкнуться)[19]. Повесть в этом списке осталась недописанной, однако мы можем предугадать некоторое изменение окончания текста: сам характер наказания матери Андрея («замыкание губ») исключает ее рассказ гостям. Видимо, о ней в этом эпизоде либо вообще не упоминалось бы (ср. вариант 2), либо рассказывать пришлось бы епископу (как в варианте 6).

Пятый вариант представлен списком из БАН УССР, ДА/892 Л, л. 25 об.— 32, 1702 г. ($К_2$), в целом сходным с первым вариантом, но не могущим быть возведенным к нему, так как в $К_2$ рассказ Андрея о своем прошлом не содержит фактов, предшествующих его рождению, о которых герой не может знать, а начинается следующим образом: «...бывши презане утробе моей», как это, вероятно, было и в протографе распространенной редакции. Этому списку также, видимо, предшествовал устный пересказ, что принесло в повествование ряд живых и рельефных подробностей. Так, монахини, чтобы рассмотреть ребенка, «взявша его на бреги»; Андрей сообщает хозяйке: «Господина своего аз убих, лежит в винограде»; в споре со вторым иереем Андрей восклицает: «А ты, иерею, за что мя не прощаеши?!», а сам спор заканчивается тем, что герой «снем с себя пояс, и удави его (иерея) и извлече его из церкви вон»; епископ велит «на обед рыбы ловити, и начаша омывати, и выпороша ключ» и т. д. Главная особенность этого варианта — предсказание судьбы будущего сына купец получает не от говорящих голубей, а во сне. «...и слыша во видении очи, весть глаголющи ему во сне...». Деталь эта довольно часта в жанре чудес и житий, однако следует заметить, что подобным же образом предсказывается

[18] **Етнографічний** збірник, т. XIII. Львів, 1902, с. 143—145.
[19] **Садовников Д. Н.** Сказки и предания Самарского края. Спб., 1884, с. 300—301.

судьба Иуды как в рукописном «Сказании Иеронима»[20], так и во многих фольклорных обработках этого типа «Эдипова сюжета», особенно широко распространенных на Украине[21]. На Украине же, вероятно, создавался и исследуемый список, хранящийся в Киеве, так что подробность о предсказании во сне могла быть внесена в этот вариант распространенной редакции из легенд об Иуде.

Влияние предшествующих устных переработок особенно сильно сказалось в списке ГПБ, собр. Титова, № 278, л. 1—11, 60-е гг. XVIII в. ($Т_2$), вызвав существенное изменение его сюжетной основы, восходящей к первому варианту распространенной редакции. Этот список повести представляет особый шестой вариант.

Отличие его от всех предшествующих вариантов распространенной редакции начинается уже с заглавия. До сих пор повествование об Андрее Критском определялось как «житие», реже «слово» ($Т_1$, $К_4$, $Бел_2$, $Ф_2$, И), приуроченное ко дню памяти святого. В списке $Т_2$ произведение названо: «Слово о Андрее Критском в четверток пятой недели Великого поста». По всей вероятности, для создателя текста $Т_2$, не слишком искушенного в чтении житий святых (каноническое житие Андрея Критского входит в Великие Четьи Минеи и печатный Пролог), имя Андрея было знакомо на слух по церковной службе (в состав Великого канона, читаемого в четверг на пятой неделе Великого поста, включается и краткая «биографическая справка» о его создателе).

Текст $Т_2$ отличается сильными отклонениями от исходного для него первого варианта. Вот как выглядит, например, здесь начало Повести, обычно сходное даже у списков разных вариантов (подчеркнуты инивидуальные особенности $Т_2$): «Бысть град Крит. В том граде Крите бе некий *человек* купец именем Павел. *Шед ис полат своих и бысть во ушесу его слышание* от птиц, зовомыи голуби, два, *обою летяща* и глаголюща между собой: *«У сего господина в дому будет бо радость:* родит его жена *детища,* и наречется ему имя во святом крещении Андрей, и тои убо отроча убиет отца, а матерь бо свою поимет себе *в жену.* Он же слышав и удивися *и ужасеся бо тогда и о сем никому не поведа. Тогда у жены его зачати детища во чреве ея...»* Приведем некоторые примеры отклонения $Т_2$ от исходного варианта (полная их регистрация потребовала бы пересказа всего текста): Андрей совращает монахинь в возрасте «дванадесяти лет»; второго иерея герой «в великом гневе застега... поясом до смерти»; размеры погреба гиперболизируются, как это часто случается в фольклорных обработках книжных сюжетов: «мирою во глубину тридесять сажень, а в ширину три сажени» (ср. исходные «3» и «полсажени»); несмотря на тридцатилетнюю заповедь, прощение грешников происходит через 35 лет. Сильно отличается концовка повести: вместо последнего разговора епископа с Андреем и следующего за ним этикетного прославления нового архиепископа Критского коротко сообщается: «...бысть бо Андрей

[20] **Соловьев С.** К легендам об Иуде Предателе, с. 187.
[21] **Ентографіческий** збірник, т. XII. Львів, 1902, с. 120; т. XIII, с. 236.

епископом на его месте по смерти его. И обою прощена быша от бога много, и много поживше во своем святом житии с материю его». В последних словах содержится, возможно, отголосок Повести о папе Григории.

Необходимо отметить также неожиданно тяжеловесный стиль повествования со множеством отглагольных существительных и сложными книжными оборотами. Эта книжная стилизация сочетается, как можно заметить, с очень свободным отношением к исходному тексту, имеющему своим источником устный пересказ. Со сходным явлением мы сталкиваемся в творчестве так называемых «сказочников-книжников» — сказителей, уже частично приобщенных к городской культуре и потому вольно или невольно стилизующих свой рассказ под книжный [22]. Создатель шестого варианта, несомненно, сродни этому типу народных сказителей.

Совсем иной характер носят изменения первоначального текста в списке ИРЛИ, Красноборское собр. № 1, л. 270 об.—276 об., 70-х гг. XVIII в. (Кр), выделенного в качестве седьмого варианта. Он очень близок к первому варианту (только отец героя вместо Павла назван Василием), но изменена концовка: текст списка Кр заканчивается наложением покаяния на грешников без их последующего прощения. О подобном окончании Повести в одном из списков сообщил О. Фотинский [23]. Среди фольклорных обработок истории Андрея Критского также есть сказание, не имеющее темы покаяния, но там обнаружившийся кровосмесительный грех искупается совсем просто, «по-мирскому»: «Развяли их тада законным» [24]. В списке же Кр подобное изменение текста вызвано, по-видимому, иными соображениями: нашей Повести предшествует Повесть о папе Григории, проникнутая той же идеей всесильности покаяния, кроме этого, в заповеди епископа уже предсказана дальнейшая судьба невольных грешников, поэтому концовка опускается как ненужная.

В качестве восьмого варианта распространенной редакции мы выделяем текст БАН, 4. 1. 33, л. 19 об.— 23, 70-х гг. XVIII в. ($А_4$). Этот список по ряду подробностей, отсутствующих во всех прочих текстах Повести, сближается со списком $К_2$ (пятый вариант): появляются слова Андрея, сообщающего хозяйке об убийстве ее мужа; второго иерея герой «удави поясом своим»; рыба для гостей ловится, а не покупается и т. д. По всей вероятности, оба эти списка восходят к общему для них протоварианту, сохранившему черту протографа, утраченную первым и вторым вариантами: Андрей ничего не знает о событиях, предшествовавших его рождению. Особенностью же восьмого варианта является то, что к рассказу героя о себе «для симметрии» добавляется рассказ его матери: «...и рассказа ему все подробну о глаголании птиц о себе, яко убити

---

[22] См.: **Соколов Ю. М.** Русский фольклор. М., 1941, с. 316.

[23] **Фотинский О.** К литературной истории южнорусских апокрифов, с. 5.

[24] **Добровольский В. Н.** Смоленский этнографический сборник, ч. 1. Спб., 1891, с. 270.

ему отца, и того ради повелен бысть умертвити, чрево пререзати и на дсце на море пущен бысть».

Список БАН, № 8993 (Сем. II), л. 83 об.— 95, кон. XVIII в. (A_5), восходящий к первому варианту распространенной редакции, выделен нами в качестве девятого варианта из-за заметного «окнижения» языка Повести, о чем свидетельствуют такие обороты и слова, как «монастырь расстояние имеет от града того тридцать поприщь», «пререзати чресла на полы», «шествие творяше» (о монахине, нашедшей ребенка), «блудное дело», «презвитер», «запор церковный» (вместо «замок») и пр. Стоит отметить, впрочем, и живую деталь, проникшую в текст в этом варианте: в эпизоде с ключом фигурирует повар, чистящий рыбу.

Десятый вариант представлен списком из Латгальского собрания ИРЛИ № 69, л. 322 об.— 330 об., нач. XIX в. (Лат), входящим в состав старообрядческого сборника слов и поучений святых отцов. Это, по-видимому, определило характер изменения первоначального текста, возводимого к тому же протоварианту, что и варианты пятый и восьмой, но независимо от них, хотя список Лат перекликается с восьмым вариантом, рассказом матери, «симметрично» включенным в повествование. Десятый вариант также отличает сильная книжность языка: «инокини», «сестры же, видеша таковое падение» (во всех прочих списках «таковую пакость»); «словесы поучительные»; «коея вины тако страждет» (вопрос гостей к матери Андрея); «погребанию предаст»; «объят быв болезнью» и т. д. Сильно заметна церковная начитанность и осведомленность переписчика: Андрей, архиепископ Критский, в заглавии назван «ерусалимлином», что соответствует реальным сведениям о нем; о каноне, написанном Андреем, дополнительно сообщается, что он «поется на первой неделе и в четверток пятой недели» (что также является более точным) [25]; наконец, только в списке Лат исправлена ошибочная ссылка в цитате из Евангелия (на Иоанна вместо Матфея), механически повторенная в остальных списках распространенной редакции. Дидактическому характеру сборника соответствует и концовка повести, увеличенная почти вдвое: к обычному прославлению христианских добродетелей Андрея-епископа присоединяются рассуждения нравоучительного характера: «...тако убо подвизася добре и тако течение жития своего соверши, и тако покаянием господови своему угоди...». Любопытно, однако, что и в этом варианте находит отражение общая тенденция развития текста в распространенной редакции — обрастание сюжетной схемы новыми деталями: в частности, Андрей заявляет епископу о своем решении разорить Крит, если епископ откажется простить его. Деталь эта в Лат не случайна и подчинена замыслу его создателя: с помощью ее происходит своеобразное «обеление» добродетельного епископа — от него отводится обвинение в трусости (о чем прямо гово-

---

[25] См.: **Пономарев А.** Андрей архиепископ Критский.— В кн.: Православная богословская энциклопедия, т. 1. Спб., 1900, с. 768.

рится во всех других списках распространенной редакции), а действия его объясняются страхом за судьбу родного города.

Однако подобное изменение Повести с усилением ее богословского и дидактического характера остается явлением исключительным. Магистральное же направление развития текста в распространенной редакции — это последовательное расширение и детализация сюжетной схемы (часто посредством устных пересказов) с установкой на усиление занимательности сюжета. Об этом свидетельствует, например, список из Причудского собрания ИРЛИ № 11, л. 114 об.— 117 об., нач. XIX в. (Пр), выделяемый в качестве одиннадцатого варианта именно из-за его заметной фольклорной окраски. Этот вариант, возводимый к тому же протоварианту, что и варианты пятый, восьмой и десятый (из-за сохранившейся в нем той же черты протографа), характеризуется появлением ряда подробностей, имеющих своим источником предшествующий устный пересказ. Приведем для примера начало Повести по списку Пр: «...В том же граде Крицком *живя* купец именем Павел, *весма богат, имея жену Марфу, не имея детища ни единого...»*. Отметим еще некоторые особенности: переписчик считает нужным сообщить, что черноризица выходит за водой «поутру рано», и не забывает отметить, что, увидев младенца, она бежит в монастырь, «почерпи скоро». В концовку Повести властно вторгаются элементы Повести о папе Григории, что приводит даже к противоречиям в тексте. Вначале Андрей получает тридцатилетнюю заповедь на тех же условиях, что и в остальных текстах Повести, но далее говорится, что епископ «запре замком» погреб, ключ от которого вместе со вторым (от замка в носу грешной матери) бросает в море. Через 30 лет оба ключа находят в рыбе, и епископ освобождает прощенных грешников, причем об исполнении его первой заповеди ничего не говорится.

Таким образом, рассмотрев все варианты распространенной редакции, мы можем сделать вывод: развитие текста идет по линии усложнения изначально простой сюжетной схемы. Это приводит в конечном счете к парадоксальному явлению: именно умелый подбор деталей делает рельефнее богословскую идею произведения, но с другой стороны, распространение эпизодов, внесение все новых и новых подробностей приводит к свободному обращению с исходным текстом, повествование все более раскрепощается, разросшиеся эпизоды превращаются едва ли не в самостоятельные вставные новеллы (на примере истории согрешивших и покаявшихся монахинь это особенно заметно), и итогом развития текста становится его обмирщение и беллетризация с явным уклоном в сторону занимательности. Не случайно, что отмеченные в текстах первого варианта комментарии и вставки религиозного характера в списках XVIII—XIX вв. зачастую сокращаются, опускаются и, наконец, исчезают вовсе.

Усиление процесса обмирщения и беллетризации текста особенно заметно на примере дальнейших обработок Повести об Андрее Критском, так называемых особых редакциях. Их анализ должен

стать предметом специального исследования, здесь же ограничимся только перечнем соответствующих списков.

Особая редакция представлена текстом в сборнике ГПНТБ, собр. Тихомирова, № 252, л. 27 об.—32 об., перв. трети XVII в.; весь этот сборник составлен из индивидуальных (авторских) обработок различных повестей.

Вторичные особые редакции известны в двух версиях, независимых друг от друга: саратовской (по списку СГУ, собр. Шляпкина, 7 и 12 (№ 379), л. 68 об.— 72 об.) и московской (ГИМ, собр. Вахрамеева, № 436, л. 160—163 об.). Обе они представляют вольную обработку распространенной редакции, прошедшей этап фольклорного пересказа.

Итак, в результате подробного рассмотрения 35 списков Повести об Андрее Критском мы выделили 5 редакций памятника. К сожалению, вне нашего рассмотрения остались 12 текстов, в том числе список, входящий в знаменитый «красный сборник» ГИМ, собр. Соколова, № 15, фольклорную окраску и «почти былинный склад» которого отмечали многие исследователи. Если учесть, что Н. К. Гудзий выделил в особую редакцию (именно из-за фольклорных мотивов) текст «Папы Григория» в этом сборнике[26], то не исключена возможность сходной трансформации и для близкой по сюжету и легко проницаемой для фольклорных элементов Повести об Андрее Критском.

Очень возможно, что будущие исследования недостающих списков в чем-то изменят наше сегодняшнее представление о путях изменения текста Повести, однако уже сейчас можно с большой определенностью говорить о главных закономерностях и направлении его развития.

На рубеже XVI—XVII вв. возникает краткая редакция Повести, очень близкая к ее архетипу. Независимо от нее примерно в это же время (или чуть позднее) возникает протограф распространенной редакции, сочетающей в себе черты первого и второго вариантов, а также предполагаемого протоварианта, к которому восходят варианты пятый, восьмой, десятый и одиннадцатый. Расширение и детализация сюжетной схемы протографа, протекающие в различных списках распространенной редакции неравномерно, приводят к образованию одиннадцати вариантов этой редакции, общей закономерностью которой является движение в сторону обмирщения и беллетризации Повести. Вольные пересказы текстов распространенной редакции, осложненные фольклорным посредством и воздействием сходных сюжетов, приводят к независимому друг от друга появлению во второй половине XVIII в. двух вторичных особых редакций, на которых особенно заметно действие процесса обмирщения Повести. Наконец, независимо от текстов распространенной редакции по сюжетной схеме архетипа в начале XVIII в. создается авторская особая редакция.

---

[26] Гудзий Н. К. Новые редакции Повести о папе Григории, с. 179.

В результате текстологического анализа получены некоторые данные, проливающие свет на проблему происхождения Повести об Андрее Критском. «Буслаевский список», исключительно на котором строили свои предположения о нерусском происхождении повести дореволюционные исследователи, явно вторичен. Имя «Поуливачь» (главный аргумент сторонников этой гипотезы) встречается только в этом списке и близком к нему позднем списке И, а в остальных случаях отец героя носит имя Паулий или Павел (исключение составляет лишь имя купца в списке М — Пауливы — происхождение которого пока не ясно), так что возможна вторичность этого имени в «буслаевском списке». Да и сам вопрос об имени не играет особой роли, так как наиболее близкой к архетипу Повести представляется краткая редакция, где имена вообще отсутствуют. При решении проблемы происхождения Повести, как нам кажется, надо исходить из ее краткой редакции.

Л. В. ТИТОВА

К ВОПРОСУ О ЖАНРЕ «БЕСЕДЫ ОТЦА С СЫНОМ О ЖЕНСКОЙ ЗЛОБЕ»

Одним из актуальных аспектов в изучении «Беседы отца с сыном о женской злобе» является определение ее жанровой сущности. Как уже было отмечено нами ранее [1] в работах исследователей древнерусской литературы этот вопрос практически не поднимался. А. Н. Пыпин в «Истории русской литературы» [2], обращаясь в общем обзоре повестей XVII в. к изучаемому нами памятнику, в жанровом отношении определил его как соединение повести и поучения, совершенно не обосновывая данного положения.

Нам кажется, что проблема жанра Беседы заслуживает большего внимания. «Беседа отца с сыном о женской злобе» относится к одному из самых обширных пластов старинной русской литературы — к литературе учительной, которая, по словам В. П. Адриановой-Перетц, «...смелее и глубже, чем другие жанры средневековой русской литературы, раскрывает временное (житейское.— *Л. Т.*) в жизни отдельного человека и целых групп людей, хотя в своей оценке этого временного исходит из определенных, с точки зрения средневековья, вечных норм» [3]. Показать, в какой зависимости от средневековых поучений (представленных в многочисленных формах) находится изучаемый памятник, определить его художественную структуру — цель настоящей работы.

Так как «древнерусские жанры были хорошо «организованы» в том отношении, что они обычно декларативно обозначались в самих названиях произведений» [4], мы прежде всего обратимся к тем заглавиям Беседы, которые чаще всего встречаются в рукописных текстах, и попытаемся проанализировать их.

---

[1] **Титова Л. В.** Задачи изучения литературной истории «Беседы отца с сыном о женской злобе».— В кн.: Сибирская археография и источниковедение. Новосибирск, 1979, с. 45.

[2] **Пыпин А. Н.** История русской литературы, т. 2, Спб., 1902, с. 528.

[3] **Адрианова-Перетц В. П.** Человек в учительной литературе Древней Руси.— ТОДРЛ, т. XXVII, с. 45.

[4] **Лихачев Д. С.** Поэтика древнерусской литературы. Л., 1979, с. 58.

Итак, Беседа в списках, на первый взгляд, именуется по-разному:

1. «*Сказание и беседа* премудра и чадолюбива отца. *Предание и поучение* к сыну снискательна от различных писаний богомудрых отец и премудраго Соломона и Исуса сына Сирахова и от многих философов и искусных [мужей] о женстей злобе». (Пространная редакция. ГБЛ, собр. Румянцева, № 363, кон. XVII в.).

2. «*Беседа отца с сыном* снискательна от различных писаний богомудрых отец и от премудраго царя Соломона, и от Исуса Сирахова и от многи[х] философов и от искусных мужей. *Отеческое предание* к сыну о женстей злобе и о сыновней доброте. Обоих вкупе». (Краткая редакция. ГБЛ, собр. Беляева, № 12, кон. XVII в.)

3. «*Беседа отца с сыном* снискательна от различных писаний богомудрых отец и от премудраго царя Соломона, и от Исуса Сирахова и от многих философ и от искусных мужей. *Отеческое наказание* и *предание* к сыну о женстей злобе и о сыновней доброте и обоих вкупе». (Распространенная редакция. ГПБ, собр. Титова, № 71, кон. XVII—нач. XVIII в.)

4. «От отца к сыну *наказание*». (Вариант Полной редакции. ГПБ, Q. 1. 358, XVIII в.).

5. «*Беседа* отца с сыном о женстем роде и женитьбе». (Вариант Распространенной редакции. ИРЛИ, собр. Перетца, № 485, XVIII в.)

6. «*Повесть о беседе* отца с сыном от различных писаний богомудрых отец, от премудраго Соломона, от Исуса Сирахова, от многих искусных филосо[фо]в. Изложено *отеческое предание* к сыну о житейской (?) злобе и о сыновней доброте». (Вариант Полной редакции. Синод. собр., № 3410, кон. XVIII — нач. XIX в.).

7. «*Беседа* отца с сыном снискательна от различных писаний богомудрых отец, премудраго Соломона и от искусных мужей, и от Исуса Сирахова, и от многих фолософ. *Отеческое предание* к сыну о женстей злобе и от сына [о] доброте, обоих вкупе *беседа*». (Полная редакция. ГПБ, НСРК, 1919. 57. F, XIX в.)

Прежде всего обратим внимание на тот факт, что изменение названия произведения находится в определенной зависимости от времени создания того или иного списка. Читательское восприятие произведения, восприятие его переписчиков от века к веку, естественно, становится иным, что может проявиться в жанровом определении, сказавшемся в названии. Заметим, что в XVIII в. Беседа все меньше и меньше именуется Поучением («Повесть о беседе...» или «Беседа о женстем роде и женитьбе...» и т. д.). Вероятно, первоначально она создавалась как поучение и осознавалась его современниками как некое «практическое руководство», а не литературное произведение. В XVIII в. Поучение постепенно теряет свою «функциональную зависимость», Беседа все чаще воспринимается как сочинение чисто литературное[5]. Более того, иногда даже

[5] Вопрос о трансформации жанра поучения весьма сложен, он связан с общими проблемами изменения всей средневековой системы жанров и решать его

кажется, что поучение в XVIII в. воспринимается со знаком минус, считается шуточным развлекательным произведением. Так, если в сборниках XVII в. Беседа встречается чаще всего в окружении литературы дидактической: среди различных слов отцов церкви, наряду с повестями из «Великого зерцала» и «Римских деяний», то сборники XVIII в. дают иную картину: Беседа здесь окружена отдельными рассказами из сборника «Фацеций» (только ли причина в тематической близости? Ведь «Фацеции» много внимания уделяют «злой жене»), а также повестями любовно-приключенческого характера. Особенно знаменателен своей подборкой сборник БАН, 32. 6. 15. В основном в этом сборнике помещены сочинения шуточного характера. Наряду с «Гисторией о Барбосе разбойнике Гишпанском, купно и о счастии Евдона и Берфы», шуточное «Послание к масленице» (в стихах), «Разговор непьющего друга с пьющим», а также шуточные «Сообщения-небылицы из иностранных городов». Не случайно, как нам кажется, после Беседы в этом сборнике помещена «Инструкция, данная от мужа к своей жене». Она перекликается со многими пунктами Беседы, где отец предостерегает сына от «злой жены», объясняя, на какие хитрости и уловки она способна, сколько неприятностей и бед принесет мужу.

Так, пункт 1 Инструкции гласит:

Всякое повеление мужа своего исполняти,
И противности ему никакой не казати,
Бысть в страхе и кротости смирной,
И не так как пред мужем противной.
Как закон повелевает творити,
Так тебе с мужем и жити,
Сама знаешь, что у мужа во власти,
Не твори ему никакой напасти.

О том, что это не серьезное наставление жене, а шуточное, развлекательное сочинение, свидетельствуют как заключительные строки самой Инструкции:

...и сими пунктами тебе подтверждается,
Да для твоего увеселения еще заключается...,

так и «резолюция» жены под Инструкцией, написанная отличным от основного текста почерком:

По вышеписанным пунктам поступать буду,
И повеления мужа своего не забуду,
В чем сим пунктам обязуюсь,
и своеручно подписуюсь.

в пределах данной статьи мы не беремся, отметим лишь, что в XVIII в., с одной стороны, остается еще живой и действующей традиционная форма «отеческого предания» (см., например, «Стихи нравоучительные и наказание отца к сыну» в сборнике БАН, собр. Никольского, № 117, л. 120 об.— 126) наряду с поучениями, переходящими в разряд беллетристики (как, например, изучаемое нами сочинение); с другой стороны, писатели XVIII в. ставят жанр поучений на службу новым, важнейшим проблемам государственного и общественного быта («Завещание отеческое к сыну» И. Ф. Посошкова и «Духовная» В. Н. Татищева).

В отличие от XVIII века в XVII, когда собственно литературная история текста Беседы закончена (все редакции практически складываются в 80—90-е гг. XVII в.) [6], мы наблюдаем сравнительную устойчивость в жанровых определениях.

Сравним их в названиях Беседы, но теперь уже учитывая редакции памятника:

1) Полная и Краткая редакции: — «Беседы отца с сыном... Отеческое предание...» (полностью названия даются выше, см. с. 00);

2) Пространная редакция — «Сказание и беседа премудра и чадолюбива отца. Предание и поучение к сыну...».

3) Распространенная редакция — «Беседа отца с сыном... Отеческое предание и наказание...».

Как видно из вышеуказанного перечня, одному и тому же произведению как будто дается несколько жанровых определений. Попытаемся разобраться, в чем же здесь дело? Объясняя подобную путаницу в жанровых определениях, Д. С. Лихачев в «Поэтике древнерусской литературы» пишет: «Соединение нескольких жанровых определений в названиях произведения указывает не только на колебания книжника — какое определение выбрать, но является иногда результатом того, что древнерусские произведения действительно соединяли в себе несколько жанров... Однако главная причина смешения и неясного различения отдельных жанров в древнерусской литературе состояла в том, что основой для выделения жанра наряду с другими признаками служили не литературные особенности изложения, а самый предмет, тема...» [7].

Заметим, что с Беседой дело обстоит иначе. Здесь во главу ставятся именно *литературные особенности изложения*. Почти все названия отражают прежде всего форму произведения — Беседа с сыном (в значении разговор, еще точнее в данном случае диалог), и тут же непременно в заголовке стоит второе жанровое определение — отеческое *предание* (т. е. завет, правило, поучение) [8] отражает суть памятника.

Судя по названиям произведения, его жанр можно определить как поучение в форме диалога или нравоучительный диалог. Лишь

---

[6] Наблюдения над списками Беседы позволили выделить 4 редакции: Полную, старейшую, которую следует считать первоначальной; Краткую, созданную на основе Полной путем максимального сокращения всех беллетристических эпизодов; Пространную, восходящую также к Полной, но имеющую ряд новых текстов, присоединенных к концу Полной, и Распространенную, представляющую собой целенаправленную книжную обработку Пространной редакции. Более подробную характеристику редакций см.: **Титова Л. В.** Беседа отца с сыном о женской злобе (краткая характеристика редакций).— В кн.: Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980, с. 164—173.

[7] **Лихачев Д. С.** Поэтика..., с. 58.

[8] В даном случае термин **«предание»** употреблен в значении наиболее близком к поучению (см., например: **Срезневский И. И.** Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. II. Спб., 1895, ст. 1628: «Предание — устно переданное правило, завет. Бодру быти на пенье церковное, и на *преданья отечьская* и почитания книжные; Домонт... прьвее имея ко идолом служение по *отчю преданью*»).

Пространная редакция дает (как кажется, с первого взгляда) сразу несколько жанровых определений (сказание и беседа, предание и поучение). При более обстоятельном рассмотрении этих определений мы заметим, что пред нами не что иное как синонимический ряд.

О смысле слова «предание» мы говорили ранее и уже отметили, что значение этого слова очень близко к поучению. Остановимся на термине «сказание». Словарь И. И. Срезневского дает несколько определений этому слову, среди которых «объяснение, толкование, уяснение, разъяснение, *обучение*»[9].

И наконец, Беседа. В разбираемом нами контексте этот термин уже не означает разговор: «Беседа отца, предание и поучение к сыну», а не с сыном, как во всех остальных редакциях, т. е. здесь в названии «беседа» означает не разговор, а речь, слово, направленное к кому-то[10]. И этот термин в данном случае означает не что иное, как просто повествование, совершенно утрачивается его второе значение «разговор, диалог» (см., например, «Евангельские беседы», «валаамская беседа» и др., где слово «беседа» употреблено также в значении, более близком к речи). Таким образом, для создателя Пространной редакции важно в названии было отразить лишь тему сочинения, в отличие от автора первоначального текста, который в названии четко отразил как форму, так и содержание произведения.

Какое же место в жанровой системе древнерусской литературы занимает изучаемый памятник? Вносит ли что-то новое в эту систему или написан в старых традициях древней учительной литературы? И как соотносится с этой литературой?

Прежде обратимся к его форме. Диалог как жанровое определение не характерен для древнерусской литературы, хотя в этой форме написано немало произведений как переводных, так и собственно русских. Укажем, что внешний диалог (т. е. диалог как форма) имеет различные типы или виды. Самый древний из них — диалог-состязание (загадка — отгадка). Наиболее распространен в литературе Древней Руси вопросо-ответный диалог, на котором во многом строится учительная литература. Не менее видное место занимает и диалог-спор (этот тип диалога, естественно, чаще всего встречается в литературе полемической, в так называемых прениях о вере (см., например, Прения Екатерины с философами о вере,

---

[9] **Срезневский И. И.** Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. III. Спб., 1903, ст. 712—713.

[10] Словари древнерусского языка отмечают наряду с «беседой» в значении «разговор» также «беседа — речь, слово...» (см.: **Срезневский И. И.** Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. I. Спб., 1893, ст. 83; **Словарь** русского языка XI—XVII вв., вып. 1, М., 1975, с. 148; «Беседа — речь, слово, слова. Колико лет бех, чая слышати глас твой, ли *беседу* твою, и не явил ми ся еси...». Часто и в анонимных поучениях встречаем «беседу» в значении *слова*, обращенного к кому-либо. См., например, в Поучении к детям духовным: «Не мозите ленитесь, послушайте, о том к вам *беседую,* се бо ми к вам *слово...»* (текст издан С. Смирновым.— ЧОИДР. 1912, кн. III, отд. II, с. 200).

Прения Даниила митрополита с Максимом Греком и др.). Диалог-спор используется и в беллетристике (например, Прение живота и смерти).

Замечательно то, что Беседа отца с сыном использует два типа диалога: вопросо-ответный и диалог-спор. Случайно ли это? И почему автор для своего назидания избирает именно эту форму?

Мы уже отмечали, что диалог и поучение — связь естественная в учительной литературе. Но подчеркнем еще раз — в основном это диалог вопросо-ответный. Сын спрашивает — отец отвечает (как, например, Беседа русского старца с сыном)[11], или ученик спрашивает — учитель отвечает (Луцидариус), т. е. так называемый «сократический» диалог с вопрошающим и отвечающим.

Не такова Беседа. Она начинается со спора. Сын спорит с отцом. Видано ли это? И позволяет ли этикет? Пожалуй, в дидактической литературе до XVII в. ничего подобного не найти. И хотя в дальнейшем диалог-прение переходит в традиционный в учительной литературе вопросо-ответный диалог, а в конечном результате точка зрения старшего поколения побеждает, все же диалог-спор, спор сына с отцом — событие, знаменательное в древнерусской литературе.

Таким образом, Беседу можно сравнить с итальянским гуманистическим диалогом. Подобно этому диалогу она завязывается как сопоставление различных точек зрения двух людей, в конечном же результате оказывается, что точка зрения двух людей одинакова, т. е. здесь прослеживается трехчленность внутренней формы диалога: Теза ------ Антитеза ---- Теза[12].

Выбор автором «отеческого предания», именно этой формы повествования, кажется оправданным. Ведь диалог не только более живая и естественная форма, по сравнению с монологом, он еще и позволяет сопоставить две точки зрения и выделить нужную, представить ее более ярко и убедительно, тем более, что положительные образы учительной литературы зачастую выглядят намного бледнее отрицательных. В исследованиях В. П. Адриановой-Перетц об учительной литературе отмечалось, что образ «злой жены» как в переводных, так и в отеческих памятниках представлен наиболее ярко, полнее раскрыта ее психология[13].

Итак, мы определили, что «Беседа отца с сыном о женской злобе» есть не что иное, как диалог по форме.

Теперь следует доказать, что по содержанию памятник следует отнести к жанру поучения. Сразу же оговоримся, что Беседа принадлежит к разряду светской дидактической литературы, к тому самому распространенному типу назиданий, что открываются обращением отца к сыну, т. е. к отеческим преданиям.

---

[11] Отрывок текста опубликован Б. Федоровым.— **Отечественные** записки, ч. 18, кн. 2. Спб., 1824, с. 337—345.

[12] **Баткин Л. М.** Итальянский гуманистический диалог XV века.— В кн.: Из истории культуры средних веков и Возрождения. М., 1976, с. 206—207.

[13] **Адрианова-Перетц В. П.** Человек в учительной литературе..., с. 59.

Во главе таких преданий следует назвать Поучение Владимира Мономаха, «Слово некоего отца к сыну» и Поучение Ксенофонта детям своим в «Изборнике 1076 года», «Послание и наказание отца к сыну» Сильвестра, помещенное вслед за Домостроем, и другие, большей частью анонимные отеческие предания, щедро разбросанные по древнерусским рукописным сборникам пестрого состава.

Мы не будем сейчас разграничивать памятники переводные и отечественные, для нас важно, что все они как переводные, так и оригинальные охотно читались, подновлялись, составлялись по уже известным образцам и были неотъемлемой частью древней литературы.

Прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению художественной природы Беседы, заметим, что отеческие наставления обычно открываются традиционным «зачалом», основная цель которого привлечь внимание читателя или слушателя, подготовить его к восприятию дальнейшего изложения [14]. Так, одно из древнейших отеческих поучений в «Изборнике 1076 года» «Слово некоего отца к сыну своему, словеса душеполезная...» открывается пышным вступлением, представляющим блестящий образец стилистической симметрии:

«Сыну мой и чадо, приклони ухо свое, послушай отца своего советующаго ти спасения.

Чадо, приближи разум сердца своего и внуши глаголы родившаго тя, не суть бо на вред души твоей, но аште разумнея и имеши я, то к цесарству небесному вожди ти будут.

Простри сердечный сосуд, да накаплют ти словеса слажьша меду могуштяя оживити и бесмертьна явити тя...» [15].

Начало «Наказания и послания отца к сыну» Сильвестра схоже с началом вышеназванного «Слова некоего отца...» из «Изборника 1076 года», но вступительная формула, представляющая собой в тексте из Изборника трехчленную стилистическую симметрию, заменяется более обыденной, близкой к разговорной формулой (хотя параллели с текстом из Изборника и легко устанавливаются): «Милое мое чадо, дорогое! Послушай отца своего наказание, родившего тя, и воспитавшаго в добре наказании и в заповедех господних...»[16].

Подобной формулой начинается и «Беседа отца с сыном»: «Послушай, сыне мой, преклони ушеса свои, внуши словеса

---

[14] Формы поучений весьма многообразны. Так, например, можно выделить поучения в виде завещаний, такие как Наказание святой Федоры и Поучение Ксенофонта в «Изборнике 1076 года», близка к форме завещания и «грамотица» Владимира Мономаха. Бывают отеческие «наказания» и в форме посланий. Каждое из них имеет свое вступление, нас же интересуют в данном случае лишь те поучения, которые изложены в форме речи, слов отца к сыну.

[15] **Изборник** 1076 года. М., 1965, с. 159—160.

[16] **Пономарев А. И.** Памятники церковно-учительной литературы, вып. III. Спб., 1897, с. 140.

уст моих, да скажу ти...»[17]. Это вступление так же, как и Сильвестровское, лишено стилистических красот, более упрощено по сравнению с текстом из Изборника. Вероятно, время вносит свои стилистические поправки, пишет свои стилистические законы.

Сразу же после столь краткого обращения отец в Беседе приступает к основной теме — изложению своей точки зрения относительно женщин. Скорее всего для большей авторитетности, и в то же время следуя строгому соблюдению традиционной структуры, отеческие предания прежде всего прибегают к цитированию по той или другой теме книг Священного писания. Не представляет исключения в этом отношении и наше сочинение. Вслед за вступлением в Беседе идет библейское повествование о сотворении первого человека — Адама — и о грехопадении первой женщины — Евы. Заканчивается библейская легенда авторской морализацией: «Зри же, сыне мой, сия, яко отъя Бог у жены самовластие, да не вопреки глаголют мужу своему» (с. 461).

Так как Беседа написана в форме диалога, причем начинающегося прением, то в противовес отцу сын приводит свои доводы, положительно характеризующие женщин, но не отступая от традиции он также в первую очередь обращается за примерами к библейским книгам: «Отче, обоим сим вещем *Писание* свидетельствует быти истинне, благовествует бо Бог своему созданию, посла архангела своего Гавриила к Деве Марие: вместо древние печали Еве, радость богородице принесе! Рече: Радуйся благодатная! Господь с тобою и благославенна ты в женах!» (с. 461).

И далее в ответ на многословную обвинительную речь отца, направленную против женщин, сын, отстаивая их «доброе начало», вновь обращается к Священному писанию: «Отче, во *Евангелии* речено: „Сего ради оставит человек отца своего и матерь и прилепитца жене своеи и будета оба в плоть едину“» (с. 462—463).

Отец, стараясь убедить свое чадо в греховности жен, начинает давать им развернутые характеристики. Роль сына в повествовании быстро ослабевает, она сводится практически к роли обычного в отеческих учениях смиренного слушателя. Пораженный услышанными рассказами, сын теперь пассивно внимает мудрым словесам отца и лишь изредка подает голос с просьбой продолжать наставление.

Таким образом, поучение, начатое как диалог отца и сына, постепенно перерастает в развернутый монолог — поучение отеческое. В Беседу, начатую с прямого или косвенного цитирования книг Священного писания и Слов отцов церкви, теперь обильно вводятся меткие бытовые зарисовки, текст насыщен развернутыми сопоставлениями. Наиболее яркими являются традиционные сравнения женщин с различными дикими зверями.

---

[17] Памятники старинной русской литературы, изд. Г. Кушелевым-Безбородко, вып. II. Спб., 1860, с. 461 (далее страницы этого издания указываются в тексте в скобках).

В. П. Адрианова-Перетц справедливо отмечала, что развернутые сопоставления в учительной литературе зачастую разрастаются в целые самостоятельные картины, которые выразительны и сами по себе, независимо от того «человековедческого» вывода, который делает на ее основе автор [18]. Практически каждое сопоставление в Беседе завершается яркой бытовой зарисовкой. Так, например, рассуждение о змее органично дополняется раскрытием характера «змееподобной» жены: «Слыше, сыне мой, ис куста исходит змия, и узрит человека, и от него бежит; а злая жена подле человека лежит, а змииным ядом дышит — сем истинная запазушная змия; донележь муж ее по неи ходит и вопреки ничего не глаголет, то и она ему терпит; а егда еи муж чем погрозит или досадит, и она на него яко змия шипит, и аще ю бьет жезлием или пинанием или за власы рванием, то злую жену ничто неймет, но точию раздражает, и она злобою своею что змия шипит, в сердце его злохитрством секнет...» (с. 464).

Подобных жизненных, бытовых картинок в Беседе немало. Характеризуя «злую жену» с самых разных сторон, автор рисует выразительнейшие портреты жены злоязычной, «обавницы-еретицы», лукавой, крадливой и блудливой. Каждая из введенных в повествование картин достойна отдельной новеллы, вносит живописные детали реальной жизни. Заключительная фраза отца в Беседе: «*вся сия видех,* и в писании обретох и согласию твоему рекох» совершенно оправдана текстовым материалом. Подобно многим поучениям, где приводится биографический или псевдобиографический материал (Поучение Владимира Мономаха, Поучение Ксенофонта в «Изборнике 1076 года»), в Беседе также большое место уделено житейской мудрости, виденного или якобы виденного самим отцом.

Одним из наиболее частых приемов в сочинениях учительной литературы является введение в повествование библейских легенд. Так же как и другие художественные средства (цитирование книг Священного писания, сопоставления, противопоставления, сравнения, бытовые зарисовки), библейские легенды призваны иллюстрировать то или иное высказанное автором морализованное положение. Особенно широко используются рассказы из Священного писания в Беседе. В словах о злых женах как бы только конспективно намечен ряд страдальцев от злобы женской: «Исперва бо Адам женою прелщен бысть, женою Иосиф в темницы затворен бысть, женою Давид в убийство впаде, женою Соломон прелщен погибе, Евдоксия царица Иоанна Златоустаго заточи, жена Самсона (храбраго) ослепи, жена пророка Илию прогна и Предтечю Иоанна усекну, женою многи погибоша и в лютыя грехи впадоша»...[19]. В Беседе история об этих же библейских лицах дается с большей полнотой. Пожалуй, наиболее подробно передается излюбленный старинными книжниками рассказ о Самсоне и предавшей

[18] **Адрианова-Перетц В. П.** Человек в учительной литературе..., с. 47.
[19] **Пономарев А. И.** Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, вып. III. Спб., 1897, с. 122.

его Далиле. Этот рассказ можно встретить во многих произведениях учительной литературы (см., например, «Слова наказательные воеводы валашского И. Нягое к сыну своему Феодосию»[20]).

Библейские легенды служили иллюстративным материалом для самых различных поучений. Так, и в отеческом наказании, называемом «Жалости праведного спасения, како учеше жалости сына своего»[21], отец, призывая сына учиться всему у старших, почитать старших, приводит назидательную библейскую легенду о Равоаме, сыне Соломона, пострадавшем от неразумного совета молодых, ослушавшегося старейшин (Библия, Паралипоменон, X, 1—14).

Кроме всего перечисленного выше, вводились в поучения и повести. В Беседе уже в первоначальной ее редакции находим повесть «от Старчества», в дальнейшем к ней присоединяются повести из Палеи и «Римских деяний». Вначале они присоединяются как бы механически, впоследствии же включаются непосредственно в повествование, становятся органической принадлежностью поучения. Но этот факт (факт введения повестей в поучение) не дает нам права считать жанр изучаемого произведения эклектичным (как мы помним, точка зрения А. Н. Пыпина относительно жанра Беседы — «соединение поучения и повести»). Ведь повесть, как неоднократно отмечал И. П. Еремин, в составе другого по жанру произведения «обладает своими только ей свойственными особенностями художественной структуры. От повести обычного типа она отличается прежде всего тем, что существует не самостоятельно, а всегда только в качестве составной части совсем иного по жанру повествования» [22]. Так, читаясь в составе поучения, повесть подчиняется его замыслу, выполняет функцию «приклада», призванного усилить авторскую точку зрения. Введенные в поучение повести полностью подчинены основополагающей идее — поучать; приспособлены именно к отеческому наказанию. Они вводятся присущими отеческим преданиям формулами обращения: «Слыше сыне, что было во Иерусалиме граде при царе Соломоне...»[23], далее же следует палейная повесть об испытании царем Соломоном мудрости мужей и целомудрия жен, и др.

Используется при введении в Беседу повестей и такой риторический прием, как экспрессивно-эмоциональное авторское отступление. Так, например, заканчивая изложение повести «От старчества», отец обращается к сыну: «Слыши, сыне мой: кто не просле-

---

[20] **Лавров П. А.** Слова наказательные воеводы валашского И. Нягое к сыну своему Феодосию.— ПДПИ. Спб., 1904, вып. 152, с. 4—5.

[21] Текст опубликован Е. В. Петуховым по списку из сборника библиотеки Троицко-Сергиевской Лавры, XVI в.— ИОРЯС, 1904, № 4, с. 159—164. Е. В. Петухов вслед за описателем сборника назвал это поучение оригинальным русским сочинением. Как показал Н. К. Никольский, это произведение переводное, время же его составления относят ко второй половине XII в. (см.: **Библиографическая** летопись. Пг., 1915, с. 71—73). Для нас важно, что это сочинение наряду с другими отеческими преданиями бытовало на Руси в пору создания Беседы.

[22] **Еремин И. П.** Литература Древней Руси. М.— Л., 1966, с. 154.

[23] **ГБЛ**, собр. Попова, № 70, л. 336 об.

зитца о сем великом старце погибели? Зде огнем скончася, а в будущем веце зле люте адской муце предастся! О люте! Очи мои слез многия испустиша, а душа моя зжалеся и серце мое восколебася! Колико сей старец подвизався в пустыни, со многочисленными бесы боряся, а з женою злонравною вмале прелстився и погибе: о сем всяк да восплачет умильными слезами и горким воздыханием, сердечным возрыданием!» (с. 467).

Стилистический строй Беседы также подтверждает, что пред нами, не что иное как *отеческое предание.* Мы уже говорили выше о начальной формуле вступления, бесспорно характерной отеческим наказаниям. На протяжении всего повествования в Беседе неоднократно повторяется и обычная для поучений отеческих формула обращения к слушателю: «Слыше сыне, да скажу ти...».

Следует выделить и такой устойчивый оборот для различных отеческих наказаний, как «Отче, скажи и напиши на сердце моем...». (Беседа) или «Любимое чадо, напиши их (слова учительные.— *Л. Т.*) на скрижали сердца твоего и прииме их во уме своем...» (Жалости праведного спасения, с. 160).

Учительную природу стилистики Беседы особенно ярко характеризуют и авторские моралистические сентенции, обильно рассыпанные по всему повествованию. На каждое высказывание сына, защищающего женщин, отец находит все новые и новые доказательства их вины пред мужчинами, все новые и новые доказательства их злобности: «Не превозносися, сыне мой, не рцы во уме твоем, и не уповай на (премудрость) твою и на мужество свое и на храбрость, еже жити со зверем сим, что укротити его: свирепее и безстуднее суще полских зверей, невозможно сущи убежати лютости ея...» (с. 466) или «Сыне мой, не буди укоряти собою естество женское — вельми есть зло...» (с. 468).

Художественная структура Беседы упрощенно может быть представлена следующим образом:

Вначале цитирование библейских текстов, различные афоризмы, затем — бытовые картины, разнообразные сравнения, сопоставления, далее библейские или исторические легенды и завершают поучение наиболее крупные структурные единицы — повести, вводимые, как и другой беллетристический материал, для иллюстрации высказанных автором положений. Основной художественный прием — дидактическая иллюстративность.

Отметим, что подобную структуру имеют почти все поучения. Основные компоненты структуры (цитаты, сравнения, бытовые зарисовки, биографические сведения, библейские и исторические легенды, а также повести) могут меняться местами, некоторые выпадать, но основной художественный принцип — дидактическая иллюстративность — неизменен во всех поучениях.

Исходя из всего сказанного выше, нам кажется, что нет необходимости рассматривать жанр Беседы как жанр эклектичный. Жанровая природа Беседы достаточна ясна. «Беседу отца с сыном о женской злобе» следует рассматривать как поучение в форме диалога.

О. А. БЕЛОБРОВА

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСТОРИИ НЕКОТОРЫХ СОЧИНЕНИЙ НИКОЛАЯ СПАФАРИЯ

Судьба произведений Николая Спафария, созданных за время его службы в Москве в Посольском приказе до поездки в Китай (1671—1675 гг.), сложилась по-разному. Одни, предназначенные для посольских нужд и для царской библиотеки, переписывались набело в двух или даже трех экземплярах («Титулярник, или корень великих государей российских», «Книга избраная вкратце о девятих мусах и о седмих свободных художествах»), другие — в одном («Хрисмологион», «Книга о сивиллах», «Арифмология») [1], третьи вошли в состав сборников («Книга иероглифийская», «Описание преславныя и превеликия церкве, именованная св. София в Константинополе» и др.) и не известны в отдельных списках.

Возникший к этим сочинениям читательский интерес привел к тому, что, во-первых, переписывались целые сборники трудов писателя. В настоящее время известны шесть таких сборников конца XVII — начала XVIII в.: вологодский, принадлежавший А. С. Матвееву, а до того может быть самому Спафарию; парадный голицынский, сопровождавший В. В. Голицына в его ссылке; два сборника, переписанные на Севере с голицынского, и еще два до сих пор не привлекавшихся [2].

---

[1] Сведения извлечены из архивного дела 1672—1675 г., опубликованного в кн.: **ДАИ**, т. VI. Спб., 1857, с. 188—200. Истолкование документальных данных см.: **Артаксерксово** действо. Первая пьеса русского театра XVII в. Подготовка текста, статья и комментарии И. М. Кудрявцева. М.—Л., 1957, с. 8—9, 90—101; **Кудрявцев И. М.** «Издательская» деятельность Посольского приказа. (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII века).— В кн.: Книга. Исследования и материалы, вып. VIII. М., 1963, с. 179—244.

[2] См.: **Белоброва О. А.** О прижизненных сборниках сочинений и переводов Николая Спафария.— В кн: Материалы и сообщения по фондам отдела рукописной и редкой книги (БАН СССР). Л., 1978, с. 129—137. Благодарю Н. С. Демкову за сообщение о пятом сборнике, находящемся в г. Кирове. Шестой сборник обнаружен нами в ГИМе. По своему составу он близок к вологодскому (в нем также находится Арифмология, статьи о гранях, об описании игральных карт и сверх того еще несколько статей).

Во-вторых, сочинения Спафария переписывались по отдельности. К настоящему времени известны более 40 списков «Хрисмологиона»[3], 8 списков «Арифмологии»[4], 6 списков «Книги о сивиллах»[5] и 5 «Василиологиона»[6].

В-третьих, некоторые произведения перерабатывались. Так, в 1743 г. возникла отмеченная еще И. Н. Михайловским вторая, или старообрядческая (выговская) редакция «Арифмологии»[7], представляющая собой извлечения из основного текста книги и довольно усердно переписывавшаяся в XVIII и XIX вв.[8] Переработка «Арифмологии» выполнена после смерти писателя. Но еще при жизни автора выбирались и переписывались отрывки его сочинений; это еще один признак читательского к ним интереса.

Например, в соловецком сборнике «Великое зерцало» конца XVII в. (ГПБ, Соловецкое собр., № 242/242) среди дополнений находим следующий текст: «Ис книги ероглифийской, или египетцкой. Вопроси египетцкий царь Амасий и предложи беседу первому древнему философу...» (далее следует отрывок из предисловия к Книге иероглифийской Спафария[9]). Диалог между Амасием и Фалесом Милетским, вернее ответ философа на вопрос «что есть в мире древнейшее, красивейшее, величайшее, скорейшее, мудрейшее, нужнейшее и сильнейшее?» получил здесь место главы 141-й; вслед за нею читается под № 142-м «Повесть утешная о купце, который заложился з другим о добродетели жены своей»[10]. Таким образом, данный отрывок по воле составителя сборника вошел в не характерный для трудов Спафария круг повествовательной переводной литературы конца XVII в.

Обособлению отдельных отрывков из трудов писателя возможно способствовал многочастный и в целом компилятивный характер его сочинений. Иногда, встретив какой-то текст, близкий спафариеву, не удается сразу определить, является ли он источни-

[3] Не считая входящие в шесть сборников Спафария.

[4] Не считая списков в двух сборниках. Перечень 9 списков (без сборника ГИМ) см.: **Спафарий Николай.** Эстетические трактаты. Подготовка текстов и вступительная статья О. А. Белобровой. Л., 1978, с. 139.

[5] См. там же, с. 137—139. Шестой, не сохранившийся список находился в собрании проф. Баузе (см.: **Каразин В.** Каталог славяно-российским рукописям (погибшим в 1812 году) профессора Баузе.— ЧОИДР, 1862, № 2, смесь, с. 43, № 59).

[6] Не считая входящие в шесть сборников сочинений и переводов Спафария и с учетом не сохранившегося списка из собрания проф. Баузе (см.: **Каразин В.** Каталог..., с. 75, № 356).

[7] **Михайловский И. Н.** Важнейшие труды Николая Спафария (1672—1677). Киев, 1897, с. 22—30.

[8] Назовем несколько ленинградских списков: **ГПБ,** О. XVII. 43; **БАН,** собр. Каликина, № 183; **ИРЛИ.** Древлехранилище, собр. Пухальского, № 17; собр. В. М. Амосова — А. Ф. Богдановой, № 48; собр. И. Н. Заволоко, № 88. Списком II редакции располагал в свое время Н. Кедров (см.: ЖМНП, 1876, ч. 183, с. 1—31).

[9] Окончание отрывка: «Тако мудрый Фалис даде ответ достоин сицевому мудрейшему и первому мудрому от седми мудрых» (см.: **Спафарий Николай.** Эстетические трактаты, с. 125).

[10] См.: **Малэк Э.** К изучению древнерусского перевода «Повести о купце» Б. Будного.— ТОДРЛ, Л., 1979, т. XXXIV, с. 332—338.

ком для одного из произведений писателя или более поздним извлечением из него. Это относится, например, к отрывку «От риторства», приведенному в свое время А. И. Соболевским по списку ГИМ, Чудовское собр., № 298, конца XVII в.[11]. Названный текст представляет собой между тем концовку из «Книги избраной вкратце о девятих мусах и о седмих свободных художествах». В нем отсутствуют только заключительная фраза и «Стихи иеролегийстии на Аполлона», в первых двух строках которых упоминается автор «Спатарей»[12]. Если обратить внимание на состав чудовского сборника в целом (в него входит еще «Сказание о семи свободных мудростях», признанное одним из источников «Книги избраной вкратце» Спафария), получается, что весь сборник составляют «заготовки», а может быть и выписки из «Книги избраной вкратце»[13].

В другом случае мы встречаемся уже не с отрывком, а с обширным текстом, представляющим выборочное извлечение из той же «Книги избраной вкратце». Этот текст имеет короткое предисловие и свое особое название — «Мудрость, или описание седми свободных художеств, кая что в себе содержит. Из еллинского диалекта изследованны во словенский язык чрез Николая Спофария лета господня 1673-го». До сих пор был известен лишь один неполный список (ГПБ, Q. XVII. 29, лл. 1—12 об.) в сборнике, принадлежащем Д. М. Голицыну[14]. Сохранился между тем список более полный (Одесская гос. научная библиотека им. А. М. Горького, № 1/46, л. 52—94), также в сборнике кон. XVII— нач. XVIII в.[15] На первый взгляд текст кажется сходным со «Сказанием о семи свободных художествах», известным в русском переводе еще до приезда в Москву Николая Спафария (например, в списке второй половины XVII в. ГИМ, Синод. собр. № 353)[16]. Но в действитель-

---

[11] л. 45 об.— 47. Отметив темный смысл отрывка, А. И. Соболевский (**Переводная** литература Московской Руси XIV—XVII веков. Спб., 1903, с. 231 — 232) не сопоставил его с «Книгой избраной вкратце о девятих мусах и о седмих свободных художествах», которую рассматривал там же (на с. 169—170). Отрывок «От риторства» воспринимали вне связи с «Книгой избраной вкратце» и раньше, например, неизвестный составитель оглавления к рукописному сборнику БАН. Арханг. Д. 429 (XIX в.) и Ф. Булгаков (см.: **Описание** рукописей кн. П. П. Вяземского. Спб., 1902, с. 255—256).

[12] **Спафарий Николай.** Эстетические трактаты, с. 47.

[13] О составе сборника см.: **Петров П. Н.** Книгохранилище Чудова монастыря.— В кн.: ПДП. Доклад ревизионной комиссии с десятью приложениями, вып. IV, 1879, с. 298.

[14] **Калайдович К. Ф., Строев П. М.** Обстоятельное описание славяно-российских рукописей гр. Ф. А. Толстова. М., 1825, с. 286—287. Этот список упоминает и «Библиологический словарь и черновые к нему материалы П. М. Строева» (Спб., 1882, с. 263).

[15] Благодарю администрацию Одесской библиотеки за предоставление во временное пользование микрофильма названной рукописи. Из ее краткого описания (**Копыленко М. М., Рапопорт М. В.** Славяно-русские рукописи Одесской государственной научной библиотеки им. А. М. Горького.— ТОДРЛ, М.— Л., 1960, т. XVI, с. 546.) нельзя составить представление об этом списке.

[16] Текст сказания опубликован по этому списку в приложении в кн.: **Спафарий Николай.** Эстетические трактаты, с. 141—153. О зависимости «Книги избра-

ности текст «Мудрости, или описания седми свободных художеств» вторичен по отношению к «Книге избраной вкратце» Николая Спафария. Убедиться в этом позволяет текстологическое сопоставление всех трех памятников. Достаточно указать на общий для «Книги избраной вкратце» и для «Мудрости» порядок описания семи свободных художеств (не совпадающий со Сказанием). Самое убедительное доказательство вторичности «Мудрости» заключается в том, что в ее составе (в обоих списках) читается кусок спафариева текста [17], предшествующего «похвале себе» геометрии и включенного, по-видимому, механически при выборочной переписке только похвал из более пространного сочинения.

Как же следует толковать заглавие «Мудрости, или описания», в котором сообщается о зависимости от источников на греческом языке («из еллинскаго диалекта изследованны во словенский язык») и о 1673-м (а не 1672-м) годе? Представляется, что оба известия неточны, по крайней мере по отношению к «Книге избраной вкратце». Еще А. И. Соболевский отмечал связь Книги с латинской традицией (в частности, он отметил ссылку Спафария на Иоганна Альштеда). Один только подбор иллюстраций к «Книге избраной вкратце» выдает обращение к западноевропейской (латинской) традиции [18]. Допущенные в заглавии неточности указывают либо на непричастность Спафария к переделке его сочинения, либо на тенденциозность этого предприятия, в духе чудовских старцев, осуждавших всякое «латынство» и избегавших его. Впрочем, это заглавие мог сделать попросту неосведомленный человек, слыхавший, что Спафарий в Москве видится с греками, переписывается с греческим духовенством, выполняет переводы с греческого.

Для литературной истории «Книги избраной вкратце», пожалуй, представляет также интерес мало известный список этого сочинения (ГИМ, собр. Забелина, № 214) в авторской редакции, в конце которого приплетена (или вписана) инструкция из семи пунктов [19], адресованная сразу трем лицам: «Статьи последующии учению Никите Буторлину, князь Володимиру Долгорукову, князь Алексею Голицыну» [20]. Эта инструкция сходна с известным наказом, данным П. А. Толстому перед его посылкой в числе 28 стольников и спальников в 1697 г. в Италию для обучения морскому делу и архитектуре: предписывалось знать компас и морские карты,

---

ной вкратце» от Сказания см.: **Белоброва О. А.** К изучению «Книги избраной вкратце о девятих мусах и о седмих свободных художествах» Николая Спафария.— ТОДРЛ, Л., 1976, т. XXX, с. 307—317.

[17] Начало: «Геометрия сиречь землемерие...», конец: «что геометрия сама о себе глаголет» (см.: **Спафарий Николай.** Эстетические трактаты, с. 41).

[18] Подробнее см.: **Белоброва О. А.** Аллегории наук в лицевых списках «Книги избраной вкратце» Николая Спафария.— ТОДРЛ, Л., 1977, т. XXXII, с. 107—120.

[19] На л. 52—53 об.

[20] Объединение названных лиц объясняется, по-видимому, родственными связями (В. М. Долгоруков, например, был племянником В. В. Голицына по матери).

владеть судном и знать его снасти, испытать себя в морском бою, учиться кораблестроению, привести в Москву двух мастеров морского дела и выучить еще кого-либо, вернуться в Москву к определенному сроку; проездные и «пасы» (паспорта) получить в Посольском приказе [21]. Кому принадлежал этот список «Книги избраной вкратце», неизвестно. Можно лишь предположить, что сочинение Спафария было привлечено для подготовки петровских пенсионеров — «навигаторов» перед их отъездом в 1697 г. на два года в Италию [22]. Во всяком случае историки архитектуры и эстетики принимают в расчет значение труда Николая Спафария о свободных художествах для русской культуры конца XVII — начала XVIII в. [23]

Еще один труд, составленный в Посольском приказе с участием Николая Спафария,— «Титулярник, или Книга, а в ней собрание, откуду произыде корень великих государей царей и великих князей Российских»,— следует изучать с учетом некоторых дополнительных рукописных материалов.

Прежде всего это статья, находящаяся только в двух сборниках: «Грани, или родословия королей гишпанских, французских, аглинских, датцких, полских, свейских и князей виницейских»[24]. При сопоставлении этой статьи с близким ей текстом «Титулярника», опубликованным еще в конце XVIII в.[25], могут быть отмечены некоторые несовпадения, например, в сборниках перечень начинается королями Испании, а в издании — королями Франции и др. Наиболее существенным представляется следующее устойчивое отклонение: «Грани» в сборниках сообщают о правителях перечисленных стран по 1674 г., изданный же текст «Титулярника» — по 1672 г. В связи с этим остается неясным, в какой мере «Грани» или их неизвестный нам протограф могут считаться источником для «Титулярника» [26].

Не менее важно привлечь и вспомогательный материал, хотя и не вошедший в текст «Титулярника», но определивший состав и порядок его геральдических изображений. Речь идет о статье «Опи-

---

[21] См.: **Артемьев А. И.** Описание рукописей, хранящихся в библиотеке имп. Казанского университета. Спб., 1882, с. 57—59; **Устрялов Н.** История царствования Петра Великого, т. II. Спб., 1858, с. 315—316, 566—597; **Письма** и бумаги императора Петра Великого, т. I (1688—1701). Спб., 1887, с. 133—135, 611.

[22] Во время пребывания в Венеции один из двух князей Долгоруковых (Владимир или Григорий) указал сделать выборочный перевод трактата Андреа Палладио об архитектуре (хранится в ЦГАДА) (см.: **Тиц А. А.** Неизвестный русский трактат по архитектуре.— В кн.: Русское искусство XVIII века. Материалы и исследования. М., 1968, с. 17—31).

[23] См.: **Евсина Н. А.** Архитектурная теория в России XVIII века. М., 1975, с. 12—14. Здесь упоминаются и «Мудрость, или описание седми свободных художеств, кая что в себе содержит» и «Книга избраная вкратце о девятих мусах и о седмих свободных художествах».

[24] **ГБЛ**, Вологодское собр., № 170 и **ГИМ**, Музейское собр., № 2024.

[25] **ДРВ**, ч. XVI, изд. 2-е. М., 1791, с. 86—248.

[26] Может быть, это была авторская «заготовка» для новой редакции «Титулярника»?

сание гербам» (ГПБ, F. XVII. 52, л. 107—108 об.)[27]. В ней перечислены всего 47 гербов; перечень в основном соответствует изображениям, представленным в лицевых списках «Титулярника». Сравнение статьи «Описание гербам» с известным изданием «Титулярника», в котором воспроизведены все миниатюры белового большеформатного списка[28], показывает, что в статье имеется несколько пропусков (отсутствуют гербы Полоцкий и курфюрста Саксонского); вернее всего, это потери и утраты при переписке текста; зато в статье нет ни одного «лишнего». Вероятно, «Описание гербам» было подготовлено специально для художников, украшавших «Большую государственную книгу». Весьма возможно, что источником для описания гербов (главным образом иностранных государств) послужил «Перевод с астрологического календарного ключа, в котором изъявлены всех потентатов гербы, также и градом различным, как те в календарях астрологами описаны бывают», выполненный непосредственно перед составлением текста «Титулярника» в 1671 г., как об этом сообщается в списке Одесской гос. научной библиотеки им. А. М. Горького № 1/46, л. 97[29].

Приведенные нами некоторые рукописные материалы отнюдь не исчерпывают круг источников по многообразной и далеко еще не исследованной литературной истории трудов Николая Спафария[30].

---

[27] Статья подготовлена нами к печати в качестве приложения к статье «География и барокко».— В кн.: Славянское барокко (в печати).

[28] Портреты, гербы и печати Большой государственной книги 1672 г. Спб., 1903, рис. 33—44 и 61—91.

[29] А. И. Соболевский (Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков, с. 144) ошибочно называет 1681 г.; ему были известны всего три списка этого перевода; можно указать еще список, входивший под № 331 в собрание проф. Баузе.

[30] В данной работе не рассматривается литературная история «Хрисмологиона», заслуживающая специального обзора.

Е. И. ДЕРГАЧЕВА-СКОП

АВТОГРАФ М. Г. РОМАНОВА — ОДНОГО ИЗ СОСТАВИТЕЛЕЙ СИБИРСКОГО ЛЕТОПИСНОГО СВОДА

В собрании А. П. Гранкова, поступившем в Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина в 1975 г., имеется сборник конца XVII — начала XVIII в., содержащий сибирские материалы[1]. Судя по скрепе, принадлежал он Максиму Григорьевичу Романову и его сыну, подьячему Тобольской губернской канцелярии Ивану Максимовичу до 1724 г., когда последний «сентября в 15 день продал сию книгу... Садовой слободы Михаилу Тихонову сыну Лошакову зачисто и подписал своею рукою» (л. 480).

Имя М. Г. Романова — тобольского подьячего, переведенного на Тюмень в «подьячие с приписью», и якутского дьяка, упоминается в известных трудах А. П. Барсукова[2] и С. Б. Веселовского[3]. Факты его биографии использует неоднократно Н. Н. Оглоблин для характеристики роли провинциальных дьяков и подьячих в приказном делопроизводстве Сибири[4]. Известны в литературе

---

[1] **ГБЛ,** ф. 711 (Гранков), пост. 86/3 — 1975. 4°, 482 л. Бумага с филигранями: «Seven provinces», типа Heawood № 3141 (р. 398, «Shortly after 1685»); «Amsterdam», типа Heawood № 375 (р. 59, 1685—1686); Cherchill A. табл. XVI, № 22 (1686); «foolscape 7 р.», типа Гераклитов № 1374 (1678; филигрань находится только в одной тетради — л. 401—408 и едва ли может быть учтена при датировке всего сборника); на л. 451—482 знак не идентифицирован.

Рукопись доведена до 1707 г. На л. 187 об.— 202 и 206—211 разбросаны скорописные записи 20—30-х гг. XIX в. о событиях в г. Орле за 1823—1834 гг. Эти записи заставили обратить внимание на зафиксированную в моей картотеке сибирских летописей рукопись Орловской семинарии, описанную в 1905 г. И. Е. Евсеевым. Он отмечает скрепу М. Г. Романова, запись И. М. Романова на л. 480, перепутанные в рукописи листы, сломанную заднюю крышку переплета, орловские записи XIX в. Все внешние приметы, а также состав рукописи совпадают с рукописью из собрания А. П. Гранкова. (см.: **Евсеев И. Е.** Описание рукописей, хранящихся в Орловских древлехранилищах, вып. 1. Орел, 1905, с. 54—55).

Благодарю Л. В. Тиганову за ценные консультации по рукописи.

[2] **Барсуков А.** Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. Спб., 1902, с. 255.

[3] **Веселовский С. Б.** Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975, с. 450—451.

[4] **Оглоблин Н. Н.** Происхождение провинциальных подьячих XVII в.— ЖМНП, 1894, т. 295, сентябрь-октябрь, с. 135; **Оглоблин Н. Н.** Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768), ч. III. М., 1900, с. 9, 10, 92: **Оглоб-**

также подробности участия М. Г. Романова в самой большой в Сибири ревизии воеводского управления 1698—1703 гг.[5]. Н. А. Дворецкая считает этого сибирского приказного деятеля одним из возможных составителей Погодинского вида Сибирского летописного свода[6]. «Погодинский список показывает,— пишет она,— что в последней части Сибирского свода стал ясно слышен голос дьяка — делового администратора, с его ведомственным интересом к делам приказной палаты, с его стремлением подняться по служебной лестнице, с его привычкой к языку деловой письменности»[7]. М. Г. Романов упоминается в различных редакциях Сибирского летописного свода[8].

Рассматриваемая в статье рукопись из собрания А. П. Гранкова среди иных сочинений содержит одну из редакций такого свода и является автографом «Максима Григорьева сына Романова».

Несомненно, что известный сибирский дьяк и составитель рукописного сборника — одно лицо. Большая часть сборника (л. 1—450) написана несколькими чистовыми вариантами приказного писарского почерка второй половины XVII в. Эта часть завершается приписками — сообщениями о присылке грамот великих государей, касающихся новых сибирских (тобольских и тюменских) назначений в 1689—1690 гг. Среди обычных известий о перемещении воевод обращают на себя внимание подробности назначения тобольской приказной палаты разрядного стола подьячего М. Г. Романова (л. 447—448) в Тюмень подьячим с приписью; детально изложенный «наказ великих государей», сообщение об отъезде 17 февраля 1690 г. М. Г. Романова «на Тюмень».

Другая часть сборника (л. 451—482 об.), меньшая, носит характер черновых записей. События, описанные в этой части, начинаются с повествования об исполнении М. Г. Романовым обязанностей подьячего с приписью (л. 451) и кончаются известием 1707 г. о запрещении тоболянам «ходить дощаниками» к Ямышеву озеру «по соль»[9].

Почерка скрепы и основной части сборника идентичны; главный почерк другой его части, отстоящей по времени от первой на

лин **Н. Н.** Бытовые черты начала XVIII в. Якутск без воевод.— ЧОИДР, 1904, кн. 1 (208).

[5] **Ионин А. А.** Новые данные к истории Восточной Сибири XVII в. Иркутск, 1895.

[6] Различные редакции «Описания о поставлении городов и острогов» с повестями о походе Ермака в качестве предисловия в последние годы все настойчивее называют «Сибирским летописным сводом», подчеркивая тем самым типично сводческий характер отбора материала и летописный способ его расположения. (см., например: **Дворецкая Н. А.** Изменения в официальном сибирском летописании на рубеже XVII—XVIII вв.— Сибирская археография и источниковедение. Новосибирск, 1979, с. 52).

[7] **Дворецкая Н. А.** Изменения..., с. 52.

[8] **БАН,** 16.8.6; **ГБЛ,** ОИДР, № 452 (Академическая и основная редакции Сибирского летописного свода, по определению Н. А. Дворецкой). См. также: **БАН,** Арх. ком., № 85; **АГО,** раздел 14, оп. № 107 (Абрамовский летописец).

[9] Известием 1707 года заканчивается и Погодинский список основной редакции Сибирского летописного свода.— **Дворецкая Н. А.** Изменения.., с. 49.

15—20 лет, не может быть с уверенностью приписан М. Г. Романову. Однако отношение последнего к этому фрагменту сборника несомненно. Записи 1690—1707 гг. также содержат целый ряд пространных известий о М. Г. Романове.

Какие же события из своей служебной карьеры М. Г. Романов сообщает в рукописи?

Прежде всего, в ней читаются подробности выдвижения его из подьячих справою в подьячие с приписью, о которых упоминалось выше. «Февраля в 5 день,— пишет он,— прислана с Москвы в Тоболеск грамота великих государей к боярину и воеводе Алексею Петровичу Головину с товарыщи. Указали великие государи тобольскому приказные полаты розрядного стола подьячему Максиму Григорьевичу сыну Романову быть на Тюмени подьячим с приписью, всякую из великих государей денежную и хлебную и ясашную казну ведать и всякие их великих государей приказные дела делать с стольником и воеводою з Дмитрием Полуехтовым вместе за один, а розни им ни в чем чинить не велено...». 17 февраля Максим Романов «на восьми подводах» был отпущен воеводой А. П. Головиным «без мотчания, не дожидаясь о нем иного указу» (лл. 447—448 об.). Сведения, сообщаемые М. Г. Романовым, подтверждаются и документами Сибирского приказа[10].

Второе известие изучаемой рукописи о подьячем с приписью М. Г. Романове касается также его переезда в Тюмень, но это уже свидетельство нового поворота событий. А. П. Головин уезжает в Москву, не сдав дел своему сменщику воеводе и стольнику С. И. Салтыкову. До приезда последнего Тобольском должен был управлять Дмитрий Полуехтов, тюменский воевода, поэтому «на Тюмени велено до него ведать брату ево Василью Полуехтову, да по грамоте великих государей велено из Тобольска быть на Тюмени с приписью подьячим и с воеводою ведать вместе розрядного стола подьячему Максиму Григорьеву сыну Романову» (л. 451).

Вполне понятно, почему приказной подьячий так тщательно обговаривает все нюансы своего назначения. Момент перехода приказного подьячего в подьячие с приписью свидетельствовал о значительном продвижении вверх по иерархической лестнице: «В некоторых городах,— пишет Н. Н. Оглоблин,— места дьяков иногда занимали подьячие с приписью, и тогда последние становились в положение воеводских товарищей... Хотя на иерархической лестнице они занимали далеко низшее место, но в действительной жизни подьячие были в уездной администрации XVII в. первыми лицами после воевод и их товарищей, являясь настоящими товарищами воевод по письменной части, а нередко достигали

[10] См., например: **ЦГАДА,** Сиб. приказ, стлб. 1051, л. 51, 63. На обороте отписки А. П. Головина, который сообщает, что М. Г. Романов отпущен из Тобольска на Тюмень 6 февраля, указано: «198 марта в 12 день подал тобольский сын боярской Семен Ремезов». Столбец 1051 был открыт Н. Н. Оглоблиным и частично использован им в работе: Происхождение провинциальных подьячих..., с. 140, 237.

официального «товарищества», становясь подьячими с приписью...»[11].

Недаром, характеризуя свою деятельность в Тюмени (л. 447—450 об.), М. Г. Романов заостряет внимание читателей на начальных строках отписок тобольского воеводы и великих государей к воеводе стольнику Д. И. Полуехтову и ему, М. Г. Романову, как товарищу воеводы: «Марта 6 числа присыланы из Тобольска на Тюмень отписки о хлебных запасех и о иных всяких государских делах. А в них начало: господину Дмитрию Ивановичу, Максиму Григорьевичу (так! — *Е. Д.*) Степан да Федор Салтыков челом бьют, да писано дело. А в иных тобольских отписках писано: господину Дмитрею Ивановичу с товарыщем Степан Салтыков челом бьет, да писано дело. А с Москвы в грамотах великих государей писано во всех: в Сибирьь, на Тюмень стольнику нашему и воеводе Дмитрию Полуехтову, да с приписью подьячему Максиму Романову» (л. 449 об.—450).

После отъезда из Тюмени Дмитрия Полуехтова[12] и неожиданной смерти в пути вновь назначенного Лаврентия Ордина-Нащокина Романов управляет Тюменью почти единолично в 1691—1692 гг. Этому факту он придает также большое значение, описывая тюменские службы с приказными подробностями: «По указу великого государя и город ведал, и на службу к Ямышеву озеру, и на береговую тюменских голов и детей боярских, литву и конных, новокрещенных, и пехоцкие полки отпущал..., и меж грацкими людьми расправу чинил по московскому указу, каков дан был воеводе Лаврентью Ордин-Нащокину и ему, Максиму, из Сибирского приказа» (л. 454—454 об.).

Вместе с Романовым городскими делами Тюмени управляли то тобольский дворянин Федор Шульгин, то «сын боярский казначей голова Иван Текутьев» (л. 454 об.)[13]. Когда же в Тюмень был послан из Москвы стольник и воевода Т. В. Раевский, в товарищах ему оставляют того же Романова: «И в 201 (1693) в великий пост приехал на Тюмень стольник и воевода Тит Васильевич Раевский, да с приписью прежней Максим Григорьев сын Романов, и наказ им дан обоим из Сибирского приказа по чему город и расправу грацким и уездным людям чинить вопче, без всякие разни,

---

[11] **Оглоблин Н. Н.** Обозрение..., с. 9—10, 92. Н. Н. Оглоблин считает эти продвижения подьячих по служебной лестнице исторически закрепленным актом, приводя в пример Ивана Висковатого и Захара Свиязова (XVI в.), а также известные слова Курбского: «Писари же наши русские им же князь великий зело верит, а избирает не от шляхетского роду, ни от благородных, но паче от простого всенародства» (**Оглоблин Н. Н.** Происхождение провинциальных подьячих..., с. 135).

[12] Ср.: **ЦГАДА,** Сиб. приказ, стлб. 1051: «Велите у меня город принять стрелецкому голове или подьячему с приписью, а меня холопа вашего отпустить к Москве по нынешнему зимнему пути» (л. 86); «велели у него город принять, кому пристойно» (л. 86 об.).

[13] Ср., **ЦГАДА,** Сиб. приказ, стлб. 1051, л. 83: «Стрелецкому голове... Текутьеву, с приписью подьячему Максиму Романову велеть город... принять».

чтоб в государевой казне было во всяких доходех пополнение и людем не в тягость» (л. 454 об.). Тобольский подьячий занял в Тюмени действительно высокое место товарища воеводы.

В 1695 г. М. Г. Романов назначается дьяком в Якутск, откуда в 1703 г. «отпущен к Москве» (л. 471—472 об.)[14]. И вновь обстоятельства «отпуска» его из Якутска описаны со многими подробностями. В 1706—1707 гг. (даты последних записей в сборнике) Романов снова дьяк, но уже в Тобольске, вместо Ивана Обрютина (л. 469—470)[15].

Таковы факты биографии влиятельного приказного деятеля Сибири М. Г. Романова, реконструируемые по принадлежавшей ему рукописи Сибирского летописного свода. Почти все известные редакции и виды такого свода сохранили, хотя и в сокращенном виде, эти сведения о служебной карьере М. Г. Романова. Полученная им должность дьяка оставляет его имя в сибирских сводах и после 1707 г., так как указания о смене дьяков предусматривались задачей, сформулированной в заглавии свода.

С 1708 по 1711 г. М. Г. Романов исполняет должность дьяка в Томске, с 1712 г. он при губернаторе М. П. Гагарине — второй после Ивана Баутина дьяк, при отъездах Гагарина в Москву он регулярно (с 1713 по 1718 г.) остается то с оберкомендантами И. Ф. Бибиковым и С. П. Карповым, то со стольником С. Д. Траурнихтом «для правления Тобольском»[16].

Некоторые важные детали и подробности в биографию М. Г. Романова вносят сведения столбца № 1051 Сибирского приказа. Назначение его на Тюмень в подьячие с приписью произошло, судя по документам столбца, в ответ на челобитную: «Великим государем... (челом бьет) холоп Ваш из Сибири, ис Тобольска приказныя палаты подьячей Максимко Романов. В прошлых, государи, годех прадед мой Матвей выехал из немецкие Вифлянские земли служить к Москве, и служил во дворянех по кончину живота своего и под Казанью убит. А дед мой Роман переведен в Сибирь и служил в Сибири всякие ваших великих государей службы по кончину живота своего. А отец мой Григорей служит вам, великим государем, в приказной полате у ваших великих государей дел в подьячих лет 40. А дядя мой родной Василий Романов служит вам, великим государем, в Тобольску в детех боярских лет с 50.

---

[14] Ср. также: **Оглоблин Н. Н.** Бытовые черты... (ЦГАДА, Сиб. приказ, стлб. 1388, л. 533). Через Верхотурье М. Г. Романов проезжает только в конце 1704 г. (**ГАТОТ**, фонд рукописных книг, № 82, Синодик Верхотурского Троицкого собора, л. 66 об.: «Род дьяка Максима Григорьевича Романова, а написаны родители ево декабря в 20 день нынешнего 1704 года, как он ехал из Якутского к Москве»).

[15] Иван Самсонович Обрютин — дьяк в Тобольске с 1697 г. См.: **Веселовский С. Б.** Дьяки и подьячие XV—XVII вв., с. 380.

[16] **БАН**, Арх. ком., № 85 (летописец Берха); **АГО**, раздел 14, оп. 1, № 107 (Абрамовский летописец); **БАН**, 16. 8. 6 (академическая редакция Сибирского летописного свода) и др.

А я, холоп ваш, работаю вам... в приказной палате всякие ваши... дела в подьячих справою со 183 (1675) году»[17].

По определению Н. Н. Оглобина звание подьячего справою получали «особенно отличившиеся «старые» подьячие»[18], которые фактически управляли деятельностью подьячих всей приказной палаты. М. Г. Романов получал и немалое по тем временам жалованье: «25 рублей, хлеба вдвое, три пуда соли»[19]. Он просит в своей челобитной: «За службы прадеда, и деда, и дяди, и отца моего и мою, холопа вашего, приказную работишку, велите мне быть на Тюмени с приписью на место умершего подьячего Матвея Борисова...»[20]. М. Г. Романов прослужил в Сибири 20 лет в должности старшего подьячего и более 10 лет в должности приказного дьяка.

Таким образом, перед нами выходец из служилых дворян, потомственный приказной деятель Сибири конца XVII — начала XVIII в. Принадлежащий ему сборник превосходно отражает его служебные интересы.

* *
*

Романовский сборник создавался не сразу. Первую треть его занимает известное сочинение А. С. Матвеева «Книга, а в ней собрание, откуда произыде корень великий государей...», 1678 г. (рис. 1). Созданная в Посольском приказе, Книга существовала в качестве наставления для дипломатов и приказных деятелей. Следом за сочинением А. С. Матвеева в сборник вписывается «Чин венчания на царство царей Иоанна и Петра Алексеевичей» (25 июня 1682 г.) — официальный документ, присылаемый на места из центра[21]; отрывок полномочной грамоты китайскому императору (грамота входит в статейный список посольства Ф. А. Головина в Китай)[22]; сообщение 1677 г. «о победе под Чигирином и описание обхождения окрест Киева».

За этими статьями в состав своего сборника М. Г. Романов вводит цикл собственно сибирских сочинений. Здесь читаются: краткое описание «о Сибирской земли»[23], роспись годуновского чертежа 1667 г., Есиповская летопись распространенной редакции (в разных вариантах обычно сопровождающая Сибирский летопис-

---

[17] **ЦГАДА**, Сиб. приказ, стлб. 1051, л. 68. См. также сведения об отце и дяде: **ЦГАДА**, Сиб. приказ, кн. 434, л. 14 (переписные книги населения софийских вотчин 1662 г. письменного головы Григория Романова); **ЦГАДА**, Сиб. приказ, кн. 372, л. 100 (Василий Романов).

[18] **Оглоблин Н. Н.** Происхождение провинциальных подьячих..., с. 139.

[19] **ЦГАДА**, Сиб. приказ, стлб. 1051, л. 66.

[20] Там же, л. 68.

[21] Н. А. Дворецкая показывает сибирский характер этого документа, связывая его с участием в церемонии митрополита сибирского Павла (см.: **Дворецкая Н. А.** Изменения..., с. 55—56).

[22] Русско-китайские отношения в XVII в., т. 2. М., 1972, с. 322—323.

[23] Текст произведения идентичен статье «О сибирском взятии» Нового летописца.

Рис. 1. Фрагмент сочинения А. С. Матвеева из сборника М. Г. Романова. ГБЛ, отдел рукописей, ф. 711 (поступления 86/3—75 г.), л. 23.

ный свод большинства редакций); последовательные записи сибирских событий до 1686 г. (л. 212—358 об.). После пропуска одного листа продолжены статьи за 1685—1686 гг. (л. 359 об.— 362). Последняя запись этого фрагмента сообщает, что до приезда «боярина и воеводы Алексея Петровича Головина с товарищи» быть на воеводстве в Тобольске «стольнику и воеводе князю Борису Андреевичю Сонцову-Засекину, да дьяку Афанасию Парфенову» (1686 г.). Вновь оставлены чистые листы (л. 362 об.—368 об.) и затем изложены с подробностями отдельные события за 1686—1687 гг.: приезд А. П. Головина, описание страшного пожара в Тобольске; сообщения о выезде Ф. А. Головина из Тобольска в Дауры и о пересылке «новоторговых» статей; чин встречи Павла митрополита и приветственная речь, «говоренная одним из 40 человек детей боярских» (л. 369—382 об.).

Изложение сибирских событий прерывается рассказом о приезде в Москву «меретинского царя Вахтанга Арчиловича», о котором «мая в 1 день 195 (1687) года объявлено в Тобольску» и «Сказанием о взятии Астрахани Иваном Грозным»[24] (л. 383—397; 405—418 об.). Только с листа 420 автор-составитель сборника помещает пространные записи за 1686—1690 гг. (л. 420—450 об.) о правлении А. П. Головина в Сибири.

Судя по бумаге[25], сборник — современник событиям 80-х гг. XVII в. А скрепа[26] свидетельствует о его постепенном складывании в течение этого времени. До листа 382 (рис. 3) М. Г. Романов скрепил своей записью уже готовый фрагмент сборника, а после листа 382 сочинения и погодные статьи вписываются после скрепы (рис. 2). На это указывает «набегающий» на слова скрепы основной текст листа. Однако следует сразу же оговорить, что сборник — не черновик. В нем отсутствует сплошная правка, хотя есть приписки на полях; он выполнен «чистовой» скорописью; в него последовательно вписываются не отдельные записи, а целые фрагменты отработанного текста (см., например, группу известий за 1686—1687 гг. и др.).

Сибирские известия в сборнике группируются его составителем. Связь между первым комплексом известий до 1687 г. и последними обозначается специальным значком и записью, выполненной круглящимся полууставом, вариантом основного почерка: «С сей статьи в Сибири о тобольском поведении предложено на письме ниже сего» (рис. 3, 4). Видимо, позднее листы сборника перекомпоновываются тем же составителем так, что Сибирские сочинения подбираются все вместе, при этом пагинация не меняется и старый вид сборника восстанавливается без труда.

Таким образом, события сибирской жизни с похода Ермака до 1687 г. и с 1686 до 1690 г. (правление воеводы А. П. Головина) оказываются объединенными под названием: «Книга, сколько в Си-

---

[24] **Иконников В. С.** Опыт русской историографии, т. II, ч. 2. Киев, 1901, с. 102,

[25] См. выше, с. 121.

[26] См. выше, с. 121. Скрепы нет только на последних листах сборника (л. 450 и далее), имеющих приписки до 1707 г.

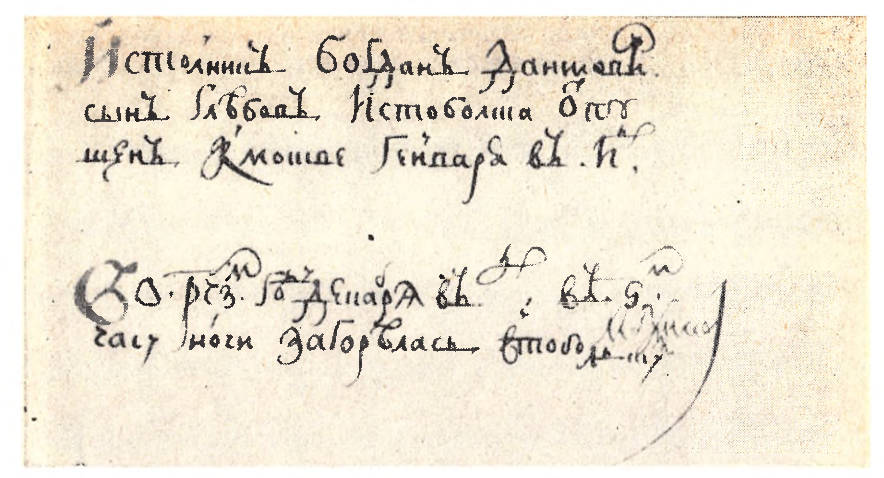

Рис. 2. Имя М. Г. Романова из скрепы вписано до основного текста. ГБЛ, отдел рукописей, ф. 711 (поступления 86/3—75), л. 436.

бири в Тобольском и во всех сибирских городах и острогах с начала взятья атамана Ермака Тимофеева, в котором году и хто имяны бояр, и окольничих, и воевод, и дьяков, и письменных голов, и с приписью подьячих бывало» (л. 265 об.). Под этим заглавием в сибиреведении известна Головинская редакция Сибирского летописного свода [27]. Судя по сборнику М. Г. Романова, заглавие принадлежало первоначально только известиям до 1685—1686 гг. (л. 359 об.—362), и только впоследствии составителем распространено на заметки 1686—1690 гг. Сборник являлся своеобразной «записной книжкой» М. Г. Романова.

Заметки о 1686—1690 гг. представляют собой подробнейшее описание государственной деятельности боярина и воеводы А. П. Головина, при котором и задолго до которого М. Г. Романов стоял во главе подьячих Тобольской приказной палаты, будучи подьячим справою и «настоящим товарищем воеводы по письменной части» [28]. «Именно подьячие,— по выражению Н. Н. Оглоблина,— были не только хранители правительственных архивов в провинции, но и авторы тех разнообразных актов, которыми мы пользуемся теперь как историческими материалами» [29].

Воеводам, а с ними и их письмоводителям в приказной палате «велено было ведать государево и земское дело». Извлекая из многочисленных наказов городовым воеводам сведения об их деятельности, Б. Н. Чичерин так определяет сферы приложения усилий приказных палат «главных городов», каким, например, был Тобольск: 1) некоторые духовные дела (постройка и починка церквей

---

[27] **Дворецкая Н. А.** Археографический обзор списков повестей о походе Ермака.— ТОДРЛ, М.— Л., 1957, т. XIII, с. 475.

[28] **Оглоблин Н. Н.** Происхождение провинциальных подъячих..., с. 92.

[29] Там же, с. 129.

на казенный счет, отведение земли монастырям, описание церковного имущества, иногда — преследование раскольников и т. д.); 2) иностранные дела; 3) военные дела (строительство городских

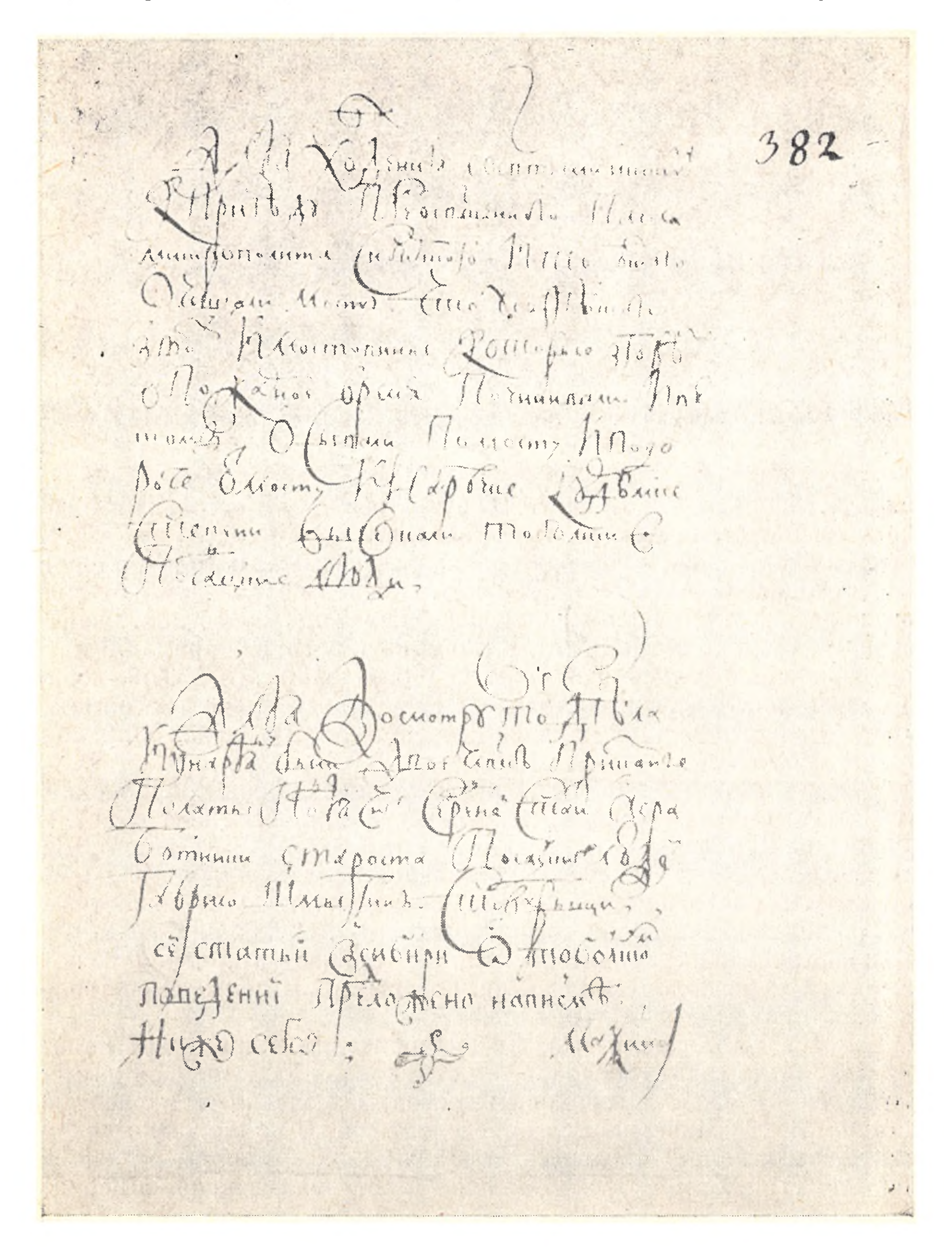

382

Рис. 3. Последний лист с рассказом о приезде Павла митрополита. ГБЛ, отдел рукописей, ф. 711 (поступления 86/3—75), л. 382.

420

Рис. 4. Сборник М. Г. Романова. Начальные статьи известий о правлении А. П. Головина в Сибири. Знак в правом верхнем углу объединяет этот фрагмент свода с текстом л. 369—382 об. (рис. 2). ГБЛ, отдел рукописей, ф. 711 (поступления 86/3—75), л. 420.

укреплений, артиллерия, войско, строительство городов и острогов); 4) разрядные дела (верстка в выбылые места, выдача жалованья и т. д.), 5) суд и совершение гражданских актов; 6) полицейские дела (пути сообщения, охранение областей от стихийных бедствий — моровых язв, пожаров; торговля, меры, весы и т. д.); 7) финансовые дела (в том числе «приискивание руд») [30].

Сибирский летописный свод в Романовском сборнике прекрасно отразил эти интересы Тобольской приказной палаты, как палаты «верховного разряда». Достаточно привести несколько примеров, оговорив, что практически все перечисленные выше сферы деятельности с большими или меньшими подробностями описаны в известиях свода.

Уникален своими деталями рассказ о строительстве Тобольского кремля на средства тобольских жителей (л. 428—435): «За бояриным и воеводою за Алексеем Петровичем Головиным с товарыщи были головы тоболяне и дети боярские, приказные палаты старые и молодые подьячие, сотники и атамана, литва и конные, и новокрещенные стрельцы, и пешие казаки, оброчники, посацкие и всякие жилецкие люди... И от яру реки Иртиша в десяти саженех построена башня Глухая на трех саженях, в вышину двадцать девять рядов до обламов, а обламов пять рядов, шатру пять рядов же... под тою башнею построен анбар для клажи конатных и прядильных всяких припасов» (л. 428 об.) [31] и т. д.

С не меньшей добросовестностью автор сообщает о постройке церквей, в том числе надвратной церкви Сергия Радонежского в 1685 г.: «А что деревянная была церковь сергиевская, переведена в Софейское село Преображенское и воздвигнута» (л. 359 об.). В известиях за 1679 г. о гари во главе с черным попом Данилой, «в бельцах Дементьяном», видимо, раскольником, который «постригал многих и не велел в церковь ходить», автор подчеркивает ряд любопытных деталей, хотя весь рассказ пишется им для сухого официального сообщения о том, что «трех старцев поимали и отдали под начал в Знаменский монастырь». «Тут же в пустыни были бесные девицы,— поясняет автор,— и как станет мучить неведомо бес, неведомо самохотно, и они в то время говорили, прорицали конец света и иное прорицали, и ничто же по них не збывалось... У него, у черного попа Данила, были святые иконы и животворящей крест.., а как они в той пустыни згорели, и после их нашли тот животворящей крест... цел, немного с одного края погорело» (л. 337—337 об.).

Главу «верховного сибирского разряда» А. П. Головина, а вместе с ним и его подьячего М. Г. Романова волновали события,

[30] **Чичерин Б.** Областные учреждения России в XVII в. М., 1856, с. 104—191. Типовой наказ воеводам был введен Петром I только с 1695 г., до этого воеводы служили по частному определению.

[31] Сведения, взятые из эрмитажного списка (**ГПБ**, Эрм. 376) Головинской редакции Сибирского свода, дали возможность В. И. Кочедамову рассказать о строительстве Тобольского кремля в середине 80-х гг. XVII в. (см.: **Кочедамов В. И.** Тобольск. Как рос и строился город. Тюмень, 1963, с. 21—24).

связанные с государственными, хотя подчас и переплетавшиеся с личными интересами. Большое внимание, например, уделено в Романовском сборнике Ф. А. Головину. И это, естественно, не только потому, что посланник в Китай и даурский воевода был сыном А. П. Головина. «Верховный» сибирский воевода должен был обеспечить немедленное выполнение всех требований из Даур: «За одержание гонцов» великие государи указали «нарымского воеводу Василия Трегубова посадить в тюрьму на три дни», илимского воеводу «садил Матвей Юдин за то, что по отписке околничего и воеводы Ф. А. Головина Илимского уезду ясашным людем не прислал к нему имянных книг» и т. д.

«С самого начала организации нового посольства ему был придан,— пишет Н. Ф. Демидова, характеризуя специфику миссии Ф. А. Головина,— несколько необычный характер, выразившийся в двойной подведомственности его: в дипломатических делах — Посольскому приказу, в военных и административных — Сибирскому. Каждый из приказов готовил для будущего посольства по наказу, содержание которых было определено указом 16 декабря: «О посольстве наказ из Посольского приказа, а об городах и ратных людях и о всяком ратном строе из Сибирского приказа [32]. В этом свете вполне объяснимо наличие в Сибирском летописном своде Головинской редакции подробных записей, касающихся прежде всего вопросов организации передвижения посольства по Сибири, набора ратных людей, наказания воевод за отказ выполнять распоряжения полномочного посла и даурского воеводы [33]. Эта же ситуация объясняет и включение в сборник Романова «Книги» А. С. Матвеева, росписи чертежа 1667 г. с характеристикой статей о «немирных землях», выписок из посольской грамоты китайскому императору.

Однако такое пристальное внимание к даурскому воеводе не может объясняться одними только приказными интересами Тобольска, в них видна и личная заинтересованность А. П. Головина в констатации всех заслуг его семейства перед государями. Именно поэтому с подробностями описана и всяческая строительная деятельность А. П. Головина: либо по его приказу и почину на средства тоболян (кремль, мост), либо на личные его средства (церковь, утварь). Именно поэтому так подробны статьи, рассказывающие о милостях к Головиным государей, которые «за многую ево к ним великим государем радетельную и остерегательную посольскую службу велели ему ходить в комнату», «спросить о здоровье и службу ево боярскую похвалить и сказать милостивое слово...» (л. 443 об.) и т. д. Тенденцию повествования в большей части свода за 1686—1690 гг. определял воевода А. П. Головин.

---

[32] **Демидова Н. Ф.** Из истории заключения Нерчинского договора 1689 г.— В кн.: Россия в период реформ Петра I. М., 1973, с. 293.

[33] Думается, что должность тобольского воеводы не случайно была пожалована А. П. Головину в те же годы (1686—1689), что и посольство Ф. А. Головину.

Однако характер записей, а в остальной части свода и отбор их, выдает руку опытного подьячего. В передаче правительственных документов он следует за оригиналом, а записи, относящиеся к событиям в Тобольске, вполне самостоятельны: «И послано тое слюды к Москве семьдесят пудов, а достальная отдана... на строение окончин к соборной церкви»; «и с того пожару иные люди выкидывались в окна»; «а таков был пожар страшен, что горели дощаники, в которые собрались люди з животами и хотели ехать на он пол реки Иртиша. И те дощаники с людьми и з животы пловучи по реке Иртишу горели».

Подробные и точные описания в Сибирском летописном своде Романовского сборника даются с 1674 г., а с 1676 г. они становятся детальными сведениями очевидца, постоянно связанного с этими событиями еще и по долгу службы: «Загорелась (церковь.— *Е. Д.*) с северной стороны в бочке», «и в то время ссекли крест и залили квасом»; колокола (перечисляются их названия, приметы, вес) все растопились «без остатку»; иконы и книги и прочая утварь... сохранилися, и государева казна, большой снаряд цело ж» (1677 г.); «велено быть по всем улицам караулом летнею порою» (1678 г.). Если до 1676 г. на каждый год приходилось лишь 1—2 известия, то с этого времени следуют регулярные сообщения, свидетельствующие не только о добросовестной фиксации автором результатов деятельности воевод по наказам государей, но и о творческом подходе к делу.

В изложении официальных событий детали выдают в повествователе приказного человека. В рассказе о встрече митрополита Павла автор, как и везде, подчеркивает особое положение подьячих: за воеводой с товарищем шли «приказные полаты подьячие старые и молодые, опричь дневальных». Обращают на себя внимание многочисленные сведения и бытовые подробности романовского списка летописного свода, связанные с именами приказных людей. Он сообщает о погорельцах-подьячих Михаиле Коршунове (октябрь 1689 г.), Абросимке Некрасове (декабрь 1689 г.); об отпуске из Москвы с приписью подьячего Матвея Борисова в Тюмень и его смерти в 1689 г., о верстании его сына «на Тюмени в дети боярские»; о сыне боярском Иване Текутьеве, ведавшем после отъезда туринского воеводы городом; о пожаловании верхотурского подьячего Осипа Иванова в дьяки; об Афанасии Парфенове, управлявшем Тобольском в 1686 г. в товарищах воеводы, и т. д. Самая большая и подробная часть свода повествует о подьячем М. Г. Романове [34].

Впрочем, записи о Матвее Борисове, Афанасье Парфенове и других оказываются также связанными (прямо или косвенно) с М. Г. Романовым. Столбец № 1051 Сибирского приказа сообщает, что М. Г. Романов просится в Тюмень именно «на место умершего подьячего Матвея Борисова» [35], сына которого он, Романов, позднее

---

[34] См. выше, с. 80.

[35] **ЦГАДА,** Сиб. приказ, стлб. 1051, л. 68.

поверстал «в дети боярские на Тюмени», когда исполнял там роль практически единовластного правителя. Дьяк Сибирского приказа Афанасий Парфенов помогает своему бывшему «письмоводителю» получить на Тюмени прежний тобольский оклад вместо предполагаемого меньшего оклада Борисова, протаскивая хитрую формулировку, не понятую, видимо, бдительными руководителями Сибирского приказа: «Велеть давать наше великих государей денежное и хлебное, и соляное жалованье с тамошних тюменских доходов по окладу иво (имя здесь не указано) по вся годы сполна» [36].

Итак, в записях официального и бытового характера виден заинтересованный в читателях своего круга рассказчик. Составителем летописного свода, помещенного в сборнике М. Г. Романова, должен быть подьячий, хорошо знакомый с приказными делами. Если учесть при этом, что сам М. Г. Романов был подьячим справою Тобольской приказной палаты с 1675 г., что почерк скрепы и части рукописи совпадают, что в сборнике слишком много данных о нем самом, что компоновка отдельных фрагментов ведется скрепившим рукопись М. Г. Романовым, то, видимо, и право подборки материалов к Головинскому летописному своду следует отдать ему.

* *
*

М. Г. Романов вполне может быть одним из составителей головинской редакции Сибирского летописного свода, известного в нескольких списках [37]. Один из них представлен в составе Головинского сборника [38], названного так по имени его владельца М. П. Головина, брата тобольского воеводы (рис. 5). Головинский сборник переписан целиком не ранее 1689 г. (сборник завершается сибирскими известиями с названной датой) и не позднее 1695 г. (года смерти М. П. Головина, оставившего свой автограф на рукописи). Сборник считался самым ранним из содержащих Головинскую редакцию Сибирского летописного свода и датировался 1689 г. из-за неточных данных о смерти М. П. Головина [39]. Между тем, о его смерти извещает Петра I во время Азовского похода боярин

---

[36] Там же, л. 62. В старых формулировках указа имя Романова старательно зачеркивалось главой приказа, заменяясь именем Борисова, оклад которого был значительно ниже.

[37] **Дворецкая Н. А.** Археографический обзор, с. 475. В связи с поставленной задачей атрибуции Романовского сборника поздние списки и копии Головинской редакции Летописного свода к анализу в данной статье не привлекаются. Текстологическим изучением этой редакции занимается Н. А. Дворецкая (см. статью: Из истории позднего сибирского летописания.— ТОДРЛ, Л., 1969, т. XXIV, с. 239—241).

[38] А. И. Андрееву сборник был известен как ГБЛ, МДА, Виф. 181 (см.: **Андреев А. И.** Очерки по источниковедению Сибири, вып. 1. М.— Л., 1960, с. 235; Н. А. Дворецкой — как ГБЛ, МДА, № 144, (**Дворецкая Н. А.** Археографический обзор, с. 475). В настояще время сборнику вернули старый номер МДА, Фунд. 628, согласно описанию: **Леонид.** Сведения о славянских пергаментных и бумажных рукописях, поступивших из книгохранилища Свято-Троицкой Сергиевой лавры в библиотеку Троицкой духовной семинарии в 1747 году (ныне находящиеся в библиотеке Московской духовной академии), вып. 1—2. М., 1881.

[39] См., например: **Дворецкая Н. А.** Из истории..., с. 240. Здесь указан 1689 г. как год смерти М. П. Головина.

179

Рис. 5. Фрагмент известий сибирского летописного свода из сборника М. П. Головина. ГБЛ, отдел рукописей, МДА, ф. 628, л. 179.

Рис. 6. Фрагмент Чина встречи «меретинского царя Вахтанга» из сборника Чоглокова. ГБЛ, отдел рукописей, музейн. № 7564, л. 374.

Стрешнев в письме от 7 августа 1695 г.: «А у генерала Автонома Михайловича отца ево Михаила Петровича не стало...» [40].

Бумага Головинского сборника датируется концом XVII в.[41] Сборник содержит только цикл сочинений с сибирской тематикой, описанных выше в составе Романовского сборника: краткую по-

---

[40] **Письма** и бумаги императора Петра Великого, т. 1 (1688—1701). Спб., 1887, с. 514.

[41] **ГБЛ**, МДА, Фунд. 628 — гербовый щит с орлом и рогом, с литерами по ободу щита TREHIMBERG, типа Каманін, № 1084, 1685—1691; лилия в круге, типа Каманін, № 640, 1692—1693; богоматерь с младенцем, типа ГИМ, собр. Щукина, № 503, 1688. Бумага этого и следующего сборников датирована Л. М. Костюхиной: выражаю ей свою признательность.

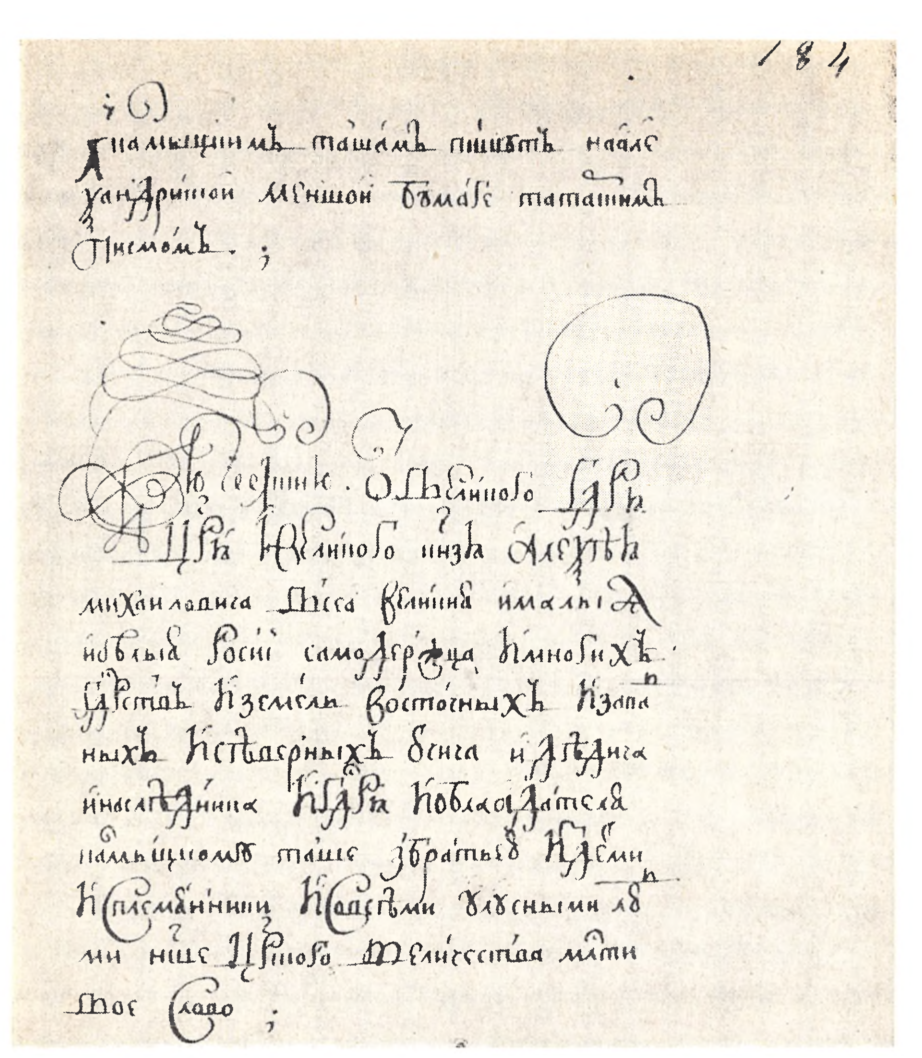

Рис. 7. Фрагмент Чоглоковского сборника. ГБЛ, отдел рукописей, музейн. № 7564, л. 184.

весть «о сибирской земли», роспись годуновского чертежа 1667 г., Сибирский летописный свод 1689 г. с Есиповской распространенной летописью в качестве предисловия.

Другой интересующий нас сборник, также содержащий Сибирский летописный свод 1689 г., известен менее, хотя он старше Головинского. Это сборник из Музейного собрания ГБЛ № 7564. Назовем его Чоглоковским (по владельческой записи на л. 1—1 об.)[42].

---

[42] «Сия книга лейб-гвардии Преображенского полку салдата Василия Чоглокова»; «Сия книга принадлежит лейб-гвардии Преображенского полку прапорщика

Если Головинский сборник содержит только цикл сибирских произведений, то Чоглоковский идентичен по составу всему Романовскому. Различие заключается только в том, что последний имеет ряд приписок 1690—1707 гг. Написан Чоглоковский сборник кругля-щимся полууставом, местами переходящим в скоропись, которую можно отождествить с одним из вариантов почерков Романовского сборника (рис. 1, 6). Оформление этих сборников также выдает одну руку (рис. 7, 8). Бумага Чоглоковского сборника та же, что и основной части Романовского: герб Амстердама (Heawood, № 375, 1685—1686 гг.). Несомненно, что оба сборника вышли из одних рук. Вопрос только в том, который из них послужил оригиналом другому.

Чоглоковский сборник повторяет логику расположения материалов Романовского. В то же время, в отличие от последнего, в первом тексты следуют один за другим без разрывов: создается ощущение, что они переписывались сразу, а не постепенно в течение ряда лет. Все вставки, имеющиеся на полях Романовского сборника, внесены в Чоглоковском в текст, все пробелы, составленные для уточнения отчества первых сибирских воевод, некоторых дат и т. д., сохраняются, противоречия в записях свода оставлены. Так, известия 1621—1624 гг. повторены дважды в разных редакциях в Романовском сборнике. Статья 1624 г. об отъезде митрополита Киприана ставит логическую точку в повествовании, завершая его похвальным словом: «Ныне убо Сибирская земля, паче же богоспасаемый град начальнейший Тобольск, светом божественные славы озарися...» Далее следует сообщение о приезде архиепископа Макария 1 апреля 1624 г. После этого вполне законченного отрывка повторяются сведения за 1621—1622 гг., 1623, а под 1625 г. вновь сообщается о приезде Макария [43]. В Чоглоковском сборнике это противоречие не устраняется.

Романовский сборник, как отмечалось выше, хотя и чистовая, но «записная книга». Логика расположения материала в ней поэтому понятна. Разнообразие записок и сочинений объясняется сиюминутными интересами приказной палаты, воеводы и самого М. Г. Романова. Романовский сборник — «живой организм», он продолжает периодически пополняться материалами и после 1689 г.

Текст Чоглоковского сборника обрывается рассказом об отъезде Ивана Скрипицына в Дауры. Это событие датируется 3 сентября 1689 г. Чоглоковский вариант списан не ранее этой даты и не позднее отъезда М. Г. Романова на Тюмень 17 февраля 1690 г.[44]

Матвея Данилова сына Чоглокова. И писал своею рукою 1782-го года сентября 26 числа».

[43] Возможно, здесь «шов» двух источников, послуживших основой части свода до 1686—1687 гг.

[44] В Чогловском сборнике утрачены из последней тетради два конечных листа, на них могли, пожалуй, вместиться известия октября — декабря 1689 г.

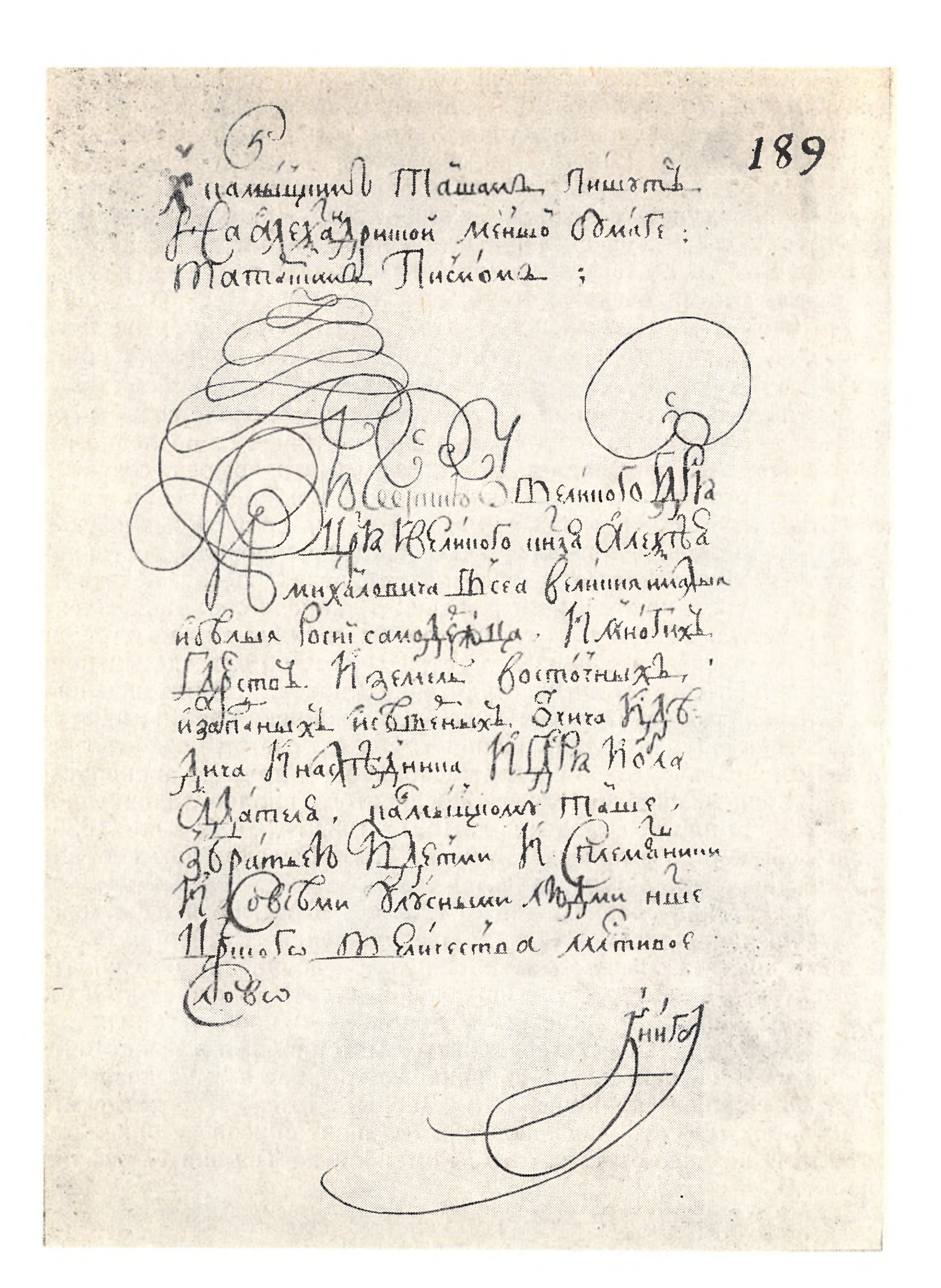

Рис. 8. Фрагмент Романовского сборника. ГБЛ, отдел рукописей, ф. 711 (поступления 86/3—75), л. 189.

Чоглоковский вариант — почти точный слепок, слеланный на одном из этапов жизни сборника М. Г. Романова.

Несколько сложнее выглядят отношения Романовского и Головинского сборников. Последний, как говорилось выше, представляет собой компоновку только сибирских сочинений, известных по сборнику М. Г. Романова. Редакции сибирских произведений сборников Романовского и Головинского совпадают. Это касается и краткой повести о походе Ермака, и Есиповской распространенной, и росписи чертежа 1667 г., которая не имеет «никаких данных о распределении служилых людей», зато включает «сведения о так называемых немирных землицах, а также отдельные выписки о волостях и селениях по Вагаю»[45] (рис. 9). Совпадают и большинство известий Сибирского летописного свода в обоих сборниках, однако свод в Головинском варианте несколько сокращен и более упорядочен. Все события с похода Ермака до 1689 г. идут без перерывов. В записях за 1621—1624 гг., о которых говорилось выше, устранены противоречия; сокращен до небольшой информационной статьи чин встречи Павла, выпущен ряд известий о подьячих с приписью и дьяках (сыне Матвея Борисова, Осипе Иванове, Михаиле Коршунове и др.), о пожарах в посадах и юртах, о посылке рудознатных мастеров в Даурию, о выплавке серебра и т. д.

Сокращения составляют определенную тенденцию: снят прежде всего подьяческий настрой с повествования, удалены те даурские известия, которые имели отношение не к Ф. А. Головину, а к воеводе-рудознатцу И. Е. Власову[46].

Создается своеобразный вид Головинской редакции свода, отличный от Чоглоковского и Романовского. Скорее всего текст свода Головинского сборника — обработка материалов Романовского или снятой с него копии.

Чоглоковская копия не могла быть протографом Головинского списка из-за одной весьма существенной «мелочи». Протограф Головинского сборника снят с Романовского до Чоглоковского. В тексте 1624 г. («а во 132 поехал по государеве грамоте к Москве архиепископ Киприан февраля в 5 день») по стертому имени Киприана рукой Романова написано:«Макарий». В Чоглоковский сборник попадает имя Макария, в Головинский — Киприана.

до сообщения о пожаре во дворе Абросимки Некрасова. Хотя логичнее предположить, что Чоглоковский сборник кончился записью о государевых милостях, привезенных И. Скрипицыным А. П. Головину.

[45] **Полевой Б. П.** О «печатном» чертеже Сибири 1667 г.— В кн.: Сибирский географический сборник, вып. 2. М., 1963, с. 256.

[46] **Трошин А. К.** Иван Евстафьевич Власов, воевода-рудознатец XVII в. М., 1963.

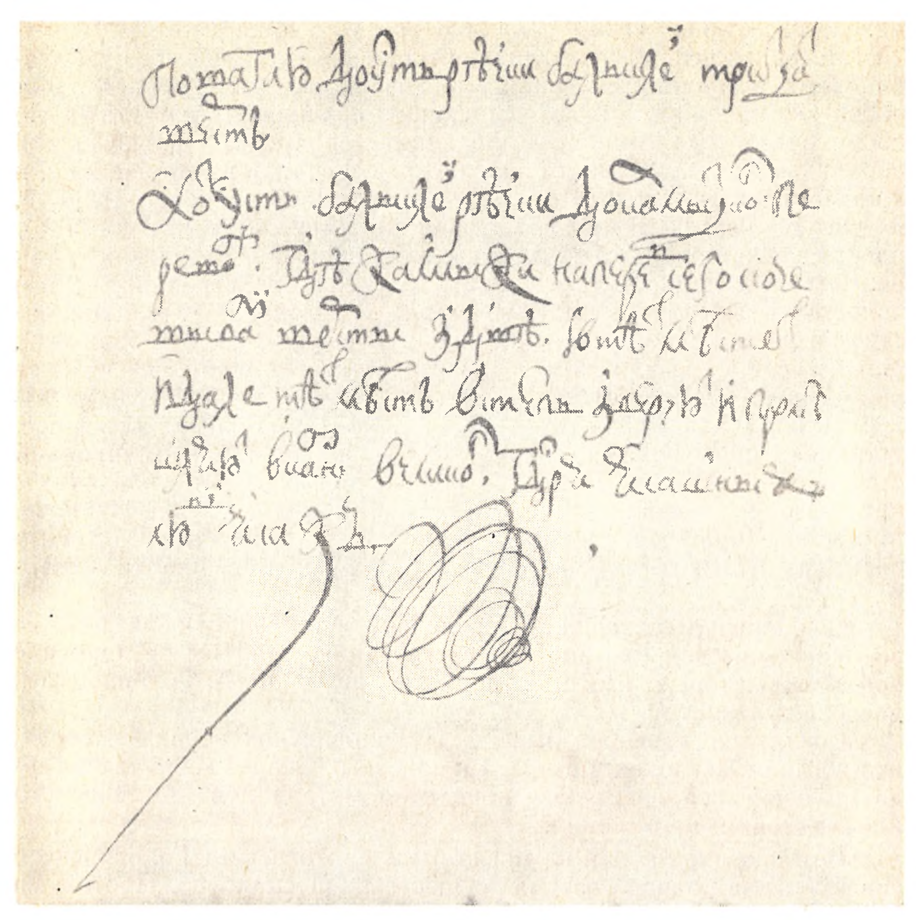

Рис. 9. Фрагмент Головинского сборника. ГБЛ, отдел рукописей, МДА, ф. 628, л. 21 об.

Все исправления на полях Романовского сборника включаются в текст Головинского. Некоторые записи первого в последнем воспроизводятся с недостаточным пониманием:

Романовский	**Головинский**
Во 179 году построен в Тобольску на Софейской[47] звоз, доспета лестница.	Во 179 году построена в Тобольску на Софейской звоз лестница.

Выделенные слова в Романовском сборнике находились на полях. В Головинском в текст попала только половина вставки и

[47] Имеется в виду Софийский владычный двор; взвоз назывался Прямским.

вместо двух предприятий — постройки взвоза и лестницы, оказалось названным только одно.

Неверно (с утратой смысла фразы) прочитываются писцом Головинского сборника отдельные слова, например, в Романовском «дойде» (с выносным и в виде лежащего зигзага), в Головинском «дозде» (выносное з) — во фразе: «Паче ж ко исправление дойде».

Судя по этим деталям Головинский список вполне мог быть снят с Романовского. Однако весь сборник М. П. Головина — чистовая копия; сокращения же требовали промежуточного чернового варианта. Поэтому, скорее всего через посредство еще одной копии, сделанной раньше Чоглоковской, создан был упорядоченный вариант свода.

Таким образом, Романовский сборник, несомненно, является протографом не только Головинской редакции Сибирского летописного свода, но и содержащих этот свод сборников.

Романовский сборник вместе с его составителем «уезжает на Тюмень», затем в 1694 г. в Якутск. В 1706 г. сборник возвращается с М. Г. Романовым в Тобольск, где пополняется тобольскими и общесибирскими известиями. Эти беглые записи за 1690—1707 гг., представляющие окончание Романовского сборника, оказываются связанными со следующим этапом жизни Сибирского летописного свода — с его основной редакцией.

Демократизация управленческого аппарата в Сибири естественно привела к смене самой системы изложения значимых событий сибирской жизни, так как бывшие подьячие подчас выполняли роль воевод в мелких населенных пунктах, продвигаясь, таким образом, высоко по служебной лестнице. Деятельность М. Г. Романова — яркий тому пример.

Переход М. Г. Романова в подьячие с приписью на Тюмень, его служба в дьяках в Якутске и Томске, деятельность в Тобольске, интерес к общесибирским не только приказным, но и духовным событиям (ср.: «Чин встречи Павла митрополита» и «Проявление мощей Симеона Верхотурского»),— все это создало тот необычайный хронологический и фактографический ритм записей, который характеризует, по мнению Н. А. Дворецкой, окончание Погодинского варианта основной редакции Сибирского свода (1694—1707 гг.) [48]. Романовский сборник вновь может быть рассмотрен как протограф и для этой редакции [49].

Итак, М. Г. Романов, выходец из служилых дворян, потомственный приказной деятель последней четверти XVII— начала XVIII вв., оказывается одним из составителей протографа двух редакций Сибирского летописного свода — Головинской и основной.

---

[48] **Дворецкая Н. А.** Изменения..., с. 49—50.

[49] Изучение всех связей Романовского сборника с основной редакцией Сибирского летописного свода выходит за рамки данной статьи.

*   *
*

Укрепление экономической самостоятельности большой вновь заселенной русскими области, какой была Сибирь, требовало организации административных и культурно-идеологических центров. Одним из них стал Тобольск, с сильной администрацией, с митрополичьим двором, своими историками, публицистами, литераторами, художниками. В дальнейшем подобными центрами, имевшими вспомогательное значение, становятся Тара, Томск, Иркутск и др. Прямым отражением этого процесса в литературе Сибири являются сибирские летописные своды в их тобольской, томской и других разновидностях. Находка автографа М. Г. Романова позволяет вновь обратиться к изучению этих поздних сибирских летописей и ввести новое имя в историю русской культуры и литературы исхода XVII столетия.

А. И. ПЛИГУЗОВ

АВТОРСКИЕ СБОРНИКИ ОСНОВАТЕЛЕЙ ВЫГОВСКОЙ ПУСТЫНИ

Значительно упрощая реальную ситуацию, можно представить себе основной путь развития поморской книжности как движение от собирания авторитетных со старообрядческой точки зрения рукописей и печатных книг к созданию сводов литургических и четьих памятников и параллельно к появлению собственных сочинений, известных в рукописной традиции как авторские.

Пропасть между сбором материала[1] и созданными на его основе фундаментальными авторскими сочинениями вроде «Поморских ответов» — позволяют заполнить авторские сборники[2] основателей Выговской пустыни. Они фиксируют промежуточное звено этой цепи: от собирания — к более глубокому осмыслению, от комплекса выписок — к авторскому сочинению. Наиболее полно отражая систему взглядов составителей, эти сборники опосредуют переход от индивидуального мировоззрения к общим идеологическим доктринам поморского согласия.

Результаты нашей работы, естественно, во многом зависят от объема и репрезентативности используемых источников. Достаточно полное выявление рукописного наследия основателей Выговской пустыни потребует в будущем а) реконструкции состава выговской библиотеки[3], б) подробного палеографического анализа выговских

---

[1] Например, Е. В. Барсов, анализируя состав поморских Четьих Миней, отмечал, что в них нет «ничего специфически старообрядческого» (См.: **Барсов Е. В.** Четьи Минеи братьев Денисовых.— В кн.: Сборник статей в честь М. К. Любавского. Пг., 1917, с. 677).

[2] Мы употребляем термины «авторский сборник» и «авторское сочинение», где «авторский сборник» — рукопись, скомпонованная и переписанная известным нам деятелем старообрядчества, а «авторское сочинение» — произведение, которому рукописной традицией присвоено индивидуальное авторство. Доминантой для литературы Выга анализируемого периода является анонимность литературной деятельности, причем анонимности сочинений соответствует анонимность сборников, однако данные палеографии позволяют нам связывать определенные сочинения и сборники с деятельностью определенных лиц.

[3] Ее состав отразился в ранних источниках (см.: **Яковлев Г.** Извещение праведное о расколе беспоповщины.— В кн.: Братское слово. М., 1888; Сочинение Даниила Матвеева о молении за царей.— **ГБЛ**, собр. Егорова, № 1327, 1849, Ро-

рукописей (идентификация почерков, установление типичного набора филиграней, анализ оформления)[4].

До сегодняшнего дня, к сожалению, эта работа почти не привлекла внимания исследователей. Мы просмотрели несколько рукописных собраний, уделив особое внимание специфически старообрядческим собраниям[5].

Мы прибегли к классификации нашего материала (сборники непостоянного состава) по признаку наличия — отсутствия в сборниках авторских поморских сочинений, так как она в какой-то степени соответствует общей схеме развития поморской книжности: от собирания материала к активному его осмыслению в рамках авторских сочинений[6].

Можно выделить две группы авторских сборников непостоянного состава: сборники, в которых единственно присутствуют или преобладают выписки из святоотеческой литературы[7]; сборники,

---

гожск. собр., № 343 и т. д.). В описание остатков выговской библиотеки, сделанное Е. В. Барсовым, вошло 286 печатных и рукописных книг, уцелевших в монастыре к 1857 г., современное их местонахождение нам неизвестно (см.: **Барсов Е. В.** Описание рукописей и книг, хранящихся в Выголексинской библиотеке. Спб., 1874).

[4] Здесь можно опереться на отдельные замечания Е. В. Барсова и В. Г. Дружинина. Единственной специальной публикацией до сих пор является альбом В. Г. Дружинина, воспроизводящий образы почерков поморских писателей (**Дружинин В. Г.** Несколько автографов писателей старообрядцев.— Изд. ОЛДП, вып. 134. Спб., 1915). На этот альбом и ссылаются современные исследователи (см.: **Рождественская М. В.** Автографы выговского писателя Мануила Петрова.— В кн.: Рукописное наследие Древней Руси. Л., 1972; **Шашков А. Т.** Поморский кодекс сочинений Максима Грека.— В кн.: Источниковедение и археография Сибири, Новосибирск, 1977). Альбом В. Г. Дружинина действительно точно устанавливает принадлежность воспроизведенных почерков, однако содержит далеко не все и не всегда самые характерные варианты и не решает важной проблемы соотношения полуустава и скорописи в известных авторских почерках. См. **Бубнов Н. Ю.** Основные задачи описания и издания старообрядческих рукописей.— В кн.: Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности. Материалы Всесоюзной конференции. Л., 1981.

[5] В дальнейшем круг источников может быть значительно расширен: лишь немногие из рукописных собраний удалось просмотреть «насквозь». Так, например, визуальное ознакомление с каждой рукописью собрания В. Г. Дружинина (ставшее возможным благодаря любезной помощи сотрудника ОР БАН Н. Ю. Бубнова) позволило обнаружить в нем 6 интересующих нас сборников, что составляет четвертую часть используемого материала.

[6] По признаку наличия — отсутствия поморских сочинений впервые предложил классифицировать сборники постоянного состава В. Г. Дружинин (см.: **Дружинин В. Г.** Поморский Торжественник.— В кн.: Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову. Спб., 1911, с. 677).

[7] **ГБЛ**, собр. Барсова, № 1004 (284 л. 8°, 20-е гг. XVIII в., почерки Мануила Петрова и Петра Прокопьева); Рогожск. собр., № 563 (846 л., 4°, 1-я чет. XVIII в., почерк М. Петрова и авторские полууставные почерки); **ГПБ**, 0, I. № 349 (400 л., 8°, 10-е гг. XVIII в., почерк А. Денисова и т. д.); 0. I. № 459 (389 л., 8°, нач. XVIII в.— 30-е гг. XVIII в.); **ИРЛИ**, Усть-Цил. 19 (286 л., 8°, 20-е гг. XVIII в., почерки А. Денисова, А. Иродионова, И. Филиппова); Карельское собр. № 37 (364 л., 4°, 30-е гг. XVIII в., почерки С. Денисова и Д. Викулина); собр. Ам.— Богд., № 26 (217 л., 8°, 1-я четв. XVIII в., почерки Д. Викулина, А. и С. Денисовых и других); **БАН**, собр. Каликина, № 104 (274 л., 8°, 1-я четв. XVIII в.); собр. Дружинина, № 464 (старый номер 493—325 л., 8°; 1-я четв. XVIII в., почерки А. Денисова, М. Петрова и других); собр. Дружинина, № 531

включающие авторские поморские сочинения наравне с патристикой и священным писанием [8].

Совершенно особым типом авторских сборников непостоянного состава являются рукописи, включающие только поморские сочинения [9].

Почти все известные нам авторские сборники Выга отличаются простым оформлением [10], скорописными и переходящими в скорописные почерками, часто собраны из отдельных тетрадок, написанных в разное время [11]; наличие в сборнике писарских почерков может свидетельствовать о позднейших дополнениях. Однако хорошо поставленные полууставные почерки появляются на Выге достаточно рано (по крайней мере к моменту создания поморских Четьих Миней, т. е. к 1715 г.). Возможно, что часть этих почерков является полууставными вариантами известных нам скорописных почерков основателей пустыни или же принадлежит их постоянным сотрудникам, выполнявшим поручения по переписке необходимых статей. Поэтому решение вопроса о взаимоотношении индивидуального книгописного творчества поморских писателей и деятельности создаваемого поморского скриптория требует дальнейшего палеографического исследования.

В данной работе мы имеем дело с тематическими сборниками непостоянного состава. Значительную роль при их создании играет авторское осмысление объединяемых и соответственно трансформи-

---

(старый номер 562—116 л., 8°, 1-я четв. XVIII в.); собр. Дружинина, № 581 (старый номер 613—326 л., 8°, 1-я пол. XVIII в.); собр. Дружинина, № 421 (старый номер 448—274 л., 8°, нач. XVIII в., почерки А. и С. Денисовых, Д. Викулина). В качестве особой подгруппы выделяются поморские рукописи, содержащие какое-либо одно сочинение отцов церкви с дополнительными статьями: **ГПНТБ**, собр. Тихомирова, № 461 (Катехизис с дополнительными статьями, 154 г., 8°, 1-я четв. XVIII в., авторский полууставной почерк, близкий почерку А. Денисова); **БАН**, 21. 8. 28 («Просветитель» с дополнительными статьями, 414 л., 8°, 20-е гг. XVIII в.); собр. Каликина, № 163 (Патерик азбучный с дополнительными статьями, 316 л., 8°, кон. XVII — нач. XVIII в.).

[8] **ГБЛ**, собр. Попова, № 208 (358 л., 4°, 1-я четв. XVIII в.); **БАН**, собр. Каликина, № 65 (286 л., 8°, нач. XVIII в.); собр. Каликина, № 83 (108 л., 8°, XVIII в., почерк Мануила Петрова (2)); собр. Каликина, № 186 (конволют, 308 л., 8°, 1-я пол. XVIII в., почерк Д. Викулина и других); собр. Дружинина, № 143 (старый номер 178—97 л., 8°, 1-я пол. XVIII в., почерки Тимофея Андреева, А. Денисова), собр. Дружинина, № 296 (старый номер 342—236 л., 8°, 1-я пол. XVIII в.).

[9] **ГБЛ**, собр. Егорова, № 682 (194 л., 8°, 20-е гг. XVIII в., почерк Мануила Петрова); собр. Попова, № 205 (293 л., 4°, 1-я пол. XVIII в.); собр. Попова, № 207 (191 л., 8°, 1-я пол. XVIII в.); **БАН** собр. Каликина, № 127 (350 л., 4°, XVIII в.); собр. Дружинина, № 74 (старый номер 99—113 л., 4°, 1-я четв. XVIII в., почерки А. и С. Денисовых, П. Прокопьева, Д. Викулина); собр. Дружинина, № 114 (старый номер 145—70 л., 4°, 1-я четв. XVIII в., почерк М. Петрова); собр. Дружинина, № 167 (старый номер 203—411 л., 8°, 1-я четв.— 30-е гг. XVIII в., почерк С. Денисова); собр. Дружинина, № 340 (старый номер 389—285 л., 4°, 1-я пол. XVIII в.).

[10] Украшения в них, как правило, одноцветные, встречаются заставки старопечатного стиля, выполненные с клише, образцом для которых послужили некоторые заставки книг московского печатного двора.

[11] Эта особенность была отмечена В. Г. Дружининым (см.: **Дружинин В. Г.** Несколько автографов..., с. 22).

руемых памятников. Для «специфически старообрядческих» сборников это проявляется в дроблении текстов, когда мысль составителя выражается сразу большой совокупностью цитат, а в составе сборника довольно легко выделить четкие тематические группы [12].

Отдельные выписки часто снабжаются авторскими заголовками, которые позволяют выделить основную для составителя мысль, и между цитатами в сборниках появляются фразы составителей, устанавливающие логические связи в использованном материале. Так, в рукописи ГПБ, 0. 1. 459 читаем: «...дозде от книги «Жезл» учеников Никона патриарха, а против сего, еже они написаша что кабы святые отцы в символе истинного святого духа не положиша, и о том и обличает вышенаписанная книга Иосифа чюдотворца Волока Ламского и всея Руси в слове седмом, что вся святи отцы седми соборов, такоже и 9 поместных соборов во исповедании веры духа святого истинного свидетельствовали, пишетсице...» л. 297 об.— и лишь после этих слов следуют цитаты [13].

Отсюда уже совсем небольшой шаг остается сделать к авторским сочинениям, которые в древнерусской и старообрядческой литературе часто оформлялись как комплекс выписок из Священного писания и священного предания. Подобное построение имеет своей причиной характер средневекового мышления. Поморские писатели, защищая и обосновывая свою систему взглядов, не имели права полагаться на собственную авторитетность и приводимые доводы снабжали щедрыми ссылками на традиционные догматические тексты. Достаточно сравнить «Собрание о титле на кресте» Андрея Денисова (ср. характерный заголовок с обозначением жанра) с указанными сборниками, чтобы выявить значительное их сходство. Денисов посвящает первую часть сочинения обзору источников об истинном надписании «титлы» на кресте, а в конце приводит ряд выписок о неправедном отлучении от церкви: «И сими да утешаемся, во исцеление же глаголющим, в познание устрашающимся клятв и отлучений от собрания преподобного Иосифа Володскаго предлагаем» [14]. Собственно авторского текста в этом

---

[12] Осознание этого в старообрядческой рукописной традиции отразилось в использовании «оглавлений» сборников непостоянного состава (см.: **ГБЛ**, Рогожск. собр., № 563, рук., прямо предшествовавшую «Поморским ответам» ср. оглавление, сделанное Ф. Бабушкиным к рукописи **БАН**, собр. Дружинина, № 462 и др.).

[13] Ср. работу поморских книжников с выписками в рукописи Каликина 16. Рукопись распадается на три части, каждая из которых имеет собственную пагинацию. Первая часть состоит из жития Иосифа Волоцкого, составленного неизвестным, и Духовной грамоты с Монастырским уставом Иосифа, вторая и третья — это выписки из патристики о иноческом житии и грехах. Две первые части снабжены специальной азбукой «вещей в сей книзе<...>скорейшаго ради обретения», в алфавитном порядке перечисляющей важнейшие с точки зрения составителей термины и понятия переписанных текстов (например, на слово «князь» дана справка: «князю державному вход возбранен бысть в монастырь», см. л. 185), третья часть имеет развернутое оглавление по тематическому признаку (см. л. 156—256 об.).

[14] **Смирнов П. С.** Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII века. Спб., 1909, с. 069—077.

сочинении немного, оно слагается из выписок по тематическому признаку, как это происходит в процессе формирования сборника. Написание «авторского» сочинения подготавливается комплексом выписок в авторском сборнике; так, например, выписки о иконописцах из Стоглава и т. д. в рукописях БАН, 21. 8. 18 и ИРЛИ, Ам.— Богд. 26, возможно, легли в основу «Послания П. Ф.— вне». А. Денисова [15].

В ряде случаев комплекс подобранных старообрядцами авторитетных текстов, на которые опирается догматическая система, оказывается богаче авторских сочинений, выражающих официальную доктрину Выга. Так, переписанные Андреем Денисовым отрывки из агиографической литературы позволяют гораздо шире представить его точку зрения на взаимоотношения священства и царства (напомним, что «Поморские ответы» обходят этот вопрос). Сборник ИРЛИ, Усть-Цил. 19 показывает, что Денисов заинтересовался фрагментом из жития Саввы Освященного, рассказывающим о конфликте святого с царем Севиром, о борьбе Саввы против евтихиевой ереси, которую проповедовал царь (л. 216—219). Далее в рукописи следует история из Памяти Феофилакта Никомидийского о том, как по божественному жребию праведник Тарасий «взыде на престол Константинаграда», а Павел Кипрский осознал свои грехи и по собственной воле покинул престол (л. 221). И далее — выписка из Хронографа о Савве Сербском, который борется с погрязшими в ереси царем и патриархом, побеждает их, делает правителем своего брата Стефана и повелевает еретиков «з бесчестием изо отечества изгнати», причем на полях сделана пометка, помогающая соотнести ситуацию предания с тревожащей автора выписки современностью (превращение страны праведной в страну еретическую): «преже благовернии [...] * крещение, и потом в ересь впадоша» (л. 223). В сборнике БАН 21. 8. 18 выписки из жития Иосифа Волоцкого повествуют о борьбе святого с ересью в царских палатах, когда «от неразумных человек от велмож царских и православные цари от еретическаго учения в погибель отидоша» (л. 372). Здесь же приводится предсказание Максима Грека [16] о том, что «во осьмом веце царь будет гонитель на христяньскую веру» (л. 379). Напомним, что в «Поморских ответах» на вопрос о православии государя: «православно ли он жизнь свою провождал?» было сказано: «Несть наше дело, еже его государское православие истязовати и судити...» [17].

---

[15] Издано в кн.: **Смирнов П. С.** Споры и разделения..., с. 078—081. Мы говорим здесь об авторских сочинениях «вероисповедального» характера, а не о словах на праздники.

* Запись обрезана.

[16] Оно цитируется по «поморскому кодексу сочинений» Максима Грека (см.: **Шашков А. Т.** Поморский кодекс сочинений Максима Грека.— В кн.: Источниковедение и археография Сибири, Новосибирск, 1977, с...) Ср.: **ГБЛ**, собр. Овчинникова, № 131, л. 107—120, глава 9.

[17] **Поморские** ответы. Мануиловский Никольский монастырь. Спб., 1884, с. 247 (72-й ответ).

Авторские сборники фиксируют и первый поворот к умеренности по отношению к властям в первой четверти XVIII в., задолго до написания Д. Матвеевым сочинения о молении за царей в 1742 г.; в сборнике БАН, Дружинин 464, черновая заметка одним из основных почерков рукописи на л. 315 перечисляет несколько источников о том, «како властем повиноватися и честь воздати. Аще и неверни будут».

Количество таких примеров может быть значительно умножено, и все они свидетельствуют о том, как важно для анализа мировоззрения идеологов старообрядчества привлекать авторские сборники — прямой источник авторских сочинений, источник более откровенный благодаря «неофициальному» характеру рассматриваемых сборников, которые писались преимущественно для собственных нужд [18].

Ценность этого материала возрастает и потому, что в начале XVIII в. догматическая система старообрядчества (в том числе в «поморском варианте») еще не сложилась, и типовые старообрядческие сборники еще не существовали [19]. Абсолютное большинство сборников составлялось заново (тем самым более точно отражая интересы составителя), и выписки, собранные в авторских рукописях, находятся в сложном отношении к последующей рукописной традиции. Авторские сборники содержат обязательные указания на первоисточник переписанных статей, что позволяет установить круг чтения основателей Данилова монастыря. Они отражают и такие крупные мероприятия поморской книжности, как собирание собственного комплекта месячных Миней, создание Поморского Торжественника, кодекса сочинений Максима Грека и т. д. Названные рукописи содержат «археографические описания» виденных в ходе «поморских археографических экспедиций» [20] книг. Некоторые из них переписаны А. Денисовым в сборнике ГПБ, 0. 1. 349: «...выписано сие из потребника с патриарша двора, а в другом месте с том же потребники подписано сице: «Сию книгу потребник взял архимарит Закхея... а на нижних полях на розных листах сице: «лето 7111 декабря в пятый на десять день» (л. 264—264 об.) [21].

В данной работе мы не ставим целью проследить внутреннюю логику выявленных сборников. Ограничимся отдельными замечаниями об их структурных особенностях.

---

[18] Впервые о новых возможностях анализа этих сборников (прежде всего в связи с установлением их авторства) писал В. Г. Дружинин (см.: **Дружинин В. Г.** Несколько автографов..., с. 26).

[19] В названных нами сборниках очень немного повторяющихся статей и совершенно нет повторяющихся комплексов выписок. Нам не встретились и поздНейшие копии с этих сборников.

[20] См.: **Филиппов Иван.** История Выговской пустыни. М., 1861, с. 136; **Иоаннов Андрей.** Сочинения, ч. II. Спб., 1855, с. 8.

[21] Подобные описания были использованы в «Поморских ответах»; некоторые из них были опубликованы по рукописям: собр. Дружинина, № 491 и № 493 (ныне номер 464) (см.: **Дружинин В. Г.** Несколько автографов..., с. 25).

Одним из законов строения ранних выговских сборников, как, впрочем, и вообще старообрядческих сборников, может быть признана ориентация на тематический подбор выписок, складывающихся в «структурное ядро»; в Карельском 37 (ИРЛИ) это статьи, посвященные богородице, в ГПБ, 0. 1. 459 — статьи о «последних временах», литургические и т. д. Возможны случаи, когда в качестве такого ядра выступают известные авторские сочинения (БАН, 21. 8. 28 — «Просветитель» и т. д.), за которыми следует некоторое количество статей, иногда не совпадающих с общей направленностью рукописи. Они могут носить отвлеченный познавательный характер, однако часто статьи, представляющие собой лишь добавления, более точно отражают смысл сборника для составителей. Этому способствует меньшая традиционность добавочных статей. Так, дописки в сборнике ИРЛИ, Карельское 37 достаточно широко отражают политические взгляды Семена Денисова; ср. добавочные статьи к «Просветителю» (БАН, 21. 8. 28).

Для раннего старообрядчества, как уже отмечалось, складывание сборника непостоянного состава в значительной мере отражает процесс формирования догматической системы, поэтому иногда имеет смысл обратить особое внимание на судьбу отдельных программных текстов в сборниках.

Можно утверждать, что позднейшая рукописная традиция часто обходится несколькими десятками цитат из авторитетных источников, традиционно выражающими мнение составителя о церковных таинствах, новшествах, общении с еретиками и т. д. Это, без сомнения, не только следствие того, что с определенного времени сборники гораздо реже создаются, чем переписываются, но, в конечном итоге — следствие ограниченности авторитетных для старообрядчества текстов. Для составителей сборника цитата из сочинений церковного ортодокса на определенном этапе становится самостоятельным текстом и очень редко прямо соотносится с основным содержанием цитируемого сочинения. Выбор цитаты в большей степени зависит от стереотипного отношения к автору цитируемого сочинения. Так, в 32 анонимных старообрядческих сборниках XVIII—XIX в. содержатся выписки из 7-го Слова «Просветителя» (оно, как известно, дает богатый материал по проблемам царской власти и литургики), при этом в 17 сборниках [22] они используются как антиеретические статьи — и только! Это согласуется с традиционным отношением к волоцкому игумену как к борцу за чистоту русского православия.

Известно 14 анонимных сборников, цитирующих Иосифа Волоцкого [23], который, осуждая еретиков, прямо ссылается на

---

[22] См.: **ИРЛИ,** Гуслицкое собр., № 2, Вологодское собр., № 80; **ГБЛ,** собр. Барсова, № 953; **ГПБ,** собр. Титова, № 838, 1632; **Библиотека МГУ,** инв. № 3039—13—15 и другие.

[23] **ИРЛИ,** Латгальское собр., № 27, собр. Перетца, № 123, Усть-Цил. собр., № 152, Пинежское собр., № 203; **БАН,** 33. 20. 1; **ГБЛ,** собр. Егорова, № 884, 989; **ГПБ,** собр. Титова, № 3088, Солов. собр., № 1131; **Библиотека МГУ,** инв. № 3039—13—75, 3039—43—75, **ГПНТБ** собр. Тихомирова, № 136, 402, 452.

Иоанна Златоуста: «Глаголет божественный Златоуст: возлюблении, многогажды глаголах вам о безбожных еретицех». И хотя цитата прямо начинается с указания источника (выписка из Златоуста), она приобрела авторитетность в рукописной традиции именно как выписка из «Просветителя»; в этом отразилось стереотипное отношение к борцу с ересями Иосифу Волоцкому и желание использовать русского автора, что характерно для старообрядчества.

В авторские сборники Выга эта фраза из 13-го Слова «Просветителя» попадает довольно поздно (хотя, например, Евстрат Федосеев включил ее в свой сборник ГПБ, 0.1.360 еще в начале XVIII в.), после того как поморские книжники постепенно усвоили наследие Иосифа Волоцкого. Впервые же названная фраза из «Просветителя» появилась в выговских рукописях (ИРЛИ, Ам.— Богд. 26) как цитата из «Истины показания» Зиновия Отенского, который ссылался на Иосифа, ссылающегося в свою очередь на Златоуста. Это нагромождение имен должно было придать большую авторитетность цитате; в данном случае принадлежность ее сразу трем церковным ортодоксам гарантировала истинность ее. Однако Зиновий Отенский не мог сравниться в популярности у старообрядцев с Иосифом Волоцким, и позднее слова Иоанна Златоуста устойчиво копировались как выписка из «Просветителя» (см.: Барсов, собр., № 1004. Рукопись 20-х гг. XVIII в. и целый ряд позднейших анонимных сборников,— они названы выше).

Этот случай фиксирует один из механизмов поиска базовых текстов для построения догматической системы: авторитетность текста во многом определяется его авторской принадлежностью. Подобный случай встречаем в «Собрании о титле на кресте», где выписки из житий приводятся с указанием на то, что они являются «собранием» Иосифа Волоцкого — авторитетность древней агиографии подтверждает знаменитый писатель XVI в.

Отметим также методы «двойного цитирования», когда одну и ту же фразу выписывают из разных источников — например, в Усть-Цил. 19 цитата «во всяком языце бояйся бога» дана дважды — из «Книги Бесед» и из «Просветителя» (л. 271—271 об.).

В рамках авторского сборника выписки из различных текстов, объединяясь, приобретают новые значения. Очень часто старообрядческие сборники квалифицируются как антиеретические, что недостаточно точно отражает их специфику. Специально антиеретических статей в рассматриваемых рукописях довольно много (см.: ИРЛИ, Ам.— Богд. 26; Карельское 37; ГПБ, 0. 1. 459), однако они связаны прежде всего с утвержением собственной догматической системы и часто составляют единый комплекс с эсхатологическими текстами. Учитывая, что в представлении старообрядчества догматическая система статична и существует лишь истина и отклонения от нее[24], можно заметить прямую связь между опровер-

---

[24] Ср.: **Покровский Н. Н.** О роли древних рукописных и печатных книг в складывании системы авторитетов старообрядчества.— В кн.: Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока, вып. 14. Новосибирск, 1973, с. 19—21.

жением оппонентов и самоутверждением в вере. Подобная ситуация вообще характерна для средневековой книжности — ср. синкретизм «Просветителя», в котором обличения еретиков сопровождаются наиболее обстоятельной в XVI в. разработкой догматических проблем. В отличие от этого почти все антистарообрядческие сочинения строятся как специально полемические, в соответствии с представлениями нового времени.

Для старообрядческих сборников Выга (особенно для ранних) характерна «догматическая энциклопедичность». Каждый составитель старается отразить здесь максимальное количество вопросов догматического богословия (мы пользуемся здесь термином нового времени), и часто сборник на уровне структурном составляется в соответствии с символом веры. Это обусловлено, в числе прочих причин, упоминавшимися потребностями самоутверждения в устанавливающейся догматической системе. Так, и житие Аввакума, относящееся к другому литературному жанру, строится по сходным законам, приобретая вероисповедальный характер. Аввакум открывает его выписками из Дионисия Ареопагита, Григория Назианзина, Василия Великого и цитирует Афанасия Александрийского: «Иже хощет спастися, прежде всех подобает ему держати кафолическая вера» [25]. Накал борьбы заставляет его сказать затем знаменитую фразу: «Сице аз... верую, сице исповедую, с сим живу и умираю» [26].

Вслед за Аввакумом поморские книжники открывали «энциклопедические» сборники фразой Афанасия Александрийского (БАН, собр. Дружинина, № 531; ГПНТБ, собр. Тихомирова 461). В ряде сборников первыми статьями являются статьи вероисповедательного характера. В рукописи Барсов 1004 это сказания о крестном знамении и поклонении на восток, за которыми следуют морализующие выписки о покаянии и выписки против еретиков. В сборнике ГБЛ, Рогожск. собр., № 563 (он представляет собой парадно оформленные подготовительные материалы к «Поморским ответам») все статьи носят вероисповедательный характер; начинается он статьями о кресте и крестном знамении. Ключом к сборнику являются открывающие его слова Исайи (гл. 60): «Просвещайся, просвещайся Иерусалиме, прииде бо ти свет, и слава господня на тебя восия. И отверзутся врата твоя присно, день и нощь да не затворяся, ввести к тебе силу стран, и цари их ведоми, языцы бо и цари, иже аще не поработают ти, погибнут... И слава Ливанова к тебе приидет кипарисом и певгом и кедром вкупе...» (л. 3). Вероисповедательные статьи, начало которым положено последней фразой о составах креста, должны, таким образом, способствовать упрочению догматической системы и обеспечить этим спасение ее адептам.

Сборник ГПНТБ, Тихомиров 461 представляет одно из самых четких изложений основ догматики в поморской рукописной

---

[25] Цит. по: Пустозерский сборник. Л., 1973, с. 16.
[26] Там же, с. 17.

традиции. Его структура в той или иной мере повторяет другие поморские сборники. Первая часть рукописи — «учение о собраниях святыя веры», как называет ее сам составитель, представляет собой выписки из Катехизиса. Они начинаются уже известной фразой Афанасия Александрийского из исповедования веры. Переходной ко второй части сборника является статья «Вопросы и ответы Анастасия Синайского», ставящая проблемы покаяния, гордости, смиренномудрия, выдвигающая нравственные требования, выполнение которых должно обеспечить спасение души. Вторая часть посвящена теме, которую словами одного из заголовков сборника можно назвать: «О человецех и человеческих отчасти». Таким образом внутри сборника фиксируется движение от догматического богословия (1-я часть) к богословию нравственному (2-я часть), если воспользоваться терминологией нового времени.

Данная работа только намечает возможности, которые открываются перед исследователями, работающими с авторскими сборниками основателей Выговской пустыни. Идентификация анонимных сборников позволяет нам полнее представить деятельность поморских книжников по усвоению идеологического наследия Древней Руси и делает авторские сборники одним из важных источников для анализа мировоззрения старообрядчества XVIII в.

Л. К. КУАНДЫКОВ

ФИЛИППОВСКИЕ ПОЛЕМИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ XIX в. О СКИТСКОЙ ЖИЗНИ

В 1694 г. в глухом уголке Олонецкой губернии, на берегу р. Выг, несколькими противниками церковной реформы патриарха Никона была основана маленькая старообрядческая община, отгородившаяся от мира никонианской «антихристовой власти». В 30-е гг. XVIII в. на месте землянок первых поморских беспоповцев раскинулось огромное земледельческое и промысловое хозяйство, в котором были заняты сотни людей, хозяйство первого и крупнейшего в России старообрядческого монастыря. Но идеологическое влияние этого беспоповского центра распространялось неизмеримо дальше хозяйственного. В XVIII в. подавляющее большинство крестьянского населения русского Севера относило себя к беспоповцам выговского согласия.

Расширение хозяйственной деятельности подталкивало монастырь к контактам и связям с внешним миром, той самой антихристовой властью, от которой бежали первые выговцы. Это неизбежно должно было привести к отходу радикально настроенной части беспоповцев от выговского центра.

Один из видных деятелей выговского Богоявленского общежительства старец Филипп, столкнувшись после смерти руководителя общины Андрея Денисова с его братом Семеном в борьбе за руководство общиной, вынужден был в 1737 г. покинуть общежительство и с группой своих сторонников основать собственный скит. Год спустя выговским лидерам пришлось пойти на принципиальную уступку властям и ввести в церковную службу обязательную молитву за царя. Филипп выступил решительно против политики компромиссов. В 1742 г. при появлении у стен скита филипповцев солдатской команды сам старец Филипп и его сторонники погибли самосожжением. В беспоповщине нашлось немало союзников Филиппа, апеллировавшего к старообрядческим догматам о воцарении антихриста и наступлении «последних времен» в России, где после церковной реформы правят слуги антихриста. В старообрядческой традиции такого рода беспоповцев стали называть филипповцами. Надо заметить, что сами филипповцы, поскольку они стояли на ортодоксальных позициях раннего Выга, считали себя «истинными право-

славными христианами», а современных им выговцев — отступниками и называли их «новопоморцами», «монастырским новым» или «мануйловым» (по имени тогдашнего настоятеля Мануила Петрова) согласием [1].

В проповеди филипповцев с новой силой зазвучали идеи бегства из мира антихриста к уединенной жизни, безбрачию и аскетизму.

Основным типом поселения для филипповцев (а в XVIII в., очевидно, единственным) был скит. Система поморского старообрядческого скитожительства вполне сложилась к 30-м гг. XVIII в. на практике и в сфере беспоповской идеологии. Скитожительство в Поморье на протяжении XVIII и XIX вв. играло первостепенную роль. Но вряд ли мы найдем в исторической литературе ответ на вопрос, что такое беспоповский скит XVIII—XIX вв. в Поморье [2].

В обширной историографии беспоповского старообрядчества русского Севера подавляющее большинство работ посвящено именно Выговскому старообрядческому монастырю [3]. Даже беглое знакомство с библиографией истории раскола показывает, что с ослаблением и в конечном счете ликвидацией выговского центра в первой половине XIX в. пропорционально падает интерес ко всему поморскому старообрядчеству этого времени в исторической литературе. Историки (особенно следует отметить Е. В. Барсова) и просто путешественники, побывавшие в Поморье в середине и второй половине XIX в., постоянно подчеркивают общий упадок и захирение старообрядчества. Действительно, с развитием московских беспоповских центров, с одной стороны, и падением Выга — с другой, поморские беспоповцы отошли на периферию идейной жизни русского раскола. Упадок Выга, целое столетие господствовавшего над поморским расколом, позволил активизироваться оппозиционным Выгу беспоповским направлениям и прежде всего филипповцам. Закономерно было бы ожидать появление работ о филипповцах Поморья. Но сколько-нибудь серьезных исследований на эту тему нет. Отсутствие работ можно объяснить отчасти общим упадком интереса к Поморью, отчасти — замкнутостью филипповских общин. Тем не менее практика старообрядческого скитожительства в Поморье XVIII—XIX вв., круг догматических вопросов и полемика, связанные с ним, должны стать предметом специального исследования. Этот материал представляет интерес не только в рамках истории филипповского согласия. Практика старообрядческих скитов Поморья формировалась в неразрывной связи с крестьянской коло-

[1] **ИРЛИ**, собр. Каликина, № 20, л. 1 об.— 2.

[2] Интересные материалы и обобщения по старообрядческому скитожительству в Сибири XVIII в. содержатся в статьях Н. Н. Покровского: Беглецы на Каранинском озере (середина XVIII в.).— Известия СО АН СССР, серия общест. наук, Новосибирск, 1974, вып. 3, с. 90—95; Крестьянский побег и традиции пустыножительства в Сибири XVIII в.— В кн.: Крестьянство Сибири XVIII — начала XX в. Классовая борьба, общественное сознание и культура. Новосибирск, 1975, с. 19—49.

[3] Приведем только одну из последних работ: **Клибанов А. И.** Народная социальная утопия в России. Период феодализма. М., 1972, с. 174—192.

низацией русского Севера. В сфере идеологии традиционные христианские представления об «уединенном чистом житии для лучшего спасения души» в переплетении со специфическими старообрядческими требованиями бежать из мира антихриста становились мотивами крестьянского побега, освящали эту, столь широко распространенную форму антифеодального протеста.

Поморские беспоповцы — в массе своей крестьяне. Селились они заимками в один двор и деревеньками в 2—5 дворов. Более крупные поселения возникали вокруг келий старообрядческих иноков. Там ставилась часовня, велась служба по беспоповскому уставу, можно было получить пастырское наставление.

На Выге в начале 20-х гг. XVII в. Андреем Денисовым была написана «Роспись о управлении (ко спасению) благочиния, о чем во всех выгорецких скитов жителех старост управление подержати»[4]. В 30-е гг. Семеном Денисовым был создан новый, более подробный устав для скитов: «Объявление о благочинии пустынном»[5]. Оба сочинения представляют собой соборные постановления, регламентирующие жизнь поморских скитов, находящихся в ведении Богоявленского общежительства. И «Роспись о управлении...», и «Объявление...» по традиции монастырских уставов[6] начинаются с общехристианских уставных норм (ст. 1—2 и 1—5)[7]. В Росписи далее идет несколько статей о соблюдении девственности (ст. 3—7, 9), очень скупо представлены общемонашеские нормы (ст. 8, 12); все остальное относится к правам и обязанностям старост по соблюдению «пустынного жития». «Объявление о благочинии пустынном» имеет более развитую структуру. Отчасти это результат развития всей выговской школы[8], отчасти обусловлено другим характером сочинения. Это не должностная инструкция, а общий устав. Если в Росписи вводная часть совсем скомкана, всего две статьи, то в Объявлении уже пять статей. Следующие три статьи посвящены утверждению чисто монашеских ценностей (ст. 6—8). Далее подробно разбирается вопрос о соблюдении «непорочного жития» (ст. 9—15, 20—21), вводятся сюжеты о борьбе с новоженством (ст. 16—18). При чтении обоих уставов, особенно «Объявления о благочинии пустынном», бросается в глаза причудливое переплетение общецерковных и монашеских уставных требований (ст. 1—3, 8, 12, 13, 14) со штрихами крестьянского быта (в Росписи ст. 9 — станы на пашнях: в Объявлении ст. 12 — то же самое, ст. 21 — наем на время страды, ст. 22, 23 — выборные от общины). Но главное не это. В скитах живут мужья с женами. Роспись свидетельствует об этом косвенно (ст. 4, 9), Объявление говорит прямо (ст. 15), упоминая и детей (ст. 11, 16, 20). Оно также не оставляет сомнений в том, что

---

[4] **ИРЛИ**, собр. Заволоко, № 3, л. 79—81 об.

[5] Там же, л. 242—245 об.

[6] **Лилиенфельд Ф. О.** О литературном жанре некоторых сочинений Нила Сорского.— ТОДРЛ, М.— Л., 1962, т. XVIII, с. 94.

[7] Статьи уставов пронумерованы нами.— *Л. К.*

[8] **Брещинский Д. Н.** Житие Корнилия Выговского как литературный памятник и его литературные связи по Выгу.— ТОДРЛ, 1979, т. XXXIII, с. 141.

сельскохозяйственные работы в скитах ведутся семьями (ст. 12, ср. ст. 9 в Росписи...). Согласно догматам поморского беспоповства жители скитов должны вести жизнь девственную. Особенно четко говорит об этом Объявление... (ст. 9—17, 19—21).

Итак, перед нами предстает совершенно отличная от традиционной православной картина жизни скита. Это поселок (а не пустынь), к которому тяготеют ближайшие деревеньки и отдельные дворы [9]. Жители скита — старообрядцы, не имеющие иноческого пострига (источники четко различают скитожителей и иноков), но и не миряне, поскольку они выполняют монашеские нормы (церковная служба, посты, воздержание, поведение во время праздников и проч.). От монахов их отличает отсутствие пострига, жизнь крестьянским двором, семьей, ведение хозяйства. Это, кстати, главная причина, заставившая Денисовых отказаться от требования разводить семьи обращаемых в беспоповство из православия («староженов»). Так формировалась специфическая категория скитожителей [10]. Приведенные нами уставы для поморских скитов фиксируют существенные шаги чисто идеологического характера — создание новой формы бытия для христиан. Но известная нам выговская традиция не содержит ни одного сочинения с обоснованием правомерности такой формы. Очевидно, руководителям и идеологам выговского согласия, отдавшим столько сил утверждению и прославлению монашеского общежительства [11], трудно было бы параллельно развивать идеологию скитской жизни. Гораздо больше здесь должны были сделать убежденные скитожители-филипповцы.

* * *

Благодаря методике археографического поиска, разработанной В. И. Малышевым, в Древлехранилище Пушкинского Дома сформировался комплекс рукописных собраний (Красноборское, Северодвинское, Амосова — Богдановой), отражающих крестьянскую старообрядческую рукописную традицию большого района, охватывающего юг нынешней Архангельской области [12]. По топонимике поморских филипповских сочинений [13] и по материалам археографических экспедиций Пушкинского Дома можно заключить, что население района в конце XVIII — начале XIX в. в значительной своей части принадлежало филипповскому согласию. Неудивительно, что

---

[9] **Соколовская М. Л.** Северное раскольничье общежительство первой половины XVIII в. и структура его земель.— История СССР, 1978, № 1, с. 161.

[10] В. И. Малышев сообщил автору настоящей статьи, что он наблюдал такую категорию скитожителей в Пертозерском скиту в 1940 г.

[11] См., например: «Слово о общем житии и славе его».— **ГПБ,** Q. I. 1083; **ГБЛ,** собр. Егорова, № 961.

[12] Более подробную характеристику см.: **Бударагин В. П.** Северодвинская рукописная традиция и ее представители. (По материалам Древлехранилища Пушкинского Дома).— ТОДРЛ, 1979, т. XXXIII, с. 401—405.

[13] В филипповских родословиях постоянно упоминаются Шенкурск, Черевково, Белая Слуда (Красноборск), Сольвычегодск, Верхняя Тойма, Нижняя Тойма, Пучуга (см.: **ИРЛИ,** собр. Амосова — Богдановой, № 107).

знакомство со старообрядческими рукописями, пришедшими с Северной Двины, дало нам несколько филипповских сочинений, посвященных проблемам скитской жизни, истории связанных с ней разногласий и полемики.

В Красноборском собрании под № 6 хранится небольшая рукопись конца XVIII в., один лист, 4°, написана поморским полууставом; фрагмент филиграни с литерами «ТЗ» (в альбомах не обнаружены). На полях запись тем же почерком: «В Белослудскую волость». Рукопись содержит письмо из скита в Белую Слуду некоему Константину Сергеевичу, ответ на его просьбу о переезде в скит на жительство. Автор дает согласие на переезд, но предлагает поразмыслить над условиями жизни в скиту. Во-первых, он настаивает на том, чтобы Константин Сергеевич поставил себе «особную келию», «понеже во единой келии живущим от ненавистника добра многа смущения бывает. Не токмо в нынешнее последнее время, но и во святом писании много видится того ради, и святыи отцы в пустынях во особых келиях жили, бояшеся прекословия и осуждения прочих вин. Их же ни подобает христианом творити. Яко же святый Антоний повеле Павлу простому во особой келии жити и прочих святых много видится» [14].

Во-вторых, автор письма напоминает, что пропитание придется «делати своима рукама елико можеши, а недостатки господь обещася исполнити. И первое бог повели Адаму делати, а не в лености жити. И паки апостол глаголет: Не делая (й) да не яст». И святый Макарий глаголет: «Делаяй, со едином бесом борется, а праздный тысящею бесов пленяем есть». И паки глаголет: «Не труда ли ради изыдохом на место сие». И ина много обретается во святом писании, труждатися своима рукама. Без труда никто же венчан бывает. Аще и немощнии есмы и престарелы, но елика сила может, подобает труждатися, да не в лености дни провождаем. Аще таковым намерением изволили милости просим к нашему убожеству» [15].

Автор выделил два основных принципа скитского жития — уединение и пропитание своими руками. Филипповский аскетизм проявился и в стремлении подчеркнуть разницу между выговским общежительством и скитом: Константин Сергеевич подкрепил свою просьбу о переезде в скит ссылкой на нищелюбие и страннопримство Богоявленского общежительства времен Андрея Денисова. На это автор письма отвечает: «Аще и Андрея в свидетельство приводиши, якобы немощныя приючал. Понеже у них место было многонародно и всякими потребами изобильно, того ради и немощныя питалися. А у нас мало могущих телесныя потребы исправлять, того ради немощным велика скука бывает» [16].

Перед нами не выговский скит-поселок, в центре которого на «подворье часовня... с колокольней... при ней учитель да 4 избы с сеньми и чуланы с дворами и сараями, да изба мирская, в которой

---

[14] **ИРЛИ**, Красноборское собр., № 6, л. 1.
[15] Там же.
[16] Там же.

собираются того скита жители для раскладки подушных денег, два амбара хлебных небольших, да рига с гумном крытые»[17], а небольшая крестьянская заимка, где «телесныя потребы доставать» довольно трудно, «понеже жительство отстоит от волости» и «того ради много скуку имаши прияти»[18]. Здесь мало «могущих телесныя потребы исправлять», но житель этого скита, очевидно наставник, в небольшом письме по житейскому вопросу создает *идеологическое* сочинение.

Почти полвека спустя в 1810 годы в тех же местах, в селе Пучуга беспоповец Иван Филиппович Колодкин написал большое полемическое сочинение «Утверждение пустынного жительства, его же сам господь бог собою вообразил, а божественными ученицы его и апостоли начальным учением действительно произвели и деянием исполнили. Такоже и по них последним родом уставы изложили и писанием передали. И хотящим в православной вере быти повелели неизменно хранити».

Нам удалось разыскать три списка этого сочинения. Первый — Северодвинское собр., № 252, XIX в., 8°, л. 166, беглый полуустав. Переплет доски в холсте, филигрань: год «1801». Второй — собр. Амосова — Богдановой, № 41, XIX в., 8°, л. 91, беглый полуустав. Переплет доски в холсте, филигрань: год «1801». Третий — Северодвинское собр., № 292/35, XIX в., 8°, л. 122, крупный полуустав. Без переплета. Бумага без филиграней и штемпелей.

Первые два списка являются автографами И. Ф. Колодкина[19], написаны скорее всего в одно время (очень сходный переплет, одинаковая бумага, одинаковые прориси незаконченной миниатюры в начале рукописи). Третий список неполный, находится в составе конволюта (л. 54—117 об.). Там, где переписчик оборвал текст, им сделана приписка: «Читай до сего места, сиречь до сего листа, будет на пользу всем»[20]. Эта рукопись поступила в Древлехранилище ИРЛИ из того же района (Нижняя Тойма), что и оба автографа И. Ф. Колодкина от известного на Северной Двине семейства Третьяковых. О двух из них пишет В. П. Бударагин[21]. О третьем упоминается в связи с проблемами, разбираемыми в «Утверждении пустынного жительства»[22].

Какие же события в жизни поморских беспоповцев побудили автора к написанию объемистого полемического сочинения?

К началу XIX в. в жизни старообрядцев русского Севера столкнулись две противоположные тенденции. С одной стороны, стал прочной, уже вековой традицией скитский образ жизни и соответствующий уклад хозяйства, с другой — заметно ослабели эсхатологические настроения, усиливалось обмирщение, возрастала тяга к

---

[17] **Соколовская М. Л.** Северное раскольничье общежительство..., с. 160.
[18] **ИРЛИ,** Красноборское собр., № 6, л. 1 об.
[19] **Бударагин В. П.** Северодвинская рукописная традиция..., с. 403.
[20] **ИРЛИ,** Северодвинское собр., № 292/35, л. 117 об.
[21] **Бударагин В. П.** Северодвинская рукописная традиция..., с. 404.
[22] **ИРЛИ,** собр. Амосова—Богдановой, № 107, л. 39 об — 41.

браку. Расширение численности филипповцев в XIX в. за счет ассимиляции (перекрещивания) выговцев и федосеевцев явилось еще одной объективной предпосылкой наряду с внутренними тенденциями к обмирщению для появления в среде скитожителей филипповского согласия в начале XIX в. нового толка, утверждающего возможность сочетать добродетели скитской жизни с браком[23]. В старообрядческой традиции это согласие получило название аароновского по имени одного из его основателей Андрея Михайловича Ааронова. «Утверждение пустынного жительства» создавалось именно как антиаароновское произведение. Но сначала несколько слов о самом согласии.

Источники по истории аароновщины, дошедшие до нас, относятся в основном к 70—80-м гг. XIX в.

В Древлехранилище Пушкинского Дома в собрании Амосова — Богдановой под № 178 хранится небольшая рукопись XIX в., 8°, л. 2, крупный поморский полуустав, без переплета, без филиграней и штемпелей. Содержит филипповское сочинение «Отчего называется аароновское согласие или секта и почему называется безголовая». Судя по тексту, в рукописи недостает одного листа, сочинение обрывается на последней или одной из последних фраз: «...потому называется безголовая секта, не имеет над собою главы, сиречь церковнаго начальнаго благословения не от кого не получал...».

Другой важнейший источник — рукопись № 107 из того же собрания: конволют, XIX в., 4°, л. 201, полуустав и скоропись разных почерков, переплет картон, без филиграней и штемпелей. На отдельных листах видны следы правки красными чернилами. Сборник содержит переписку московских и поморских филипповцев, постановления филипповских соборов конца XIX в., полемические сочинения о чине крещения и два исторических сочинения, которые представляют для нас наибольший интерес. Это «История о разных християнах, обретающихся в Сольвычегодском уезде в разных местах» (л. 36—57) и «Повествование о родословии христианском в Нижнетоемской волости, отстоящей от Черевковской волости сто верст по той же реке Двине, изследовано и написано московскими в 1887 г. в июне месяце»[24]. Оба сочинения написаны рукой филипповца инока Сергия. В текстах неоднократно указывается год написания — 1887 г.

---

[23] Филипповцы в отличие от выговцев не признавали «староженов» и решительно разводили семьи после их перекрещивания в филипповское согласие.

[24] В отделе рукописей БАН в собрании В. Г. Дружинина под № 860 находится небольшая рукопись кон. XIX в., 4°, 15 л., полуустав, без переплета, бумага без филиграней и штемпелей, на л. 15 запись под текстом другим подчерком той же руки: «ЗТПЗ (1887 г. по александрийскому счету, распространенному у филипповцев.— *Л. К.*) года месяца июня», на картонной обложке рукой Ф. А. Калинина сделана запись «Гаврила Семенов». Рукопись содержит особые редакции сочинений «Отчего называется аароновское согласие...» (л. 1—4 об.), «Повествования о родословии христианском...» (л. 5—11 об.) и «Повесть о учителе брачного происхождения о иноке Онуфрии» (л. 12—15), которая в основном повторяет первые два сочинения. С фактической стороны все эти источники не противоречивы.

Большое рвение, с которым отец Сергий взялся за историческое исследование, объясняется самым неожиданным образом. Оказывается, Сергий в числе девяти иноков федосеевского согласия в январе того же 1887 г. направил к филипповским отцам «...просительное общекупное послание о примирении к святой истинной непорочной соборной и апостольской Христове церкви» (т. е. филипповской.— *Л. К.*). Список этого послания помещен между его историческими сочинениями в рукописи на л. 60—70 об. Просьба о принятии в «церковь христову» была удовлетворена, и неофит Сергий с филипповских уже позиций взялся исследовать историю согласия на Северной Двине. Надо сказать, что историографический уровень его творений очень низок. Сергий не пользуется никакими письменными источниками, пишет по памяти и со слов других старцев. Начинает он следующим образом: «Великосельского волостного правления и той же Великосельской волости, по простому званию Пермогорской волости, деревни неизвестно какой бысть инок брачного потомства Тимофей (по отце некыи Петровичем сказует, но не утвердительно). По простому же званию Засухин»[25]. И дальше повествует с оговорками такого рода: «Не яко аз лжу сочиних зде, но может быть негде что и в показаниих здешнии жители переменили»[26]. Об образованности автора красноречиво говорит факт, приведенный им же в родословии: в мае 1887 г. некий «Федот Федорович аароновского брачного согласия» показывал филипповцам выговскую рукопись 1794 г. «И подписана в той книге рука Семиона Денисова на утверждение аароновских браков». Никто из участников спора, даже широко известный в Поморье писатель филипповец Гаврила Семенов, не могли сказать, когда же на самом деле умер Семен Денисов[27].

Исследовательское рвение инока Сергия объясняется не только тем, что он неофит, но и тем важным обстоятельством, что родословие писалось специально для Москвы, чтобы доказать истинность крещения теперешних филипповцев на Северной Двине. В той же рукописи читаем: «...родословную с 2 июня 1887 года сами московстии отцы лично поверяли и кое-какое делали дополнение...»[28]. Дополнения эти хорошо видны в тексте рукописи, они сделаны красными чернилами и в целом служат для усиления строгости и утверждения чистоты веры. Например: «Если уподобить чину в большом потребнике, и то крестити не подобает федосеевых, которые сообщились с аароновщиною»[29]. В конце концов, как явствует из помещенных в этом же сборнике писем московских филипповцев на Северную Двину, крещение северодвинцев не было признано истинным (то есть отцы, их крестившие, были в той или иной степени отступниками, либо в федосеевщину, либо признавали брак).

---

[25] ИРЛИ, собр. Амосова—Богдановой, № 107, л. 36.
[26] Там же, л. 57.
[27] Там же, л. 53 об.
[28] Там же, л. 57.
[29] Там же, л. 39.

Материалы всех перечисленных сочинений (собр. Амосова — Богдановой, № 41, 107, 178; Северодвинское собр., № 252) дают следующую непротиворечивую в целом картину истории аароновского согласия и полемики вокруг интересующих нас вопросов скитожительства на русском Севере в XIX в.

В самом начале XIX в. в Поморье в Амбурском скиту был отлучен за «блуд» некий инок Онуфрий. После изгнания из скита и многолетних мытарств (по одним источникам инок провел в тюрьме 9 лет[30], по другим — 12[31]) он в 1814 г. объявил о создании нового согласия.

Автор одного из источников дает своеобразное житейское объяснение этому поступку: Онуфрий не хотел никому подчиниться «потому что он был чинов благородных капитанский сын» и, кроме того, добавляет автор, «он был человек стацкой и думал как себе приобресть хлеб», потому и «выдумал завести особую секту»[32]. Онуфрий отличался крутым характером. Он «ничтоже сумняшеся» отлучил одного за другим своих ближайших соратников по созданию нового согласия. Ивана Филипповича Колодкина он проклял за то, что после пострижения Колодкин не отказался от своей сожительницы[33]. Тимофея Петровича Засухина — за то, что Засухин не решался сам «сводить» браки[34]. Известные нам источники умалчивают о его отношениях с Андреем Аароновым. Мы знаем только, что Онуфрий «тако с гордостью и помер»[35] (судя по источникам, после 1840 г.). Сам Андрей Ааронов, вологодский мещанин, «...прежде был в братстве Федосеева согласия жил в г. Архангельском» и «...не восхотел принять епитимьи за одно чадородие...», «...а потом и отделился от Федосеевых и стал учить брачной жизни и завел свое новое... аароновское беззаконно и безчинно-брачное согласие»[36]. Старец Онуфрий и Андрей Ааронов жили в Архангельске и «сводили» браки по специально написанному Онуфрием уставу всех желающих беспоповцев «даже и от Федосеева братства». Собственно согласие оформилось и получило название аароновского не сразу, в 1814 году, а четверть века спустя. В 1840 г. на р. Тойма в крупном филипповском скиту некто Иван Ларионович Третьяков женил своего сына, «обрете на сие дело наставника от мнишеска чина инока Онуфрия, от кого и получив письменно устав к совершению вожделенного дела». Этот акт, одобренный всеми членами общины, послужил поводом к наименованию жителей этого скита «титулом аароновского согласия»[37].

Жители аароновского скита задолго до 1840 г. обособились от остальных филипповцев, которые отрицали любой брак. Они прини-

[30] **ИРЛИ,** собр. Амосова — Богдановой, № 178, л. 1.
[31] Там же, № 107, л. 36.
[32] Там же, № 178, л. 2.
[33] Там же, л. 2 об.
[34] Там же, № 107, л. 36.
[35] Там же, № 178, л. 2.
[36] Там же, № 107, л. 38 об.
[37] Там же, л. 39 об.

мали к себе и допускали на общую молитву брачных, сами брака «статьями законоположительно не утверждали», но одобряли семейные отношения на практике, называя своих сожительниц не женами, а «стряпухами», ссылаясь при этом на характер отношений Адама и Евы («снисходя женскому красотовидению, яко в помощницы богом дана бысть первому нашему праотцу Адаму»). До того как за ними закрепилось название «аароновщина», их уже называли «тропарники» за то, что в отличие от ортодоксальных филипповцев, «там в пустыни тропарь читали за царя на имя: «державному царю победы даруй», а благочестивым не нарицали»[38]

Источники 70—80-х гг. называют аароновские скиты на территории от Архангельска до Великого Устюга, повествуют о попытках объединения аароновцев с федосеевцами[39], что подтверждает слова автора «Утверждения пустынного жительства» о размахе брачного движения в филипповских скитах. Но все-таки описываемое нами явление носило местный характер. Ни один филипповский собор в Москве, Ярославле, Угличе этого времени не упоминает об аароновцах[40]. В филипповских сочинениях аароновцы упоминаются[41], но довольно редко. Аароновщина была известна православным миссионерам[42]. Об основателе толка Ааронове писал Павел Любопытный[43]. Сегодня в Поморье уже никто не помнит этого названия. В Подмосковье каким-то чудом сохранилась небольшая группа аароновцев, они посещают филипповскую часовню в Москве и уже никто из них не знает истории согласия и даже происхождения названия[44].

«Утверждение пустынного жительства» содержит подробный разбор догматических построений аароновцев и, таким образом, дает нам возможность познакомиться с ними. Сочинение состоит из двух разделов. Первый написан в традиционной форме трактата, второй, более острый в полемическом отношении — в форме вопросов и ответов. Идеологи аароновщины приводят следующие аргументы.

Поскольку в последнее антихристово время Христова церковь скрывается в пустынях, то и таинство брака унесла туда с собой (л. 22)[45]. По апостольскому завещанию «жене от мужа не разлучатися и мужу жены не отпущати» (л. 29 об.). Таинство брака необ-

---

[38] **ИРЛИ**, собр, Амосова—Богдановой, № 107, л. 39 об.

[39] Там же, л. 39.

[40] См., например: **БАН**, собр. Каликина, № 107.

[41] **ГБЛ**, собр, Егорова, № 1315, л. 77—77 об.

[42] Полный православный богословный энциклопедический словарь, б/м, 1912, стлб. 9; **Иванковский Н.** Руководство по истории и обличению старообрядческого раскола, ч. I. Казань, 1900, с. 122—123; **Смирнов П. С.** История русского раскола старообрядства. Спб., 1895, с. 114.

[43] **Любопытный П.** Исторический словарь и каталог или библиотека старообрядческой церкви. Сочинение Павла Онуфриева Любопытного (1828—1829). М., 1866, с. 60—61 (П. Любопытный называет основателя толка Андреем Михайловичем Жуковым).

[44] Эти сведения любезно представил автору И. Н. Заволоко.

[45] Ссылки на листы даются по рукописи Амосова—Богдановой, № 41.

ходимо принимать и «блюсти для спасения души» (л. 39 об.— 40). Отметание брака уподобляет филипповцев древним еретикам (л. 52 об.— 53). Наконец, в нынешнее время человеческий род «весьма на слабость уклонился, того ради и не может никто девственного пути сохранити», тем более, что живут теперь в скитах многолюдно и постом себя не истязают[46] (л. 32 об., л. 60).

Отстаивая идеалы пустынножительства, автор последовательно и без особого труда разделывается с аргументами аароновцев. Он привлекает христианские авторитеты, начиная с Иисуса Христа, первого пустыножителя, по его определению, и кончая братьями Денисовыми. Приведу один, наиболее интересный авторский аргумент, очень важный для старообрядческого варианта пустыножительства, когда скиты создаются в основном для старообрядцев, не имеющих пострига. И. Ф. Колодкин неоднократно приводит изречение, приписываемое им апостолу Павлу: «В ските, в келии живущему скитское житие наблюдати подобает, аще ли притом мирстии будут, то им мясоядения, и в понедельник от млека хранитися достоит, да не соблазню брата моего...»[47].

Для читателя, не знающего обстоятельств появления «Утверждения пустынного жительства», может показаться странной позиция автора, который обличает аароновцев за осквернение браками пустынь, а во втором разделе вдруг яростно ополчается против филипповцев за отрицание ими брака. В конце концов оказывается, что автор-старообрядец здесь стоит на позициях новопоморца-брачника, который в то же время свято отстаивает чистоту пустынного подвига не только для монахов, но и для любого старообрядца, живущего в скиту. Позиция очень необычная. Брачных беспоповцев не интересовали проблемы пустынножительства, поскольку они все жили в миру, а безбрачник-филипповец должен был отрицать любой брак. Позиция эта определяется в первую очередь щекотливостью положения самого автора. Иван Филиппович Колодкин был широко известен на Северной Двине как иконописец, переписчик, мастер книжной миниатюры и переплета[48]. За нежелание расстаться со своей «стряпухой» он был отлучен филипповцами и вскоре стал одним из первых отцов аароновского согласия. Но и там был отлучен за упорное стремление совместить иноческий образ с радостями семейной жизни. Умер он «в непокорстве» в 1834 г. Основные сведения об авторе «Утверждения пустынного скитожительства» извлечены из обширных глосс, сделанных на специальных вклейках рукописи из собрания Амосова — Богдановой[49]. Комментарии на вклейках написаны одним из известных вологодских филипповских наставников Гаврилой Семеновым в начале XX в. Его

---

[46] Доводы аароновцев автор выделяет в тексте киноварными кавычками и заключает каждый раз: «дозде оправдание их».

[47] **ИРЛИ**, собр. Амосова—Богдановой, № 41, л. 23, 69 об.

[48] **Бударагин В. П.** Северодвинская рукописная традиция..., с. 403.

[49] **ИРЛИ**, собр. Амосова—Богдановой, № 41. На бумаге вклеек штемпель «Ржевская № 5 фабрика».

автографы, по которым В. П. Бударагину удалось идентифицировать почерк на вклейках, получены от самого Г. Семенова Ф. А. Каликиным (Г. Семенов умер в 1913 г.). Несколько автографов И. Ф. Колодкина передал в Древлехранилище Пушкинского Дома его правнук, по сей день живущий в селе Пучуга в доме своего прадеда.

Развитие филипповского согласия с конца XVIII в. носило альтернативный характер: по линии радикализации настроений из филипповцев выделились бегуны («странники», «скрытники», «подпольники», «тверские» по филипповским рукописям), по линии обмирщения и компромиссов — аароновцы. Попытки утвердить брак во многих филипповских скитах дали последний всплеск полемики вокруг идей старообрядческого пустынного жития, сформулированных на Выге братьями Денисовыми. «Утверждение пустынного жительства» логически завершает идеологическую линию поморских сочинений отказом от эсхатологии, признанием брака и уже на этой базе воспеванием старообрядческого пустынножительства.

Н. С. ГУРЬЯНОВА

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПАМЯТНИК СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ПОЛЕМИКИ КОНЦА XVIII — НАЧАЛА XIX в. ОБ ИМПЕРАТОРСКОЙ ВЛАСТИ

В последний период Соловецкого восстания на этапе вооруженной борьбы с государственной властью очередной черный собор монастыря постановил: «Великого государя имени в службах не поминать и бога не молить»[1]. Была отменена обязательная по всей России молитва за царя. Соловецкие монахи продемонстрировали возможность использования догмата немоления как формы антимонархического протеста.

В XVIII в. в среде русского старообрядчества получают дальнейшее развитие проблемы, связанные с догматом немоления. На протяжении всего XVIII и даже еще в XIX в. этот догмат будет служить раскольникам своеобразным символом, отражающим их оппозицию государственной власти.

Догмат немоления, судя по сочинениям самих старообрядцев, означал неупоминание имени государя в службе, в частности, изымался из церковной службы или изменялся тропарь кресту «Спаси господи люди своя...», включающий моление за здравие, спасение и победу конкретного царствующего монарха. Кроме того, отменялись обязательные молебны в так называемые табельные дни (дни рождения, тезоименитства, в день восшествия на престол, в день коронации правящего императора и т. д.).

Каждое старообрядческое согласие на практике самостоятельно решало вопрос о том, как не молить за государя. Могли, например, оставить всю формулу моления за царя, но без упоминания конкретного имени царствующего монарха. Получалось моление за безликого православного царя. Некоторые, напротив, усиливали антиправительственное звучание догмата. Автор-старообрядец XIX в. замечает: «Федосиевы очень осторожны в богомолии за царя. Даже и православныя цари и воинства, упоминаются в каноне богородице Одигитрие, они и то изключили»[2], т. е. федосеевцы не только не молили бога о здравии, победе царствующего государя, но исключили

[1] Материалы для истории раскола за первое время его существования. Под ред. И. Субботина, т. III. М., 1878, с. 351.

[2] БАН, собр. Дружинина, № 676, л. 15 об.

из службы даже упоминания об абстрактных православных царях и воинствах.

Дискуссия о том, как не молиться за государя, велась не только между согласиями, но и внутри согласий, между различными группировками. Даже федосеевцы, стабильно придерживающиеся догмата немоления, не имели единой точки зрения по этому вопросу: «Федосееву прилежащии соньму имеют различное о богомолии (за внешния монархи) умствование,— пишет поморский автор конца XVIII — начала XIX в.,— Овии бо из них сие богомолие равностно разумеют с теми, кия за изверженнаго папу Римскаго молят, овии же сему разумению противляются, но всем погрешают. Должно рекуще за оных молить, токмо не в церковном собрании, а инии кривотолкующе глаголют, можно и в церковном собрании не по службе же, но по лестовице молитися...» [3]

Таким образом, старообрядческий догмат немоления не был единым. Каждая группировка, в зависимости от радикальности и конкретных социально-экономических причин, формулировала для себя и своих оппонентов формулу немоления. В любом случае догмат немоления означал более или менее антиправительственные настроения. Об этом свидетельствует анализ старообрядческих сочинений, обосновывающих и защищающих догмат немоления. Примером такого рода произведений является сочинение «О полной власти царской и святительской и о цари убо помолимся богу. Яко утвердит и сохранит его и воздвигнет к добродетелем действенным купно и хранению, и исправление веры и укрепит, и поспешит присно на сопротивныя. О архиерей же паки»[4]. Оно написано против практики моления за государя в поморском согласии.

Сочинение помещено в сборнике начала XIX в., 4° (20,8×16,9), 329 л. (1+328)., л. 1—182 — голубая бумага с белой датой «1805», затем бумага с филигранью Pro Patria и белой датой «1809»; полуустав двух рук; переплет — доски в коже с тиснением, корешок порван.

Состав сборника.

1. [20 вопросо-ответов об антихристе]. Нач.: «Любезному вопросителю различными качествы здравствовать желаем и к стезям истиннаго православнаго исповедания душевными имствы направлятися всеусердно господа молим» (л. 1—121 об.).

2. «От страны поповлян некоего странника Ивана Васильева своеручное запросы». Нач.: Вопрос первый: о крещении (л. 122—182).

3. «О полной власти царской и святительской и о цари убо помолимся богу. Яко утвердит и сохранит его и воздвигнет к добродетелем действенным купно и хранению, и исправление веры и укрепит, и поспешит присно на сопротивныя. О архиерей же паки». Нач.: «За еже сохранити его в яже о вере и укрепит и воздвигнет в

---

[3] **БАН**, собр. Дружинина № 745, л. 4 об.— 5.

[4] **ГБЛ**, собр. Музейн. № 5518, л. 183—317. Сочинение не учтено в указателе: **Дружинин В. Г.** Писания русских старообрядцев. Спб., 1912.

действенныя добродетели ко благоугождению се во обоих началствох сих, царствия глаголю и святительства» (л. 183—317); л. 317 об.— чистый.

4. [Разсуждение о сане епископа]. Нач.: «Первый епископ не началник святителей...» (л. 318—325 об.).

5. «О чине власти духовной». Только заголовок, текст отсутствует (л. 326); л. 327—328 об.— чистые.

Автор сочинения «О полной власти царской и святительской...» скорее всего принадлежал к направлению старообрядчества, приемлющему попов. В начале сочинения он решает вопрос о священстве и заключает: «Яко и царствию Христову не будет конца и архиерейство же со царством восклицается... Христово архиерейство вечное». (л. 183 об.). Кроме того, весь сборник явно «поповский». После сочинения (л. 318—325 об.) следует рассуждение о сане епископа, о первом епископе, об избрании последующих — информация, которая в конце XVIII — начале XIX в. могла интересовать только старообрядцев-поповцев, стремящихся восстановить епископат.

Автор буквально с первых строк сочинения определяет свое отношение не только к святительской, но и к светской власти. Хотя он не приводит ни одной цитаты из священного писания и предания, проповедующих вечность царской власти, ее божественное происхождение, необходимость повиновения ей, но безоговорочно принимает общехристианскую точку зрения по вопросу отношения к власти: «...божественая правила повелевают... к царю убо повинование телесное и уроком дани и протчая подобающая» (л. 183 об.). При этом автор-старообрядец сразу же оговаривает, что в писании речь идет о царях благочестивых «не неверних» (л. 183 об.) Он же решает вопрос о возможности моления за современного ему представителя власти — монарха-никонианина, который в представлении старообрядцев был «неблаговерным, неверным».

Далее автор переходит к доказательству тезиса, что обязательная в православии молитва «за вся христианы» не может быть распространена на правящего монарха. Здесь он явно полемизирует с точкой зрения поморских сочинений, обосновывающих возможность моления за государя необходимостью «моления за вся человеки». Автор-поповец следующим образом отводит этот аргумент: «Зри благоразумно, как по ветхозаконию, равно и по новой благодати за неверныя и еретики закон молитися повелевает, неверныя не знаша бога, и еретики о сыне божии в плотском смотрении погрешиша, а отступники по познании совершено закона и бога инокомудрствовати начаша» (л. 190 об.), т. е. автор не отрицает необходимости моления за всех, кроме «врагов-отступников». Обращение к богу с молитвой о врагах трактуется им не только как бесполезное, но и вредное занятие: «Паки же егда о вразех просим, не токмо не послушаеми бываем, но и прогневаем бога». (л. 195). Затем автор поясняет смысл слова «враги»: «...о вразех молитися не повелевает, не инако врази нам кто, как отступники и ратники церковныи» (л. 195 об.). Отступник, в понимании автора, как следует из его

дальнейших рассуждений,— это антихрист. Поэтому следующая часть сочинения посвящена эсхатологическим проблемам.

В сочинении излагается теория «чувственного» антихриста (антихрист — царь). В основу эсхатологических построений положена теория о трех отступлениях из «Книги о вере», которая, кстати, очень часто цитируется. Пророчество «Книги о вере» о 1666 годе, моменте «последнего отступления», автором четко связано с проблемой моления за царя: «Зри как по исполнении числа 1666 яве бысть отступление в Великороссии, тогда в тропаре и стихерах, и стихах, где упоминалися благоверных царей и имрек, тогда непоследователи ко отступлению царское имя оставили поминати». (л. 213 об.). Результатом изложения эсхатологической теории для автора и читателя-старообрядца было доказательство, что антихрист уже царствует в мире, и это есть ни кто иной, как правящий в данный момент государь.

Далее приводятся огромные выдержки (ответы на 368, 337, 331, 345, 346, 318, 361 вопросы) из книги «Щит веры» Тимофея Андреева — фундаментального сочинения конца XVIII в., заключающего в себе позицию современного автору поморца (с которым идет полемика по вопросу о молении за государя). Многословные цитаты из «Щита веры», как кажется автору, свидетельствуют о том, что поморцы на переживаемое время придерживаются точки зрения, аналогичной его собственной.

Поскольку автором трактата доказано было, что антихрист уже царствует в мире — это правящий монарх,— то моление за него расценивалось как принятие «мысленной печати антихриста». Затем он проиллюстрировал это положение, приведя указ 30 мая 1795 года «О свободе вероисповедания». Для читателя-старообрядца становилось ясно, что это есть предсказанный в священном писании способ «уловления душ антихристом» (л. 230 об.), а значит, моление за государя — символ подчинения антихристу.

Далее идет анализ тропаря «Спаси господи люди своя...» — важнейшей составной части догмата моления. Поскольку идет полемика с поморским согласием, то, для того чтобы быть более убедительным, автор противопоставляет отрывкам из тропаря выдержки (в своем истолковании) из «Щита веры». Вывод подтверждается цитатами из Священного писания и предания.

Каждая цитата из тропаря разделена на части, анализ которых и позволяет сделать соответствующий вывод. Так, например, начало тропаря: «Спаси господи люди своя и благослови достояние свое, победы благоверному царю нашему на сопротивныя даруй и своя сохраняя крестом люди»,— делится на четыре смысловые части: о победе, о благоверном царе, «на сопротивныя даруй» и «своя сохраняя крестом люди». Рассуждения завершаются следующим заключением: «Зри благоразумно о поморских, в тропаре говорят [благовернаго], а в книге своей Щите называют антихрист от мерскаго крещения крещен... Паче же убо и самого сына погибельнаго антихриста быти проповедуется... Сему ли победы просят на сопротивныя, но противныи ему сущии християня» (л. 234). Автор сочи-

ния «О полной власти царской и святительской...» утверждает, что эсхатологическая теория поморян противоречит догмату моления, существующему в этом согласии с конца 30-х гг. XVIII в. Для этого автору достаточно было доказать, что антихрист и правящий государь — одно и то же лицо. В таком случае, моление за неблаговерного царя-антихриста превращается, по мнению автора, в просьбу победы антихристу против истинных христиан, а следовательно, и против Христа. «Сами поморския говорят,— рассуждает автор далее на эту тему,— что иное в велицей России преступление разумеем, разве самого антихриста, самого того зверя изходящаго из земли или из самыя бездны, то како ему просить небесную победу, когда он противен богу и святым горек» (л. 247 об.—248). После этого повторяется еще раз положение о вредности молитвы за врагов: «Егда о вразех просим, не токмо не послушиеми бываем, но и прогневаем бога» (л. 248). Только здесь речь идет уже о конкретном враге Христа — антихристе: «Видите ли, антихрист называется и Спасом и богом и диявол, и богопротивник, и Титин не требует себе помощи, сам победитель и богохульник, и отступник, и враг Христов» (л. 236 об.). Слова тропаря: «Возвесели силою своею благовернаго царя нашего, победы дая ему на супостаты» — оказываются для автора свидетельством того, что поморяне просят о победе антихриста над истинными христианами и Христом.

Другим важным аргументом невозможности моления автор сочинения считает неблаговерие царя-антихриста. Комментируя цитату из тропаря: «И спаси благовернаго царя нашего...», автор пишет: «Можно ли за диявола молить, называть християном сущим его благоверным, которой всю вселеную до конца погубил?» (л. 244). По мнению автора, это возможно только в одном случае: «Понеже сами тако восхотеша человецы, бога отступити, а неприязнь прияти и многи поклоняющиися пред зверем и вопиюща и глаголюща, яко ты еси спаситель наш» (л. 244—244 об.), т. е. в случае сознательного отступления от Христа, которое по православной христианской доктрине должно было быть перед вторым пришествием Христа и Страшным судом. Сам автор заключает рассуждения на эту тему следующим образом: «Богопротивен бо сый, всех хощет погубити, понеже убо тать и прелестник антихрист» (л. 244 об.).

Подтверждением невозможности назвать царя благоверным для автора служит также рассуждение о том, что в противном случае будет признана благоверной и никонианская вера: «...Чрез царево благоверие, по их (поморян.— *Н. Г.*) умствованию великороссийская (никонианская.— *Н. Г.*) церковь у них в правоверии остается» (л. 252).

Доказывая невозможность моления за государя, автор постоянно апеллирует к авторитету Священного писания: «Так и нам, како можно благочестие относить на нечестие, но сего в писании нигде не видися и не слышится, чтобы кто тако от святых мудрствовать» (л. 241 об.). Авторские комментарии к отрывку из тропаря: «И спаси благовернаго царя нашего...» начинаются с вопроса: «Согласно ли будет со святыми, чтобы кто где написал и за-

поведал молится за поганых некрещеных или имея еретическое крещение чрез християнския моления, а по их вере и закон, могли б спастись?» (л. 242). Далее автор приводит многочисленные цитаты из Священного писания и предания, подтверждающие обратное.

Анализ тропаря позволил автору сочинения «О полной власти царской и святительской...» сформулировать свое отношение к вопросу о молении за государя: «Но не токмо молить за отступника, но и имя его из книг изгладиша, а кто за него молить будит, таковаго за отступника почтоша...» (л. 241 об.).

Таким образом, в сочинении под религиозной оболочкой явно проступает антиправительственная политическая концепция. Конечно, противопоставление религиозной и политической сторон концепции условно, для автора-старообрядца такого разделения не существовало.

Но догмат немоления в данном случае означал явную оппозицию правительству. Религиозная форма не затрудняла, а, напротив, облегчала восприятие читателями-старообрядцами концепции автора, она помогала подвести читателя к нужному выводу, так как позволяла использовать для аргументации целый комплекс эсхатологических представлений, знакомых и понятных читателю-старообрядцу. Этот прием усиливал в глазах читателя авторитетность авторского слова: за автора говорило само Священное писание.

Сочинение «О полной власти царской и святительской...» свидетельствует о том, что радикальная политическая идея вполне могла существовать и в XVIII в. в религиозной форме, лишний раз доказывая необходимость и важность изучения такого рода документов для истории общественного сознания. Разумеется, не следует преувеличивать их оппозиционное значение, но они расширяют наши представления о формах антифеодального протеста.

Интересно сопоставить трактат «О полной власти...» с материалами поморско-федосеевских соборов 1768, 1769, 1775 и 1807 гг., посвященных вопросу о молении за государя и свидетельствующих о постоянной живой полемике в старообрядческой среде по этому предмету на протяжении всего XVIII в. и даже в начале XIX в.

Характерным примером такого рода материалов является «Беседа о царском богомолии» 1775 г. Судя по описанию очевидца и участника, собор протекал следующим образом. Сначала высказали свою позицию федосеевцы. Они заявили, что придерживаются обычной для правоверующего христианина точки зрения по вопросу о молении за царскую власть: «Молить за царскую победу и здравие, аще и за неверных, писание повелевает.» При этом, подобно автору сочинения «О полной власти царской и святительской...», федосеевцы подчеркнули, что в писании речь идет о царях благоверных и благочестивых, поэтому правило не распространяется на неправоверующего монарха-никонианина: «К сим прирек, аще же неправоверующаго благоверным и благочестивым нарещи, то благою и веру их наречешь и похвалишь»[5]. Позиция федосеевцев-бес-

[5] ГБЛ, собр. Барсова, № 388, л. 188.

поповцев в данном случае мало отличается от аргументации автора сочинения «О полной власти царской и святительской...», принадлежащего к одному из поповских согласий.

Материалы собора дают дополнительный материал о точке зрения противоположной стороны, с которой идет полемика. Поморцы, отвечая своим оппонентам, привели примеры из священного предания, когда многие неверные названы благоверными и благочестивыми. Федосеевцы отвели этот довод следующим образом: «Яко святии благоверными таковых неверных нарицали почести ради в лице, и кроме церкви, а в молении инако их нарицали. И сице же благоверным нечестиваго и благочестивым, и благородным почести ради нарицати безгрешно быти вменяется, а в молении за них, аще де сицевыми имены называти, то будет великий грех»[6]. Они не опровергают каждый из приведенных противниками примеров, а только поясняют, что во всех случаях речь шла не о молении, т. е. примеры приведены не по существу спора. Тогда поморцы обращаются к доказательству, что и в молитве неверных можно называть благочестивыми. В результате беседы каждый остался на своих первоначальных позициях, компромиссного решения не достигли. Так заканчивались все подобные поморско-федосеевские соборы. Факт их созыва говорил о незатихавшей борьбе мнений по вопросу о молении за государя. Следует подчеркнуть, что поморцы в этих диспутах обычно занимали оборонительную позицию.

Объяснение этому, возможно, находим в старообрядческих полемических сочинениях XVIII—XIX вв., принадлежащих авторам различных согласий, в которых присутствует тема обвинения поморцев в принятии моления за государя; наш памятник здесь не исключение. Особенно четко сформулировал обвинительные пункты автор сочинения XIX в. «О мануйловс согласии», при этом на первом месте он поставил вопросы моления за царствующего монарха: «Имеются ныне за ними (поморцами.— *Н. Г.*) сия вины: Первое, яко во всей церковной службе в тропарях и кондаках, и стихерах, и канонах непременно и ныне у них в монастыре моление оне (за государя.— *Н. Г.*) содержится, еже неверных и некрещенных благоверными нарицают. Второе: молебны торжественныя на тезоименитство и на коронование, и на прочия викторные дни со звоном отправляют, якоже и в никониянских церквах»[7]. Основная вина поморцев, по мнению автора, состоит в том, что они не придерживаются догмата немоления. Это воспринималось старообрядцами других согласий как отступление от заветов основоположников согласия, от истинной православной веры.

Сами поморцы, по-видимому, чувствовали слабость своей позиции. Только этим можно объяснить отсутствие наступательности в их спорах с федосеевцами, а также большое количество поморских сочинений, обосновывающих возможность молить за государя.

---

[6] ГБЛ, собр. Барсова, № 388, л. 188 об.
[7] ГПНТБ, собр. Тихомирова, № 437, л. 65 об.— 66.

Вскоре после принятия моления Выгом, в 1742 году Даниилом Матвеевым было написано первое фундаментальное сочинение такого рода «Догмат моления за царя»[8]. На протяжении всего XVIII в. и даже в XIX в. поморцы вынуждены отстаивать свое право молить за царствующего монарха.

Для большей части старообрядцев догмат немоления был важной составной частью их догматической системы. Они считали его неотъемлемой составляющей традиций, идущих от особо почитаемого ими Соловецкого монастыря. Старообрядческая традиция объясняет отказом от догмата немоления даже образование нового филипповского согласия. Отмежевание старца Филиппа, основателя нового согласия, трактуется в филипповском сочинении кон. XVIII — нач. XX в. как протест против принятия Выгом моления за государя: «...Сей страдалец Филипп из предел прежних своих отец и уставов не выступал, ничто же сам собою не мудрствовал, а егда увидал поморских большаков Данилова монастыря Мануила Петровича и прочих подписавшихся о богомолии царстем, тогда сей старец Филипп изыде из монастыря... сожжен с братиею за благочестивую христианскую веру и за положение прежних своих поморских отец... при которых таковой новости не бывало, еже есть тропаря, тропарь же сице глаголется «Спаси господи люди своя» и прочая»[9].

Серьезное внимание проблеме моления за государя уделяли не только старообрядцы, но и правительство. Об этом свидетельствует законодательство XVIII в., передающее дела о немолении в ведение Тайной канцелярии и Преображенского приказа как особо опасные преступления против правительства и государства.

В 1737 г. власти очень быстро отреагировали на донос Ивана Круглого о том, что в Выговской пустыни за правящую императрицу бога не молят. В том же году была послана комиссия под руководством Самарина. К приезду комиссии, как рассказывает современник событий выговский историк Иван Филиппов, Выг уже в какой-то форме принял моление за государя: «По совету общему написали по нынешнему обыкновению тропарь «Спаси господи люди своя» как ныне говорят и положили в часовню в часословы для приезду и осмотру в монастыри и по скитам на бору и инде, чтобы помнить как говорити, где прежде царя поминали, ту поминати императрицу, ибо прежде мнози пустынножители царя просто воспоминали, яко же в печатных видится книгах»[10].

Кроме того, Семен Денисов (один из руководителей пустыни) уверял, что Выг соблюдает и табельные дни, «чинит празднество с молебствием, такожь и со звоном»[11]. Несмотря на все это, комиссия продолжала работать до 1744 г. Не вызывает сомнения, что правительство в XVIII в. воспринимало догмат немоления как форму государственного протеста.

[8] **ГБЛ**, собр. Егорова, № 1849, л. 1—369; **ГБЛ**, собр. Барсова, № 1, л. 1—348. **Дружинин В. Г.** Писания..., с. 477.

[9] **ИРЛИ**, собр. Каликина, № 62, л. 36.

[10] **Филиппов И.** История Выговской старообрядческой пустыни. Спб., 1862, с. 384.

[11] **Есипов Г.** Раскольничьи дела 18 столетия, т. I. Спб., 1861, с. 405.

Анализ сочинения «О полной власти царской и святительской...» наглядно иллюстрирует, что старообрядческий догмат немоления представлял своеобразную форму проявления антимонархического протеста. Сила этого протеста зависела от многих причин, в том числе от радикальности согласия, в котором создано произведение, а также от социально-экономического положения автора. Поэтому наиболее яркими в формулировках отрицательного отношения к государственной власти были бегунские сочинения, хотя в этой среде не создаются произведения, посвященные собственно догмату немоления. Проблема моления встает перед авторами-бегунами только как символ подчинения власти антихриста: «...Всю полную силу иметь будет антихрист ни от кого иного, а явно от гражданския царския власти... так и в нынешнее время есть антихристом озверившимся; т. е. лицем вселютейшим гонителем никто иной как самая гражданская власть, они есть тому прямое и наглое орудие... у которыя в таком случае и в покорении быть верным ясно запрещено и отказано сице положенное: еже антихристу рече непоклонимся и непредадимся, и аще кто ему поклонится, т. е. покорится... таковым царства божия не наследить» [12]. Автор бегунского сочинения XIX в. не останавливается на обосновании догмата немоления, а показывает невозможность моления-поклонения из-за антихристовой сущности власти. По его мнению, с этой властью нужно «иметь постоянную брань».

В сочинении «О полной власти царской и святительской...» протест против власти монарха-антихриста сформулирован не так откровенно, но это не меняет сути. Сам факт осознанного немоления за царствующего императора говорил о наличии антимонархического протеста в сознании, проникнутом царистскими идеями.

---

[12] БАН, собр. Дружинина, № 666, л. 11—11 об.

А. Н. КОТЛЯРОВ

ВОПРОСЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ИСТОРИИ ДВОРЯНСКОГО СОСЛОВИЯ В ТРУДАХ В. Н. ТАТИЩЕВА

Источниковедческая сторона научного наследия В. Н. Татищева давно привлекала и продолжает привлекать внимание исследователей. Не вдаваясь в обзор обширной литературы вопроса, отметим, что решение проблем татищевского источниковедения (достоверность сведений, состав источников и приемы их изучения, характер редакторской работы и т. д.) помогает осветить процесс становления истории как науки[1].

С другой стороны, развитие источниковедения способствовало обогащению историографии новой проблематикой. Старейший исследователь творчества Татищева видный советский ученый С. Н. Валк справедливо указывал, что работа родоначальника отечественной исторической науки над источниками являлась шагом к разработке истории Древней Руси[2]. Хотя этот вывод сделан при изучении Русской Правды, он в равной степени применим и к другим важнейшим источникам, впервые введенным Татищевым в научный оборот. Блестящим доказательством тому может служить новейшее исследование В. И. Корецкого, посвященное, в частности, Татищеву как историку крепостного крестьянства[3]. Детальный анализ татищевских примечаний к Собранию древних русских законов позволил В. И. Корецкому показать эволюцию взглядов автора на закрепощение в их зависимости от источниковедческой базы. Монография В. И. Корецкого интересна также в том плане, что вскрывает весьма примечательную, с нашей точки зрения, особенность — появление социальной тематики в исследованиях Татищева. Вырастая из сферы комментариев и примечаний, она приобретала собственную источниковедческую основу и историографическую самостоятельность.

---

[1] **Алпатов М. А.** Русская историческая мысль и Западная Европа. XVII — первая четверть XVIII в. М., 1976, с. 6—7.

[2] **Валк С. Н.** Русская Правда в изданиях и изучениях XVIII — начала XIX века.— В кн.: Археографический ежегодник за 1958 год. М., 1960, с. 124.

[3] **Корецкий В. И.** Формирование крепостного права и первая Крестьянская война в России. М., 1975, с. 28—82.

В связи с анализом творческой лаборатории Татищева в литературе затрагивались некоторые сюжеты, имеющие отношение к другому классу феодального общества — к классу привилегированных землевладельцев. Г. Ф. Миллер подчеркивал ценность татищевских комментариев к Судебнику 1550 г. для изучения «благородного» сословия [4]. Историки второй половины XVIII в. и более позднего времени считались с мнением Татищева по истории ряда феодальных «чинов» (боярин, дети боярские, думные дворяне и др.) [5]. В трудах советских авторов работе над этими историческими экскурсами, получившими название «биографий», также уделялось внимание [6].

Однако, поскольку историография дворянства XVIII в. до сих пор не была предметом специального исследования, ни созданная Татищевым «биография» высшего сословия как такового, ни ее связь с отдельными категориями феодалитета не попадали в поле зрения исследователей. Между тем в этой «биографии» показывалось происхождение «благородства», рассматривалась эволюция его сословного устройства и давалась периодизация дворянской истории с древнейших времен до реформ Петра I включительно.

Вопрос о том, на какую источниковедческую базу опиралась теория Татищева, является задачей данной статьи.

Общественно-политические взгляды В. Н. Татищева освещены достаточно полно [7]. Характеризующиеся стремлением защитить и расширить права дворян-крепостников и симпатиями к их родовитой части, они исчерпывающе объясняют интерес историка к прошлому привилегированных верхов. Исходя из представления о главенствующей роли военного фактора, Татищев считал образование дворянского сословия делом рук государства. Само сословие изображалось состоящим из конных рыцарей, владеющих землей и поголовно занятых в придворной службе... Под влиянием количественного роста оно, по мнению автора, в середине XVI в. разделилось на московских и городовых дворян, а при Петре I было слито в единое шляхетство [8].

---

[4] **Миллер Г. Ф.** Известие о дворянах российских. Спб., 1790, с. 26.

[5] **Щербатов М. М.** О старинных степенях чинов в России, в которых благородные службы производили, и как были из одной в другую жалованы так же о чинах и о их должностях. М., 1784, с. 36; **Болтин И.** Ответ генерал-майора Болтина на письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории. Спб., 1789, с. 104; **Новиков Н. И.** Историческое известие об упомянутых старинных чинах в России.— В кн.: ДРВ, изд. 2, ч. 20. М., 1791, с. 132; **Языков Д. И.** Дети боярские. Дьяки.— Труды имп. Российской академии, Спб., 1841, ч. IV, с. 140.

[6] **Черепнин Л. В.** Русская историография до XIX в. Курс лекций. М., 1957, с. 183; **Туркин В. Н.** Семантика социальных терминов восточнославянских языков XI—XVI вв. Автореф. докт. дис. М., 1972, с. 5.

[7] **Алефиренко П.** Социально-политические воззрения В. Н. Татищева.— Вопросы истории, 1951, № 10; **Дейч Г. М.** В. Н. Татищев. (Историк и государственный деятель. 1686—1750.) Свердловск, 1962; **Петров А. А.** Общественно-политическая и философская мысль России первой половины XVIII в. Иркутск, 1974.

[8] **Татищев В. Н.** Разговор о пользе наук и училищ. М., 1887, с. 67—68; **Он же.** Лексикон Российской исторической, географической и гражданской, ч. 2. Спб., 1793, с. 117—121.

Таким образом, сословно-служебный аспект — центральный в татищевской концепции, причем вывод о первоначальном единстве вассального статуса был ее важнейшим составным элементом. На эту особенность, характерную, по Татищеву, для первого периода истории дворянства, последующая историография отреагировала уже в конце XVIII в. Так, один из дворянских историков М. Г. Спиридов, выразил свое несогласие с попыткой именитого коллеги называть все древнейшее сословие «благородных» гридьбой [9]. Замечание Спиридова лишний раз подтверждает, что истоки татищевской точки зрения следует искать в интерпретации термина «гридь» в Русской Правде.

Как известно, краткая редакция этого ценнейшего источника вошла в состав подготавливаемого Татищевым «Свода древних русских законов». Впервые комментируя Правду, он привлек летописные факты о княжеских дворцовых помещениях — гридницах и пришел к заключению, что «понеже гридня называлось княжеской покой или комната, то мнится гридень есть придворный человек» [10]. Позднее в редакции Свода начала 1750 г. Татищев особо подчеркивал важность свидетельств Русской Правды о градации славянского общества на сословия дворян, купцов, холопов. Отождествляя гридьбу с дворянским сословием, он повторил прежнюю аргументацию, почему «дворянин, или шляхтич, гридень именован» [11].

При подобной трактовке термина, обозначающего низшую категорию феодалов, возникала возможность рассматривать придворную службу как главную и общую функцию высшего класса. Что же касается его аристократической верхушки, то под пером Татищева она превращалась фактически в «гридей» разных служебных рангов. В этом отношении особенно показательна попытка автора проникнуть в смысл слова «огнищанин». Столкнувшись в Русской Правде с непонятным термином, он прибегнул к помощи новгородской летописи, в составе которой находился этот законодательный памятник. Однако из-за слабости приемов терминологического анализа ответа там ему найти не удалось. Социальная принадлежность огнищан оставалась под вопросом: «по той же летописи огневчане, видится, крестьянство или дворянство, домами жувущие, разумеются» [12].

Сомнения разрешил углубленный анализ самой Правды. Справедливо отметив, что огнищане фигурировали на одной ступени с княжескими слугами, чья жизнь в отличие от «подлых» людей оценивалась в 80 гривен, Татищев отнес их к привилегированному классу. Но после этого, руководствуясь внешним сходством с огневщиками — полицейскими чиновниками позднейшего времени,

---

[9] **Спиридов М. Г.** Родословный российский словарь, ч. 1. М., 1793, с. XXVIII.
[10] **Татищев В. Н.** История Российская, т. 7. М.— Л., 1968, с. 219.
[11] Там же, с. 281.
[12] Там же, с. 212.

он предложил считать бояр-огнищан начальниками древней полиции [13].

Сочетание наивного словопроизводства с меткими наблюдениями над источниками являлось одной из отличительных черт анализа Татищева. Эта черта хорошо прослеживается при истолковании многих категорий вассалитета древнейшего периода, когда не обнаруживалось, по словам автора, сведений о них в «гистории», т. е. летописи. Не находя, например, описания функций вирника, Татищев полагал, что вирник «по имени сарматскому, казначей или сборщик податей». Кроме того, «по древнему закону», за убийство вирника уплачивался самый высокий штраф (80 гривен), и «потому видно, что чин не мал был» [14]. Во многих из своих работ Татищев писал о боярах. О социальном статусе боярства он судил, оперируя филологическим методом. Происхождение слова «боярин», по Татищеву, из сарматского языка, где оно якобы обозначало понятие «умная голова», было достаточно, чтобы рассматривать бояр на протяжении всей истории только как прослойку высших деятелей государства [15].

В Примечаниях к «Истории Российской» Татищев предпринял попытку собрать материал о посадниках и тысяцких. На основании летописей он сделал несколько важных для того времени открытий. Хотя в этих источниках, по его словам, не описывались посадничьи функции («власть и сила»), было установлено, что в Новгороде посадников стали избирать сами жители, причем из «знатнейшего шляхетства». В истории тысяцких, или, согласно татищевскому пониманию, генералов, ученый выделил как весьма примечательный факт ликвидацию этого чина великим князем московским Василием Дмитриевичем [16].

Важная роль в формировании источниковедческой базы интересующей нас проблемы принадлежала комментариям к законодательным памятникам периода централизованного государства: Судебнику 1550 г. и «Указам дополнительным судебнику». Особый интерес представляют примечания к указу Бориса Годунова (1601 г.) о частичном разрешении крестьянского выхода, которые посвящены многим разрядам землевладельцев начала XVII в. В первую очередь здесь следует остановиться на прослойке выборного дворянства.

Рисуя происхождение дворянского выбора, Татищев ссылается на «дворовую книгу» Ивана IV, которая содержала перечень 1000 дворян, получивших поместья под Москвой [17]. Упомянутый им документ был не чем иным, как широко известной теперь «Тысячной книгой 1550 г.» Татищев не только ввел в научный оборот этот неза-

[13] **Татищев В. Н.** История российская, т. 7, с. 224, 284.

[14] **Татищев В. Н.** Лексикон Российской исторической, географической и гражданской, ч. 1. Спб., 1793, с. 246.

[15] Там же, с. 184—185; **Татищев В. Н.** История Российская, т. 3 М.— Л., 1964, с. 203, 230, 287.

[16] **Татищев В. Н.** История Российская, т. 2. М.— Л., 1962, с. 265.

[17] Там же, т. 7, с. 367, 383.

менимый источник по истории господствующего класса, но и высказал свои соображения о цели и критериях набора «тысячников», связав дело, как обычно, с военными потребностями. Привлечение Тысячной книги имело очень большое значение для историографии XVIII в. Ей прежде всего была обязана своим появлением концепция дифференциации привилегированного сословия на столичное и городовое дворянство, которую вслед за Татищевым (Миллер, Болтин, Щербатов) относили ко времени Ивана IV.

Со взглядами Татищева на царствование Ивана Грозного как переломный момент в истории «благородного» сословия было связано обращение к генеалогическим источникам. Важным моментом следует признать выдвинутую им схему развития прикладной генеалогии. Татищев учитывал все известные ему попытки правительства создать родословные книги. Отмечая неосуществленные планы царя Федора Алексеевича и царевны Софьи, он указывал, что первая родословная книга была составлена еще при Иване IV, когда царь, по словам Татищева, отобрав у князей уделы, «чтоб то неколико видом закрывалось, повелел родоловную сочинить книгу, в которой многие княжеские роды оставя, знатными шляхетскими наполнил и сравнял» [18]. Таким образом, по Татищеву, причиной создания документа является стремление царской власти к сближению удельной знати с нетитулованными боярами.

Немало внимания уделил Татищев вопросу о достоверности генеалогических свидетельств. Он предостерегал от некритического отношения к ним, отмечая баснословность, особенно характерную для легенд о происхождении родов [19]. По этой причине, а также из-за неполноты дворянских генеалогических росписей, главная задача виделась Татищеву в проверке и обогащении последних данными летописей. Предлагаемый ученым путь имел целью освободить генеалогию от средневековых традиций и поднять ее на уровень научного знания.

Однако, попытавшись лично заняться генеалогическими исследованиями, чтобы в «Лексиконе», например, «всех российских государей, якоже знатных людей и фамилей с родословными и приключениями описать», историк был вынужден прекратить эту работу. Кропотливая и тяжелая, она оказалась, по его собственному признанию, ему непосильной [20]. Недостаток генеалогической информации не преминул отразиться на исторических конструкциях. Так, отмечая приток в Боярскую думу бывших владельцев уделов, но не опираясь на историю княжеских родов, Татищев преувеличивал число князей-суверенов и, следовательно, масштаб указанного процесса в XVI в.

Очень слабой была оснащенность источниками татищевских экскурсов в историю феодальной иерархии, в том числе ее верхнего

---

[18] **Татищев В. Н.** История Российская, т. 7. с. 117, 332.

[19] **Татищев В. Н.** История Российская, т. 1. М.— Л., 1962, с. 371.

[20] **Татищев В. Н.** Изъяснение на посланные начала гисторические.— В кн.: Попов Н. В. В. Н. Татищев и его время. М., 1861, Приложение XI, с. 662—663.

слоя. Судебник 1550 г. являлся для Татищева единственным документом по вопросу о происхождении и значении звания окольничего. Отождествляя «больших дворян», упоминаемых в указе 1601 года, с думными дворянами, Татищев писал: «Дворяне большие, мню, думные дворяне, которые в Сенате сочиняли, четвертой и нижней класс, токмо по истории оных не упоминается и первое видится, при царе Михаиле Федоровиче учинены в сей чин» [21]. Однако именно думным дворянам он дал точную социальную характеристику, указав на их незнатность и незаурядные личные качества. Об источнике сведений на этот счет догадывался еще И. Н. Болтин, который полагал, что Татищев пользовался рассказами высокопоставленных лиц, служивших еще в XVII в.[22]

В татищевских работах действительно есть прямые указания на такой род источников. Здесь упоминается, например, А. Лихачев, от которого автор получил некоторые сведения об административно-политическом устройстве страны во второй половине XVII в.[23] Думается, что люди типа влиятельных при царе Федоре Алексеевиче братьев Лихачевых, которые были выходцами, по словам Татищева, из «подлого шляхетства», могли оказать ему помощь в знакомстве с организацией служилого сословия. Следует принять во внимание и личные наблюдения автора, с детских лет близкого ко двору, бывшего очевидцем достаточно длительной сословной реорганизации привилегированого класса.

Об источниках такого рода говорят хронологический диапазон и содержание татищевских характеристик, посвященных дворянству после царствования Ивана IV. Эти характеристики касались положения «благородных» накануне и в годы реформ Петра. Особенно часто обращался Татищев к их составу во время крымских и азовских походов. Детали в описаниях обязанностей столичных чинов второй половины XVII в. позволяют ощутить живое восприятие современников. Татищеву, например, известно, что в свиту царицы входили малолетние, но знатные стольники, большая часть которых «и дворца не знали». Он отметил, что стряпчих «при дворе было действительных малое число, и то, когда спросят», хотя числилось их более 1000 человек [24].

Однако в количественных данных и в датировке явлений Татищев часто далек от точности. Так, он значительно преувеличивал численность дворян в конце XVII в. и количество дворянских по составу регулярных частей начала XVIII в., называя соответственно 50 тыс. человек и 20 драгунских полков [25]. В самом общем виде

---

[21] **Татищев В. Н.** История Российская, т. 7, с. 383.

[22] **Болтин И.** Ответ генерал-майора Болтина..., с. 75—76.

[23] **Татищев В. Н.** История Российская, т. 7, с. 296.

[24] Там же, с. 293, 368.

[25] **Татищев В. Н.** Разговор о пользе наук и училищ, с. 68. По подсчетам современных ученых, число дворян к концу XVII в. не превышало 30 тыс. человек. Из них в начале XVIII в. было сформировано 12 драгунских полков (см.: **Водарский Я. Е.** Служилое дворянство в России в конце XVII — начале XVIII вв.— В кн.: Вопросы военной истории России XVIII — первой половины XIX веков. М., 1969, с. 234, 237—238).

им констатировалась ликвидация старой феодальной иерархии. Это еще раз подтверждает отсутствие у Татищева других источников, кроме памяти и впечатлений очевидцев событий.

Кратко характеризовал Татищев некоторые документы, необходимые для суждений не только о служебных функциях, но и о правах феодалов XVI—XVII вв. Руководствуясь как научными, так и политическими соображениями (необходимость разграничить шляхетство и «подлость»), он обращал внимание на пробелы в составе и содержании источников. С сожалением писал, например, Татищев о неоткрытых «вопчих» жалованных грамотах детям боярским, которые упоминались в 64-й статье Судебника 1550 г.: «Грамоты же жалованные, чаятельно, должности и преимущества шляхетства в себе заключали; но сожалетельно, что оной нигде отыскать невозможно, хотя сие весьма есть нуждное»[26]. Вызывал его замечания даже такой кодекс феодальных законов, как Соборное Уложение 1649 г., поскольку оно не фиксировало строго очерченного круга привилегий дворянского сословия[27].

В то же время Татищев считал, что вооруженный историческими источниками историк способен воссоздать социальные явления, по каким-то причинам не отразившиеся в сословном законодательстве[28]. Ему, в частности, принадлежала попытка коснуться источниковедческой базы для рассмотрения вопроса о сущности двух важных привилегий дворянства — поместного держания и кормления.

Татищев не сомневался, что владение поместьем было главным признаком и условием существования дворянства. По его формуле, это сословие, или «стан собственно для защиты и обороны отечества учрежденный, для их содержания поместиями снабденный»[29]. Ссылаясь на Судебник, он убедительно подчеркнул условный характер поместного землевладения[30]. Другим, более древним по происхождению, источником Татищев называл некие «обстоятельные ведомости», где еще с удельного периода фиксировались доходы дворян (в другом месте термин «ведомости» заменяется термином «книги»)[31]. Следы подобной документации он видел в статье 26 Судебника, где упоминались книги о кормлениях. Закон Ивана IV, разумеется, имел в виду «списки к кормленому верстанию»[32] — официальные разрядные документы для регистрации кормленщиков, а не помещиков. Однако у Татищева был только единственный источник — тогдашний писцовый наказ. Из наказа,

---

[26] **Татищев В. Н.** История Российская, т. 7, с. 313.

[27] **Татищев В. Н.** Две записки, относящиеся до царствования императрицы Анны. Б. м. и. г., с. 384.

[28] **Попов Н. В.** В. Н. Татищев и его время, Приложение IX, с. 649—650.

[29] **Татищев В. Н.** История Российская, т. 7, с. 372.

[30] Там же, с. 323.

[31] Там же, с. 288, 297.

[32] **Носов Н. Е.** Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969, с. 412.

по его словам, «видимо, что велено кормленых деревень писать доходы в книги»[33].

Он, конечно, ошибался, полагая главной задачей писцов учет доходности поместий. Это, кстати, привело к одностороннему взгляду на поместья как на разновидность кормления. Но татищевские источниковедческие соображения ориентировали на изучение писцовых книг, предполагали их весьма древнее происхождение.

При работе над комментариями к Судебнику 1550 г. также проявился интерес Татищева к кормлению. Кроме догадки о «кормленных книгах» ему был известен такой важный вид источников, как «кормленные грамоты». К сожалению, он высказал свое отношение не к самим грамотам, а к основанным на них мнениям о наследственности кормлений: «каковых грамот во многих фамилиях находятся, и некоторые, не зная обстоятельств, мнят, якобы городы даваны были в вечное владение»[34]

Критическое замечание по адресу обладателей грамот подкреплялось Татищевым фактами из другого источника. Этот источник — уже упоминаемый рассказ А. Лихачева о том, как «кормились» воеводы XVII в. Разумеется, объединять столь разные институты, как кормления периода феодальной раздробленности и позднейшая воеводская администрация, мог только «здравый смысл» историка XVIII в., для которого внешние аналогии между разновременными явлениями — обычный прием.

Подводя итоги, особо подчеркнем первенство и заслуги В. Н. Татищева в разработке вопросов источниковедения истории дворянского сословия. Если предшествующая историография не прошла далее неосуществленных проектов исследований и абстрактных построений, то Татищев опирался на достаточно обширный круг разнообразных источников, впервые введенных им в научный оборот. Среди них Русская Правда, некоторые древнейшие летописи, родословные книги, «Тысячная книга», Судебник 1550 г. Специфическим источником Татищеву служила информация, полученная из уст деятелей конца XVII в. Кроме того, он указал на ряд источников, которые могли бы расширить источниковедческую базу (жалованные грамоты, писцовые и кормленные книги). Источниковедческие приемы Татищева типичны для его творчества в целом. Ученый интересовался происхождением исторических документов, выяснив время и условия возникновения большинства из них. Он отстаивал необходимость использования и сопоставления разных источников, сам применял этот метод. Но широко прибегал Татищев и к «здравому смыслу», который модернизировал трактовку источников. Несмотря на очевидную слабость анализа источников, значительные пробелы в их составе, разыскания Татищева не только определяли источниковедческий уровень истории дворянства во второй четверти XVIII в., но и оказали непосредственное влияние на последующее ее развитие Миллером, Щербатовым, Болтиным.

---

[33] **Татищев В. Н.** История Российская, т. 7, с. 239.
[34] Там же.

Д. Я. РЕЗУН

О РАБОТЕ Г. Ф. МИЛЛЕРА НАД ИСТОЧНИКАМИ ПО ИСТОРИИ ГОРОДОВ СИБИРИ XVII в.

Из всего многообразия источников, использованных Г. Ф. Миллером для написания истории сибирских городов XVII в., в соответствии с принятой в нашем источниковедении классификацией [1], можно выделить следующие группы: материалы приказного делопроизводства XVII в., собранные историком в «Списки городовых архивов Сибири»; анкеты 1734—1742 гг. и деловая переписка с сибирскими канцеляриями; летописные материалы; устные предания и личные впечатления.

Главным источником для историка были «Списки городовых архивов Сибири» [2], собранные им во время 10-летнего путешествия по Сибири. Значимость этих материалов для раскрытия концепции Миллера, этапов ее формирования очень велика, так как доступ к документам Сибирского приказа историк получил только после переезда в Москву, с 1766 г.[3] Эти источники частично известны: многие исследователи широко пользовались ими, а некоторые документы были опубликованы в ряде дореволюционных и в советских изданиях. И все же к их характеристике можно отнести слова В. Н. Голицына, сказанные им по отношению подобных миллеровских «портфелей» из собраний ЦГАДА: «...тот покров таинственности, который до настоящего времени окружает эти портфели, несмотря на неоднократное пользование ими со стороны ученых исследователей <..,> заставляет одних строить нередко преувеличенные предположения о богатстве их содержания, а размеры и разнообразие накопленного в них материала отвращает других от ближайшего с ними ознакомления и подробного их описания, устращая, быть может, также в преувеличенной степени, громад-

---

[1] **Пушкарев Л. Н.** Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975, с. 188—268.

[2] **ААН,** ф. 21, оп. 4, д. 1—34; См.: **Бакланова Н. А., Андреев А. И.** Обзор рукописей Г. Ф. Миллера по истории, географии, этнографии и языкам народов Сибири, хранящихся в московских и ленинградских архивах и библиотеках.— В кн.: Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1. М.— Л., 1937, с. 541—569.

[3] **Бахрушин С. В.** Примечания к тексту «Истории Сибири» и к Приложению.— В кн.: Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1, с. 552—553.

ностью труда, который следовало бы приложить к такому делу»[4].

«Списки городовых архивов Сибири» состоят из собраний приказных документов по ряду городов и охватывают время с конца XVI и по 20-е гг. XVIII в.: Чердыни, Тюмени, Краснослободского острога, Тобольска, Нарыма, Кетска, Пелыма, Березова, Томска, Кузнецка, Красноярска, Мангазеи, Енисейска, Якутска, Иркутска, Илимска, Баргузинского и Верхоленского острогов, Селенгинска и Нерчинска. В основу формирования миллеровских списков положены не столько хронологический или тематический принципы, сколько особенности путешествия историка по сибирским городам. Так, если архивные документы по истории городов Чердыни, Туринска, Верхотурья, Тобольска, Томска, Тюмени, Енисейска, Якутска, Мангазеи, Красноярска и их уездов собраны в отдельные списки, то документы по истории Нарыма, Кетска, Пелыма и Березова объединены в одну группу из 321 документа; не самостоятельно представлены документы по истории Иркутска, острогов Илимского, Баргузинского и Верхоленского; вместе объединены материалы по истории Селенгинска и Нерчинска[5]. Помимо этого, имеются отдельные списки по истории из архивов Кузнецка, Томска, Красноярска; документы по истории Тары входят в состав «Списков Тобольского архива» (ч. 5)[6].

Количественный состав Списков неодинаков: одни из них состоят из нескольких частей, или, как говорил сам Миллер, «томов»— это списки Верхотурского (ч. 1—3), Туринского (ч. 1—3), Тюменского (ч. 1—2), Тобольского (ч. 1—5), Томского (ч. 1—2), Енисейского (ч. 1—6), Якутского (ч. 1—5) архивов[7]; другие состоят из одного «тома».

Все «Списки городовых архивов Сибири» по описи XVIII в. содержали 6839 документов, а по данным А. И. Андреева — 7806. Это расхождение объясняется тем, что в описи XVIII в. иногда несколько документов, связанных одной тематикой, объединялись в один порядковый номер.

Внутри этих частей, или «томов», строгого соблюдения хронологического или тематического принципов не наблюдается, хотя в ряде случаев заметно такое стремление. Так, в многотомных Списках чаще всего первую часть составляют документы, охватывающие время с конца XVI в. и по 50-е гг. XVII в. Можно сказать, что предварительная классификация источников по тематическому и хронологическому принципам Миллером проводилась, но она не была доведена до конца. При этом следует учесть, что при написании «Истории Сибири» Миллером были использованы в основном документы до 1650-х гг.; основная масса источников оказалась неиспользованной в то время.

---

[4] **Голицын В. Н.** Портфели Г. Ф. Миллера. М., 1889, с. 89.
[5] **ААН,** ф. 21, оп. 4, д. 16, 28, 29.
[6] Там же, д. 15, 19.
[7] Там же, д. 2—4, 5—7, 8—9, 11—15, 17—18, 22—27, 30—34.

Город	Общее число документов	Фактический «возраст» города	Год начала архива	Число документов — конец XVI — 1650	Обеспеченность документами по годам	
					с возникновения истории города	с начала архива
Верхотурье	747	1598—1650	1596	208	4,0	3,8
Туринск	829	1600—1650	1600	362	7,2	7,2
Тюмень	364	1585—1650	1596	120	1,8	2,2
Тобольск	739	1587—1650	1620	85	1,3	2,8
Томск	609	1604—1652	1608	284	5,9	6,4
Енисейск	1327	1619—1651	1619	163	5,0	5,0

Возникает вопрос — как был обеспечен в миллеровских собраниях первоначальный этап строительства сибирских городов и их развития с конца XVI в. и по 1650 г.? Для этого достаточно несложного статистического анализа, представленного в таблице.

Еще хуже была обеспечена документами история таких городов, как Березов (0,8), Кетск (0,6), Пелым (0,5), за период с конца XVI в. и по 1650 г. Отсюда видно, что Миллеру пришлось писать историю «поставления сибирских городов и острогов», особенно первоначальный этап их существования, не обладая в количественном отношении большим объемом источников. Это важно подчеркнуть, ибо еще со времен И. Э. Фишера, заявившего в полемике, что «и подьячего посредственного разума достаточно к сочинению Сибирской истории, ежели архивы прилежно прочтет и выпишет, и соберет все, что слышал от сибирских промышленников»[8], бытовало мнение, что Миллер просто переписал то, что нашел в архивах.

Конечно, приведенные нами подсчеты в ряде случаев весьма относительны. Прежде всего потому, что далеко не все документы, относящиеся к истории какого-нибудь одного города, сосредоточены именно в его «Списках городского архива». Так, ряд документов, прямо и непосредственно относящихся к истории Мангазеи, хранятся в списках Тобольского и Березовского архивов, где их и обнаружил историк уже на обратном пути из Сибири. Во-вторых, как отмечал сам Миллер, сколько-нибудь обстоятельные сведения по истории поставления городов и острогов в архивах начинаются лишь с 1592 г.[9] Но даже и с этого времени не во всех сибирских архивах было достаточно сведений; один из частых ответов сибирских канцелярий на запросы Миллера гласил, что многое погорело и точных сведений канцелярия не имеет.

Если же теперь говорить о содержании Списков, то следует в общем признать справедливость слов Н. Н. Бакая о том, что среди разнообразного миллеровского материала «выделяются особенно акты, заключающие богатейшие данные о поступательном колони-

---

[8] Академики Миллер и Фишер и Описание Сибири.— ЧОИДР, кн. 3, М., 1866, с. 20.

[9] **Пекарский П.** История имп. Академии наук в Петербурге, т. 1. Спб., 1870, с. 320.

зационном движении русской народной массы, с ее поразительной предприимчивостью, с ее подъемом творческой работы...» [10]. И более того, на наш взгляд, именно знакомство с такими замечательными документами, самоотверженное в течение 10 лет обследование Сибири и встречи с сибиряками — потомками первых землепроходцев, активное участие историка в развитии русской науки, культуры и просвещения привели его к глубокому убеждению, что, только живя и работая в России, можно написать правдивую историю страны, а иначе «всякая, вне России изданная русская история будет наполнена промахами и недостатками...» [11].

В «Списках городовых архивов» содержатся самые разнообразные по форме и по содержанию документы: царские грамоты, отписки воевод и служилых людей, челобитные всех слоев сибирского общества XVII в., «розыски» и «сыски» сибирской администрации по «разбойным делам», «смутам и нестроениям» в сибирских городах, таможенные, дозорные, переписные, ясачные книги и другие материалы, позволяющие в принципе осветить различные стороны жизни сибиряков. В этом плане ни один историк XVIII, да и нередко XIX вв., не обладал такой многообразной и содержательной источниковой базой.

Но, отмечая богатство миллеровских документов, все же следует указать, что среди них было немало материалов, малопригодных для воссоздания истории городов, например, грамота о присылке сведений из Туринского острога о корме для верблюдов, отбитых у калмыков. К другим документам требовался очень осторожный подход, ибо они рассказывали о событиях малозначительных, а то и анекдотических: так, несколько документов посвящено подробному и драматическому рассказу о набеге калмыков на Мурзинскую слободу, где они убили приказчика, крестьян и сожгли слободу, но оканчивается эта переписка отпиской приказчика Киргинской слободы о том, что «в Мурзинской слободе гулящие люди и крестьяне <...> подрались, и услышав ту драку, иные гулящие люди <...>, разведав подлинно, почаяли приходу калмацких людей, и прибежав в Невьянский острог, сказали..., что калмацкие люди Мурзинскую слободу повоевали» [12].

Тематический состав различных Списков неодинаков. Так, более половины всех документов в Списках Верхотурского и Туринского архивов — это материалы о слободской колонизации уездов; в Списках Енисейского и особенно Якутского архивов — сведения о сборе ясака и «прииискании новых землиц».

Конечно, характер собранных Миллером материалов выражает классовые интересы феодального государства, но крепостническая

---

[10] **Бакай Н. Н.** Академия наук в XVIII веке и прошлое Сибири.— Сибирские огни, 1925, № 4—5, с. 237.

[11] **August** Ludwig V. Schlozer und Russland. Eingleitet und unter Mitavbeit vor L. Richter und L. Zeil. Herausgeben von Winter. Akademie — Verlag, Berlin, 1961, S. 67.

[12] **Миллер Г. Ф.** История Сибири, т. 2, Приложение № 142, с. 249; № 435, с. 510.

тенденция правительства не получила в них заметного отражения. А для русского человека первой половины XVIII в., когда ужесточение системы крепостного права стало нормой для России, такой характер сибирских документов не мог быть незамеченным. И, во-вторых, в составе любых Списков содержались дела о воеводских злоупотреблениях, челобитные различных слоев населения на этих воевод, царские «наказные памяти» новым воеводам, где правительство каждый раз осуждало воеводский произвол, грозило им наказанием и требовало от новых воевод «не притеснять» население, и более того, формально наказывало провинившихся чиновников. Своеобразным источником были также и челобитные служилых людей, в которых, как правильно подметил А. А. Преображенский, гордый дух сподвижников Ермака «нет-нет да и прорвется сквозь примелькавшийся унижительный стиль челобитных... заявляя о временах казачьей вольницы...» [13].

Не имея возможности полно описать все 35 «Списков городовых архивов Сибири», остановимся подробно только на «Списках Мангазейской архивы» и посмотрим, какой материал в них находился и как он отложился в исследовании Миллера в свете современных данных по истории Мангазеи. Такой выбор определяется, с одной стороны, тем, что эти Списки относительно компактны, а с другой,— тем, что они позволяют ярко вскрыть некоторые теоретические положения и методику работы Миллера.

«Списки Мангазейской архивы» состоят из одного тома и насчитывают 146 документов, охватывающих весь XVII в.[14] Структура тома строится в основном на хронологическом принципе, который, правда, до конца не выдержан. Особенностью этого Списка, как и некоторых других, является то, что открывается он двумя обобщающими материалами: перечнем мангазейских воевод с 7110 г. и «экстрактом» из ясачных книг города Мангазеи [15]. А затем уже следовали наказы воеводам, грамоты, отписки, челобитные, росписные списки и т. д., но без тематической группировки. Можно отметить одно обстоятельство, которое могло облегчить историку поиски новых документов: в некоторых делах, как, например, в росписном списке 7154 г., среди других материалов упоминалась не дошедшая ко времени Миллера «роспись государевым всяким делам Мангазейского города прошлых лет со 109-го году по 141-й год» [16]. Все документы являются копиями, снятыми Миллером с дел Туруханской воеводской канцелярии летом 1739 г., и значение этих документов особенно велико в свете того, что сам Мангазейский архив первых десятилетий ее существования погиб в пожаре

---

[13] **Преображенский А. А.** У истоков народной историографической традиции в освещении проблемы присоединения Сибири к России.— В кн.: Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976, с. 380.

[14] **ААН**, ф. 21, оп. 4, д. 21.

[15] Там же, л. 1—12, 13—72; **Миллер Г. Ф.** История Сибири, т. 1, с. 554.

[16] **Миллер Г. Ф.** История Сибири, т. 1, с. 311, прим. 1.

1643 г.[17], и большинство документальных публикаций по истории Мангазеи основываются именно на миллеровских «Списках Мангазейской архивы».

Тематически все документы «Списков Мангазейской архивы» мы условно разобьем на следующие группы: первоначальная история поставления Мангазеи и дальнейшее строительство города, «мангазейский морской ход» и причины оставления Мангазеи, ясачная политика, социально-экономическая история Мангазеи.

О проникновении русских промышленных людей в Мангазейский край в конце XVI в. Миллер узнал еще до приезда в Туруханск из «старинных сибирских книжных хроник, объясняющих все сомнения», с которыми он познакомился в самом начале своего сибирского путешествия в Тобольске в 1734 г.[18] Подтверждение этих летописных известий историк нашел в двух документах Списков: в наказе В. Масальскому и С. Пушкину и в наказе Ф. Булгакову и Н. Ельчанинову, где говорилось, что «преж сего приходили в Мангазею и в Енисей с Руси многие торговые люди... со всякими товары и торговали во всей Мангазеи и Енисее, ездя по городкам и по волостям и по юртам и по зимовьям и по селам...»[19]. Именно на этом основании историк сделал справедливый вывод, не оспариваемый и современной наукой, о существовании «в тамошних местах нескольких острогов» еще задолго до экспедиции М. Шаховского в 1600 г.[20] При этом нельзя исключить и то, что Миллер был знаком с материалами другого участка Великой сибирской экспедиции лейтенанта Д. Овцына, собравшего интересные сведения о Надыме, который пользовался славой торгового города еще до поставления Мангазеи[21].

Самого наказа М. Шаховскому и Д. Хрипунову, которые были посланы в 1600 г. для поставления Мангазеи, в «Списках Мангазейской архивы» нет, и добавим, что до сих пор не найдено. Об этой экспедиции историк мог узнать прежде всего из наказа уже второй экспедиции — В. Масальскому и С. Пушкину 1601 г., и более, как признавал сам Миллер, «у нас нет других исторических данных...»[22]. Еще одним косвенным свидетельством экспедиции Шаховского, к которому уже сам пришел Миллер на основе анализа совершенно других документов путем обычной формальной логики, было упоминание в мангазейских делах о «росписи госу-

---

[17] **Андреев А. И.** Примечания к тексту «Истории Сибири» и к Приложению.— В кн.: Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1, с. 505.

[18] **Миллер Г. Ф.** История Академии наук (на немецк. яз.).— В кн.: Материалы для истории имп. Академии наук, т. 6. Спб., 1890, с. 344; **Андреев А. И.** Очерки по источниковедению Сибири, вып. 2. М., 1965, с. 81.

[19] **ААН**, ф. 21, оп. 4, д. 21; № 3, 4, 6; л. 73—84, 84—89 об., 90—91 об.; **Миллер Г. Ф.** История Сибири, т. 1, с. 395—404; т. 2, с. 173—177; **РИБ**, т. 2, М., 1875, с. 814—859.

[20] **Миллер Г. Ф.** История Сибири, т. 1, с. 310.

[21] См.: **Белов М. И.** История открытия и освоения Северного морского пути, т. 1. М., 1956, с. 111.

[22] **Миллер Г. Ф.** История Сибири, т. 1, с. 309.

даревым всяким делам Мангазейского города прошлых лет со 109-го года по 141-й год». И Миллер здраво рассудил, что «это может, во всяком случае, служить доказательством, потому что если были приказные дела от 7109 г., то они не могли производится никем иным, как князем Мироном Шаховским...»[23].

Но если эти документы подтверждали факт посылки экспедиции Шаховского, то они мало что могли дать для объяснения обстоятельств этого похода и решения вопроса о том, кто же и когда поставил первый город в Мангазее. Надо заметить, что и современная наука не располагает на этот счет исчерпывающими документальными данными. И Миллер мог прочитать в своих документах только одно твердо: подговоренная зырянами-промышленниками «самоядь» напала на отряд Шаховского, но что было дальше с экспедицией, документ не знал: то ли Шаховский остановился в Пунтуевом зырянском городке, то ли он «встал в тех местах, в которых местех у русских людей поставлены остроги», то ли экспедиция была полностью уничтожена[24]. Таким образом, «Списки Мангазейской архивы» не могли дать Миллеру четкого утвердительного ответа на вопрос о судьбе экспедиции Шаховского. Ответ на этот вопрос Миллер мог найти уже на обратном пути из Сибири во время работы в Березовском архиве, где находилась грамота в Березов и челобитная березовского атамана Я. Черемного с товарищами о выдаче им денежного и хлебного жалования за поход с Шаховским и поставление города Мангазеи[25]. Но в рассуждениях Миллера, где речь идет об обстоятельствах поставления Мангазеи[26], не чувствуется прямой опоры на этот документ; историк в основном прибегает к косвенным доказательствам поставления Мангазеи экспедицией Шаховского. Отсюда, на наш взгляд, можно думать, что отдельные части миллеровской «Истории Сибири» и, в частности, история Мангазеи, писались уже во время сибирского путешествия, когда он еще не знал всего комплекса документов по истории Сибири.

В «Списках Мангазейской архивы» содержался также блок документов, позволяющих Миллеру судить о внешнем облике, застройке и планировке этого заполярного русского города. К таким документам следует отнести грамоту 1623 г. о ремонте городских укреплений и строений, «росписной список» Мангазеи 1625 г., грамота о починке города и построении амбаров, воеводского двора и тюрьмы в 1649 г., отписка воеводы Ухтомского о состоянии Мангазеи в 1645 г. и т. д.[27] Определенные сведения историк черпал из таких документов, как наказные «памяти» воеводам, челобитные. Так, из наказа Ф. Булгакову и Н. Ельчанинову он мог узнать о

---

[23] **Миллер Г. Ф.** История Сибири, т. 1, с. 311. прим. 1.
[24] **РИБ,** т. 2, с. 825—826.
[25] **ААН,** ф. 21, оп. 4, д. 16, № 13, л. 129—129 об.; **Миллер Г. Ф.** История Сибири, т. 1, Приложение № 43, с. 394—395; **РИБ,** т. 2, с. 150—159.
[26] См.: **Миллер Г. Ф.** История Сибири, т. 1, с. 309—312.
[27] **ААН,** ф. 21, оп. 4, д. 21, л. 96, 226—227, 236—236 об., 274—276 об.

строительстве церквей в Мангазее[28]. Особенно ценным, конечно, следует признать «росписной список» 1625 г., где дано описание городовых стен и башен, указано на планировку города. Но у Миллера все это вошло в краткое сообщение о том, что «город был окружен четырехугольным острогом, внутри которого находилась соборная Троицкая церковь», а «вне острога среди дворов местных жителей, находились еще две церкви...»[29]. Еще больше сведений было у Миллера в отношении Новой Мангазеи — дата ее постройки, планировка и застройка, городские укрепления. Этими данными широко пользуются современные исследователи[30].

Много материалов в «Списках Мангазейской архивы» посвящено истории функционирования и запрещения Мангазейского морского хода[31]. Эти известия не были новостью для Миллера, ибо еще раньше во время работы в Тобольском архиве он познакомился с тобольскими материалами по данному вопросу, и позднее уже в Березове он также встретился с этими сообщениями. Речь в документах шла о том, что царское правительство, испугавшись различных слухов и известий, исходящих прежде всего из Тобольска, а не из Мангазеи, о плавании якобы иностранных судов к берегам Мангазеи и торговли с «самоядью», категорически запретило морское сообщение по Северному ледовитому пути из Поморья в Мангазею серией грамот и указов 1619—1621 гг. Историк полностью доверился этим документам в рассказе о трудностях «морского хода», и самое главное в то, что после запрещения «морского хода» в 1616—1621 гг. этим путем уже никто не пользовался, хотя в «Списках Березовского архива» имелась грамота, из которой явствовало, что такие походы предпринимались вплоть до 1652 г.[32] Такое доверчивое отношение Миллера к документам XVII в. вызывалось определенной идеализацией административно-общественной практики прошлых веков в сравнении с современными ему административными порядками. Как писал историк, «нет причин сомневаться в выполнении этих распоряжений, так как известно, что в прежние времена никогда не делались приказания, вызывающие сомнения в их выполнимости или сопряженные с большими трудностями, почему и выполнение их было всегда точным и рачительным»[33]. В теоретическом плане это, конечно, можно связать с воззрениями Просвещения, где были моменты идеализации прошлого, но нам представляется, что это был самостоятельный вывод Миллера

---

[28] **ААН**, ф. 21, оп. 4, д. 21, л. 84—89 об., 90—91 об.; **Миллер Г. Ф.** История Сибири, т. 2, Приложение № 31, с. 173—177; **РИБ**, т. 2, с. 838—845.

[29] **Миллер Г. Ф.** История Сибири, т. 1, с. 312.

[30] Например: **Кочедамов В. И.** Город Мангазея.— Известия вузов. Строительство и архитектура, Новосибирск, 1969, № 2, с. 82—88.

[31] **ААН**, ф. 21, оп. 4, д. 21, № 22, л. 87, д. 110—110 об., 208—209 об., 226—226 об. и др. **Миллер Г. Ф.** История Сибири, т. 2, Приложение № 220, с. 314—315; **Голицын В. Н.** Портфели Г. Ф. Миллера, с. 35, № 342.

[32] См.: **ДАИ**, т. 3, Спб., 1848, № 105, с. 375—376.

[33] **Миллер Г. Ф.** История Сибири, т. 1, с. 311.

из административной практики его сибирского путешествия, из борьбы с чиновничьей бюрократией сибирских канцелярий.

В соответствии с доверием к документам по истории мангазейского «морского хода» Миллер так определил причины запустения Старой Мангазеи: неудобное географическое положение города, трудности подвоза продовольствия и других припасов по морскому и сухопутному пути, оскудение пушных промыслов на р. Таз и «все это делало вполне естественным, что Мангазея стала понемногу приходить в упадок, а Туруханск, где встречались служилые люди из всех ясачных зимовий и промышленные люди... и где каждое лето была непрерывная ярмарка, стал все более процветать» [34].

Большое внимание Миллер уделял ясачной политике, которая была хорошо представлена в «Списках Мангазейской архивы». Уже упоминавшийся выше «экстракт» из мангазейских ясачных книг 7115, 7122, 7123, 7133, 7136 и других годов особенно ценен, так как, по данным современных исследователей, в фондах Сибирского приказа мангазейские ясачные книги сохранились только с 1626 г.[35] Помимо этого, были и другие материалы, рассказывающие о сборе ясака, о количестве ясачных людей, о перемещении пушных промыслов на р. Енисей и т. д. В этих делах имелось и самое первое упоминание от 7135 г. об оскудении пушных промыслов около Мангазеи и о перемещении их вверх по Тунгуске-реке [36].

Для суждения о количестве, составе и динамике постоянного русского населения Мангазеи Миллер не располагал никакими точными и определенными документами, ибо таковых в «Списках Мангазейской архивы» вообще нет. Единственно сохранившиеся переписные книги Мангазейского уезда и города относились уже к 1720—1721 гг.[37], а перепись 1671 г., как можно думать, в Мангазее вообще не проводилась, хотя грамота, предписывающая проведение такой переписи, в Мангазейском архиве была [38]. Историк мог почерпнуть лишь косвенные данные из анализа различных грамот, челобитных, «скасок», опросных речей и т. д. Более подробные данные историк мог узнать только после знакомства с архивом Сибирского приказа, откуда для него были сделаны копии некоторых документов.

Исследованиями ряда авторов уже после Миллера и, особенно полевыми работами в настоящее время убедительно показано, что

---

[34] **Миллер Г. Ф.** История Сибири, т. 2, с 85.

[35] **Белов М. И.** История открытия..., с. 107; **Андреев А. И.** Примечания..., с. 554.

[36] **ААН**, ф. 21, оп. 4, д. 21, № 53, 54, 57, 64, л. 148—150, 170—173 и др.; **Миллер Г. Ф.** История Сибири, т. 2, Приложение № 289, 296, 297, 313; **ДАИ**, т. 3, 1848, № 54, с. 184; Спб., 1855, т. 5, № 29, 31, 57, с. 160—163, 320—321; Спб., 1867, т. 7, № 7, с. 51; Спб., 1862, т. 8, № 10, с. 28—29; **ААН**, ф. 21, оп. 4, д. 21, № 17, л. 101 об.— 106 об.; **РИБ**, т. 2, № 188, с. 849.

[37] См.: **Александров В. А.** Русское население Сибири XVII — начало XVIII в. М., 1964, с. 59, 79.

[38] **ДАИ**, т. 5, № 41, с. 206—208; См.: **Бакай Н. Н.** О составлении переписных книг города Мангазеи и Туруханска во второй половине XVII века.— Енис. губ. вед., Красноярск, 1891, № 6, с. 9—10.

Мангазея была не только ясачно-промысловой или торговой факторией, но и крупным ремесленным центром, который развивался в том же направлении, что и другие сибирские города XVII в.[39] Но в «Истории Сибири» Миллера эта сторона жизни Мангазеи совершенно не получила никакого отражения. И это неудивительно, ибо по «Спискам Мангазейской архивы» судить о состоянии ремесел в городе крайне затруднительно. Таможенных книг по истории Мангазеи с 20-х и по 80-е гг. XVII в. сохранилось вообще немного[40], и с некоторыми их них историк познакомился уже лишь по выходу в свет «Описания Сибири...» через копии дел Сибирского приказа. Даже сам термин «посадский человек» в бумагах мангазейского приказного делопроизводства для обозначения мангазейского жителя появляется, как отмечают исследователи, лишь с 70-х гг. XVII в.[41] Среди различных челобитных, «скасок» и других документов мангазейских жителей есть челобитные служилых, торговых и промышленных людей, но нет ни одного документа от такой категории населения, как «посадские». А в силу сложившейся в XVIII в. административной практики, когда ремесло связывалось только с «цеховыми» ремесленниками, историк и не обращал внимания на документы, вышедшие из-под пера служилых и промышленных людей, где как раз он мог найти данные о развитии ремесла в Мангазее. Но можно думать, что такое мнение после сибирского путешествия, знакомства с сибирскими архивами и написания истории Сибири изменилось. Так, в описании своего путешествия по подмосковным городам в 1778 г. он оставил любопытное замечание о том, что «значение слова «посадский», под которым мещане какого-нибудь города отправляющие торговлю разумеются, не есть общее». И далее: «Всегда бывали посадские и не в городе живущие»[42].

Как известно, в «Истории Сибири» Миллер очень редко говорит о социальной борьбе в Сибири XVII в. и тем более ничего не сообщает подобного по истории Мангазеи, хотя такие данные все же в «Списках Мангазейской архивы» имелись. Это прежде всего различные челобитные, из анализа которых историк мог бы почерпнуть немало сведений; затем грамоты, где говорилось о воеводских злоупотреблениях в Мангазее. Из мангазейских документов при желании историк мог бы получить данные о социальной борьбе и в других городах Сибири XVII в. В этом плане особенно интересна

---

[39] См.: **Оглоблин Н. Н.** Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа, ч. 2. М., 1898, с. 66—68, 104; **Бахрушин С. В.** Научные труды, т. 3, ч. 1. М., 1955, с. 314; **Белов М. И.** Раскопки «златокипящей» Мангазеи. Л., 1970; **Овсянников О. В.** Мангазея — русский город в Сибири в XVIII веке. Автореф. канд. дис. Л., 1973; **Цомакион Н. А.** Туруханские говоры и их истории в современном состоянии. Красноярск, 1966, с. 9, 421—440, 447.

[40] **Александров В. А.** Русское население..., с. 62; **Павлов Н. П.** Промысловая колонизация Сибири в XVII веке. Красноярск, 1974, с. 81.

[41] **Александров В. А.** Русское население..., с. 66.

[42] **Путешествие** г. д. с. советника Миллера к Свято-Троицкому Сергиеву монастырю.— Новые ежемесячные сочинения, 1789, ч. XLI, с. 40.

грамота в Мангазею о наказании двух стрельцов, «покусившихся произвести в народе возмущение». В 1688 г. они, «пришед» в приказную избу, говорили, «лаяли» воеводе: «не быть де тебе воеводе у нас здесь, уходим мы тебя и сами; в Томском де воеводы и лутче тебя бывали и ничего не сделали»[43]. Важно отметить, что в распоряжении Миллера были документы, подтвержденные затем копиями отписок мангазейских воевод 1623 г. из архива Сибирского приказа, где говорилось, что «всякие люди» с Руси, «бегаючи... от государевых податей, а иные от воровства и от своей братьи, от великих долгов», приезжают тайно в Мангазею и живут там подолгу[44]. Эти документы для понимания социальной истории Мангазеи очень важны; недаром уже в советское время, опираясь именно на эти материалы, была сформулирована концепция о Мангазее как социальной отдушине народных масс, спасавшихся от феодально-крепостнического гнета на Руси[45].

Таково содержание «Списков Мангазейской архивы» в свете современных научных требований. Характеризуя развитие исторической науки XVIII—XIX вв., нельзя не согласиться с мнением Н. Н. Бакая о том, что эти документы давали «возможность в значительной степени восстановить... картину прошлой жизни Старой Мангазеи»[46].

Другим важным источником для историка послужили анкеты 1734—1742 гг. Часть анкет и ответов на них уже опубликована[47]. Эти «пункты для сочинения ведомости» состояли из 17—25 пунктов по истории и современности сибирских городов. По истории XVII в. было обычно не более 3—5 пунктов, включавших ряд вопросов: когда и кем был основан город, когда построены «крепости» и какого типа; когда город перестраивался или переносился на другое место, были ли пожары и когда; были ли осады неприятеля; откуда и когда пришли первые поселенцы; как объясняется название города; были ли раньше в этих местах русские зимовья и остроги; где проходили торговые дороги с Руси; где и когда были основаны ясачные зимовья и русские слободы; когда начался торг с бухарцами и калмыками; как выглядит городская печать и герб, когда они были даны городу; есть ли в городе старинные карты и летописцы? При составлении ответов от канцелярий требовалось не

---

[43] **ДАИ**, т. 12, Спб., 1872, № 59, с. 347—348.

[44] **ААН**, ф. 21, оп. 4, д. 21, л. 84 об.— 91 об., 110 об. и др.; **Бахрушин С. В.** Примечания..., с. 81; **Миллер Г. Ф.** История Сибири, т. 2, Приложение № 220, с. 314—315.

[45] См.: **Белов М. И.** Мангазея. Л., 1969; **Он же.** Раскопки русского заполярного города.— В кн.: Летопись Севера, т. 6. М., 1972, с. 163.

[46] **Бакай Н. Н.** Академия наук в XVIII веке..., с. 237.

[47] **ААН**, ф. 21, оп. 2, д. 26; оп. 5, д. 68. См.: **Арембовский И. В.** Из истории изучения Восточной Сибири.— Известия Иркутского гос. науч. музея, Иркутск, 1937, т. 2, с. 96—106; **Бакай Н. Н.** Историко-географические материалы, относящиеся до Якутской области во второй четверти XVIII в.— Известия ВСОРГО, Иркутск, 1894, т. 25, № 4—5, с. 82—94; **Рожкова Т. Д.** Новые находки в Госархиве Тюменской области о Великих экспедициях XVIII в. в Сибири.— В кн.: Экономика, управление и культура Сибири в XVI—XIX вв. Новосибирск, 1965, с. 310—320.

только простое сообщение фактов, но и еще объяснение — «почему»? Но все эти вопросы присутствовали не в каждой анкете, ибо, как показывает анализ «собственноручных отпусков» Миллера в сибирские канцелярии[48], историк весьма дифференцированно подходил к составлению формуляра анкет, опираясь уже на какие-то работы по истории и географии Сибири. Таким произведением, возможно, было историко-географическое описание Сибири А. Л. Плещеева, подаренное Миллеру в январе 1734 г.[49]

Возможно, что уже в Петербурге перед отправкой в сибирское путешествие у Миллера и возникали мысли об анкетировании жителей сибирских городов, тем более, что идея анкетирования уже была не новой для русской государственно-политической мысли того времени[50]. Нам удалось обнаружить анкеты Миллера только после его работы в Тобольском и Тарском архивах. Сам Миллер писал, что только во время пребывания в Таре в июне 1734 г. он начал составлять анкеты и отправлять их по сибирским канцеляриям[51]. Таким образом, нисколько не умаляя заслуг В. Н. Татищева, первая анкета которого также появилась в 1734 г.[52], можно признать самостоятельный характер анкет Миллера 1734—1742 гг., толчком к чему послужили первые опыты работы в сибирских архивах. Чаще всего анкеты отсылались в города до приезда туда самого историка; реже уже после его работы в архиве этого города. Подчас после получения первых ответов на его анкету он посылал дополнительные вопросы.

Надо сразу же сказать, что ни по одному городу Сибири Миллер не получил полных и исчерпывающих ответов относительно истории XVII в. Особенно мало было сведений по истории небольших острогов. Не полагаясь полностью на сведения воеводских канцелярий, историк уже во время путешествия старался проверить достоверность полученных сведений записями «из старинных дел», которые были у него под рукой. Примером такой работы может служить анкетирование в Пелыме.

Еще до приезда в Пелым Миллер сумел собрать ряд сведений по истории этого города. В первой анкете — «Пунктах для сочинения ведомости о Пелыме» (1740 г.) — запрашивалось, когда и почему построен Пелым, какой город и где был до этого? Далее историк со ссылкой на Тобольский архив, в бумагах которого не раз упоминалась «тайная» дорога через Пелым, которой «хаживали торговые люди», просил узнать, где проходила эта дорога, откуда шла, какое было по ней движение, когда и почему она была запрещена[53]. Всего запрашивалось 18 пунктов как по истории, так и по

---

[48] См.: **ААН**, ф. 21, оп. 5, д. 68.

[49] **Андреев А. И.** Очерки по источниковедению..., с. 76.

[50] См.: **Шапот Е. Г.** Анкеты В. Н. Татищева как источник по истории Сибири первой половины XVIII века.— В кн.: Проблемы источниковедения. М., 1962, т. 10, с. 134—153.

[51] **Миллер Г. Ф.** История Академии наук..., с. 351.

[52] **Шапот Е. Г.** Анкеты..., с. 135, 137,

[53] **ААН**, ф. 21, оп. 2, д. 26, л. 100 об.— 105 об.

современности Пелыма. Пелымская канцелярия прислала ответ, который не удовлетворил Миллера, и в 1742 г. он отправил туда новую анкету[54] еще до своей поездки из Туринска в Пелым. В прежней ведомости было сказано, что Пелым построен в 7101 г., но историк не нашел этому подтверждения в «старинных делах» и просил канцелярию выписать, откуда она взяла эти сведения. Кроме того, историк просил дать более точные сведения о числе сгоревших домов и построек Пелыма в пожарах 1631—1705 гг. Всего требовалось уточнить данные по 13 пунктам. Пелымская канцелярия не торопилась с ответом, и все эти данные пришлось уточнять самому историку, когда он приехал для работы в Пелымский архив летом 1742 г.

Другим комплексным источником по истории городов Сибири для Миллера послужили сибирские летописи[55], из которых он был знаком с Ремезовской и Есиповской в разных редакциях. Помимо «Книги Записной» и «Записок к сибирской истории служащих...»[56] Миллер знал о существовании в той или иной форме городовых летописей Сибири в таких городах, как Томск, Енисейск, Березов, Мангазея, Верхотурье, уже не говоря о тобольских летописцах[57].

Городовые летописцы не были, конечно, совершенно новой формой исторического повествования о городах Сибири; подобные летописи, где в центре внимания была история какого-то одного города или области, были широко распространены в России, особенно в Поморье[58]. Ими пользовались В. Н. Татищев, В. В. Крестинин и другие историки XVIII в.

Значимость этих источников для Миллера при освещении истории сибирских городов и острогов конца XVI — начала XVII в. была различна. Если Ремезовская и Есиповская летописи могли дать многое при освещении обстоятельств похода Ермака, то в отношении истории поставления первых русских городов Сибири после Тюмени и Тобольска они были менее содержательны. Гораздо больше в этом отношении Миллеру могли дать известные ему городовые летописцы, из которых историк прежде всего мог взять самое необходимое — схему хронологической последовательности поставления городов и острогов. Помимо этого, в городовых летописях приводится немало сведений по истории застройки и пожа-

---

[54] **ААН**, ф. 21, оп. 2, д. 26, л. 252—253 об.

[55] О работе Миллера с русскими летописями см.: **Моисеева Г. Н.** Из истории изучения русских летописей в XVIII в. (Герард Фридрих Миллер).— Русская литература, 1967, № 1, с. 130—137.

[56] **Андреев А. И.** Очерки по источниковедению..., с. 81; **Бакланова Н. А., Андреев А. И.** Обзор рукописей..., с. 562—563; **Бахрушин С. В.** Примечания..., с. 505—506.

[57] См.: **Резун Д. Я.** Анкеты 1760-х годов как источники по истории городового летописания Сибири конца XVII — начала XVIII в.— В кн.: Сибирская археография и источниковедение. Новосибирск, 1979, с. 57—67.

[58] См.: **Дмитриева Р. П.** Библиография русского летописания. М.— Л., 1962, с. 14, 22, 23; 26 и др.

ров в сибирских городах, по социально-экономической и культурной истории Сибири.

Можно выделить три подхода Миллера к летописным сообщениям о поставлении первых русских городов, но в качестве исключения отметим сразу же тот случай, когда историк категорически отрицал достоверность летописного сообщения, ибо вообще сомневался в источнике информации. Так, в «Летописи о многих мятежах» сказано, что князь Василий Масальский был строителем Мангазеи... «Однако составитель этой летописи,— замечает Миллер,— поскольку он касается истории Сибири, является человеком малосведущим...»

Итак, в первом случае, доверяя в целом летописному источнику, Миллер подвергает анализу сам летописный текст с целью выяснения дополнительных подробностей и проверяет, не противоречат ли между собой отдельные части текста. В этом плане интересны его рассуждения о дате построения Пелыма, Березова и Сургута. «Летописцы относят начало этих городов к 7099 г., но так как при постройке первого из этих городов упоминается тобольский воевода князь Ф. М. Лобанов-Ростовский, о котором в тех же летописях сказано, что он занял место прежнего воеводы кн. В. Кольцова-Масальского в 7100 г. и был Тобольским воеводой до 7103 г., то это является доказательством, что построение упомянутых городов не могло начаться ранее 7100 г.» [59]. Интересно, что в работе Миллера встречается мало случаев, когда бы он сравнивал между собой одни только данные различных летописей в плане их достоверности по истории поставления городов.

С другой стороны, историк категорически отрицал достоверность летописного текста, если он противоречит документальному факту, почерпнутому из сибирских архивов. В этом плане показательна его датировка основания Тары [60]. Но в некоторых случаях летописные записи служили основанием для размышления над фактом, взятым из бумаг приказного делопроизводства. Сибирские летописи сообщают, что Кузнецк был построен в 7125 (1617 г.). Миллер рассуждает так: «Но это известие надо принимать с некоторой оговоркой. Указ из Москвы мог быть получен в 7125 г., а также и отправка из Тобольска и других сибирских городов служилых людей..., могла быть в том же году. Строение же в Кузнецке первого острога произошло не ранее 7126 (1618 г.) при следующих обстоятельствах, о которых говорится в архивных материалах» [61].

И наконец последний случай, когда наблюдается полное совпадение данных летописей и документов, но и здесь достоверность летописной записи проверяется архивом, а не наоборот, что видно из рассуждений историка о начале построения Мангазеи [62]. Таков

---

[59] **Миллер Г. Ф.** История Сибири, т. 1, с. 311, 279, 286.
[60] Там же, с. 278—279.
[61] Там же, с. 321.
[62] Там же, с. 311.

«наиболее излюбленный критический метод Миллера — сопоставление данных различных источников, оценка их и решение о предпочтении, которое следует воздать тому или иному свидетельству»[63].

Но в городовых летописях содержится немало и других известий, повествующих о городских пожарах и строительстве, различных конфликтах между воеводами и служилыми, о повседневных фактах городского быта сибиряков XVII в. Вошло ли это в произведение Миллера? Чрезвычайно мало! По всей видимости, как и в случае с подобными документами из сибирских архивов, Миллер в своем описании не успел дойти до этого. Можно заметить, что собственно сама социально-экономическая история сибирских городов первой половины XVII в. — состав населения, его динамика, развитие торговли, промыслов и ремесла,— за редким исключением, осталась за бортом прижизненных изданий «Истории Сибири». Частично этот материал был использован историком в других изданиях, как «Известия о торгах сибирских...» и в статьях «Географического лексикона Российского государства...»[64].

Своеобразное место в источниковедческом инструментарии Миллера занимают устные предания и рассказы старожилов, личные наблюдения автора о старых городищах и современной ему жизни сибирских городов. Применение «устных преданий и повестей», которым «верить должно», носит широкий характер: «...выражения: «я спрашивал людей», «я получил следующие известия» и т. п.— можно встретить во многих местах «Описания Сибирского царства»[65], требование записывать предания старожилов. С особой тщательностью, как отмечал С. В. Бахрушин, Миллер собирал предания о поставлении первых городов и острогов Сибири, старался проверить их осмотром указанных мест[66]. Но применение «изустных преданий и повестей» также ограничивалось у Миллера сверкой с данными архивов и сообразовывалось с так называемым «здравым смыслом». Наиболее ярко этот метод «здравого смысла» проявился у Миллера в критике устного предания жителей Маркова городища о местоположении первого Енисейского острога.

Научная обработка устного предания включала в себя следующие принципиальные моменты метода Миллера: внимательное отношение к устной информации, лингвистический и терминологиче-

---

[63] **Мирзоев В. Г.** Историография Сибири. (Домарксистский период). М., 1970, с. 85.

[64] **Миллер Г. Ф.** Известия о торгах сибирских.— Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие, Спб., 1756, сентябрь, с. 195—250; декабрь, с. 525—537: Географический лексион Российского государства, М., 1773.

[65] **Миллер Г. Ф.** История Сибири, т. 1, с. 175, 195, 209, 240, 269 286 и др. **Бакай Н. Н.** Заметка о Г. Ф. Миллере как историке Сибири.— Сибирский вестник, 1890, № 29, с. 2.

[66] **Бахрушин С. В.** Г. Ф. Миллер как историк Сибири.— В кн.: Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1, с. 26, **Черепнин Л. В.** Русская историография до XIX века. М., 1967, с. 216.

ский анализ ее формы и содержания, сопоставление с фактами из исторической практики градостроительства XVII в. и документальными данными и в заключение создание своей гипотезы, например, о том, что рассказ местных жителей о способах выбора места для постройки Енисейского острога «может быть... является правдой, в особенности, если предположить, что еще до постройки Енисейска в Марковом Городище находился небольшой острог, поставленный на время для защиты первыми служилыми людьми»[67].

Широкое применение Миллером «изустных преданий и повестей», на наш взгляд, обусловливалось еще и тем, что историк подчас эти рассказы слышал от первого-второго поколения сибирских землепроходцев, с ружьем и сохой прошедших от Урала до Тихого океана. Для многих сибиряков рассказ о временах 50—100-летней давности был разговором о них самих, об их отцах и дедах. И Миллер это понимал, заявляя: «Если эту историю будут упрекать за то, что она слишком подробна и часто касается мелочей, от которых нет никакой пользы, то ведь в этом отношении она вполне сходна с подбными же историями отдельных областей и городов. Для русского и особенно сибиряка не легко установить, что же здесь является излишним, а для них-то и предназначена работа»[68].

Подводя итоги, отметим, прежде всего, богатство и разнообразие собранного Миллером материала по истории городов Сибири XVII в., чем не располагал ни один ученый вплоть до конца XIX — начала XX в. Но это богатство носило относительный характер и не могло в духе Фишера обеспечить автоматического воссоздания истории городов Сибири.

Очевидно, также, что первое знакомство с сибирскими материалами у Миллера произошло в самом начале его путешествия по Сибири — в Тобольске. Время, проведенное тогда в Тобольском архиве, а также подаренные ему рукописи позволили историку уже на первых порах составить в общих чертах ясное представление о важнейших событиях в истории Сибири XVII. в. Мы полагаем также, что во время своего последующего путешествия историк не только собирал материал, но и обрабатывал его в пути. Причем степень этой обработки была различна: можно думать, что к некоторым данным и текстам Миллер уже больше не возвращался после приезда из Сибири и в таком виде они и вошли в первоначальное издание «Истории Сибири», как это случилось, в частности, с материалами и текстами, относящимися к истории Мангазеи.

Собранные Миллером материалы из архивов сибирских городов легли в основу «Описания Сибирского царства...» и, более того, в определенной мере обусловили его некоторые теоретические воззрения. Из своего сибирского путешествия и знакомства с точными,

---

[67] **Миллер Г. Ф.** История Сибири, т. 2, с. 43—44.
[68] **Sammlung** Russischer Geschite. Spb., 1761, B. VI, S. 565—566.

ясными и рационалистическими по характеру документами сибирского приказного делопроизводства, которым он отдавал безусловное предпочтение перед другими источниками, Миллер вынес весьма критическое отношение к различным летописным известиям. Впоследствии это отразилось в его диссертации о происхождении русского народа.

Отдавая должное Миллеру как неустанному собирателю сибирских документальных материалов и как ученому, создавшему первую научную концепцию истории Сибири, следует все же поставить вопрос, знал ли Миллер содержание всех своих документальных материалов и в какой мере? И если концепция Миллера сейчас хорошо известна, то ее источниковедческое обоснование во многом еще представляется неясным и требует дальнейших розысканий и исследований.

З. Я. БОЯРШИНОВА

ОКЛАДНЫЕ КНИГИ КАК МАССОВЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПРИПИСНОГО КРЕСТЬЯНСТВА АЛТАЙСКОГО ГОРНОГО ОКРУГА

В 60-е гг. советские историки, занимавшиеся изучением истории Алтая первой половины XIX в., обратили внимание на Окладные книги, хранящиеся в архивных фондах сибирских городов, и частично использовали их в своих исследованиях[1].

В настоящее время выявлено около 300 (299) Окладных книг, из них 284 книги хранятся в Государственном архиве Алтайского края в 14 фондах земских управителей (ф. 12, 16, 18, 19, 14, 20, 17, 9.22, 11, 13, 15, 10, 21), 13 книг — в 7 фондах волостных правлений Государственного архива Томской области (ф. 68, 60, 65, 61, 63, 66, 62) и 2 книги — в фонде Кайлинского волостного управления Государственного архива Новосибирской области (ф. Д-101). Несомненно, что дальнейшая работа по выявлению Окладных книг значительно пополнит уже известную коллекцию.

Окладные книги, охватывающие промежуток времени с 1821 по 1862 г., сохранились почти по всем крестьянским волостям Алтайского горнопромышленного комплекса. Они составлялись ежегодно в волостных правлениях на основании данных, представленных от каждого селения сельскими старостами, десятскими, выборными раскладчиками по каждой крестьянской семье, подлежащей обложению заводскими работами и государственными повинностями. Оформленные в волостном правлениии Окладные книги поступали к земскому управителю, в ведении которого находилась данная

---

[1] **Лукичев С. С.** Состояние основных отраслей сельского хозяйства в Алтайском горном округе в первой половине XIX в. Рига, 1963; **Он же.** Феодальные повинности и основные отрасли хозяйства приписных крестьян Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа в первой половине XIX в. Автореф. канд. дис. Томск, 1970, с. 6; **Жидков Г. П.** Социально-экономическое развитие приписной деревни Западной Сибири (1780—1861). Автореф. канд. дис. Новосибирск, 1964, с. 8; **Он же.** Алтайские крестьяне и реформа 1861 г. (историографические заметки).— В кн.: Из истории аграрных отношений. Калининград, 1976, с. 13; **Бояршинова З. Я.** К вопросу о хозяйстве приписных крестьян первой четверти XIX в. (по материалам дер. Солоновки Бийской волости Томской губернии).— Известия СО АН СССР. Серия обществ. наук, Новосибирск, 1964, вып. 1, с. 92—99.

волость. Последний проверял правильность раскладки феодальных повинностей по каждому селению, следил за тем, насколько объем заводских работ, выполняемых каждой крестьянской семьей, соответствует ее экономическим возможностям. Земский управитель составлял сводные данные из Окладных книг подведомственных ему волостей и направлял их в канцелярию Колывано-Воскресенского горного начальства.

Введение Окладных книг в алтайской приписной деревне было дальнейшим шагом царского Кабинета и горного начальства по усилению контроля и постоянной опеки над хозяйственной деятельностью приписного крестьянства.

Появление Окладных книг было подготовлено в предшествующий период (примерно с 80-х гг. XVIII в.) практикой периодически составляемых хозяйственных описаний крестьянских дворов по отдельным селениям Колывано-Воскресенского горного округа.

Составляющиеся ежегодно, начиная с 1821 г. на протяжении последующих 40 лет, Окладные книги имели примерно одинаковое название: «Окладная книга по сбору подушных податей и заводских работ по состоянию крестьян (указывалось название волости и год составления)» и содержали одни и те же графы. После названия селения в волостной книге указаны имя, отчество, фамилия (или прозвище) главы семьи, перечислены по именам все члены семьи мужского пола с указанием возраста (по ревизии) и родственного отношения к дворохозяину. В последующих графах охарактеризованы основные показатели крестьянского хозяйства каждого двора: количество десятин посеянного хлеба (озимого и ярового), голов лошадей, крупного рогатого скота, овец, ульев (данные о пчеловодстве приводятся преимущественно по юго-западным волостям Алтая). Далее в Окладной книге идут графы, определяющие объем выполняемых в данном году каждой крестьянской семьей повинностей (заводских работ, подушной подати, земских и волостных денежных сборов).

Как было уже упомянуто выше, выявленная коллекция Окладных книг охватывает почти все волости Алтайского горного округа, но далеко не все из них представлены достаточно полно для всего хронологического отрезка 1821—1862 гг.

Чтобы иметь возможность выявить сопоставимость показаний Окладных книг по волостям, весь период, в течение которого составлялись эти документы, пришлось расчленить на четыре этапа: первый — 1821—1829 гг. (имеются книги по 20 волостям, всего выявлено книг 38); второй — 1830—1839 гг. (имеются книги по 33 волостям, всего 84 книги); третий — 1840—1845 гг. (за вторую половину 40-х гг. книги пока не обнаружены, имеются книги по 38 волостям, их общее число 141); четвертый — 1857—1862 гг. (имеются книги по 17 волостям, общее число 34). В подсчет не включены две книги начала 50-х гг. (1852 г.— по Касмалинской волости и 1850 г.— без указания волости).

Сопоставимые данные по всем четырем этапам имеют девять волостей (табл. 1).

Таблица 1

Волость	Количество Окладных книг			
	1-й этап (1821—1829)	2-й этап (1830—1839)	3-й этап (1840—1845)	4-й этап (1857—1862)
Бачатская	1	3	4	3
Белоярская	1	1	3	2
Бийская	1	5	4	1
Бурлинская	1	4	4	1
Кайлинская	1	1	6	2
Карасукская	1	2	5	1
Касмалинская	2	2	4	1
Крутоберезовская	1	3	4	2
Ояшинская	1	1	6	1

Таблица 2

Волость	Количество Окладных книг		
	1-й этап (1821—1829)	2-й этап (1830—1839)	3-й этап (1840—1845)
Барнаульская	1	3	3
Бердская	2	2	4
Боровлянская	2	2	5
Верх-Чумышская	1	3	3
Верх-Томская	1	2	6
Колыванская	3	2	4
Кривощековская	1	2	3
Тальменская	2	2	2
Тутальская	1	1	3
Чаусская	1	1	4

Таблица 3

Волость	Количество Окладных книг		
	2-й этап (1830—1839)	3-й этап (1840—1845)	4-й этап (1857—1862)
Кулундинская	3	3	1
Мунгатская	3	1	1
Уксунайская	6	2	1
Усть-Каменогорская	2	3	2
Чингисская	3	4	2

Сопоставимые данные по трем первым этапам (без конца 50 — начала 60-х гг. XIX в.) имеют 10 волостей (табл. 2).

Сопоставимые данные по трем последним этапам (без 20-х гг. XIX в.) имеют пять волостей (табл. 3).

Таким образом, по 24 вышеперечисленным волостям алтайской приписной деревни имеются вполне репрезентативные и сопоставимые материалы для суждения о хозяйстве приписного крестьянства, направлении его развития, имущественном и социальном

11 Заказ 3146

расслоении, изменениях в объеме феодальных повинностей на протяжении 20 — начала 60-х гг. XIX в.

Каждого исследователя интересует полнота и точность сведений, содержащихся в используемом источнике.

Окладные книги — первичный массовый источник. Сведения, зарегистрированные в них волостными писарями, поступали из селений волости от сельских старост или иных раскладчиков повинностей и находились под известным контролем сельского схода. Конечно, раскладчики (каждый по своему селению) пытались полнее учесть число наличных ревизских душ в каждой семье и хозяйственное состояние крестьянского двора. В Окладных книгах отмечались по каждой семье умершие, инвалиды, рекруты, повинности которых распределялись между другими членами сельского общества.

Поскольку Окладные книги были первичными документами, в которых фиксировалась раскладка заводских, обременительных для крестьян работ и различных денежных сборов, в этих книгах вполне возможны пропуски семей местного «начальства», сельских раскладчиков, которые стремились освободить себя и своих близких от обложения, переложить объемы своих повинностей на односельчан. Могли быть случаи и некоторого занижения показателей реального хозяйственного состояния отдельных крестьянских дворов. Поэтому советским исследователям необходимо проводить проверку полноты и точности сведений Окладных книг по другим сохранившимся документам: ревизским сказкам, ведомостям движения населения, ежегодно составляемым земскими управителями, ведомостям о состоянии посевов, урожае, падеже скота, исполнении крестьянами повинностей и т д. Первостепенное значение для проверки степени точности информации Окладных книг имеют жалобы крестьян на несправедливую раскладку заводских работ и других повинностей, а также результаты проверок Окладных книг, ежегодно приводимых земскими управителями и другими представителями горнозаводского начальства.

Для сопоставления полноты и точности показаний анализируемого источника могут быть использованы и сами Окладные книги. В выявленной коллекции по некоторым волостям Окладные книги сохранились за несколько лет подряд. Так, например, по Пачинской волости имеются Окладные книги за 1821, 1822, 1823, 1824, 1825, 1826 гг.; по Бийской волости за 1832, 1833, 1835, 1836, 1838, 1841, 1842, 1843, 1845 гг.; по Бурлинской волости за 1832, 1833, 1835, 1838, 1841, 1842, 1843, 1845 гг.; по Чингисской волости за 1833, 1835, 1836, 1840, 1841, 1842, 1845 гг.; по Колыванской волости за 1822, 1823, 1824, 1840, 1841, 1843, 1844 гг.; по Крутоберёзовской волости за 1834, 1835, 1836, 1841, 1842, 1843, 1844 гг.; по Ояшинской волости за 1840, 1841, 1842, 1843, 1844 и 1845 гг.; по Шадринской волости за 1839, 1841, 1842, 1843 и 1844 гг.

Тщательное кропотливое сопоставление состава крестьянских семей по селениям, в которых они проживали, сопоставление показателей их хозяйственного «домообзаводства» за ряд последующих

лет дали бы возможность исследователю выяснить, насколько добросовестно относились представители сельского мира, ведавшие раскладкой повинностей, к составлению материалов для Окладной книги, представляемой волостному начальству. Такая предварительная работа позволит правильно оценить полноту и точность Окладных книг как исторического источника по истории приписного крестьянства первой половины XIX в.

Материалы Окладных книг могут оказать исследователю неоценимую помощь при изучении социально-экономических процессов, происходивших в дореформенной русской деревне Западной Сибири. Они позволят рассмотреть многие явления в динамике, решить ряд проблем, встающих перед историками при изучении генезиса капитализма.

Неоценимым источником Окладные книги являются при изучении имущественного положения крестьянства. На основании их данных можно ответить не только на вопрос о том, нищала или, наоборот, богатела алтайская деревня в последние десятилетия перед отменой крепостного права, но и проследить судьбы многих крестьянских семей на протяжении 40 лет, а с привлечением материалов других источников и за более длительный период. В то же время Окладные книги в значительной мере облегчат решение задачи о том, на каком уровне находилось имущественное и социальное расслоение крестьянства, приняло ли оно накануне реформы необратимый характер.

Окладные книги являются наиболее репрезентативным источником при определении уровня хозяйственной специализации как в пределах отдельного селения и волости, так и группы волостей. Они позволят установить средний состав крестьянской семьи, охарактеризовать крестьянский двор как первичную производственную ячейку феодального общества, выяснить, в каком соотношении находились численный состав семьи и ее имущественное положение, в какой степени от последнего зависел объем выполняемых семьей повиностей.

Таким образом, Окладные книги представляют собой массовый и в то же время уникальный источник, используя который можно оценить общее состояние и развитие крестьянского хозяйства огромного региона Западной Сибири, выявить размеры, типы крестьянских хозяйств, специализацию их по территориальному признаку, представить картину процесса социального расслоения крестьянства накануне реформы.

Изучение и обработка Окладных книг — дело трудоемкое. Оно потребует усилий коллектива исследователей. Правильно составленная программа обработки этого массового источника с применением количественных математических методов и вычислительной техники (ЭВМ) и ее выполнение, несомненно, дали бы возможность получить убедительный ответ на целый ряд важных и спорных вопросов истории приписного крестьянства накануне реформы 1861 года.

Н. П. МАТХАНОВА

АВТОРСКИЙ ТЕКСТ ВОСПОМИНАНИЙ Н. А. БЕЛОГОЛОВОГО О ДЕКАБРИСТАХ И ГЕРЦЕНЕ

Специалистам по истории литературы и общественного движения прошлого века хорошо известны воспоминания Н. А. Белоголового. Ученик декабристов, близкий друг С. П. Боткина, лечащий врач и друг Н. А. Некрасова, Г. З. Елисеева, М. Е. Салтыкова-Щедрина, знакомый А. И. Герцена и М. Т. Лорис-Меликова, он сохранил множество сведений о жизни этих людей, их политических взглядах и привычках, об их поведении в быту и впечатлении, которое они производили на окружающих.

Воспоминания были написаны Н. А. Белоголовым в конце 80 — начале 90-х годов XIX в., при жизни автора вышла в свет брошюра о С. П. Боткине, изданная в павленковской биографической серии [1], и очерк «Граф Михаил Тариелович Лорис-Меликов. Воспоминания доктора Н. А. Белоголового. 1878—1888», напечатанный в «Русской старине» [2]. Кроме того, систематически в течение многих лет в медицинских и других периодических изданиях появлялись статьи Н. А. Белоголового, в той или иной мере отражавшие его профессиональные интересы [3]. «Из воспоминаний сибиряка Н. А. Белоголового» и «А. В. Поджио, 1859—1873 гг. Из записок Н. А. Белоголового», подготовленные к печати самим автором, были опубликованы уже после его смерти в газете «Русские ведомости» и журнале «Вестник Европы» [4], в тех же «Русских ведомостях» были напечатаны отрывки из воспоминаний «На острове Рюгене» [5] и «Из воспоминаний о М. Е. Салтыкове Н. А. Белоголового» [6]. Большая

---

[1] **Белоголовый Н. А.** С. П. Боткин. Его жизнь и врачебная деятельность. Биографический очерк доктора Н. А. Белоголового. Спб., 1892.

[2] **Русская** старина, 1889, № 9, с. 579—616.

[3] **Белоголовый Н. А.** О медицинских губернских обществах.— Медицинский вестник, 1867, № 2, 3; **Он же.** Гигиена и демография на международном конгрессе в Женеве.— Вестник Европы, 1882, № 10, 11; **Он же.** Болезнь Н. А. Некрасова.— Отечественные записки, 1878, № 10.

[4] Русские ведомости, 1896, № 238, 242, 246, 254, 260, 272, 279, 287; Вестник Европы, 1896, № 11, 12.

[5] Русские ведомости, 1895, № 319.

[6] Там же, 1896, № 337, 343, 353.

часть мемуарного наследия Н. А. Белоголового впервые увидела свет в сборнике «Воспоминания и другие статьи», который был издан известным либеральным публицистом Г. А. Джаншиевым и выдержал четыре переиздания [7] общим тиражом более 10 тыс. экземпляров [8].

В отделе рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, в личном фонде Н. А. Белоголового, хранятся автографы 15 рукописей Н. А. Белоголового мемуарного и автобиографического характера [9], 10 из них опубликованы в упомянутом сборнике. Четыре очерка («Поездка на Урал в 1866 г.»[10], «На о. Рюгене»[11], «Из сибирских воспоминаний»[12], «Свидание с гр. Л. Н. Толстым»[13]), опубликованные в сборнике, не имеют существенных разночтений с автографами. То же самое можно сказать о сохранившейся части рукописи «Из моих воспоминаний о Сергее Петровиче Боткине» [14] (с конца IV главы публикация была осуществлена по печатному тексту брошюры Н. А. Белоголового «С. П. Боткин. Его жизнь и врачебная деятельность»). Структура и содержание сохранившейся в фонде рукописи «Выписки из дневника о Лорис-Меликове и из воспоминаний о нем» [15] значительно отличаются от опубликованного очерка «Граф М. Т. Лорис-Меликов», сопоставление их затруднительно. Научная публикация рукописи «О Салтыкове-Щедрине. Воспоминания» [16] была осуществлена С. А. Макашиным [17], при этом были устранены наиболее существенные разночтения и пропуски, имевшиеся в сборнике «Воспоминания и другие статьи». В сборник не вошло еще пять незаконченных автобиографических и мемуарных заметок: «Заметки и записи о министре Толстом...» [18], «Министр в изгнании» [19], «Автобиографические записи об участии в нелегальной заграничной газете «Общее дело» [20], «Автобиографические заметки по поводу закрытия Петровской сельскохозяйственной академии» [21], «Автобиографические заметки от 10 июля

---

[7] **Белоголовый Н. А.** Воспоминания и другие статьи. М., 1897 (дважды); М., 1898; Спб., 1901.

[8] **[Джаншиев Г. А.]** Вместо предисловия.— В кн.: Белоголовый Н. А. Воспоминания и другие статьи. Спб., 1901, с. IX; Русская мысль, 1897, № 12, с. 539; Литературный вестник, 1901, т. II, кн. VI, с. 163.

[9] **ГБЛ**, ф. 22, Белоголовый Н. А., оп. 1, п. 1, д. 17, 18, 20—23, п. 2, д. 1—4, 6—10.

[10] Там же, п. 1, д. 22.

[11] Там же, д. 21.

[12] Там же, д. 20.

[13] Там же, п. 2, д. 3; Русские ведомости, 1897 № 219.

[14] **ГБЛ**, ф. 22, оп. 1, п. 2, д. 1.

[15] Там же, д. 6.

[16] Там же, д. 4.

[17] **Белоголовый Н. А.** Из воспоминаний о Салтыкове. Публикация С. А. Макашина по автографу.— В кн.: М. Е. Салтыков-Щедрин и воспоминания современников. М., 1957.

[18] **ГБЛ**, ф. 22, оп. 1, п. 2, д. 7. Подлинник без названия.

[19] Там же, д. 8.

[20] Там же, д. 9. Подлинник без названия.

[21] Там же, п. 1, д. 17. Подлинник без названия.

1891 г.»[22] Одна из них — об участии в издании «Общего дела» — была опубликована С. А. Макашиным в 1977 г.[23]

Мы сосредоточили внимание на трех очерках Н. А. Белоголового, имеющих непосредственное отношение к сибирскому периоду его жизни и представляющих наибольший интерес с точки зрения истории освободительного движения: «Воспоминания сибиряка. Из детских лет»[24], «А. В. Поджио»[25], «Три встречи с Герценом»[26]. Все три очерка имеют разночтения с автографом, опубликованный в сборнике текст первых двух практически идентичен предшествовавшей публикации в периодике. Последний очерк уже сопоставлялся с рукописью: в одном из герценовских томов «Литературного наследства» был опубликован самый крупный фрагмент, не входивший в предыдущие издания и представляющий существенный интерес для характеристики отношений А. И. Герцена с так называемой «молодой эмиграцией»[27]. Какие-либо публикации-сопоставления других очерков нам неизвестны. Наборные рукописи-автографы очерков, хранящиеся в ОР ГБЛ, представляют собой соответственно номера 87, 41 и 10 листов «в четверку», исписанных Н. А. Белоголовым таким почерком, какой он у него стал ближе к старости, чернилами, с некоторыми исправлениями, внесенными как рукой автора, так и другой рукой (синим карандашом), очевидно, редактора. Подробнее о правке будет сказано ниже.

Хорошо известно, какое значение при использовании мемуаров имеет правильная оценка личности их создателя, его отношения к героям своего повествования, его политических убеждений, наконец, свойственной ему манеры работы — пишет ли автор, полагаясь лишь на собственную память, или же он стремится сопоставить свои воспоминания с рассказами друзей и знакомых, проверить и подкрепить их документами. Не менее важен и другой вопрос: насколько соответствует печатный текст, которым, как правило, пользуются исследователи, подлинной рукописи автора.

В подлинных воспоминаниях Белоголового многое освещено полнее и откровеннее, цензурные купюры, иногда мелкие, исказили облик самого автора и его отношение к описываемым событиям и историческим деятелям прошлого. Восстановление истинного текста прочно вошедших в научный оборот воспоминаний замечательного сибиряка — врача, литератора и общественного деятеля — меняет наше представление о его политических взглядах и наст-

---

[22] **ГБЛ,** п. 2, д. 10. Подлинник без названия.

[23] **«Общее дело»** и его закулисный редактор. Предисловие и публикация С. А. Макашина. (Незаконченная глава из воспоминаний Н. А. Белоголового).— Литературное наследство, т. 87. М., 1977, с. 429—442.

[24] **ГБЛ,** ф. 22, оп. 1, п. 1, д. 18.

[25] Там же, д. 23.

[26] Там же, п. 2, д. 2.

[27] **Неизвестные** страницы из воспоминаний Н. А. Белоголового о Герцене. Публикация С. А. Макашина. Предисловие и комментарии Б. П. Козьмина.— Литературное наследство, т. 63. М., 1956, с. 560—564.

роениях, заставляет по-иному отнестись и к самим мемуарам, помогает дополнить наши знания об описываемых Н. А. Белоголовым лицах и событиях.

* *
*

Наборная рукопись-автограф очерка «Из воспоминаний сибиряка о декабристах» в подлиннике озаглавлена «Воспоминания сибиряка. Из детских лет»[28]. В ней сделан ряд поправок как самим автором, так и редактором. Авторская правка представляет собой главным образом результат хронологических и иных уточнений. Так, исправлена дата открытия Института благородных девиц Восточной Сибири: «в половине 1845 г.» вместо «в конце 1846 г.»[29], время смерти С. Г. Волконского — «в половине 60-х годов» вместо «в конце»[30] и А. П. Юшневского — «в январе 1844 г.» вместо «в апреле»[31]. Последнюю дату по просьбе Н. А. Белоголового сообщил его старший брат, вместе с ним учившийся у декабристов Андрей Андреевич Белоголовый[32]. Дата отправления его письма — 26 января (7 февраля) 1889 г. — наряду с замечанием самого Н. А. Белоголового («писал я эти воспоминания, будучи сам 60-летним... стариком»[33]) позволяет определить время работы над рукописью — 1889—1894 гг.

О бережном отношении к сообщенным фактам, о стремлении к достоверности говорит и то, что Н. А. Белоголовый (вероятно, после сбора дополнительных сведений) вычеркнул неверные утверждения о жизни братьев Бестужевых под Иркутском, в Большой Разводной[34].

В этом очерке не заметны следы авторской самоцензуры, смягчения политически острых слов и выражений. В ряде случаев такие исправления сделаны синим карандашом редактора, им же произведено и деление на разделы. Так, в печатном тексте читаем: «революционная деятельность декабристов-мужей, по условиям времени, не допускает нас относиться к ним с совершенным объективизмом и историческим беспристрастием», после слова «нас» в подлиннике следовало зачеркнутое редактором, *«ставить их на подобающую высоту»*[35]. Говоря о благоговении перед женщинами, которые покинули «весь окружавший их блеск и богатство» (с. 29), автор после слова «покинули» писал: *«смело бравируя гневом су-*

---

[28] В «Русских ведомостях: «Воспоминания о декабристах».
[29] **ГБЛ,** ф. 22, оп. 1, п. 1, д. 1, л. 33.
[30] Там же, д. 18, л. 37.
[31] Там же, л. 17.
[32] Там же, п. 3, д. 161, л. 2 об.
[33] **Белоголовый Н. А.** Воспоминания и другие статьи. Спб., 1901, с. 80.
[34] **ГБЛ,** ф. 22, оп. 1, п. 1, д. 18, л. 15.
[35] Сравнение производилось по печатному тексту: **Белоголовый Н. А.** Воспоминания и другие статьи. Спб., 1901, с. 28 и автографу, хранящемуся **в ГБЛ,** ф. 22, оп. 1, п. 1, д. 18, л. 28. В дальнейшем указания на страницы и листы даются в скобках в тексте; курсивом выделены тексты, отсутствующие в опубликованном издании.

рового имп. Николая» (л. 29). Декабристы были «живыми и *превосходными*[а] образцами культуры»,— писал Н. А. Белоголовый (л. 46, с. 43).

Даже после всех исправлений текст наборной рукописи не вполне соответствует напечатанному: ряд мест опущен, очевидно, по требованию цензуры. В подлиннике говорилось, что Бороздин (тесть И. В. Поджио) «старался *оклеветать* и очернить зятя в глазах дочери» и добился *«царского* приказа» о его заключении в крепость (л. 24, с. 25); опущен эпитет *возмутительный* о диалоге Трубецкой и Цейдлера, там же вместо *«заключительные* слова» напечатано «замечательные слова» губернатора (л. 31, с. 30); в подлиннике говорится, что декабристы «были обречены искупать свою *патриотическую* вину» (л. 55, с. 50); слово *патриотическую,* меняющее смысл выражения, опущено; не могло быть пропущено цензурой и такое определение отношений декабристов и Николая I, идущее, вероятно, от самих декабристов: *«смерть их главного и личного врага имп. Николая I-го»* (л. 82, с. 73).

Может быть, сведения А. В. Поджио легли в основу утверждения Н. А. Белоголового, что Киевская губерния была тем районом, *«где сознание в необходимости переворота пустило довольно глубокие корни в расположенных там войсках*[б]*, где действовали такие крупные организаторские умы заговора,* где[в] служили и действовали такие личности[в], как Пестель...» (л. 23, с. 24).

Очень характерны для отношения Н. А. Белоголового к декабристам такие, не вошедшие в опубликованный текст, выражения: «Дождались наконец декабристы, *если не возмездия за благородные намерения содействовать родине в приобретении гражданской свободы, то* конца своей 30-летней ссылки» (л. 83, с. 75); «мои воспоминания о декабристах... могут пригодиться со временем, когда наступит возможность свободно разрабатывать эту страницу русской истории, *преданную такому строгому и столь продолжительному замолчанию»* (л. 86 об., с. 80).

Приведем один, более крупный, отрывок полностью. Речь в нем идет о братьях Поджио, и источник осведомленности автора явно кроется в рассказах А. В. Поджио.

«/.../братья вскоре очутились в числе первых в том *революционном* движении[г], которое, по возвращении наших войск из Парижа, распространилось в гвардии и в армии, точно так же как нет ничего естественнее, что они со всею горячностью своих 20-летних южных темпераментов увлеклись идеею возрождения России путем *ограничения*[д] *самодержавия*[д] и отмены крепостного права, *ибо по своему происхождению и лишь недавно порванной связи с Западной Европой они стояли ближе и относились более сознательно к*

[а] Зачеркнуто редактором.

[б] Первоначально *местах* — зачеркнуто автором; [в-в] в подлиннике отсутствует, внесено по автографу, хранящемуся в **ГБЛ**, ф. 22, оп. 1, п. 1, д. 23.

[г] В печати: «новом»; [д-д] в печати: «коренных реформ».

революционным принципам свободы, равенства и братства, чем те[е] *коренные русские*[е] *которые, всосав бесправные основы русской жизни с молоком матери, могли только посредством широкого образования и усиленной работы собственной мысли дойти до критического отношения к русскому государственному порядку, По этой причине*, примерно до 1820 г.[36] братья Поджио считались в числе самых ревностных пропагандистов *революционного*[ж] *переворота*[ж] и самых деятельных посетителей тайных совещаний, но около этого времени революционный пыл среди *заговорщиков*[з] стал заметно остывать, *так как время шло и не приносило ничего для осуществления предположенной цели; тайные собрания начинали вырождаться в сборища с теоретическими рассуждениями и спорами о принципах, между тем как в действительности аракчеевщина все более и более забирала силу и усиление деспотизма делало для передовых людей положение в России все более невыносимым и требовало не академических диспутов, а быстрых решений и неотложных действий.* Многие из *заговорщиков*[и] стали, видимо, разочаровываться в успехе своих вожделений, *убеждаясь, что дело откладывается в долгий ящик,* и перестали почти посещать заседания общества; так было и с Поджио» (л. 22, с. 23).

Подлинный текст воспоминаний Н. А. Белоголового показывает прежде всего более глубокое понимание им смысла и значения «революционного движения» декабристов, стремившихся возродить Россию «путем ограничения самодержавия и отмены крепостного права», дает основания говорить об отличии позиции Белоголового от господствовавшей в то время либеральной концепции декабризма. Очень интересно рассуждение о том, что противоречие между усилением реакции в годы «аракчеевщины» и характерными для тайных обществ 20-х годах теоретическими спорами вызывало разочарование у некоторых участников движения в реальности скорого осуществления его целей. Более ясно высказана в подлиннике и мысль о том, что в самодержавной России еще не был оценен по достоинству подвиг декабристов,— мысль, которая более подробно развита в очерке, посвященном воспитателю и старшему другу Н. А. Белоголового декабристу Александру Викторовичу Поджио.

* *
*

Рукопись очерка «А. В. Поджио»[37] сохранила следы авторской и редакторской правки, при сопоставлении автографа с печатным текстом обнаруживаются также исправления и пропуски цензурно-

---

[е—е] Первоначально «огромное большинство», зачеркнуто автором; [ж—ж] в печати: «новых идей»; [з] в печати: «их товарищей»; [и] в печати: «более пылких молодых людей».

[36] Точнее — до 1824 г.

[37] **ГБЛ,** ф. 22, оп. 1, п. 1, д. 23. В «Вестнике Европы» озаглавлено: «А. В. Поджио. 1859—1873. Из записок Н. А. Белоголового»; в сборнике — «Декабрист А. В. Поджио. 1859—1873».

го характера[38]. Среди изменений, внесенных в рукопись самим автором, бо́льшая часть носит характер фактических уточнений — например, уточнено местонахождение имения А. В. Поджио: вместо «не то в Петербургской, не то в Псковской» вписано: «в Торопецком уезде Псковской губернии» (л. 3 об., с. 86). Есть и авторские исправления чисто редакционного характера. Так, в рукописи имеются два отрывка о встречах А. В. Поджио с членами семьи декабриста С. Г. Волконского после возвращения из Сибири, о его поездках в имение Е. С. Кочубей-Воронки. Оба отрывка зачеркнуты Н. А. Белоголовым и заменены другим вариантом изложения того же материала[39]. В конце наборной рукописи на отдельном листе рассказывается о поездке Н. А. Белоголового на прииск в прибайкальской тайге, поездка была предпринята в связи с общими золотопромышленными делами его отца, А. В. Белоголового, и А. В. Поджио. Отрывок не закончен, не имеет сюжетной связи с опубликованным текстом и не вошел в него, хотя и не зачеркнут (л. 41).

Основные разночтения приведем по порядку.

На первом же листе рукописи обнаруживаются и изменения, внесенные автором, и редакторские исправления, и то и другое было направлено на смягчение текста и приспособление к цензурным требованиям.

«В хорошее время возвратился А. В. Поджио из Сибири, и контраст между тем временем, когда его сослали туда *жандармы*[к] *в вечную каторгу, лишенного всех человеческих прав, кроме*[л] *подаренной ему Николаем жизни*[м] и его *теперешним*[н] возвращением, был колоссальный и походил[о] более на сказку, чем на действительность. Переворот этот *совершился*[п] *не только*[п] в его личной жизни, *но* совпал с *теми*[р] *счастливыми годами пробуждения, какие переживала Россия в первое десятилетие царствования Александра II: это была чудная весна, наступившая после длинной, беспросветной зимы 30-летнего Николаевского царствования, все кругом как будто пробуждалось после долгой зимней спячки, лезло к свету и стремилось поскорее отогреться в лучах давно невиданного*[с] *солнца; впереди открывались новые, неизведанные горизонты и волновали сердца не только молодежи, но и людей, доживавших свой век, сладкими ожиданиями призыва России к иной, лучшей жизни. Стоит ли говорить, что на старика Поджио эти новые веяния весны должны были подействовать самым лучезарным и оживляющим*

---

[38] Сопоставление производилось по печатному тексту, опубликованному в кн.: **Белоголовый Н. А.** Воспоминания и другие статьи. Спб., 1901, с. 81—155, и автографу, хранящемуся в **ГБЛ**, ф. 22, оп. 1, п. 1, д. 23.

[39] Ср. л. 16, 16 об., 26, 26 об. и л. 15а, с. 107, 108.

[к—м] Зачеркнуто редактором; [л] первоначально далее *жизни* зачеркнуто автором; [н] зачеркнуто редактором; [о] далее редактором вписано: «для него»; [п—п] зачеркнуто редактором; [р—ц] редактором зачеркнуто и вписано: «с первым десятилетием царствования императора Александра II».

[с] Первоначально *забытого* — зачеркнуто автором.

образом; как было ему, древнему борцу за это лучшее России, за[т] *свободу, с остатками еще не потухших своих юношеских верований и убеждений, остаться равнодушным и бесстрастным при виде этого пробуждения и не ликовать, когда он видел на каждом шагу, что заветные идеалы его юности, за служение которым он заплатил длинными годами страданий каторги и ссылки, близки к осуществлению, и что*[у] *сама самодержавная власть приходит к осознанию необходимости переформирования своего старого порядка, за*[ф] *осуждение которого она преследовала его самым жестоким образом в течение 30 лет. И он ликовал, умилялся и благословлял, вместе со своими товарищами по отбытой ссылке*[х] *молодого царя, не за одно собственное освобождение, а еще больше за ту зарю нового счастливого будущего, какую он открывал перед измученной Россией*[ц]. Едва ли в эту пору у Александра II были *еще*[ч] более преданные и более благоговевшие перед ним подданные, чем эти старцы, появлявшиеся[ш] из недр Сибири[щ] на *этот*[ъ] веселый праздник *русского*[ы] *обновления*[ы]. И много лет спустя Поджио не мог рассказывать о своих тогдашних ощущениях без дрожи в голосе и явного волнения. *К сожалению,* и ему впоследствии пришлось разочароваться *во*[ь] *многих своих ожиданиях, и он тщетно до конца дней своих прождал обнародования конституции, т. е. признания человеческих прав за русскою личностью*[ь], но[э] продолжал высоко чтить в своей душе Александра II, *сваливая*[ю] всю вину *этого*[я] разочарования на *своекорыстных*[п, а] *советников и бездарную и бездушную камарилью*[а]» (л. 1, 1 об., с. 71).

Следует учитывать, что «сладкие ожидания» либеральной весны конца 50-х гг. XIX вв., которые разделяли старый декабрист и его молодой ученик и друг, сравнивались не только с «беспросветной зимой Николаевского царствования», но и с достаточно мрачной действительностью 80-х гг., когда писались мемуары.

Приведя с некоторыми купюрами несколько писем А. В. Поджио (этот прием вообще часто используется Н. А. Белоголовым в его воспоминаниях), автор комментирует их содержание. В одном из писем речь шла о бегстве из Сибири М. А. Бакунина, и в связи с этим Белоголовый сравнивает отношение Поджио к Бакунину и к петрашевцам. Отрицая «преемственную связь в развитии *русской*[б] *революционной идеи»*[б], он считает, что декабристов и петрашевцев сближали лишь «одинаковая участь, одинаково *безжалостно* загубленная *деспотизмом* жизнь *в ту ее пору, когда сердце не может бесстрастно смотреть на печальное, угнетенное положение*

[т] Первоначально далее *ее* — зачеркнуто автором; [у] первоначально далее *та же самодержавная власть, в течение 35 лет преследовавшая его* — зачеркнуто автором; [ф] первоначально далее *восстание против* — зачеркнуто автором; [х] первоначально далее *имя* — зачеркнуто автором; [ч] — зачеркнуто редактором; [ш] далее редактором вставлено: «тогда»; [щ] далее редактором вставлено: «как бы»; [ъ] зачеркнуто редактором; [ы—ы] зачеркнуто редактором; [ь—ь] зачеркнуто редактором; [э] первоначально далее *он* — зачеркнуто автором.

[ю] Редактором исправлено на «слагая»; [я] редактором исправлено на «своего». [п] II; [а—а] редактором исправлено на «среду»; [б—б] в печати «идей»;

родины и самоотверженно ищет для нее выхода в лучшее, те же тяжкие испытания сибирской каторги, *словом*[в], *вся, так сказать, однородность их страдательной и страдальческой роли в истории нашего развития*, все это вместе неизбежно сближало между собой этих людей двух разных поколений, сближало их в качестве бесправных обывателей русской земли, *а не в качестве общественных деятелей, потому что песня их была спета и всякая возможность такой совокупной деятельности была совсем закрыта правительством*»[в]. Несмотря на столь категорическое утверждение невозможности какой-либо деятельности политических ссыльных в Сибири, Белоголовый сам неоднократно отмечал «благотворное влияние их на окружающую среду» (с. 42). Следует отметить, что позиция автора достаточно радикальна для уровня исторической науки того времени, рассказ его о петрашевцах и самом М. В. Петрашевском наполнен горячим сочувствием и высокой оценкой *«мятежного духа его»* (л. 12 об.). Когда после окончания каторги Петрашевский приехал в Иркутск, пишет Белоголовый, *«то оказался все тем же бестрепетным протестантом против всяких безобразий и уродств, на которые так щедра наша родная жизнь»* (л. 12 об., с. 102). После рассказа о смерти Петрашевского Н. А. Белоголовый заключает: *«Нельзя не пожалеть, что многострадальная и интересная личность Петрашевского до сих пор не имела своего биографа, а между тем время идет, современники его вымирают, унося в могилу свои впечатления от знакомства с ним и данные для правдивой, а не легендарной биографии»* (л. 12 об., 13, с, 102).

Автор видит разницу во взглядах между Поджио и Петрашевским, знает, что политические стремления Петрашевского «шли гораздо дальше *ограничения монархии»*, но считает необходимым сообщить, что декабрист горячо уважал Петрашевского «за его незыблемую веру в свои идеалы, *за его фанатическое и открытое служение им, несмотря на неблагоприятную обстановку и непрекращающиеся гонения; последовательным он оставался до конца жизни и из каторги вернулся тем же бесстрашным противником всякого правительственного насилия и зла, сохранив в общежитии репутацию безупречного и чистого человека»* (л. 13, с. 103). В обоих публикуемых отрывках было опущено именно то, что свидетельствует о сочувствии автора к судьбе революционеров и оправдании их самоотверженной борьбы. В последнем отрывке передано и авторское отношение к Петрашевскому, и общественное мнение передовой сибирской интеллигенции.

Переходя к рассказу о жизни А. В. Поджио за границей, Н. А. Белоголовый замечает:

С этого времени начинается новый период в жизни Поджио, его новые скитания, но на этот раз по Швейцарии и Италии, и вполне добровольные, *а не по указанию попечительного начальства* <...> До сих пор он только теоретически знал и ценил свободу и блага правового порядка, а теперь, на старости лет,

---

[в–в] Выделенное в рукописи не вычеркнуто, но опущено при публикации — Ср. л. 12, с. 102.

ему предстояла возможность в действительности посмотреть *на*[г] *тот строй государственной жизни*[г], *за попытку водворения которого в России он поплатился и каторгой, и ссылкой, и удостовериться, что то, за что он принес себя в жертву, было не призрачной мечтой, не юношескими*[д] *увлечениями, а носит в себе несомненный залог прогресса в истории человечества улучшением формы государственного быта. Понятно, сомнений в этом отношении у него не было никаких, и он с первых же шагов за границей должен был убедиться, какая огромная пропасть лежит между монархической Россией и конституционным Западом и насколько он был прав, боровшись, хотя и бесплодно, за освобождение своей родины от деспотизма. Только попавши за границу, он избавился от полицейского надзора, тяготевшего над ним в течение всей его жизни и впервые, в возрасте чуть ли не 70-летнего старца, почувствовал себя свободным и независимым человеком; словно всю жизнь заставляли его носить узкое, скроенное на чужой рост платье, которое резало ему повсюду и сковывало все его движения,— и вот только теперь он надел широкое и сшитое совсем по его мерке. Из этого практического экзамена он мог вынести лишь уверенность, что по отношению к своей родине он поступил как истинный патриот, честно исполнивший свой гражданский долг, и что не только каяться ему ни в чем не приходится, а напротив, он может умирать в своей убогой обстановке с неизмеримо более покойной совестью, чем различные государственные мужи, окруженные богатством и почестями русского монарха*[е]» (л. 17 об., с. 110).

Доброжелательное отношение Поджио к Швейцарии объяснялось и тем, что она служила «*убежищем для эмигрантов отовсюду, где им жить стало почему-нибудь невмочь, для всех этих непомнящих родства, Heimathlose, как их называют здесь на официальном языке*» (л. 19, с. 113).

Конечно, «демократическая республика и всеобщее избирательное право по сравнению с крепостническим строем были громадным прогрессом»[40]. Но, несмотря на все преимущества буржуазной парламентской демократии, которые являла собой тогда Швейцария, Поджио «продолжал горячо любить Россию» (с. 115) и по-прежнему жил ее интересами. Именно это определяло его место среди различных групп «представителей *нашего антимонархического* протеста» (л. 20 об., с. 116), «*вынужденных бегством спасаться от преследований правительства*». (л. 20, с. 114).

В подлинном тексте воспоминаний Белоголового более точно характеризуется отношение Поджио к реформам 60-х гг.:

«*Покуда* правительство шло вперед, *покуда*[ж] *оно*[ж], освободив крестьян, приступало к реорганизации своего строя» <...>, он был горячим его партизаном и защитником *и твердо надеялся, что вслед за этими реформами последует достойное увенчание всего здания — провозглашение конституции, т. е. осуществление заветного идеала его молодости, а потому* когда это поступательное движение приостановилось, он глубоко скорбел и волновался. Но если он *порицал*[з] *Александра II за его* колебания[з] и постепенный поворот на реакционный путь, то все же не мог не отдавать *ему*[и] должной справедливости» (л. 20, с. 115).

Говоря о знакомстве Герцена с Поджио, Н. А. Белоголовый отметил, что между ними установились теплые и естественные отношения.

---

[40] **Ленин В. И.** Полн. собр. соч., т. 39, с. 82.

[г—г] В печати «на иной строй общественной и государственной жизни; [д] первоначально далее *взбалмошными* — зачеркнуто автором; [ж—ж] в печати: «когда правительство шло вперед и; [з—з] в печати: «осуждал наши колебания»; [и] в печати: «правительству».

«*В глазах Герцена заговор декабристов, хотя и не дал никаких положительных результатов, имел неоспоримое право на глубокое уважение со стороны потомства, как первая общественная попытка для завоевания свободы в России и как первый открытый коллективный протест против самодержавия, а потом суд над заговорщиками и вся последующая их тяжелая судьба в Сибири не могли не внушать к ним благоговейнейшего почтения и глубокого сочувствия как к мученикам за идею свободы и как Поджио был одним из этих уцелевших мучеников, то* Герцен встретил *его* [к] с тем восторженным почетом и увлечением [л], на какие способна была его страстная натура. С своей стороны, Поджио слишком высоко ценил громадный публицистический талант Герцена, *благородство его стремлений, его боевые заслуги, особенно в борьбе с их общим врагом — Николаем I-м,* чтобы не отозваться горячо на это сближение. Но знакомство их совпало с 1864—1866 годами, годами самыми *сумбурными* [м] в ту эпоху русского брожения, когда *Александр II* [н] стоял уже на распутье и не ударился, казалось, еще резко в реакцию, а между тем оппозиция продолжала горячо травить *и* [о] *его, и его* [о] преобразовательные начинания <...>. Только что приехавший из внутренней России Поджио убедился там на месте в инертности нашего общества, в его неподготовленности *самому* [п] *завоевать собственное освобождение от самодержавия* [п], а потому все свои надежды на это освобождение он возлагал на добрую волю *царя* [р], думая, что *Александр II* [с], в последовательном ходе собственных реформ, сам неизбежно придет к сознанию необходимости *закрепить* [т] *их дарованием конституции* [т], если только ему никто не будет в том мешать, а такими помехами Поджио считал все нараставшие противодействия, как со стороны *реакционных* [у] *вельмож и бюрократов, окружавших престол* [у], так и со стороны радикальной печати, *внутренней* [ф] и заграничной <...>» (л. 20 об.— 22, с. 117—118).

Приведенные разночтения позволяют более точно представить взгляды А. В. Поджио — и характерные для него, как и для многих современников, либеральные иллюзии 60-х гг., и сохранившееся стремление к конституции, к «освобождению от самодержавия», и высокую оценку им «боевых заслуг» Герцена. Несомненный интерес, с нашей точки зрения, представляет и выделение Н. А. Белоголовым мотивов особого уважения Герцена к декабристам.

Сопоставляя позиции Герцена и Поджио, Белоголовый пишет:

Герцен «крепко стоял, что, если и *возможна* [х] *конституция, дарованная царем, то ее никогда нельзя считать прочной; прочно же отречение от самодержавия может быть лишь в том случае, когда оно будет вырвано у верховной власти более или менее насильственно силами общественными* [х], а потому настаивал на необходимости вести наступательное движение *на правительство* и раздувать недовольство в обществе» (л. 22, с. 118).

Не пропущенное в печать рассуждение это существенно если не для характеристики взглядов Герцена, то для оценки полноты и глубины понимания их Белоголовым.

Сравнение судеб двух эмигрантов — француза Эдгара Кине и декабриста А. В. Поджио — дает повод Белоголовому высказать свою горечь и обиду на несправедливость либерального общества

[к] В печати: «Поджио»; [л] первоначально *экспансивностью* — зачеркнуто автором; [м] в печати: «смутными»; [н] в печати: «общество»; [о—о] в печати: «все»; [п—п] в печати: «к самодеятельности»; [р] в печати: «правительства»; [с] в печати: «оно»; [т—т] в печати: дальнейших реформ»; [у—у] в печати: «реакционной партии»; [ф] в печати: «подпольной»; [х—х] в печати: «возможны дальнейшие дарованные реформы, то их никогда нельзя считать прочными».

к декабристам, совершившим *«общественный подвиг»*, и свою веру в благодарную память потомков.

«Каждый из «этих двух старцев,— пишет Н. А. Белоголовый,— боролся *за свободу своей родины* и каждый сделался жертвой *победившей его деспотической власти,* но *какая*[ц] *неизмеримая*[ц] разница лежала в последующей судьбе того и другого. Француз Кине без особого труда и риска спасся от преследования врага за границу в Швейцарию, <...> *тогда как русский патриот Поджио должен был пройти и через тюрьму, и через каторгу, вместо Швейцарии — через Сибирь, вместо общего уважения — через самые унизительные оскорбления человеческого достоинства. <...> Мы знаем, как декабристы возвращались из Сибири на родину в виде тех же преступников, только прощенных царскою милостью, как их и впоследствии преследовала полиция, лишала их возможности жить в столицах и в кругу друзей; если же иногда и случалось встречать им сочувствие к своему общественному подвигу, то сочувствие это высказывалось лишь воровским образом, шепотом и при закрытых дверях. Так и перемерли один за другим эти борцы за освобождение России забытыми и заброшенными по разным весям и деревням своего равнодушного отечества,— и если благодарный потомок задумает впоследствии разыскать их безвестные могилы, то это будет для него задача далеко не легкая. Конечно, винить в том некого; во всем виновата разная степень культуры и политического развития двух сопоставленных рядом обществ и наций; великое счастье Кине — принадлежать к такой передовой стране, где изречение «нет пророка в своем отечестве» становится анахронизмом,— и напротив, горе таких пророков в России, где их при жизни побивают камнями, а после смерти забывают, что они были!»* (л. 27 об., 28, с. 129, 130).

Таким образом, Н. А. Белоголовым была сделана одна из первых попыток высказать в русской печати правду об «унизительных оскорблениях человеческого достоинства», о полицейском надзоре и преследованиях декабристов даже после амнистии. Позиция автора противостоит и официальной историографии, для которой декабристы оставались «преступниками, прощенными царской милостью», и большинству того либерального общества, которое было склонно восхищаться этой милостью, а сочувствие к декабристам могло высказать лишь «шепотом и при закрытых дверях».

Подлинный текст воспоминаний Н. А. Белоголового о декабристе А. В. Поджио содержит гораздо больше материала для реконструкции взглядов как самого Белоголового, так и его старшего друга и учителя. Раскрывается истинное отношение Поджио к реформам 60-х гг., к конституции, к буржуазно-демократическим свободам Швейцарской республики, к Герцену и Петрашевскому, к русскому либеральному обществу, неспособному «завоевать собственное освобождение от самодержавия», к «бездарной и бездушной камарилье» царских приближенных. Обнаруживаются и подлинные позиции Н. А. Белоголового: глубина и радикальность понимания им целей выступления декабристов и их места в истории, сочувствие и уважение к судьбе и подвигам русских революционеров, отношение к реформам и конституции. Становится ясно, что Белоголовый понимал: «заветные идеалы» декабристов, осуществление которых, казалось, было столь близко, так и не осуществи-

ц–ц В печати: «большая».

лись, и Россия все еще отстает от передовых европейских стран в «политическом развитии»[41].

* *
*

В воспоминаниях Н. А Белоголового о Герцене практически нет авторских исправлений, если не считать незначительных поправок стилистического характера во фрагменте об отношениях Герцена с «молодой эмиграцией», опубликованном в «Литературном наследстве». Пропуски, сделанные редактором и цензором, за исключением упомянутого фрагмента, также невелики — одно-два слова, изредка несколько фраз. Но многие из них имеют принципиальный характер и могут изменить наше представление о политических взглядах Н. А. Белоголового, его отношении к деятельности Герцена, к событиям, о которых повествует автор.

Так, вместо «приближенные Муравьева» (генерал-губернатор Восточной Сибири) в подлиннике читаем *«муравьевская камарилья»*[42] (л. 1, с. 532), «Муравьев был вооружен всеми атрибутами своей диктаторской власти и не стеснялся ими пользоваться *против общества, беззащитного, но уверенного в правоте отстаиваемого им дела»* (л. 1, с. 533); статья в герценовском листке «Под суд!» встречена была иркутской публикой с радостью, *как возмездие за нанесенные ей удары»* (л. 1, с. 533).

Описывая свою встречу с Герценом и обсуждение позиции М. А. Бакунина в конфликте иркутского общества с местной администрацией, Н. А. Белоголовый отмечает:

«я <...> вглядывался в черты знаменитого писателя, *перед политической деятельностью которого благоговел»* (л. 2, с. 535); «я <...> постарался <...> очертить характер двух враждующих сибирских партий — туземцев и наезжих чиновников и *разъяснить, что вся эта история дуэли и возгоревшаяся по поводу ее полемика есть именно выражение этой давней и глухой борьбы между зарождающимся общественным самосознанием и гнетущим петербургским бюрократизмом»* (л. 2, с. 536).

Некоторая несвязность изложения дает возможность предполагать, что в беседе было подробнее рассказано об «этой давней и глухой борьбе». Белоголовый передает высказывания Герцена о Бакунине:

«<...> этот человек всю свою жизнь борется за человеческую свободу, [ч]*торжество революционных принципов*[ч] и чего-чего не вынес за упорство *свое* в этой неравной борьбе <...> и вот теперь засажен, быть может, навсегда в Сибири. *Другого*[ш] *подобного по энергии русского деятеля и борца за свободу у нас не бывало*[ш],— и у меня решительно не поднялась бы рука напечатать что-

---

[41] К этой рукописи примыкает небольшой отрывок, касающийся попыток золотоискательской деятельности А. В. Поджио (л. 41). Речь идет о поездке автора на прииск, но рассказ этот оборван и явно не предназначался для печати, место его в воспоминаниях Н. А. Белоголового неясно.

[42] Сопоставление производилось по печатному тексту, опубликованному в кн.: Белоголовый Н. А. Воспоминания и другие статьи. Спб., 1901, с. 532—549, и автографу, хранящему в ГБЛ, ф. 22, оп. 1, п. 2, д. 2.

[ч—ч] Зачеркнуто редактором; [ш—ш] зачеркнуто редактором.

нибудь против него, *столько*[щ] *вынесшего за общее и одинаково дорогое нам дело*[щ] (л. 2 об., 3, с. 537).

В этой характеристике, помимо общей высокой оценки Бакунина, обращает на себя внимание выделение Герценом присущей Бакунину энергии деятеля и борца за общее дело «торжества революционных принципов».

Вычеркнуты редактором герценовские высказывания в следующем эпизоде, где речь идет о посещении Герцена одним из участников польского освободительно движения и их разговоре, невольным свидетелем которого стал Н. А. Белоголовый.

«То был поляк, не говоривший *ни слова* по-русски, а потому разговор начался на французском языке. Пришедший[ъ] жаловался на неудачу какой-то только что предпринятой им политической агитации, на встречаемое им всеобщее равнодушие[ъ]. *Герцен*[ы] *отечески его ободрял, говорил, что всякий почин нового дела труден, а потому падать духом не следует, и закончил свои утешения словами: „вы знаете физический закон кристаллизации: нужно чтобы в насыщенном растворе появился первый кристалл, первая твердая точка,— и тогда только около нее начинается процесс выкристаллизования; ну и смотрите на себя как на такую твердую точку; не подлежит сомнению, что окружающая нас среда достаточно насыщена, имейте, стало быть, терпение, и дело пойдет“*[ы]» (л. 3, с. 538).

Хорошо известна роль печатной пропаганды — изданий герценовской Вольной русской печати, в рассказе же Н. А. Белоголового перед нами воссоздан один из эпизодов той устной пропаганды, которую Герцен вел с неменьшим упорством.

Во время следующей встречи Белоголового с Герценом разговор шел о намерении последнего перейти к изданию «Колокола» на французском языке. «Я не настолько самонадеян *и не слеп*,— передает Н. А. Белоголовый слова Герцена,— чтобы отрицать факт охлаждения ко мне русской публики. Видя невозможность *давить*[ь] *вперед на правительство*[ь] <...> хочу попробовать издавать Колокол на французском языке и сообщать в нем сведения о русских порядках, *все безобразные деяния нашего правительства, авось хоть чувство стыда перед Европой заставит его быть сдержаннее и осмотрительнее*». В ответ Белоголовый высказал и свою оценку «Колокола»: «Лично я всегда <...> придавал большое значение Колоколу и[э] совершенно соглашался с правильностью его взглядов *на польское восстание*[э]. <...> Я попробовал было отстаивать сохранение Колокола в русской редакции, *доказывая его необходимость вовсе уже не такою малочисленностью круга людей с ним солидарных, для которых с прекращением Колокола не только погас бы последний свет в сгущавшихся потемках, но оно было бы для них равносильно весьма чувствительному поражению, так как Колокол был их единственный свободный орган и единственное*

[щ–щ] Зачеркнуто редактором.

[ъ–ъ] Эта фраза, вычеркнутая редактором, при печатании восстановлена; [ы–ы] зачеркнуто редактором.

[ь–ь] В печати: «оказывать впредь давление на правительственные круги»; [э] зачеркнуто редактором.

видное знамя, под которым они собирались» (л. 4, с. 540). В беседе, таким образом, Белоголовым было не только высказано сочувствие деятельности Герцена, но и заявлено о существовании немалочисленного «круга людей, с ним солидарных».

Завершается очерк рассказом о смерти Герцена и опущенные при печатании воспоминаний несколько слов Белоголового более точно характеризуют его отношение к великому русскому революционеру: «я горько пожалел об утрате Россиею одного из *своих лучших граждан* и наиболее даровитых писателей» (л. 10 об., с. 549).

* *
*

Несмотря на разность задач, поставленных автором, и разную степень осведомленности его, все воспоминания, как мы видели, объединяет стремление к достоверному и точному воспроизведению событий, что еще раз наглядно показывают авторские исправления в рукописи. Существенный интерес для исследователей представляет, на наш взгляд, идущее, вероятно, от самих декабристов, скорее всего от А. В. Поджио, свидетельство о негативном отношении части участников движения к теоретическим спорам во время наступления реакции начала 20-х гг. XIX в. Уточняется отношение к Петрашевскому А. В. Поджио, самого Н. А. Белоголового и других передовых представителей сибирской интеллигенции. Выясняются истинные взгляды А. В. Поджио и Н. А. Белоголового. Весьма важно, в частности, объяснение Белоголовым благожелательного отношения Поджио и других декабристов к Александру II в первые годы его царствования. Весьма интересны переданные Белоголовым герценовские высказывания о целях издания французского «Колокола», о Бакунине, о революции, а также характеристика отношения Герцена к декабристам. Наконец, анализ подлинного текста воспоминания позволяет сделать вывод о большой зрелости и радикальности позиций самого Н. А. Белоголового по многим вопросам.

II. Обзоры, описания

Н. Н. ПОКРОВСКИЙ

КНИГИ КИРИЛЛОВСКОЙ ПЕЧАТИ XVI—XVIII вв. В ФОНДАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ КИРГИЗСКОЙ ССР им. Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Во время археографической поездки в г. Фрунзе в сентябре 1979 г. в различных частях фондов отдела редкой книги Государственной библиотеки Киргизской ССР им. Н. Г. Чернышевского нами были выявлены и описаны издания кирилловской печати XVI—XVIII вв. Подавляющее большинство их было приобретено библиотекой в 1967 г. у известного ленинградского коллекционера В. А. Крылова, причем библиотека приобрела отнюдь не все старопечатные книги из этой первоклассной коллекции. Отрывок московского первопечатного Апостола Ивана Федорова 1564 года был подарен коллекционером в библиотеку. Все полученные библиотекой книги, происходящие из коллекции В. А. Крылова (см. настоящее описание, № 1, 2, 4, 5, 7, 9, 11, 14, 18, 20, 22—26, 28, 29, 31—33, 35, 37—40), имеют печатки «В. Крылов» и «Из книг В. А. Крылова», что при описании книг нами далее не отмечается. Эти книги имеют также наклейки магазина № 53 Ленкниги, оформлявшего покупку.

При описании книг после порядкового номера нами указывается в скобках инвентарный номер библиотеки, название издания, место издания, типография (обозначение типографии опускается только для изданий Московского печатного двора), даты начала и окончания печатания, размер в долях листа.

Приводятся сведения о комплектности экземпляра — указываются порядковые номера всех сохранившихся листов, ненумерованные листы (в том числе особо — титульные листы и листы с гравюрами), пустые листы, при этом отмечаются нарушения правильного порядка нумерации листов, имеющиеся в издании. Так как листовая формула экземпляра без сравнения с листовой формулой всего издания не всегда дает наглядное представление о сохранности экземпляра, в ряде случаев в скобках указываются листы издания, отсутствующие в данном экземпляре. Отдельно фиксируются нарушения правильного порядка листов в данном экземпляре по сравнению с изданием в целом, а также рукописные копии листов.

Приводятся тексты вкладных и владельческих записей, причем устаревшие буквы заменяются современными, титла раскрываются, надстрочные буквы вносятся в строку. Из прочих записей приводятся лишь наиболее интересные.

Ссылки на библиографические источники даются лишь по наиболее употребительным последним справочникам, использовавшимся для сравнения комплектности экземпляра с составом всего издания. Отсутствие соответствующих справочников в г. Фрунзе не всегда позволяло при этом выбирать оптимальные варианты. В ряде случаев для справок были использованы новосибирские экземпляры тех же старопечатных изданий, что специально не оговаривается.

Для № 14 (15490), не найденного нами в справочниках, приводится полный текст титульного листа, тетрадная и листовая формулы.

1 (48275). **Апостол.** Москва, Иван Федоров, 19.4.1563—1.3.1564. 2°.

Отрывок: л. 168—204, 204, 206—247.

Переплет — картон, обтянутый красным бархатом. 1+1 форз. л. бумаги XX в.

Записи: 1) на л. 168 об. скорописью конца XVII — начала XVIII в., литореей: «А нилас лию сека Лаша Кумаешъ» («А писал сию лета Сава Тураевъ»); 2) на обороте верхней крышки переплета скорописью XX в.: «В отдел редкой книги Гос. республ. библиотеки Киргизской ССР им. Н. Г. Чернышевского от В. А. Крылова».

— Зернова, № 7.

2 (15487). **Псалтирь с Новым Заветом.** Острог, Иван Федоров, 1580. 8°.

Л.: 1 тит. л., 3 нн, 1—81, 83—93, 448—469. Четвероевангелие отсутствует. Л. 82 рукописный, полууставом XVIII в. После л. 3 нн. вклеен лист бумаги XIX в. с рисунком пером — царь Давид. Нижняя половина л. 93 оборвана, подклеена листом XIX в., текст дописан скорописью XIX в.

Переплет — доски в коже, одна застежка. 1+1 форз. л. бумаги XIX в., многие листы подклеены той же бумагой.

Записи: 1) на л. 93 об. скорописью XVII в.: «...пло своею рукою 124-го...»; 2) на форз. л. 1 скорописью XX в.: «Псалтирь (Евангелие пропущено) и Апокалипсис работы первопечатника Ивана Федорова в Острожской типографии 1580 года в г. Остроге у князя Константина Острожского».

Наклейка Ленкниги: «50 р., квит. № 27208/67».

— Быкова, с. 13—15.

3 (10085). **Библия.** Острог, Иван Федоров, 1580—1581. 2°.

Л.: 8 нн, 1—276, 1—78, 78—89, 91—180, 1—30, 1—56, 1—58 (нет л. 59—78 последнего счета). Многие листы подклеены бумагой XVIII в.

Без переплета: 1 форз. л. XVIII в. +1 форз. л. XIX в.

Записи: 1) на л. 3—17 первого счета скорописью XVII в.: «Сия Библья Фомы Осиповича Кривъцова, а потписал своею рукою»; 2) на л. 8 об., 25, 44 об., 59, 71 об., 74 первого счета записи скорописью двух рук конца XVII и XVIII вв. о древнееврейских названиях книг Ветхого Завета; названия приводятся русскими и древнееврейскими буквами.

— Быкова, с. 16—20.

4 (15492). **Апостол.** Вильна, типография Луки и Кузьмы Мамоничей, [после 1595 г.], издание 3. 2°.

Тетради: $В^8$ — $Ь^2$, $Е^8$, $Ю^3$=259 нн. л. (нет последнего листа с привилеем). Издание без нумерации листов, кустодов и колонциферов.

7-й, 8-й листы тетради Н, 1-й, 2-й листы тетради О вплетены после 6-го листа тетради О; 3-й — 6-й листы тетради С вплетены после 2-го листа тетради Т.

Почти все листы реставрированы бумагой XIX и XX вв.

Переплет — картон в ткани. 1+1 форз. л. XX в.

Две скорописные записи на тетрадях В—Д и С—З срезаны, заклеены, затерты — не читаются.

На л. 1 употребляемая М. С. Севастьяновым печатка «Собственное собрание старопечатных и рукописных книг Стефана Федоровича Севастьянова».

— В. И. Лукьяненко. Каталог белорусских изданий кирилловского шрифта XVI—XVII вв., вып. 1 (1523—1600 гг.). Л., 1973, № 34. А. С. Зернова. Типография Мамоничей в Вильне (XVII век).— Книга. Исследования и материалы. М., 1959, с. 197—198, № 30.

5 (15473). **Евангелие.** Вильна, Лука и Кузьма Мамоничи, 17.7.1600 (издание без сигнатур). 2°.

Л.: 2—9, 1 л. гравюра, 2—101, 1 пустой, 102—104, 1 пустой, 1 л. гравюра, 106—171, 1 л. гравюра, 172—277, 1 пустой, 276_2, 279, 280, 1 л. гравюра, 281—391, 1 нн. (нет л. 2-го нн. в конце с выходными данными (послесловием); от предыдущего л. 1 нн. сохранилось лишь 5 верхних строк, наклеенных на бумагу XIX в.). Л. 2—14 второго счета подклеены бумагой с белой датой «1732».

Переплет — доски в красном бархате, две застежки.

Записей нет.

Наклейка Ленкниги: «250 р., № 27208/67».

— Горфункель, № 33.

6 (15475). **Требник.** Москва, 1.9.1622—25.11.1623. 4°.

Л.: 1—159, 161—231, 231_2—231_{17}, 232—627, 627_c—627_4, 1 пустой, 628—682, 682_2—682_6, 683—703, 706—709 (нет л. 6 нн., 1 пустой, 160, 704, 705, 710—750). Л. 682_2—682_5 вплетены в конце книги.

Переплет — доски в ткани.

Записи: 1) на л. 1—13 скорописью XVII в.: «...книга, глаголемая Потребник [Ив]ановъскаго... попа Тимофея Маркова...»; 2) на л. 10—22 скорописью конца XVIII в.: «...книга, глаголемая Потребник, которую подписал я своею рукою для вернаго знания, № 5...»

— Зернова, № 49.

7 (15484). **Иоанн Златоуст. Беседы на деяния св. апостол.** Киев, типография Печерской лавры, 24.8.1624. 2°.

Стр.: 1—2, 5—8, 11—22, 1—12, 17—20, 25—204, 229—396, 421—456, 469—480, 493—503: 517_2—524, 526—529 (нет стр. 3—4, 9—10, 23—24, 13—14, 15—16, 21—24, 205—228, 397—420, 457—468, 481—492, 1 л. пустой после стр. 503, нет стр. 504—516, 517, 530—533, 533_2, 534). Стр. 433—438 вплетены после стр. 444.

Переплет — картон в коже. В конце книги 1 форз. л. XIX в.

Записей нет.

Печати Ленкниги: «150 р., № 2724/59», «15 р., № 9059».

— Горфункель, № 58.

8 (13752). **Евангелие.** Москва, 1.5.1627—1.6.1628. 2°.

Л.: 1—14, 1 гравюра, 16—136, 137—142, 1 гравюра, 143—224, 1 гравюра, 225—351, 352—356, 1 гравюра, 357—495 (нет пустых листов после л. 136 и 351).

Переплет — доски в желтом бархате, одна застежка. 2 (XVIII и XIX вв.)+ +1 (XVIII в.) форз. л.

Записей нет.

— Зернова, № 69.

9 (32625). **Леитургиарион, си есть Служебник.** Киев, типография Киево-Печерского монастыря, 1629. 2°.

Л.: 1 тит, л., 2—5, 9 нн., стр. 1—300, 2 нн. Стр. 1—2 внизу реставрированы и дописаны полууставом XIX в.

Переплет — доски в коже. Форз. л. 1 XIX в. +1 XVIII в., 1 XIX в.

Записи латиницей 1) на л. 4 первого счета: «Ex libris Josephi Bohdanowicz, monachi ordini s. Basily, a. 1636... 6»; 2) на обороте последнего л.: «Toy Sluzebnik opzavioniy staraniem ihumena ieromonaha Josiwa Derskowa».

Наклейка Ленкниги: «150 р., № 099949/67».

10 (24510). **Минея служебная, сентябрь.** Москва, В. Ф. Бурцов, 1.1.—30.8.1636. 2°.

Л.: 2—125, 2 нн., 126—311, 311—417 (нет л. 1-го пустого, л. 1 в начале книги).

Переплет — доски в коже, одна застежка. 3+1 форз. л. бумаги XX в.

Записи: 1) на л. 2 скорописью XX в.: «Сия богодухновенная книга жертвуется от Егора Ивановича Маркова на престол Воздвижение честнаго и животворящаго креста Господня в лето 7413 месяца июля в 1 день»; 2) на форз. л. в конце книги скорописью XX в.: «Сия книга пренадлежит Егору Ивановичу Маркову». На первых листах книги стертая запись XVII в., не читается.

— Зернова, № 105.

11 (15494). **Трефологион, первая четверть (сентябрь — ноябрь). Часть основная.** Москва, 1.11.1636—1.6.1637. 2°.

Л.: 1—71, 70_2, 70_3, 72—113, 213—252, 252—271, 272/273/274/275, 276—367, 367_2, 367_3, 368—592, 592_2, 592_3, 593—690, 692—706, 707, 709—710 (нет л. 1—6 первого счета; пустого после л. 706, л. 708, 711, пустого после л. 711 второго счета).

Переплет — доски в коже, корешок отсутствует. 2+2 форз. л. бумаги XX в.

Запись на л. 1—41 второго счета скорописью XVII в.: «...монастыря при архимандрите Андреяне, при келаре старце Симоне, при казначее старце Калиннике и при соборных старцех Афанасия книга Трефолой из монастырской казны с их соборного приговору в Троицкую вотчину... месяцов, а подписал троицкой служка Миша Обросимов».

— Зернова, № 135.

12 (б/н). **Трефологион, вторая четверть (декабрь — февраль).** Москва, 17.5.1637—7.1.1638. 2°.

Л.: 1—3, 1—286, 287/288, 289—329, 337, 331—416, 417/418, 419—509, 509, 511—584, 1 пустой, 585—633, 633—679, 680/690, 691—728 (нет 2 пустых л. после л. 3 первого счета).

Переплет — доски в коже, две застежки. 2+2 форз. л. бумаги XVIII в.

Записи: 1) на л. 1 первого счета скорописью XVII в.: «...Боголюбова...»; 2) на задней крышке перплета скорописью XVIII в.: «Давыдом звали...».

— Зернова, № 138.

13 (15477). **Трефологион, третья четверть (март — май).** Москва, 26.10.1637—21.5.1638. 2°.

Л.: 1—3, 1—55, 1—39, 56—411 (нет пустых л. после л. 3 первого счета, после л. 55 второго счета, после л. 372, 383, 404, 411 третьего счета). Л. 1—39 третьего счета вплетены после л. 48 второго счета.

Переплет — доски в коже, две застежки.

Записи: 1) на л. 1 второго счета — 27 третьего счета скорописью XVII в.: «Лета 7 [1] 49, маръта в девятой день на паметь святых 40 мученик, нже[1] в Севастии дал сию книгу Трефолой, три месеца: март, апрель, май, костромитин по[са]ц[к]ой человек Петр Наумов сын Офоньчиков в дом Лазареву воскресению и Тихону чюдотворцу при священнике Афонасие о своем здравии и о ро[ди]тельской памяти»; 2) на л. 411 об. третьего счета полууставом XVII в.: «Василия Паламошного покупки».

14 (15490). **Щата,** яснеосвечоного княжати его милости пана Илии Святополка Четвертенского; высоцеодважного Ротмистра кварцяного войска его крол. милости, в молодом веку для неужитости смерти позосталая. А при погребе оного през велебного г-на отца Игнатия Оксеновича Старушича, ректора и игумена на тот час Братского Киевского монастыря. Богу, отчизне и яснеосвещоной Фами-

---

[1] В кн. — «все».

лии их Милостей князей Четвертенских презентована и отдана в Тимоновце в церкви року 1641, месяца генваря 24 дня». 4°.

А⁴—Е⁴=л. 24 нн.

Переплет бумажный.

Наклейка Ленкниги: «25 р., № 27208/67».

— О другом издании того же памятника («Казанье погребово» Игнатия Старушича. Киев, 1641.) см.: Украинськие и письменники. Біобібліографичный словник. Кнів, 1960, с. 555.

15 (15476). **Минея служебная, июнь.** Москва, 23.9.1645—15.5.1646. 2°.

Л.: 1—64, 66—88, 1—16, 89—304, 321—334 (нет л.: 1-го пустого в начале, 65, 335—343, 1-го пустого в конце; л. 305—320 дописаны старообрядческим полууставом XIX в.).

Переплет — доски в коже, одна застежка.

Записи: 1) на л. 1—128 скорописью XVII в.: «Лета 7163-го году августа во осмый день се аз раба божия вдова Ульяна Кирилова дочь Горбунова Исаевская жена Ширяева приложила есми сию книгу, глаголемую Минею июнь в дом великому святителю и чюдотворцу Христову Николе, что на Всполье и святой мученице Варваре по своей душе и поминаючи души зятя своего Андреяна Семенова сына Шелудякова, да дочери своея Анны Исаевы дочери Ширяева, а ево Андреевы жены, и по своих родителях, при державе государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа великия и малыя [Росии] самодержца и при великом государе святейшем патриярхе Никоне Московском и всеа Росии и при митрополите нашем Ионе Ростовском и Ярославском и при священниках при Харитоне Семенове да при сыне Иване, да при Григорье отдасть Никитине. А хто сию книгу Минею месяц июнь похитит или продаст, или в заклад положит, или из дому чюдотворца Николы в ыной приход, или какую хитрость учинит, нему будет судится со мною на Страшнем суде пред праведным судиею пред господом нашим Исусом Христом во веки векам аминь. А подписал сию книгу Минею, месяц июнь Ивашко Кирилов сын Горбунов, по челобитью сестры своея, вдовы Ульяны при ее животе, месяца августа 8 день»; 2) на л. 1—62 скорописью XVIII в.: «Сия книга града Ростова церкви Николая чюдотворца, что на Сполье церковная, по силе присланнаго в 1754-м году майя дня из Ростовской консистории ростовской же соборной церкви к протоиерею Григорию указу того ж града десятоначальниками Воскресенским попом Ияковом Никольским, что на Сполье, диаконом Михаилом того же 754-го году октября дня для предъявления ея во оную консисторию того ради, что оная книга имеется старопечатная и с новоисправными книгами не согласная. Подписал я, десятоначальник диакон Михаил своеручно».

— Зернова, № 185.

16 (32627). **Евхологион (молитвослов, или Требник),** части I—III, Киев, типография Печерской лавры, 16.12.1646. 2°.

Л.: часть I — 8 нн., стр. 1—96, 96, 98—106, 105, 106, 109—484, 483—610, 711—794, 785—789, 800—994, 2 нн. л.: часть II — 1 нн. л., стр. 3—168, 168—263; часть III — 2 нн. л., стр. 3—157, 1 нн., 158—247, 423—430; нет л.: ч. I — 1—2 нн. в начале.

2 нн. л., содержащие оглавление II части, помещены в конце I части, а не в начале II. Варианты пагинации по сравнению с листовой формулой издания у Горфункеля — в конце I части (стр. 890—994), на стыке I и II части, в начале III части.

Переплет — доски в черном бархате. 5+1 форз. л. XX в.

Запись на л. нн. 3—6 I части скорописью XVII в.: «7171-го сию книгу, глаголемую Требник...»

— Горфункель, № 109.

17 (б/н). **Иоанн Лествичник. Лествица.** Москва, 15.1.—1.3.1647. 2°.

Л.: 1—32, 1 нн., 2 нн., 1—311 (нет л. пустого в начале; листы 2 нн. вплетены перед л. 1 второго счета, а не перед л. 4 второго счета, как в целом в издании).

Переплет — доски в коже, две застежки. 1+1 форз. л. XIX в.

Записей нет.
— Зернова, № 199.

18 (32628). **Триодь постная.** Киев, типография Печерской лавры, 18.1.1648. 2°.

Л.: 1 тит. л., 4 нн., стр. 1—890.

Переплет — доски в коже, две застежки. 1+1 форз. листы бумаги XVIII в.

Запись на стр. 1—11 украинской скорописью XVII в.: «Сия книга, нарицаемая Триодь Постная положена в року 164... во храме Рожества Пречистые Богородицы в месте его кор. мил. Гомельском стоячей, пре... вельможного его милости пана Зыкгмунта Словки, старосты, на тот час гомельского хоружого надворного за священника на тот час Пречистенского Петра Васильевича... подписание ж».

Наклейка Ленкниги: «100 р., № 101758/67».

19 (799739). **Нафанаил. Книга о вере.** Москва, 1.3—8.5.1648. 2°.

Л.: 1—289 (нет 1 пустого л. в начале).

Переплет — доски в коже. 4+3 форз. л. XVIII в.

Записи: 1) на л. 1 форз. об. полууставом XIX в.: «Милостивому моему государю Ивану Федорычу Буку. Сия книга списателя вере, хочеца почитать», изображение креста; 2) на л. 2 форз. скорописью XIX в.: «Кресту твоему покланяемся, владыко, святое воскресение твое поем и славим. Сию книгу читал, пользу принял, а писал сие З [а]х[а] р Ф.».
— Зернова, № 209.

20 (15479). **Соборное Уложение.** Москва, 29.1.1649. 2°.

Л.: 1—61, 62/63, 64—338 (нет л. 1 пустого в начале, 1 пустого в конце). Издание В (по Зерновой).

Переплет — доски в коже, задняя доска отпадает. 1+1 форз. л. XIX в.

Записи: 1) на л. 3 об.— 10 скорописью XVIII в.: «Сия книга, глаголемая Уложение, города Ярославля села Анъдрескаго деревни Малаго Муравьева крестьянина Макара Лукьянова 1761 год»; 2) на л. 137—138 скорописью XVIII в.: «Сия книга Антипа Ванеева»; 3) на л. 338 об. скорописью XVIII в.: «1702-го году марта... по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всея... и малыя и белыя Росии»; 4) на л. 338 об. скорописью конца XVIII в.: «Василей Родионов»; 5) на л. 338 об. скорописью XVIII в.: «Написана в прошлом 1745-м, феврале...».

Наклейка Ленкниги: «50 р., № 9084/61».
— Зернова, № 216.

21 (13751). **Псалтирь с восследованием.** Москва, 25.5—18.10.1649. 2°.

Л.: 1—27, 1—14, 2 нн., 1—227, 1 нн., 228—394, 394_2—605, 1—2, 606—640, 2 нн. (нет л. 1 пустого перед л. 1 второго счета; из л. 1—3, следующих после 604 третьего счета, вплетено два листа между л. 605—611 третьего счета, точнее их местоположение определить не удалось, так как нумерация листов здесь срезана при переплете). Л. 2 нн., которые должны следовать после л. 27 первого счета, вплетены после л. 14 второго счета. После л. 600 третьего счета вплетены 6 нн. л. рукописных бумаги с белой датой «1811», содержащих «Канон за умерших», полуустав. Несколько листов реставрировано бумагой XIX в.

Переплет — доски в коже.

На л. 321, 356 третьего счета — семейные записи 1750, 1759 гг.
— Зернова, № 220.

22 (32626). **Петерик Печерский.** Киев, типография Печерской лавры, 1661. 2°.

Л.: 21 нн., 1—76, 78, 1 нн., 78—90, 92—179, 190—203, 205, 204, 205, 207—251, 254, 243, 256—260, 256, 262—269, 268, 270, 272—289, 15 нн. (листы все).

Переплет — доски в коже, одна застежка. 2+1 форз. л. XIX в.

Записи: 1) на л. 3—15 нн. (в начале книги) скорописью XVII в.: «Сия святая книга Петярик Печерский келенна инока Инокентия кому достанется по скончании моего живата, молю вашу любви во благочестии вашем да прочитаите, да воспомяните мою душу инока Инокентия, да и вас Господь Бог помилует Спасе во царствии. Аминь»; 2) на л. 2 скорописью XVII в.: «Лета 7185 году»;

3) на л. 3—8 скорописью XVII в.: «Сию книгу Печерский патерик отца инока Инокентия ему ис келии вечно [...] родитель...»; 4) на л. нн. 17—22 скорописью XVIII в.: «Сия святая книга Киевский Петерик сполсе дедушки Андрея Гавриловича его честп по фамилии Шапошникова»; 5) на л. 8 нн.— 2, 42, 87, 105, 109, 119, 123, 211 скорописью XVIII в.: «Переславского уезду Новеженского стану вотчины Вази... помещиков села Петропавловского, а Мякишево тож, священника Михаила Иоаннова, а подписал я священник Михаил Иоаннов своею рукою 1730 году»; 6) на л. 143—153 скорописью XVII в.: «Инока Инокентия и родителей его, ему поручено... смерти их вручить... Инокентию в скорем времяни и незадержать».

На задней крышке переплета запись: «Перепл. 1838 мар. 10 д. заплач. 6 руб.».

Наклейка Ленкниги: «125 р., № 101758/67».

— Горфункель, № 157.

23 (15474). **Библия.** Москва, 12.12.1663. 2°.

Л.: 1 тит. л., 2 тит. л., 1, 2, 4—9, 4—228, 228_2—228_7, 1 л. гравюра, 229—300, 300—402, 1 гравюра, 403—415, 1 гравюра, 416—423, 1 гравюра, 424—437, 1 гравюра, 438—513 (нет л. 3 первого счета, 1—3, 514—516 второго счета). Л. 1—3 второго счета дописаны полууставом XVIII в. на бумаге с белой датой «1788».

Многие листы реставрированы бумагой XVIII в.

Переплет — доски в коже.

Записи: 1) на 1-м тит. л. на подклеенной бумаге XVIII в. скорописью XVIII в.: «Хрипун[о]ва»; 2) на 2-м тит. л. зачеркнутая запись скорописью XVIII в., читается лишь дата «1702»; 3) там же внизу на подклеенной бумаге XVIII в. скорописью XVIII в.: «Печатана в Москве с Библии подлинной Острожской в 1663 году декабря 21, о... на 1702 генвр. 12»; 4) на л. 2 первого счета — 16 второго счета стертая и заклеенная запись скорописью XVII в.: «[Си] я [кни] га, глаголема[я Би] бли [я]... дора...»; 5) на л. 513 второго счета скорописью XVII в.: «...Библия Федора Кириловича Нармат...».

Наклейка Ленкниги: «150 р., № 27208/67».

— Зернова, № 306.

24—25 (15491). Конволют: 1) **Соборный свиток** (Предел Освященнаго собора, собравшегося в богохранимом царствующем велицем граде Москве в лето 7174... От свитка Освященнаго собора). Москва, 11.1667. 4°.

Л.: 1—11, 3, 13—17, 1—4 (листы все, но последние 4 л. помещаются обычно перед л. 1—17).

— Зернова, № 319, второй счет (вариант).

2) **[Иоаким, патриарх Московский]. Извещение чудесе о сложении триех первых перстов.** Москва, 7.1677. 4°.

Л.: 1 тит. л., 1—15 (листы все).

— Зернова, № 346.

Переплет — картон в коже. 1+1 форз. л. XIX в.

Записи: 1) на л. 1 (первого счета первого издания) — 15 (второго издания) и далее на форз. л., в конце книги (частично прочтена под заклейками): «[Сия] книга, глаголемая Предел Освященнаго собора, принадлежит к числу книг Вятской губернии Глазовского уезда вновь открытаго села Кулижинскаго, иерея Иакова Ильина Мултановскаго, подписана своеручно 1837 года октября 10 дня в благополучное царствование императора всероссийскаго Николая 1-го, в 12-е лето его царствования при митрополитах Серафиме Санктпетербургском и Филарете Московском и при господине нашем преосвященнейшем Илие, епископе Вятском и Слободском и кавалере»; 2) на обороте верхней корки переплета тем же почерком: «Вятской губернии Глазовского уезда, вновь открытаго села Кулижинскаго иерея Иакова Ильина Мултановскаго. Подписано своеручно октября 10 дня 1837 г.».

Наклейка Ленкниги: «20 р., № 27208/67».

26 (32623). **Евангелие.** Москва, 9.1677. 2°.

Л.: 1 тит л., стр. 1—24, 1 л. гравюра, стр. 25—256, 1 л. гравюра, стр. 257—349, 351, 352, 354—664, 1 л. гравюра, стр. 665—968 (листы все).

Переплет — доски в желтом бархате, 4 медных наугольника, средник, спни, одна застежка.

Запись на л. 3—81 скорописью XVII в.: «Сию книгу богодухновенную Евангилие напрестольное положил Гаврило Григорьев сын Давыдов и жена его Марья по обещанию своему и жены своей пока мы живы и по детех нащих по тому ж бога молить, а после смерти поминать родители наша и нас, грешных. А положил сию книгу напрестольное Евангелие к выстивочной церкви Ильи пророка Михайловского Ореховского погоста, села Краснего безподвижно, что до сей книги Евангилья напрестольнаго низаимое и иному кому никому дела нет и из церкви Ильи пророка не вынесть, а кто вынесет книгу, и тот обличен будет по сей подписке и к воровству приличен. А подписал сию книгу по веле[нь]ю Гаврила Давыдова и жены ево Марьи Ильинской поп сола (!) Красного Онисим Артемиев лета 3203, маия в день».

Наклейка Ленкниги: «200 р., № 099949/67».

— Зернова, № 347.

27 (405684). **Патерик Печерский.** Изд. 2-е. Киев, типография Печерской лавры, 1678, 2°.

Л.: тит. л. 12 нн., 1—274, 13 нн. (нет листа нн. 12 в конце книги).

Переплет — доски в коже, две застежки. 1+1 форз. л. XIX в.

Записи: 1) на л. нн. 1 (первого счета) — 5 (второго счета) скорописью XVII в.: «Сия... глаголемая Патерик Печерский церкви архистратига Михаила, что... рекою в Овчинниках, диакона Иоанна Иоаннова дом[аш]...»; 2) на л. 101 об.— 112 скорописью XVII в.: «Сия книга... Сергиевского... преподобного отца Сергия Раденежского...».

— Горфункель, № 194.

28 (405684). То же.

Л.: нн. 1 — нн. 2, нн. 8 — нн. 11, 6—274, 14 нн. (отсутствуют и дописаны полууставом XVIII в. на бумаге с водяным знаком «герб г. Ярославля» л.: тит. л., нн. 3 — нн. 7, нн. 12, л. 1—5; тит. л. дописан с издания 1661 г.

Переплет — доски в коже. 1+1 форз. л. XIX в.

Записей нет.

Наклейка Ленкниги: «20 р., № 140249/69».

29 (32624). **История о Варлааме и Иоасафе.** Москва, Верхняя типография, 9.1680. 2°.

Л.: 1 тит. л., 1—13, 1—4, 1 л. гравюра, 1 л. гравюра, 1—215, 1 пустой (листы все; в экземпляре вплетены подряд два листа с гравюрой, изображающей Варлаама и Иоасафа).

Переплет — картон в ткани.

Записи: 1) на л. 1—3 первого счета скорописью XVIII в.: «Книга города Устюга»; 2) на об. последнего л. пустого скорописью XVIII в.: «Сия книга, глаголемая История или Повесть царевича Иасафа, посатцкаго человека Максима Онисимовича».

Наклейка Ленкниги: «125 р., № 101758/67».

— Зернова, № 360.

30 (1042506). **Минея общая с праздничной.** Москва, 1.1.1685. 2°.

Л.: 1 тит. л., 1—4, 1—759, 1 пустой (подклеен к доске переплета) — листы все. Оторван угол л. 93, разорваны л. 143, 655, несколько листов подклеено бумагой XVIII в.

Переплет — доски в коже, верхняя доска сломана.

Записей нет.

Печать на задней доске переплета: «Фрунзе. Буккнига. 63 р., № 521/11-64».

— Зернова, № 391.

31 (б/н). **Молитвослов.** Чернигов, 7.8.1692.

Л.; тит. л., 5 нн., 1—514, 11 нн.
Переплет — доски в коже. 2+3 форз. л. XVIII в.
Записи: 1) на последних 4-х нн. л. скорописью XVIII в.: «Сия книга Дениса Петрова»; 2) на л. 7—12 скорописью XVIII в.: «Сия книга Ивана Денисова сына Беляева».
На форз. л. в конце книги семейные записи о рождениях и смертях за 1759—1823 гг.
Наклейка Ленкниги: «25 р., № 27208/67».

32 (15489). **Стефан Яворский. Виноград Христов.** Киев, 1.1698. 4°.

[1]⁴, А⁴—Г⁴, Д³=л. 4 нн., 1—19=23 л.
Переплет бумажный.
Записей нет.
Наклейка Ленкниги: «20 р. № 27208/67».
— Издание в справочниках не обнаружено. Описание рукописи этого слова Стефана Яворского с частичной публикацией текста (посвящение Мазепе) см.: Ундольский В. М. Неизвестное сочинение Стефана Яворского.— Москвитянин, 1842, № 3, с. 105—109.

33 (32622). **Леонтий Магницкий. Арифметика, сиречь наука числительная.** Москва, 1.1703. 2°.

Л.: 1 тит. л., 1 гравированный тит. л., 1—29, 3 таблицы, 30—177, 177_2, 178—224, 1 гравированная таблица, 225—282, 1 гравированная таблица, 283—306 (нет л. 1—18 первого счета). Л., 215 разорван.
Переплет — доски в коже. 1+1 форз. л. XX в.
Записей нет.
Наклейка Ленкниги: «175 р., № 101490/67».
— **Зернова А. С., Каменева Т. Н.** Сводный каталог русской книги кирилловской печати XVIII в. М., 1968, № 15.

34 (469104). **То же.**

Л.: 3—29, 3 таблицы, 30—177, 177_2, 178—224, 1 гравированная таблица, 225—306 (нет л.: 1 тит. л., 1 гравированного тит. л., 1—2, 1 гравированной таблицы после л. 282).
Переплет картонный. 1 форз. л. в начале книги бумаги XX в.; в конце книги 2 форз. л. (крестьянские документы 1816—1821 гг.), 1 форз. л. бумаги XX в.
Записи: 1) на л. 1 нн. после л. 29 латиницей: «Wolodimera Iwanowa sina Weretcagina... in dem Astrahani 1722 anno october I dni und...».
Там же неразборчивая готическая подпись на немецком языке; 2) на л. 39 скорописью XIX в.: «Казма Рябчиков».

35 (15497). **Библия.** Москва, 1757 г., 12.XI; 2-е изд., 2°.

3 нн., 4—49, 1—574, 1—157, 1—45, 1 нн.
Переплет — доски в коже. 1+1 форз., л. XX в.
Записей нет.
Наклейка Ленкниги: «цена 35 руб.».

36 (469535), (469534). **Библия.** Киев, типография Печерской лавры, 1779, XI. 2°.

Т. I: 1 нн., 1—49, 1—313, 1 нн.
Переплет — картон в клеенке. Форз. л. 1 в начале книги (XX в.) и 1 — в конце (XX в.).
Записей нет.
Т. II: 2 нн., 314—574, 1, 1 нн., 2—29, 1 нн., 30—48, 1 нн., 49—158, 1—45, 1 нн. При переплете спутан порядок л.: 432, 434; 435, 433, 437, 436, 438.
Переплет — картон в клеенке. Форз. л. 1 (XX в.), 1 (XIX в.).
Форз. л. 2 имеет владельческие и поминальные записи к. XIX в. и печать: «Из книг П. В. Денисова, № 170».

37 (15498). **Шестоднев.** Клинцы, 1.7—2.9.1786. 2°.

Л.: 1—4, 1—334.

В выходных данных в обозначении даты окончания печатания от сотворения мира ошибка: «7294 г.» вместо «7295 г.».

Переплет — доски в коже. 2+3 форз. л. XIX в.

Записей нет.

Наклейка Ленкниги: «25 р. № 27208/67».

38 (15482). **Лимонарь.** Клинцы, 11.5.1787. 4°.

Л.: 1—6, 1—195.

Переплет — доски в коже. 3+3 форз. л. XVIII в.

На форз. л. 1 об. в конце книги записан полууставом XIX в. краткий чин крещения.

Наклейка Ленкниги: «10 р., № 27208/67».

39 (15480). **Авва Дорофей. Цветник.** Супрасль, 1789. 4°.

Л.: 1—165, 156—257, 257—330, 333—408, 408—411, 413—456, 458, 459, 470, 471, 473—487, 388, 1 нн., 390, 491 (листы все).

Переплет — доски в коже, две застежки. 1 форз. л. XIX в. в начале книги.

Записей нет.

Наклейка Ленкниги: «15 р., № 27208/67».

— [Лабынцев Ю. А.] Кирилловские издания Супрасльской типографии. М., 1978, № 54. (В помощь составителям сводного каталога старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов. Методические указания), вып. 3.

40 (15496). **Библия.** Москва, Синодальная типография, 9.1790. 2°.

Л.: 1 гравированный тит. л., 1 тит. л., 1—38, 1—224, 1—205, 1—165 (листы все; лл. 8—16 первого счета вплетены после л. 24 первого счета).

Переплет — доски в коже. 1+1 форз. л. XX в.

Записей нет.

Печать Ленкниги 1961 г.: «Цена 10 рублей».

— **Шайдакова М. Я.** Описание коллекции книг кирилловской печати XVI—XX вв. Горьковского историко-архитектурного музея-заповедника. Горький, 1975, № 128.

Т. Н. АПСИТ

ПОВЕСТЬ О ФРАНЦЕЛЕ ВЕНЕЦЫАНЕ В РУКОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ XVIII в.

Повесть о Францеле Венецыане была одним из самых популярных в России рыцарских романов. В XVIII в. ее, судя по записям, читали и переписывали низшие офицерские чины, солдаты, купцы, чиновники, мещане, крестьяне, семинаристы и священники. Благодаря такой популярности памятник сохранился в большом количестве списков, однако, очевидно, по причине той же популярности 21 список из 36 просмотренных нами является дефектным.

Отмечены дефекты нескольких типов. Наиболее распространена механическая порча текста (отсутствуют листы в начале или в конце рукописи, утрачены отдельные листы из середины); однако имеются случаи и скрытых дефектов в рукописях, переписанных с дефектных оригиналов, при этом фраза может обрываться на полуслове и продолжаться без перерыва другим эпизодом, например: «И с тех времен французы и иных земель люди учали Венцыана звать Францылем *маршалков приехать во едино время и то знатно, бутто по согласию тех королевен*» (ГПБ, Тит. 4193, л. 2—2 об.).

Иногда, когда текст копировался с дефектной рукописи, недостающие фрагменты воспроизводились по памяти, за счет другого произведения или за счет свободного творчества переписчика. Например, героиня в разных списках может иметь разные имена. Обычно ее зовут Ренцывеной, но иногда называют Пресианой или Пренцыаной. В двух случаях имя королевны переправлено (очевидно, читателями): в рукописи ГБЛ, собр. Амфилохия № 67 «Пресиана» исправлена на «Ренцывену», а в списке ГБЛ, Унд. № 925, наоборот, из Ренцывены героиня стала Пренцыаной. При анализе текстов мы сохраняли первичное написание.

Обилие списков, имеющих перечисленные типы дефектов, значительно усложняет установление редакций памятника и их зависимость друг от друга. Тексты Повести столь разнообразны, что установить строгую текстологическую систему их взаимоотношений очень сложно. Следует отметить, что наши выводы и наблюдения носят предварительный характер, так как большой объем памятника (в полном виде он составляет 120—150 л.) и большое количество списков (из 38 выявленных нам оказались доступными 36)

не позволяют в настоящей работе вдаваться в мелкие детали. В описание не представилось возможным включить два списка, являющиеся слишком неполными фрагментами произведения — БАН, 26. 2. 363 (1 л.) и ГПБ, Тит. 4288 (2 л.).

На создание Повести о Францеле Венецыане значительно повлияли История о Париже и Вене и Повесть о Петре и Магилене[1]. Однако если мы обратимся к структуре всех трех сочинений, то легко заметим, что «Францель Венецыан» значительно отличается от обоих переводных памятников, имеющих традиционное для этого типа произведений двухчастное деление (1-я часть — до разлуки героев, 2-я — жизнь в разлуке и счастливое соединение). Исходя из сравнения Повести о Францеле Венецыане с двумя переводными романами, послужившими для нее образцом, мы считаем, что протограф повести состоял из двух частей и кончался, как и французские истории, счастливой свадьбой героев. Однако к 1729 г. существовала наряду с двухчастной уже и трехчастная версия произведения.

Основная масса списков нашей повести имеет трехчастное строение. Приключения героев не кончаются свадьбой, она становится исходным моментом для продолжения действия (на свадьбе французский король, бывший военный противник Венецыана, выступает в роли претендента на прекрасную новобрачную, дальнейшее действие строится на этом конфликте). События, развивающиеся в третьей части повести, не имеют аналогий ни в одном из известных нам памятников.

Анализ текстов позволил выделить несколько редакций Повести, остановимся отдельно на каждой из них.

Киевская редакция. Особый интерес представляет список повести из собрания Института Украинской литературы под шифром Сб. 20 $\frac{15}{961}$ (1746 г.). Эта обработка «Францеля» имеет ряд особенностей, отличающих ее от всех остальных списков произведения.

Многие эпизоды этой обработки можно соотнести с соответствующими местами «Истории о Париже и Вене». Самым показательным для характеристики Киевской редакции является большее внимание к героине: здесь повествование начинается с рассказа о рождении Ренцывены, причем именно она является вымоленным ребенком, Францель — просто единственный сын у родителей. Полное соответствие этому находим во французском романе. После неудачного побега Венецыан попадает в Турцию, а королевна, возвращенная к отцу, придумывает хитрость (эпизод с гнилым мясом) для отпугивания многочисленных претендентов на ее руку. Во всех остальных списках «Францеля» линия королевны прерывается на ее возвращении домой и вновь возобновляется лишь с приездом Венецыана — Якшипера в Испанию. Киевская редакция полностью следует здесь за Историей о Париже и Вене.

---

[1] **Апсит Т. Н.** К вопросу о происхождении «Повести о Францеле Венецыане».— В кн.: Сибирская археография и источниковедение. Новосибирск, 1979.

Некоторые эпизоды Киевской редакции можно объяснить, на наш взгляд, влиянием Повести о Петре и Магилене. Как и Петра, тонущего Францеля подбирает торговое судно, как и Петра, его предназначают в подарок турецкому султану. Как и Петр, Венецыан ни на минуту не забывал прекрасную королевну:

«Францель Венецыан»	«Петр Златых Ключей»
Но токмо Венецыан великой себе забавы и веселия не имел, памятуя к себе нелицемерную любовь королевны Ренцывены, и во уме своем всегда помышлял непрестанно, да како бы их бог совокупил. (л. 69 об.)	Князь Петр... всегда печален был, помня красоту прекрасной королевны Магилены. Князь же Петр никогда не мог утешен быть, держа во уме своем прекрасную кралевну Магилену[2].

Во всех других списках герой вспоминает об оставленной возлюбленной, лишь увидев ее отца, короля Брамбеуса, через семь лет после разлуки.

Испанский король в Киевском списке выступает союзником персидского шаха в войне с турками и попадает в плен после поединка Францеля с персидским богатырем, где молодой рыцарь побеждает соперника. Надо отметить, что в Киевской редакции это единственный военный эпизод второй части повести. Здесь отсутствует «злая Лютра», отважная дева-воительница, образ Змиулана еще очень схематичен, перс не имеет даже имени, не говоря о сколько-нибудь подробной характеристике. Если обратиться к обоим французским романам, то и там мы увидим во второй части произведения очень слабую разработку героических рыцарских мотивов, практически их отсутствие.

Все указанные особенности Киевской редакции «Повести о Францеле Венецыане» приводят нас к убеждению, что она представляет наиболее ранний вариант произведения, и это подтверждается турецким именем героя («Якшапер, то есть славный ковалер»); королевна передает на Мальту лишь кольцо, по которому позднее узнает возлюбленного,— это, несомненно, наиболее архаичный вариант мотива. Следует отметить также, что Повесть в этой редакции имеет двухчастное строение, т. е. кончается свадьбой героев, и лишена вступления, что также подтверждает наше предположение о первичности Киевской редакции.

Двухчастная редакция. Интересными нам кажутся и списки ГИМ, Увар. 1084 и ГБЛ, Муз. 4633 (оба списка 70-х гг. XVIII в.). Их объединяет отсутствие вступления и чудесного рождения героя.

Наиболее интересным представляется список Муз. 4633. Примерно до середины действие в нем развивается так же, как и в остальных редакциях произведения, однако после победы над персидским богатырем события приобретают совершенно необыч-

---

[2] **Кузьмина В. Д.** Рыцарский роман на Руси. Бова, Петр Златых Ключей. М., 1964, с. 305. Далее в тексте: Кузьмина В. Д., с....

ный характер. Султан, обрадованный победой, делает Францеля своим соправителем, через некоторое время буря заносит корабль испанского короля в Турцию, где его принимают с великими почестями. Францель занимается устройством двора Брамбеуса в столице, затем отпрашивается у султана и едет вместе с полюбившим его королем в Испанию. Ренцывена сразу же узнает возлюбленного, оба падают от радости в обморок, после чего Венецыан открывается королю и родителям, просит руки королевны, получает разрешение от султана и женится. Брамбеус коронует его.

Можно предположить, что эта версия возникла в результате авторской обработки дефектного текста. Нельзя, однако, исключить и такую возможность, что автор этой версии Повести мог вообще не знать «Францеля Венецыана» в полном (пусть даже двухчастном) виде, поэтому окончание является исключительно плодом его фантазии, и соотносить авторскую часть с обычным текстом не целесообразно, поскольку мы сталкиваемся здесь не с новым осмыслением известной ситуации, а с созданием новой ситуации, ориентированной на современную автору действительность.

Список ГИМ, Увар. 1084 дефектный и обрывается около середины повествования, поэтому мы идем на определенный риск, говоря о его двухчастном строении, но большое сходство в сохранившейся части его со списком ГБЛ, как нам представляется, все же дает для этого основание. Отсутствие в списке ГБЛ даже упоминания о французском короле подтверждает, на наш взгляд, двухчастное строение протографа обоих списков. Если наши предположения верны, то двухчастная редакция должна занимать промежуточное положение в системе списков произведения, восходя, с одной стороны, к общему протографу повести, где лишь героиня является вымоленным ребенком, и примыкая, с другой стороны, к полной редакции «Францеля», о чем говорит общая с полной редакцией разработка эпизодов (хитрость Ренцывены в эпизоде с гнилым мясом распространяется здесь лишь на Францеля, о других женихах речи нет).

Краткое описание «сонной проказы» королевны в списке Муз. 4633 может быть объяснено поздним воздействием на него одного из списков распространенной редакции (см. ниже).

Распространенная редакция. Редакция эта представлена пятью списками: ГИМ, Щук. 253 (30—40-е гг. XVIII в.); ГПБ, F. XV. 42 (30—40-е гг. XVIII в.); ГПБ, Тит. 4504 (1802 г.); ГБЛ Амфилох. 67 (1769 г.); ГБЛ, Муз. 8451 (80-е гг. XVIII в.).

Отличительными чертами Распространенной редакции является трехчастное строение, наличие вступления, а также имена главных героев. Королевну во всех списках этой группы зовут не Ренцывеной, а Пресианой, турецкое имя героя — Якшипер, причем везде дается перевод его — «красивый юноша». Но самым ярким признаком Распространенной редакции является описание «сонной проказы», которую дьявол навел на тоскующую без возлюбленного королевну. Следует отметить, что Пресиана передает на Маль-

ту с Фларенцем только кольцо, по которому позднее происходит узнавание героя; все списки содержат описание чудесного венца — свадебного подарка невесте от турецкого султана.

При том, что все указанные списки сохраняют особенности, присущие данной редакции, полного единства между ними нет. Наиболее полной является рукопись ГБЛ, Амфилох. 67, ее отличительной чертой является разделение текста на небольшие главы. Вступление (оно выделено под заголовком «Предисловие») читается в этом списке так:

«Из четырех государств разных изобретена, яко из драгих цветов корона сплетена. О сем рыцаре родители ево и многие народы дивились, понеже из чрева матери своей в венце родився, и того ради от родителей своих именован Венцыаном. А о рождении рыцаря Венцыана и о благородстве его сказует Гишпания, о школьной науке и о показанной храбрости сказует Францыя, о жестоких поединках шпажных и данном ему ковалерстве сказует Малтийский остров, но изрядно и ясно сказует о храбрости его и мудрости на разных поединках Турецкое государство. Но сия история принадлежит человеком на четыре подобства: старым людем принадлежит о показании любви к чадом и о учении детей своих добрым наукам, младым отроком прилично о верных услугах и благочинных поступках к государем своим и к благородным государоням; и юным девицам прилично благоискусное искание тайные любви к честным младым рыцарям для совокупления законной любви к доброму житию; младым детям во охотное внимать в разум. Но о сей истории во многих славных беседах о ней слово под видом стыда поставить им несть можно, понеже в народе многие притчины случаютца чрез разные действа, чего не токмо сказать, но и описать не можно, и бывает отчасти чрез малое действо. Выписано из дел римских» (Амфилох. 67, л. 1—1 об.).

Описание «сонной проказы», как уже говорилось, является характернейшей чертой распространенной редакции:

«И взя [королевна.— *Т. А.*] свое колечко и лист прижала к сердцу, и легла на Францылеву кравать и мыслила многа о Францыле и в этой мысли заснула тонким сном. Диявол же от искания зело хитро лавитель, надзирает в народе многих человек, имеющих печаль и радасть, и саюзы душевной любви, и тварит мечты и пакасти в народе, и в яве наводит вражды и нарушает любовь, и чрез сонное видение тварит праказу греха — падение на блут, яко в яве, не толко с инастранными людми, но и с ближними сваими родственниками. И сего не токмо аписать или сказать, но и самим себе памыслить гнусно и страшно. И тако чрез сон наводит на человека слабасть, а патом и яве приводит на блудное дело. Но мню, яко многии челавецы в народе виновны сему греху, еже по дияволю действу внушени бывают ва сне на блудное грехопадение, яже зовется в народе «сонная праказа» алебо «греза». Тако враг и диявол правидев кралевну Пресияну в великой любезной печали и сатвари с нею пакасть — чрез сонное видение падение на блуд, хотя ю привести в слабасть яве на блудное дело. Приснилась кралевне Пресияне ва сне, якобы бы пришел к ней Францель наедине и лег с ней на единой кравати без зазору, и стали друг друга любезно целовать, и друг другу об'явили тайнасть сваю и сердешнаю любовь и вернасть. И яко бы играючи друг друга прижимаху к себе. Францель стал чинить над кралевною волю свою.

У каралевны Пресияны ва сне от такия горячия любви распалилось сердце, яко агнем, и разслабе белое тело ея и составы, панеже от роду сваего юнасти и сладасти не знала. И учинися над нею жестокая праказа. Егда же атчаяла кралевна над сабою такую притчину великую, и воскричала великим гласом и рече: «О верный мой друг Францель, спалил ты мае сердце!» Мамка же Любида услышала кралевнин неабычайный крик, в великом ужасе прискочила скоро к кралевне и увидела у кралевны в руках прижат лист к сердцу крепко, в лице же ея румянец и неабычной жар. Мамка же признала в ней тайную совесть и разбудила ея, и стала асматривать, и усматрела у нее такую притчину, и едва ее с пастели подняла... И пошла кралевна ис палаты Францелевой к матери ево, княгине Ксанфиде, и заперла палату по-прежнему, а ключи атдала Францелевой матери, княгине Ксанфиде. И поехала кралевна во дварец свой, бутто вне ума, и от того сна и видения в мысль впала и в болезнь, и от той причины была в болезни седмь дней и едва исправилась» (ГПБ, F.XV.42. л. 9—9 об.).

Этот эпизод и его освещение являются инородным телом в тексте куртуазного рыцарского романа, каким является «Францель». Тема «сонной проказы», «сонного мечтания» была чрезвычайно популярной в монашеской и скитской литературе, постоянно встречается в книгах «Старчество», но там ее появление вполне правомерно. Уместной она выглядела бы и в дидактических повестях, но не в галантно-авантюрном романе XVIII в., где любовная тема является одной из основных. Возможно, именно это обстоятельство определило незначительную по сравнению с другими редакциями популярность Распространенной редакции. И в «Париже и Вене», и в большинстве других списков «Францеля» сон королевны — вещий, он как бы предсказывает счастливое соединение влюбленных.

Рассказ о «сонной проказе» находится в самой близкой связи со словами вступления о том, что «в народе многие притчины случаютца чрез разные действа», о чем не всегда можно рассказывать «под видом стыда». Никакой другой эпизод не может быть поставлен в зависимость от этих слов. Таким образом, вступление и эпизод с «сонной проказой» были созданы одновременно, одним редактором.

Третья часть, как уже отмечалось, в Распространенной редакции выделяется:

«От нещасливаго часа, от яростнаго языка, от многих неудобных слов происходит великая вражда и учиняется великое кровопролитие и разорение государств, и опустение знатных домов, и падение многих славных и храбрых рыцарей и протчаго воинскаго народа. Как во время сего пирования учинися ссора у Францеля с королем французским. Оставим сие благочинное учреждение законного брака, но предложим зде о великой ссоре и войне кровопролития. Сказание о злом и нещасливом случае, отчего учинилась у Францеля великая ссора с королем французским и многое кровопролитие, и как оная окончается» (Тит. 4504, л. 83—83 об.).

Типологически вступление к третьей части повести очень близко к общему вступлению. Начинается третья часть так:

«Искони бо ненавидит диавол роду человеческаго и всегда

войны и вооружения и кровопролития желает, но всегда тщание имеет, како бы бысть между человеки ссоре и вооружить войну, и желал бы быти кровопролитию. И пусти злый свой плевел на короля француского, и разжесе сердце его велею похотию любовною х королевне» (Тит. 4504, л. 83 об.).

Здесь использован тот же прием, что и в случае с «сонной проказой». Дьявол появляется на страницах Повести лишь в этих двух фрагментах, причем козни его носят сходный характер: и в том и в другом эпизоде он наводит на героев «блудные помыслы», стремясь разрушить любовь и мир между ними.

Таким образом, можно поставить третью часть Повести в один ряд с общим предисловием и отступлением о «проказе» и предположить для них наличие общего автора.

Все пять списков Распространенной редакции имеют незначительные разночтения, однако наибольшее сходство наблюдается между списками ГПБ, F. XV. 42 и ГБЛ, Муз. 8451, которые различаются в основном тем, что список F. XV. 42 отличает такую диалектную черту, как аканье:

Муз. 8451	F. XV. 42
Аще душевно желаешь при мне быть, то напред моги себя умудрить и ясный свой глянец в простое стекло вменить, и яко младый отрок во образ юныя девы себя претворить. (л. 25 об.)	Аще душевно желаешь при мне быти, то напред многа себя умудрить и ясный свой глянец в прастое стекло вменить, яко бы младый отрак ва образ юныя девицы себя претварити и рыцарский свой сан женским адеянием прикрыти. (л. 15)

Правильное написание во всех списках этой редакции турецкого имени героя («Якшипер сиречь красивый юноша») в отличие от других вариантов, где героя называют Яшкипер, Якшкипер или просто Шкипец, также позволяет, как нам кажется, считать эту редакцию первоначальной, это мнение подтверждается и тем обстоятельством, что узнавание героя происходит по кольцу, а не по кольцу и «персоне» королевны или по кольцу, «персоне», и ковалерии, полученных Францелем на Мальте.

К Распространенной редакции, несомненно, восходит и список ГИМ, Заб. 498, датированный 1755 г., так как он содержит и вступление, и описание «сонной проказы», хотя третья часть в нем отсутствует. Здесь мы сталкиваемся, очевидно, с тем же явлением, что и в рукописи ГПБ, Q. XV. 74.

Более поздние редакции не содержат описания наваждения, насланного дьяволом на королевну: русский читатель XVIII в., очевидно, привык, говоря словами кормилицы Ренцывены, к тому, что «у хорошего все хорошо», поэтому в более поздних редакциях «сонная проказа» опускается, хотя следы ее остаются — королевна всегда после сна тяжело болеет.

Основой всей дальнейшей истории текста является Полная редакция.

Полная редакция. Отличительными чертами Полной редакции являются вступление и выделенная под особым заглавием третья часть. Сон королевны всегда передан кратко, героиню во всех списках зовут Ренцывеной, турецкое имя героя обычно Якшкипер. На Мальту королевна передает кольцо и платок, однако узнавание происходит не по ним, а по кольцам, полученным во время ночного свидания влюбленных, и по «золотой персоне» королевны, добытой Францелем на мальтийском турнире. Во всех списках редакции есть переписка Венецыана с французским королем, среди подарков, присланных от турецкого султана, королевна получает к свадьбе чудесный венец, история происхождения которого рассказана. Однако наряду с общими чертами списки Полной редакции имеют ряд особенностей, которые позволяют разделить тексты на две группы, условно названные нами «вид А» и «вид Б», от которых идут вторичные редакции (от вида А — Редакция с инверсией и Особая, от вида Б — Сокращенная и Краткая).

Вид А представлен списками ГИМ, Муз. 1043 (70-е гг. XVIII в.); ГАКО, № 43 (3638) (1753 г.); ИРЛИ, Перетца, 427 (60-е гг. XVIII в.); КГУ, № 191 (первая половина XVIII в.).

В списках вида А после вступления следует рассказ о рождении Ренцывены — вымоленного ребенка, в некоторых списках рассказывается о торжествах, устроенных Брамбеусом по этому поводу. Во время поединка Францеля с рыцарем Палдусом соперники бранятся, чего нет в других обработках памятника.

Список ГИМ, Муз. 1043 имеет спутанные листы, он начинается с рассказа о чудесном рождении героини и Венецыана, потом уже следует вступление, после которого события следуют в обычном порядке.

Список КГУ, № 191 имеет сокращенный вариант вступления (только первую его часть), рассказ Фларенца о мальтийском турнире опущен («все сказал ей подробно, как вышеписанно», л. 5), вообще здесь строка довольно часто остается недописанной: «повелел король дщерь свою зело честно» (опущено «содержать» или «воспитывать»), не кончено письмо Францеля к королевне. Однако встречающиеся пропуски и сокращения не позволяют все же говорить об общем сокращении текста, наоборот, часто попадаются небольшие дополнения, которые носят авторский характер: описывая спально Венецыана, автор отмечает, что «стены обиты бархотом алым», «а по мрамору услано пребогатыми коврами» (л. 9); отец героя решился пойти сватом к королю, «бояся, чтоб конечно (Францель.— *Т. А.*) чего над собою не учинил от такой обладающей любви по королевне» (л. 17 об.); молитва героя на турецком празднике превратилась в молитву животворящему кресту и заняла вместо нескольких строк целую страницу. В тексте постоянно встречаются ошибки; так, Венецыан называет французского короля не деревенским шутом, а дарешинским шутом, вместо улей пишется «уней» и т. д.

Калининский список, сделанный тверским купцом Василием Дмитриевичем Овошниковым в сентябре 1753 г., «сидя в таможне под арестом со скуки», отличается от предыдущего большей полнотой, здесь сообщается и о знакомстве Францеля с Мартисом, что встречается крайне редко: «В той же ковалерской школе у того же инспектора учился из Германии княжецкий сын, подобен Венцыану, именем Мартис. Венцыан же со оным Мартисом нача имети великую любовь и стали на одной квартере, и живяше родные брати, и так друг друга любляше, что один без другаго пити и ясти не может» (л. 4).

Василий Овошников, чьей «многотрудною рукою» списана повесть, был, вероятно, весьма высокого о себе мнения: когда королевна спрашивает мнение придворных девиц о Францеле, они отвечают одобрительно: «Дай тебе бог такого жениха Василия Дмитриевича» (л. 13 об.).

К сожалению, список обрывается на 22 листе, но сохранившийся текст позволяет отнести Калининский список к виду А Полной редакции.

К этой же группе относится и сильно попорченный, без начала и конца список ИРЛИ, Перетц., 427. Здесь сохранились лишь две последние части Повести, многие листы из середины рукописи также утрачены, поэтому отнесение списка ИРЛИ к рассматриваемой группе основано лишь на сходстве отдельных эпизодов с Казанским списком:

Перетц, 427	**Каз. 191**
И тогда королевна и Францыль не могли на ногах устоять и падоша на землю, и лежали недолги час, и егда пришли в память, нача друг друга любезно целовать. (л. 39 об.)	Тогда королевна и Францель от великия радости не могли на ногах устоять и падоша на землю, и лежали недолги час, и егда пришли в память и восстали, и нача друг друга любезно целовать. (л. 62 об.)[3]
Ты же не по мере разума своего превознесеся и гордостию своею вознесеся, яко глупая птица сова, имея очи великия, а довольна слепотой. (л. 60)	Ты же не по мере разума своего имеешь глупую пыху и гордостию своею дуешися, и ставиши спесь свою, яко глупая птица сова, имеяи очи великия, да полны слепоты. (л. 50 об.)

Редакция с инверсией является разновидностью вида А и представлена 4 списками ГБЛ, Унд. 925 (1754 г.); БАН, 1.1.24 (1780 г.); ГБЛ, Тих. 312 (60-е гг. XVIII в.); КГУ, В. 675 (втор. полов. XVIII в.).

Все списки данного вида отличает инверсия, состоящая в изменении порядка эпизодов: посещение Францелем и Мартисом «истерии»[4]; концерты под окнами королевны и бой с драбан-

---

[3] Надо отметить, что в списках других групп этого эпизода нет.

[4] **Истерия, австерия** — трактир, питейный дом или гостиница (см.: **Даль В.** Толковый словарь живого великорусского языка, т. I. М., 1955, с. 4).

тами происходят уже после сватовства, между ночным свиданием влюбленных и побегом. Здесь также отсутствует текст письма Францеля к королевне и слабее по сравнению с другими вариантами разработана любовная линия. Если учесть, что список Унд. 925 был сделан известным любителем пикантных историй Семеном Кульбицким[5], последняя особенность становится еще более показательной. Характерно также введение нового эпизода, не отмеченного в других текстах: когда Францель под видом Сусанны проникает во дворец, Ренцывену навещает король, который справляется у дочери о неизвестной ему посетительнице и остается вполне доволен, узнав, что это сирота-францyженка — дочь богатых и знатных родителей. К особенностям данной группы списков следует отнести и более мелкие детали: отсутствует описание сна королевны; во время ночного свидания только Ренцывена делает подарки возлюбленному, он ничего ей не дарит; на Мальту королевна отправляет с маршалком кольцо и платок.

При наличии общих черт нельзя, однако, говорить о полном единстве всех списков данной группы, тождество наблюдается лишь у двух из них — БАН, 1.1.24 и Каз. В. 675. Только здесь королевна передает для победителя турнира кольцо и платок «французского полотна»; написать свой портрет королевна велит маршалке Фларенцу (в других случаях — «мудрому изографу»); противника Францеля на Мальте зовут Балтус (в остальных случаях — Палтус), причем ранит его герой «в левой пах», а не левый бок, как везде; после боя в истерии Францель бросает драбантские мундиры в огонь (в других списках этого эпизода нет). Третья часть не выделяется отдельным заглавием, ее события описаны очень кратко, почти конспективно. Обе рукописи имеют также общие ошибки и описки:

Тих. 312	**БАН, 1.1.24**	**Каз. В. 675**
И в таких преслатких забавах чрез всю ночь были. (л. 24)	И в таких проклятых забавах чрез всю ночь были. (л. 17 об.)	И в таких проклятых забавах чрез всю ночь были. (л. 20 об.)
Тогда на пристань приехал турецкий паша именем Салтуган. (л. 33 об.)	Тогда на пристань приехал турецкий паж именем Салтуган. (л. 25)	Тогда на пристань приехал турецкий паж именем Салтуган. (л. 32)

И в Казанском списке, и в рукописи БАН совпадает не только пространное заглавие (обычно они сильно варьируются), но и конец Повести: «Гишпанское королевство вручил отцу своему князю Фридору, а по смерти отца своего вручил брату своему Мартису, и женил его Францыль на португальской королевне, а сам Францыль стал жить с прекрасной королевной Ренцывеной, в великой радости пребывати, а дружелюбство имети стали

[5] О С. Кульбицком см.: **Панченко А. М.** Чешско-русские литературные связи XVII века. Л., 1969, с. 132—133.

со всеми окрестными королевствами, в любви и в совете препроводила дни свои, в покое и в великой славе непоколебимо» (цит. по БАН, 1.1.24, л. 66 об.); ни один вид Повести больше не упоминает в конце Мартиса, с которым Францель расстался накануне неудачного побега и имя которого с тех пор исчезает в рассказе.

При том, что текст рассматриваемых двух списков совпадает практически везде, в ряде случаев встречаются и отклонения:

БАН, 1.1.24

Легла на кровать и в такой мысли заснула. Мамка Любида сидела под окном. Тогда королевне во сне привиделось, бутто Францель пришел к ней и начал над нею чинить волю свою. Тогда королевна закричала необычным гласом и едва пришла в память. Мамка же Любида скоро прискочила к ней.

(л. 13 об.)

Каз. В. 675

Легла на кровать и в такой мысли заснула. Мамка Любида сидела под окном. Тогда королевна закричала необычным голосом и едва пришла в память. Мамка же Любида скоро прискочила к ней.

(л. 16 об.)

Отличает оба текста от всех остальных упоминание о том, что кормилица королевны находилась все время рядом с воспитанницей, обычно она появляется в конце эпизода, после крика Ренцывены. Но по сравнению с Казанским списком текст рукописи БАН является более полным, события в нем развиваются последовательно, при том, что описания сна в нем практически нет, причина волнения девушки и ее последующей болезни вполне понятна. В Казанском списке здесь явный пропуск, тем более, что сразу следом за приведенным эпизодом идут слова: «Королевна сказала ей (Любиде.— *Т. А.*) все подробно, как ей то случилось» (цит. по Каз. В. 675)

Говоря о болезни Францеля от любви к королевне, писец Казанского списка отмечает: «Теперь я скажу, что он по школной науке имеет с королевной любовь» (л. 13). Пропуск в описании сна и эта несколько наивная ремарка, показывающая, что русский читатель воспринимал куртуазную любовь как «любовь по правилам», как регламентированное чувство, не дает нам конечно достаточно оснований для того, чтобы возводить Казанский список к рукописи БАН, мы лишь считаем возможным возвести их к общему источнику.

Как мы уже говорили, для этого вида повести характерно отсутствие описания сна Ренцывены, без которого эпизод посещения спальни героя вообще может терять смысл:

Унд. 925

И в тако своей мысли на кровати заснула, и в то время во сне ей привидилось, будто пришел к ней Францель, и тогда королевна вскричала великим гласом.

(л. 27)

Тих. 312

Королевна тому украшению (спальни,— *А. Т.*) дивилась и простясь с князем и княгинею поехала в свои покои.

(л. 19 об.)

В Тихонравовском списке здесь явный пропуск, так, как из дальнейшего текста следует, что королевна читала «похвальной лист», полученный Францелем на Мальте, и знает рыцарское имя юноши, а о том, что королевна видела свидетельства его храбрости, которые хранились в изголовье кровати, нет ни слова.

Текст Унд. 925 является более распространенным по сравнению с остальными, при этом особое внимание преображенец Кульбицкий уделяет военным эпизодам: он не только подробно описывает турнир на Мальте, но повторяет его во всех деталях в рассказе Францеля, остальные бои и поединки героя воспроизводятся Кульбицким с таким же старанием. Вообще его работу отличает бо́льшая правильность текста, меньшее количество ошибок и пропусков:

Унд. 925

Любимый мой брате Францелю, почто мы сладость свою тратим и не избираем себе хороших невест?

(л. 13 об.)

БАН, 1.1.24

Братец Францель, почто мы младость свою тратим и не бережем себе?

(л. 6)

Тих. 312

Брате Францелю, для чего мы младость свою тратим и не избираем?

(л. 10 об.)

Каз. В. 675

Братец, для чего мы младость свою тратим и не бережем себе?

(л. 7 об.)

В списке Семена Кульбицкого поединок Францеля с Палдусом выглядит иначе, чем бой со Змиуланом. На мальтийском турнире оба соперника благородны, поэтому даже в пылу боя остаются в рамках предписанной правилами куртуазности:

«Брате Полдусе, побереги своего здоровья, или смерти хощещь?» Полдус же с яростию рече: «Иди, злодею Францель, не мешкай!» Францель же раъярися, рече ему: «Прости, брате Полдусе!» И в третий сшипке ударил ево в самое сердце и пробил навылет по самой шпажной ефес. Полдус же паде на землю мертв» (л. 11 об.— 12).

Великан-перс перед поединком насмехается над героем, издевается над ним, поэтому Францель вынужден отступить от рыцарских правил:

«Ты меня видишь пред собою, яко сладкий канфет, да съесть не умеешь, а я тебя вижю пред собою, якобы некий деревенский мужик или рогожный куль, полон мекины набит» (л. 41 об.)

Во всех других списках этой группы эпизод со Змиуланом удваивается и повторяется на Мальте, меняется только имя соперника.

Мы уже отмечали, что в списках этой редакции отсутствует письмо Францеля к королевне, но есть ее ответное письмо к нему. В рукописи С. Кульбицкого оно очень короткое, после нежного обращения к любимому королевна пишет:

«Во известие тебе предлагаю: изволь ты рыцарский свой сан переменить и вообразить себе во образ юные девицы под именем француские кнежны Сусанны»... (л. 28 об.).

Все другие списки редакции используют при этом фрагменты из письма Францеля:

Тих. 312	Каз. В. 675	БАН. 1.1.24
Того ради надобно тебе себе избрать в меру, а я и давно желаю. (л. 22)	А сколько тебе своею храбростию тебе и красотою не расцветать, а надобно тебе подобием другаго себе в меру изобретать, а я и давно того желаю. (л. 19 об.)	А только тебе храбростию своею и красотою не расцветать а надобно тебе подобием другаго себе в меру изобретать, а я давно того желаю. (л. 16)

Казанский список и список БАН не имеют вступления, которое содержат Тихонравовский список и рукопись Кульбицкого. Однако списки Кульбицкого, Казанский и БАН, 1.1.24 объединяет сравнение французского короля с собакой, которого нет в Тихонравовском списке (там Венецыан в очень коротком письме обещает отомстить в бою за нанесенную обиду):

Унд. 925	Каз. В. 675	БАН, 1.1.24
Я имею во дворе своем сродника тебе, и он тебе всем подобен, токмо две вещи имеет разные с тобою: первая, понеже четвероног есть, а вторая — от роду своего носит рудожелтый кафтан. (л. 45)	Я имею при дворе своем сродника тебе, и ты ему всем обычаем подобен, и только он имеет две пестни разные с тобою для того, понеже он имеет четверонок, вторая, что от роду своего носит на себе одно оружие. (л. 53 об.)	Я имею при дворе своем сродника тебе, и ты ему всем обычаем подобен, и только он имеет две песни разныя с тобою, для того, понеже он имеет четвероног, второе, что от роду своего носит на себе единое оружие. (л. 45)

По сравнению с другими списками рукопись Тихонравова содержит целый ряд сокращений, которые принимают последовательный характер во второй и особенно в третьей части повести, в результате чего изложение приобретает почти конспективный характер. Вот как, например, выглядит в Тихонравовском списке описание событий, связанных с войной против французов: «И тако Францель с королевною процвели, яко солнце, а в то время король французской учинил им преболшую противность. И как отошел Францылев брак, званные гости все разъехались, тогда Францыль вздумал ити на французского короля, дабы возвратить преждебранное» (л. 49),

Все дальнейшее изложение носит подобный характер.

Особый вид представлен списком ГБЛ, Унд. 926 (1729 г.), который по содержанию сильно отличается от всех других текстов. Францель здесь не единственный сын у родителей, он имеет младшего брата Самфира; если во всех списках герой выступает на турнире за честь испанской королевны, как вассал за честь госпожи, не будучи с нею знакомым, полюбив Ренцывену по портретно-

му изображению, то в списке Унд. 926 Францель (здесь это первое имя героя, рыцарское его имя Венециан) знакомится с королевной во дворце по возвращении из «воинской школы» и вскоре после этого отпрашивается у родителей и уезжает за границу. После победы на Мальте, где юноша выступает «за честь и красоту» возлюбленной, он получает рыцарское имя. Вернувшись с турнира, Францель ходит к королевскому саду и в рентерею «для увеселения»; после того как юноша увидел гуляющую в саду королевну, он разбивает неизвестно для чего поставленный в рентерее караул шквандрантов. В списке отсутствуют эпизоды посещения королевной родителей возлюбленного, сна Ренцывены, концертов под окнами дворца, отправки портрета на Мальту и некоторые другие. В целом текст производит впечатление пересказа по памяти: кроме сокращения многих эпизодов, некоторые события повести сильно видоизменены. Так, два соперника Францеля на турнире превратились в двух владельцев портретов королевен, так что победить нужно именно этих рыцарей; королевна говорит отцу, что ее похитителем был «иностранный воин, кралевский сын» и т. д.

Обилие разговорных черт также может свидетельствовать о записи текста по памяти. Например: «Молю тя, милостивый государь мой отче, не обленися, пойди ко кралю и посолствуй от меня» (л. 6 об.); «Твой меч — моя голова, но помилуй мя, не великого себе чину прошу» (л. 7); «Лихо нам день ясен, понеже нас всяк знает, и нито нощь, и за темностию не познают» (л. 3 об.); «Отпусти меня, кралевна Ренцывена, до подворишка моего, да заберу оставшее имение свое» (л. 5 об.); «Глупый и неразумный ты воин, но не воин — деревенский мужик, великая твоя брюшина соломы полна, а возвраст твои как дерюжный мешок полон пелев набит» (л. 2 об).

Встречаются в тексте и пословицы: «Конь в поле, а молодец на рати познаетца» (л. 2 об). Подобные примеры можно было бы продолжить.

Несомненные отзвуки древнерусской литературной традиции видны в таких формулах, как «богатырская слава», «добрый конь», «вперися в сердце», «тмотысящное богатство», «храбр и премудр зело», «оказа храбрость», «сладкоглаголивыя речи» и т. п.; герой вооружен обычно не шпагой, а мечом.

В тексте постоянно встречается употребление дательного самостоятельного: «некогда идущим им ко кралю поклонитца на королевском дворе на переходах встретив прекрасную кралевну» (л. 2 об.); «и пришедшей ночи поеде Францель в корете» (л. 7. об.), глагольные формы архаичны и использованы правильно.

Хотелось бы обратить внимание еще на одну особенность списка Унд. 926. Если все остальные виды памятника тяготели к «Истории о Париже и Вене» и в значительно меньшей степени подвергались влиянию «Повести о Петре и Магилене», то здесь мы можем наблюдать иную картину. Именно воздействием «Повести о Петре», на наш взгляд, объясняются такие отличительные черты Особого вида повести, как отсутствие эпизодов чудесного рожде-

ния героев и вследствие этого превращение названного брата Францеля Мартиса в родного брата Самфира; Францель едет за границу не для того, чтобы излечиться от любви, а за воинской славой; турки любят Францеля за то, что он, как и князь Петр, избавил многих людей от темницы и смерти и т. д. Нам кажется, что в этом можно видеть вторичное влияние «Истории о Петре и Магилене» на Особый вид «Повести о Францеле».

Сходство между списком Унд. 926 и «Петром и Магиленой» часто почти дословное: Ренцывена с матерью, как и Магилена с королевой, не присутствуют на пире во дворце, а появляются там только после распоряжения короля:

«Петр и Магилена»	«Францель Венецыан» (Унд. 926)
И посадил его (Петра.— *А. Т.*) подле своего места, потом указал притти кралеве, жене своей, и дщери своей, прекрасной кралевне Магилене. И рекл им краль, чтоб оне помогли потчевать гостя. (*Кузьмина В. Д.*, с. 282)	Повелел краль кралеву и прекрасную кралевну призвати. И пришедше кралева Занчилия и прекрасная кралевна Ренцывена. И повеле краль дщере своей поднести пить. (л. 2 об.)

Надо заметить, что подобного эпизода вообще нет больше ни в одном из списков повести.

Вот как Петр и Францель отпрашиваются у родителей на чужбину:

«Петр и Магилена»	«Францель Венецыан» (Унд. 926)
Позвольте мне ехать в иные посторонные государства, всяких ради рыцарских дел отведать и себе богатырской славы заслужить от великих кралей. (*Кузьмина В. Д.*, с. 277)	Стал благословения просить, дабы ехать в другия околныя государства чести и богатырской славы от великих кралей и князей заслужить. (л. 2 об.)

Во всех остальных списках родители сами просят Мартиса увезти больного от любви сына в Германию и помочь ему там развеяться. Совпадения наблюдаются и дальше:

«Петр и Магилена»	«Францель Венецыан» (Унд. 926)
Царь же, егда весел бывает, тогда с иным ни с кем не тешится, токмо с князем Петром. (*Кузьмина В. Д.*, с. 315)	И когда (султан.— *А. Т.*) бывает весел, никаким сыном не тешится, точию с Якшапером. (л. 11. об.)

Как было сказано выше, создается впечатление, что Особый вид представляет собой пересказ по памяти «Повести о Францеле» с дополнительной ориентацией при этом на 1-ю редакцию «Повести о Петре и Магилене», список который, судя по многочисленным совпадениям текста двух памятников, находился у анонимного книжника под рукой.

Несомненный интерес вызывает конец повести по списку из собрания Ундольского, он, как и вообще весь текст, отличается большой оригинальностью. После свадебного пира «некоторым об-

лиянием французкий краль отня у Якшапера прекрасную кралевну Ренцывену. И Якшапер прииде к тестю своему кралю Брамбеусу плача бити челом: „Судя мя, великий краль, с королем французким, понеже некоторым бесовским облиянием отня жену, а вашу дщерь“» (л. 45). Брамбеус советует ему самому наказать французского короля, после чего Францель объявляет войну и обязывает французов выплатить всю дань, которую они взяли с Испании за 22 года (с его рождения).

Это упоминание о дани помогает нам найти место Особой редакции в системе списков памятника: подобное упоминание есть лишь в Полной редакции, поэтому нам кажется возможным возвести Особую редакцию к Полной, кроме того имеются, как мы видели, достаточные основания считать образец Особой редакции трехчастным, так как интересущая нас редакция сохранила, хотя и в сокращенном и видоизмененном облике, третью часть. Поскольку текст Особой редакции, представленный списком УНД. 926, начинается с описания Ренцывены, нам представляется возможным отнести его к виду А полной редакции.

Вид Б представлен списками ГБЛ, Тих. 222 (30-е гг. XVIII в.), ГБЛ, Тих. 324 (60-е гг. XVIII в.), ГПБ, Q. XV. 94 (60—70 гг. XVIII в.), ЦГАДА, ф. 187, оп. 1, № 181 (80-е гг. XVIII в.).

К особенностям этого вида можно отнести вступление, которое присутствует в трех списках (кроме Тих. 324), текст повести начинается с рассказа о чудесном рождении Францеля, королевна отправляется к родителям возлюбленного не для того, чтобы утешить их, а чтобы полежать на его кровати, нет брани Венецыана с соперником на мальтийском турнире, третья часть всюду выделяется, королевна передает для победителя турнира только кольцо, но Фларенц передает Венецыану еще и платок от нее.

Во всех текстах этой редакции очень подробно описано ночное свидание влюбленных; рассказано об испытании, которому подвергла королевна Венецыана, проверяя его стойкость; описаны любовные разговоры героев, их «жарты»; Францель подробно пересказывает Ренцывене мальтийский турнир. Мы имеем также пространное описание сватовства; после отказа короля Францель посылает своего названного брата Мартиса в Германию подготовить все необходимое для венчания задумавших побег влюбленных. Гроза всюду воспринимается как наказание божье, очень подробно показан турецкий период жизни героя (пространно описан вызов Змиулана турецкому султану и последующее сражение богатырей, казнь султаном трусливого воина, ярко описан образ девы-амазонки Лютры и т. д.). Королевна в полной редакции не отказывается выйти замуж за освободителя отца, но сообщает Брамбеусу о якобы имеющейся у нее болезни и выражает сомнение в том, что турецкий визирь захочет на ней жениться. Свидание Ренцывены с неузнанным ею Венецыаном расширено очень длинным разговором молодых людей, когда королевна использует все возможные средства для того, чтобы вызвать в женихе отвращение, и в конце концов прямо говорит ему, что обручена

с другим. В деталях описана свадебная церемония, очень подробно рассказано о подарках турецкого султана, особенно о драгоценном венце для новобрачной. После того как Францель открывается тестю и родителям, описывается скандал, учиненный французским королем, упрекающим Брамбеуса в том, что тот выдает дочь за своего раба. После объявления войны французский король знакомится с гадательной книгой пресвитера Назареуса, в которой предсказано его поражение. Турецкий султан присылает на помощь Францелю войска во главе с молодым турецким богатырем Злобиланом, невероятно храбрым и жестоким юношей, племянником убитых Францелем Лютры и Змиулана. Венецыан не верит ему и даже приставляет к персу соглядатая, но Зломбилан разбивает полки французов, и король просит пощады.

Список Тих. 222, например, отличается большим лиризмом: вот как выглядит здесь письмо Венецыана к королевне:

— «Любезная моя прекрасная, *очей моих свет,* райского селения цвет, един ты на земли красотою своею ясно сияешь, *яко в небе солнце блистает,* доколе тебе единой обитати, время, *свет мой,* другаго в подобие себе избирати» (122—122 об.).

В остальных списках письмо героя несколько более сдержано:

ЦГАДА, 181	Тих. 324	Муз. 1048
Любезная моя прекрасная королевна, райскаго селения цвет, един на земли, красотою ясно сияешь, и един насажден в царском вертограде. (л. 28 об.)	Любезная моя, прекрасный райскаго селения цвет, един на земли, красотою своею ясно сияешь, един возвращен в царском вертограде. (л. 299 об.)	Любезная моя королевна, райскаго селения цвет, един на земли красотою своею ясно сияешь, насажден в царском вертограде. (л. 30)

Список ЦГАДА содержит столько ошибок, что иногда текст теряет всякий смысл; вот как здесь отвечает королевна на письмо любимого:

ЦГАДА, 181	Тих. 222
Аще душевно желаешь при мне быти, то много свои гнусны глионск в простое стекло вложити возможешь. (л. 32)	Аще хощещь душевно у меня быти, то моги ясный свой глянец в простое стекло премените. (л. 124)

Смысл текста сохраняется, как видим, лишь в списке Тих. 222.

Следует также отметить, что список ЦГАДА дефектен, и это затрудняет работу над ним.

Краткая редакция, представленная одним списком ГПБ, Q. XV. 94 (70-е гг. XVIII в.), своим происхождением обязана виду Б Полной редакции, хотя и имеет двухчастное построение. Здесь есть вступление, совпадающее со вступлением Полной редакции; рассказ начинается с чудесного рождения Францеля, героиня названа Ренцывеной, на Мальту она передает для победи-

теля кольцо и платок; перебранки на турнире нет. Описание сна королевны имеет типичный для Полной редакции конспективный характер.

Иногда пропущенным оказывается целый эпизод: королевна велит доктору, принесшему ей письмо от любимого, подождать, пока она не напишет ответ, и идет в спальню для этого, но к письму Ренцывены автор больше не обращается, доктор на словах передает юноше распоряжение королевны.

В краткой редакции несколько иначе описан побег героев: Венецыан не совершает никаких предосудительных действий, только «уязвися сердцем», поэтому божий гнев не вполне оправдан; упоминание о нем явно вторично.

Среди других особенностей Краткой редакции можно отметить следующие, также сближающие Краткую редакцию с Полной: имя героя «Якшкипер сиречь красный юноша», поединок с персидским богатырем начинается с высокомерного заявления последнего, что противнику при его красоте и молодости больше подходит забавляться с девицами, чем ходить на поединки; Францель отвечает на это оскорбление: «А ты безумный, безделный улей, деревенский петух полон еси весь безумия, яко рогожный куль набит мекиною» (л. 202 об.). Автор допустил здесь явную ошибку. В других списках Венецыан называет соперника «пентюх», что значит грубый, глупый, неуклюжий человек [6], сравнение противника с петухом в данном контексте нелогично. Королевна узнает суженого не только по кольцу, но и по золотой своей «персоне», которую герой 7 лет назад получил на Мальте, это также свидетельствует о вторичности обработки. Завершается текст описанием свадьбы героев.

В целом Краткая редакция с очень незначительными отклонениями следует первым двум частям вида Б Полной редакции Повести; третья часть редактором скорее всего опущена. Возможно, он ощутил внутреннюю завершенность повествования и именно поэтому поставил точку, возможно, в его распоряжении находился дефектный экземпляр Повести — трудно с уверенностью ответить на этот вопрос. Но Краткая редакция, на наш взгляд, несомненно, восходит к Полной, так как только здесь скандал на свадьбе достаточно четко выделен текстуально и может быть опущен без вреда для произведения в целом. В других версиях «Францеля», где третья часть не выделена под специальным заголовком, это вряд ли можно было сделать без потерь для текста.

Сокращенная редакция представлена большой группой текстов: ГИМ, Барх. 586 (60-е гг. XVIII в.), ГИМ, Заб. 500 (1759 г.), ГИМ, Муз. 1156 (70-е гг. XVIII в.), ГПБ, Тит. 4193 (1768 г.), ГПБ, Тит. 3530 (60-е гг. XVIII в.), ГИМ, Муз. 1283 (60-е гг. XVIII в.), ГБЛ, Шиб. 261 (80-е гг. XVIII в.), ЦГАДА, ф. 187, оп. 1, № 182 (70-е гг. XVIII в.).

---

[6] **Даль В.** Толковый словарь..., т. III, с. 29.

Характерными признаками Сокращенной редакции можно считать отсутствие вступления, общее сокращение текста, особенно диалогов. Повествование, как обычно у вида Б, начинается с рассказа о чудесном рождении Францеля, героиню всюду зовут Ренцывеной, турецкое имя героя обычно Якшкипер, объяснения его нет. Королевна передает на Мальту кольцо и платок, узнавание происходит по кольцу и золотой «персоне» королевны, полученной Венецыаном на турнире. Третья часть в Сокращенной редакции не выделяется, сон королевны всегда дан кратко.

Одним из немногих полных списков Сокращенной редакции является рукопись ГПБ, Тит. 4193; несмотря на наличие в ней скрытых дефектов, в целом текст здесь сохранился достаточно полно. Список этот имеет много общих черт с Тих. 324 (это один из списков вида Б Полной редакции):

Тит. 4193	Тих. 324
И поехала во дворец свои бутто вне уме и от того сновидения и мысли впала в болезнь и была в болезни 7 дней и едва исправилась. (л. 14)	И поехала королевна во дворец свои бутто вне уме и от того соннаго приведения и мысли впала в болезнь и от той притчины была в болезни семь дней и едва исправилась. (л. 102 об.)
Брате Францель, я слышу, что в городе шум велик и бьют в сполох, а я знаю, что нас ради. (л. 17 об.)	Брате Францель, я слышу во граде шум великой, бьют в сполох, а я знаю, что нас ради. (л. 197 об.)

Подобные совпадения позволяют, на наш взгляд, говорить о том, что протограф Сокращенной редакции восходит к тому же источнику, что и Тихонравовский список.

Список Вахрам. 586, не имеющий конца, схож с Тит. 4193, как и список ГИМ, Муз. 1158. Здесь Францель также дает дядьке денег и велит купить «добрых портищ» и найти «добрых закройщиков», для того чтобы сделать женское платье «печалным образом», королевна спускается из окна «по шелковой тесемке». Объединяет Вахрамеевский и Гимовский списки и то, что здесь не упоминается бог, наказывающий героя за проступок, буря начинается как бы сама по себе.

Список Тит. 3530 пропускает встречу Венецыана с Фларенцем, хотя позднее маршалка в подробностях рассказывает королевне о турнире и о молодом рыцаре, которому он передал подарки. Этот список содержит много ошибок, например: «И *прикоснулось* ей во сне, како бы пришел Францель к ней» (л. 19), «и от того *свидания* (вместо «сновидения») впала в великую болезнь» (л. 19 об.); упоминания о дьяволе, попутавшем французского короля, нет.

Списки ГБЛ, Шиб. 261 и ГИМ, Муз. 1283 также опускают эпизод встречи Фларенца и Венецыана на Мальте, что позволяет возвести их к общему с Тит. 3530 протографу.

Очень ветхий дефектный список ГИМ, Заб. 500 в своей сохранившейся части содержит все эпизоды Сокращенной редакции.

Представляет интерес дефектный, без начала и конца список ЦГАДА, ф. 187, оп. 1, № 182. Отличительной его чертой является отсутствие переписки Венецыана с французским королем. Здесь Лютра, смертельно раненная героем, успевает ударить его мечом «так жестоко, что на главе его с чолмы самый верх свалился долой, яко бритвой ссечен» (л. 53). Во всех остальных списках она разрубает Францелю стальной шлем. Дядька героя здесь не назван по имени, в Турции Венецыан получает титул «паша и секретарь тайны при салтанском величестве».

Тихомировская редакция. Особый вид повести представляет рукопись ГПНТБ, Тихом., 44 (70-е гг. XVIII в.). Героиню здесь зовут Пресианой, и это сближает список с Распространенной редакцией «Францеля», однако посещение героиней спальни Венецыана описано предельно кратко: «легла на Францылеву кровать и мыслила много о Францыле. И тако воста, пошед ис спалны... И от того была в болезни седмь дней, едва исправилась» (л. 16),— аналогичный вид этот эпизод имеет в Полной и в Сокращенной редакциях. Для победителя турнира королевна передает только кольцо, что характерно для Распространенной и Полной редакций, а узнавание героя происходит по другим двум кольцам, подаренным королевной Венецыану во время ночного свидания. Мы имеем здесь, как представляется, позднюю обработку мотива.

Несмотря на то, что ход повествования в Тихомировской обработке соответствует Полной редакции, здесь нет переписки Венецыана с французским, королем, который вообще не упоминается, но самой яркой отличительной чертой этого списка является, пожалуй, стихотворная обработка всех любовных диалогов:

> Госпожа моя, королевна Пресиана,
> имя мое явно дано Венцыаном, но аз другое имя
> себе имею, токмо сказати ныне не имею,
> аще кто пожелает о том ведать, да изволит собою отведать,
> но аз тому открою, кто желает быть со мною:
> я сын князя Фридора и матери княги Ксанфеды.
>
> (л. 10)

Королевна на отказ Францеля служить при ее дворе говорит:

> Когда же совета моево не принимаешь
> и при мне быть рыцарем не желаешь,
> доступай сам, как умеешь.
>
> (л. 18—18 об.)

Этот принцип обработки текста касается и любовных посланий:

> О любезен мой камень диамент,
> Ни о чем ныне много писать,
> О чем и сам, друг мой, изволишь знать,
> Аще ли желаешь при мне быть,
> То моги себя умудрить

И во образ юные (*пропущено* девицы.— *Т. А.*) претворить,
И рыцарский свой сан женским одеянием прикрыть,
То можешь ко мне свободно быть,
Где желание свое исполним
И тайну свою друг другу откроим.

(л. 23 — 23 об.)

Встречающиеся пропуски в поэтическом тексте говорят о том, что перед нами не авторский экземпляр редакции, а копия.

К сожалению, список Тихом. 44 дефектный (нет конца), и это затрудняет определение его места в системе списков Повести; поэтическая обработка «Францеля» связана скорее всего с Сокращенной редакцией Повести. Имя героини можно объяснить, очевидно, влиянием какого-нибудь списка Распространенной редакции. Отсутствие переписки Венецыана с французским королем сближает Тихомировский список с рукописью ЦГАДА, 182 и позволяет нам возвести их к общему протографу.

Куртуазная редакция является «галантной» обработкой Сокращенной и представлена списком ГПБ, Q. XV. 74 (60-е гг. XVIII в.). Третья часть здесь, как обычно, не выделяется, героиню зовут Пресианой.

Особенность этой обработки заключается в стремлении автора к изысканности языка, вот как, например, обращается к другу Мартис, предлагая искать невест:

Q. XV. 74	**Тих. 324**
Любезный брат, уже и нам приходит время, чтоб мы, оставивши странствование, и избравши подобных себе девиц в жены, как и протчие в покое жизнь свою препровождали. (л. 10 об.)	Милый мой брате Францель, почто мы младость свою тратим и не избираем себе хороших невест? (л. 280)

Часто используются эвфемизмы, например, описывая сон королевны, автор говорит, что между героями «учинилося особливое сердечныя любви действие» (л. 28 об.). Военные эпизоды могут сильно сокращаться, к примеру, поединок с Палтусом описан так: «Венецыан же так с ним поступил, что подаривши ево двумя ранами, третиею умертвил» (л. 9).

Этой обработке присущ определенный дидактизм; так, Францель на предложение названного брата искать невест отвечает: «Однако без соизволения родителей оное учинить мне кажется непристойно» (л 10 об.). Автора обработки не смущает, что эти слова не очень вяжутся с дальнейшим поведением героя, который пытается похитить возлюбленную, узнав о несогласии короля на брак. Герой здесь изысканно извиняется перед родителями за поездку в Германию: «приносил свое рабское извинение и просил прощения, что так их родительское сердце в свое отсутствие неизвестием о себе опечалил» (л. 30).

14 Заказ 3146

Эта редакция (в других обработках он не просит прощения за столь долгое молчание) сохраняет все эпизоды повести, но иногда довольно сильно видоизменяет их. Обычно, например, французский король знакомится с гадательной книгой пресвитера Назариуса, где предсказано его поражение в войне с Испанией; в куртуазной редакции некий студент подносит королю календарь, сочиненный его дедом. Известно, что на протяжении всего XVIII в. календари печатали предсказания по самым различным вопросам, поэтому для второй половины XVIII в. замена гадательной книги календарем вполне оправдана.

Рукопись ГПБ, Q. XV. 74 не является авторской, о том, что это копия, говорит повторение четырех строчек текста на листах 28 об.—29.

Не выделенная третья часть и имя героини сближает «галантную» обработку повести с Тихомировской, и мы считаем возможным возведение их к общему протографу.

Особый вид повести, представленный рукописью ГПБ, связан, на наш взгляд, с печатной историей «Францеля», издания конца XVIII в. и восходит, по предварительным наблюдениям, к этой редакции памятника.

Как мы уже говорили, наши выводы носят предварительный характер, предстоит рассмотреть всю группу печатных изданий XVIII — нач. XX в., возможно, что после их анализа схема соотношения рукописных текстов несколько изменится.

III. Публикации

Н. Д. ЗОЛЬНИКОВА

«НАРЫМСКОЕ ДЕЛО» 1642—1647 гг.

С 1642 по 1647 г. в Нарыме, Тобольске и Томске велось следствие по «нарымскому делу», в которое оказались вовлечены представители всех слоев сибирского населения: служилые люди, пашенные крестьяне, холопы, князцы и рядовые аборигены, архиепископ Сибирский и низшее духовенство, светская администрация городов — воеводы, дьяки, подьячие, таможенный и казачий головы и т. д. Круг вопросов, затронутых в изветах, очень широк. Это и управление городом, и торговля пушниной, и отношения с ясачными волостями, и вопросы социальных отношений внутри города, и традиционный узел обвинений в политической и религиозной неблагонадежности.

В особенности хочется отметить, что следственное дело дает интересный материал по проблеме «похолопления» аборигенов, практически мало разработанной в литературе. Законодательство первой половины XVII в. крайне противоречиво как по вопросу о возможностях мелкого служилого люда холопить те или иные категории населения, так и особенно по вопросу похолопления аборигенов. В этой последней проблеме сталкиваются разные линии государственной политики: первая — защита местных народов от корыстных посягательств, чтобы обеспечить поступление ясака в казну и вторая — нежелание раздражать служилых людей, особенно на такой далекой и важной для государства окраине.

И наконец, материалы следствия — источник, каждая сторона которого ярко демонстрирует дух самостоятельности и «непокорства» служилых людей, с такой силой проявлявшийся в сибирских восстаниях.

Часть следственного дела (практически без комментариев), появилась в печати еще в прошлом веке [1]. Но изданные материалы

---

[1] **Латкин В.** Материалы для истории земских соборов XVII столетия Спб., 1884, с. 422—430; **Зерцалов А.** О мятежах в городе Москве и в селе Коломенском, 1648 г., 1662 и 1771 гг.— ЧОИДР, 1890, кн. 3, с. 16—17; Приложения II и III, с. 116—192. Беглое упоминание о трех архивных делах, посвященных «нарымскому делу», было дано Н. Н. Оглоблиным (см.: **Оглоблин Н. Н** Обозрение

освещают лишь некоторые моменты самого начального этапа и завершение дела. Последнее почти целиком было посвящено особому вопросу — обвинению нарымского воеводы И. Л. Скобельцына в «умысле» на жизнь царевича Алексея Михайловича. Неопубликованная часть следствия по «нарымскому делу» [2] дает интересные сведения по проблемам общественной борьбы и управления сибирского города в середине XVII в. Для данной публикации выбраны две вышедшие из противоположных лагерей челобитные (с одной стороны, служилых людей, с другой — нарымского воеводы), где наиболее полно сконцентрированы их взаимные обличения.

Предварительно дадим очерк действующих лиц и событий. Летом 1642 г. из Нарымского острога почти одновременно были отправлены обвинительные челобитные двух враждующих сторон, которые вскоре уже вели в городе настоящие междоусобные сражения со стрельбой «из наряду» и пищалей. Были и рукопашные схватки, и осада, и попытки привлечь аборигенов в качестве вспомогательной военной силы для решения внутригородского конфликта.

Начавшие конфликт нарымские жители имели пестрый социальный состав. Главой и «заводчиком» всего дела нарымский воевода называл, и судя по всему недаром, ссыльного дворянина Л. С. Плещеева. Сосланный в Нарым в 1641 г. Леонтий Степанович Плещеев оставил позже печально известный след в истории Московского восстания 1648 г. (оно началось с расправы над ним, тогда уже судьей Земского приказа).

Здесь мы должны сделать небольшое отступление. А. Н. Зерцалов, а вслед за ним Е. В. Чистякова утверждали, что полные тезки ссыльный Л. С. Плещеев и судья Земского приказа Л. С. Плещеев разные лица (братья) [3]. А. Н. Зерцалов категорически настаивал на своем мнении (а уже тогда В. Латкин, а затем С. Ф. Платонов отождествляли нарымского ссыльного и московского судью) [4], но доказательств никаких не приводил, ссылаясь лишь в целом на опубликованный им текст. Внимательное знакомство с этим текстом позволило выделить только одно место, где говорилось о брате Плещеева. На похвальбу Л. С. Плещеева, что у него «де Москва была в руке вся, я де и боярам указывал», нарымский воевода отвечал: «Леонтий, не бредь, и Лев брат твой не указывал» [5]. Ни Леонтия Степановича, ни Льва Степановича найти нам не удалось. Зато обнаружился Лев Афанасьевич Плещеев, который с 1613 по 1641 г. ходил в стольниках, был и «крайчим», а

столбцов и книг Сибирского приказа, ч. 3. М., 1890, с. 167—168; Приложение CXXXVIII, с. 314—315).

[2] ЦГАДА, ф. 214, д. 212, л. 1—519.

[3] **Зерцалов А.** О мятежах..., с. 16—17; **Чистякова Е. В.** Городские восстания в России в первой половине XVII века. Воронеж, 1975, с. 231.

[4] **Латкин В.** Материалы для истории..., с. 422; **Платонов С. Ф.** Нечто о земских «сказках» 1662 г.— В кн.: Статьи по русской истории. Спб., 1912, с. 129.

[5] **Зерцалов А.** О мятежах..., с. 186.

в последующие годы — воеводой в разных городах[6]. Судя по всему, только его и мог иметь в виду И. Л. Скобельцын в разговоре с Л. Плещеевым (из текста не следует, что Лев был родным братом Л. Плещеева).

Сам Леонтий Степанович Плещеев, действительно, никак не мог «указывать боярам». В книгах дворцовых разрядов имя его прослеживается лишь в списках дворян, допущенных в переднюю царя, когда у него по случаю больших праздников «был стол» (1629, 1631, 1632 и 1633 гг.)[7]. В Сибири Л. С. Плещеев появляется уже опальным человеком, после следствия в его вологодских имениях признанным вместе с сыном виновным «во многом воровстве, ведовстве, порче и волшебных письмах»[8]. В Нарым он был послан с женой и немногими дворовыми людьми в ссылку под строгий присмотр «за приставы» и на скудном содержании. Рисуя впоследствии интенсивными красками свои бедствия в Сибири, Плещеев жаловался, что умирает с голода, поскольку содержания воевода ему не выдает, а имения его отписаны на государя (его, правда, опроверг сам царь: в одной из своих резолюций по «нарымскому делу» он прямо отмечает, что у Плещеева поместья и вотчины не взяты)[9].

В Нарыме Л. С. Плещеев сразу вступил в резкий конфликт с воеводой. В «отписках» И. Л. Скобельцына в Москву, хотя и явно сгущающих краски, Л. С. Плещеев несомненно предстает человеком порочным и с замашками разбойника, несдержанным на грубые слова, не желающим примириться со своей зависимостью и положением ссыльного[10]. Поссорившись с воеводой, Плещеев сумел стянуть вокруг себя недовольных воеводой горожан, от которых пошли обширные челобитные с жалобами на его злоупотребления за 4 года управления Нарымом. И хотя И. Л. Скобельцын сумел подвести своего недруга в конце 1642 г. под батоги и тюремный режим за высказывание якобы угрозы в адрес князя Б. А. Репнина, судившего Л. Плещеева по вологодскому следствию, помочь это воеводе уже не смогло[11]. Нужно отметить еще, что, конечно, самым надежным способом вырваться из ссылки для Л. Плещеева было успешное обвинение кого-нибудь в «государевых делах», в данном случае — тяжелых должностных преступлениях воеводы Скобельцына. Встать в позу страдальца за «униженных и оскорбленных» и государеву казну Плещееву было тем более легко, что

---

[6] **Голицын Н. Н.** Указатель имен личных, упоминаемых в дворцовых разрядах. Спб., 1912, с. 194.

[7] **Дворцовые** разряды, изданные вторым Отделением собственной е. и. в. канцелярии, т. 2. Спб., 1851, с. 67, 68, 848, 858, 864.

[8] **Зерцалов А.** О мятежах..., с. 185—186; **ЦГАДА,** ф. 214, д. 212, л. 470.

[9] **ЦГАДА,** ф. 214, д. 212, л. 379; **Зерцалов А.** О мятежах..., с. 189.

[10] Косвенным образом некоторые обвинения И. Л. Скобельцына подтверждают документы о распущенной жизни Л. С. Плещеева в своем вологодском имении (см.: **Оглоблин Н. Н.** Бытовые черты XVII в.— Русская старина, 1892, № 6, с. 681—682).

[11] **Зерцалов А.** О мятежах..., с. 191.

подобный обвинительный материал можно было собрать без большого труда на любого воеводу.

Союзниками Л. Плещеева и главными обвинителями нарымского воеводы стали священник городской Покровской церкви Нарыма Яков Исаков, приказчик пашенных крестьян Федор Костарев и часть служилых людей с казачьим головой Юрием Даниловым. Активную роль в конфликте играл Ф. Костарев; позже, в 1648 г., как и его товарищи по «нарымскому делу» казаки И. Новосильцов и Н. Исаков, он принял участие в волнениях в Нарыме [12]. И. Л. Скобельцын упорно утверждал, что поп Яков Исаков и Федор Костарев стали выступать против него после того, как на них пало подозрение в «грабеже» соболей бывшего нарымского воеводы И. Загоскина и по требованию И. Скобельцына в Нарым пришла грамота о сыске [13]. Трудно сказать, какова доля истины в этом обвинении, во всяком случае во время следствия в Томске Ф. Костарев под пыткой все отрицал [14]. Существенно другое: и у попа и у казаков были более веские причины для оппозиции. У всех челобитчиков воевода, следуя государственной политике, отнимал холопов [15]. Вопрос о холопах, касавшийся феодальных прав служилых людей, был черезвычайно острым, определенную роль он играл и во время городских восстаний в Сибири в конце 40-х гг. XVII в.[16] Кроме того, воевода, вероятно, не без оснований обвинял служилых людей и священника в том, что они «должили» ясачных людей; взиманию этих долгов до сбора ясака он, по собственному признанию, препятствовал. Служилые же люди жаловались на нарушение их сословных интересов — воевода вопреки обычаю верстал в государеву службу гулящих людей, пашенных крестьян, ярыжек и даже пономаря вместо родственников казаков [17]. И безусловно, И. Л. Скобельцын в должности воеводы допускал немало насилий и прямого угнетения, о чем подробнее речь пойдет несколько позже.

Другой лагерь расколовшегося на две враждующие части Нарыма — разветвленный семейный клан нарымского воеводы Ивана Леонтьевича Скобельцына, управляющего городом с февраля 1639 по 17 июля 1643 г.[18]. В этот клан кроме самого главы входил его брат, Федор Зима Скобельцын, появившийся в Нарыме уже к концу воеводства Ивана, племянники Петр Челищев и Савва Скобельцын и жена воеводы, которая играла в борьбе активную и иногда самостоятельную роль. Прасковью Скобельцыну челобит-

[12] **Чистякова Е. В.** Городские восстания..., с. 231.

[13] **ЦГАДА,** ф. 214, д. 212, л. 194.

[14] Там же, л. 511.

[15] Там же, л. 515—516. В 1640 г. И. Л. Скобельцын проводил сыск об истязаниях попом Яковом своих кабальных холопов из аборигенов. И хотя до выяснения обстоятельства закабаления они были отданы владельцу. Яков Исаков подал жалобу, мало надеясь на утверждение своих прав на них: холопы жаловались на насильственное закабаление (см.: **ЦГАДА,** ф. 214, д. 113, ч. 2, л. 254—278). Благодарим Д. Я. Резуна, указавшего нам это дело.

[16] **Чистякова Е. В.** Городские восстания..., с. 215.

[17] **ЦГАДА,** ф. 214, д. 212, л. 47—48, 513.

[18] **Дворцовые** разряды..., т. 2. с. 602; **Зерцалов А.** О мятежах..., с. 129.

ные постояно именуют рядом с мужем во всех его «грабежах», взятках и даже вооруженных вылазках, не говоря уже о колдовстве. Вероятно, она принадлежала к тому же типу жен сибирских воевод, которых С. В. Бахрушин сравнивал с супругами римских проконсулов [19]. Интересно, что тип этот был достаточно распространен: к нему принадлежала не толко жена мангазейского воеводы Г. Кокорева, портрет которой дал С. В. Бахрушин, но и жена томского воеводы О. И. Щербатого, одного из следователей по «нарымскому делу» [20]. Сторонниками И. Л. Скобельцына и участниками во всевозможных его предприятиях и борьбе с «оппозицией» были его помощники по управлению городом подьячий Афанасий Володимиров, правая рука воеводы, а также целовальники, толмачи и часть служилых людей острога.

Воевода Иван Леонтьевич Скобельцын принадлежал к среднему дворянству. Ни он, ни его родственники не могли похвастать большими чинами. Тесть его, Чеботай Федорович Челищев, в 1615—1619 гг. был воеводой в Кети [21], шурин Ивана Леонтьевича, Енаклыч Челищев, службу начинал с нуля и через 20 лет добился лишь места среди многочисленных дворян царской челяди [22]. Не многим отличалась и карьера самого Ивана Леонтьевича. По его собственным словам, в середине 40-х годов он был «мужик старой и от ран увечной», служил государю сорок лет и «в осаде сиживал» [23]. Он упоминается на службе в 1614 г. (послан к Новугороду острошков ставить на Валдай) [24], в 1626 и 1627 гг.—в свите царицы при путешествии в подмосковное село, затем — в списке дворян у царского стола. В 1631 и 1633 гг. Скобельцын — меньшой воевода в прибылом полку во Мценске, следовательно, участник Смоленской войны. Весной и летом 1634 г. он был головой в полку князя Д. Черкасского и князя Д. М. Пожарского (шурин И. Скобельцына, Е. Челищев, был его боевым товарищем — служил там же в чине татарского головы) [25]. И наконец, в 1639 г. Иван Леонтьевич, как когда-то его тесть, назначен воеводой в маленький сибирский острог, соседний с Кетском Нарым.

И. Л. Скобельцын в отписках и челобитных в Москву особенно подчеркивал свои неустанные труды на благо казны. Действитель-

---

[19] **Бахрушин С. В.** Научные труды, т. 3. М., 1955, с. 195—197.

[20] **Чистякова Е. В.** Томское восстание 1648 г.— В кн.: Русское население Поморья и Сибири. М., 1973, с. 74.

[21] **Дворцовые** разряды..., т. 1. Спб., 1850, с. 196, 248, 297, 350, 427. Кетское воеводство Ч. Ф. Челищева окончилось следствием по жалобе ясачных людей на «насильство и тесноту великую» и по другим служебным преступлениям (См.: **Миллер Г. Ф.** История Сибири, т. 2. М.— Л., 1940, Приложения, № 150, с. 254).

[22] В 1629 г. записан как жилец, в 1633 г. был в дворянах для рассылки при «сыске» в Перми золотой руды, в 1634 г.— татарский голова, в 1646 и 1651 гг. упоминается в списках дворян, сопровождавших царя в подмосковные села (см.: **Дворцовые** разряды..., т. 2, с. 319, 375, 395, 830; т. 3. Спб., 1852, с. 49, 248, 260).

[23] **ЦГАДА**, ф. 214, д. 212, л. 194.

[24] **Разрядная** книга 1550—1636 гг., вып. 2, т. 2. М., 1976, с. 273—274.

[25] **Дворцовые** разряды..., т. 1, с. 842, 860, 862, 881; т. 2, с. 195, 323, 324, 375, 395.

но, по прибытии в Нарым новый воевода пытался заставить сдавать в ясак пушнину лучшего, чем раньше, качества (с «пупками», лапами и хвостами). Тут воевода даже переусердствовал — по челобитью ясачных людей царь отменил непосильное нововведение [26]. «Приискание» новых плательщиков ясака — еще одна сфера забот воеводы, причем сюда включались и те холопы, которых отбирали у разных категорий населения [27].

В одной из челобитных И. Л. Скобельцын упоминает, что вынужден был посылать в юрты своего десятника, оберегая ясачное население от закупок у него торговыми и служилыми людьми съестных припасов, без которых невозможна охота, а значит, и приток ясачной пушнины [28]. Свои вооруженные стычки с проезжими мимо Нарыма служилыми людьми И. Скобельцын объяснял тем, что пытался взимать положенную государеву пошлину за провоз гулящих людей [29].

Но усиленно выставляемое напоказ бескорыстие воеводы вызывает немало сомнений. В его челобитных, написанных выразительным простонародным языком (не редки и поговорки), не слишком отличающихся по стилю от челобитной его холопа Васьки Фатеева [30], виден человек с хорошей реакцией опытного вояки и администратора, умеющего предварить удар или в ответ на него мгновенно сплести интригу против недругов. При этом поражает точное знание, быть может, не очень хитрых, зато самых надежных способов очернить и дискредитировать противника в глазах властей. Наиболее действенными И. Л. Скобельцын (и не без основания) считал обвинения в политической измене, его отписки и челобитные густо ими заполнены в адрес всех своих противников. Любопытно, что в сознании старого служаки и участника войны с Речью Посполитой, хорошо помнившего Смуту, события, связанные с ней, долго были актуальны в плане мыслимой государственной измены. Не случайно у И. Л. Скобельцына сорвались слова про антивоеводскую коалицию во главе с Л. Плещеевым, что они изменники, завели в Нарыме «воровского царя» [31]. Нарымского казачьего голову Ю. Данилова и томского воеводу князя С. Клубкова-Мосальского И. Скобельцын обвинил в сговоре «потому, что он Юрье ему князь Семену рассказал, жаловал де ево в табарех в Тушине князь Семен Михайлович Масалской» [32]. Чтобы в Москве не сомневались в измене Ю. Данилова, Иван Леонтьевич обвинил его в отказе пить с воеводой за государево здоровье и в похвальбе, что «при царе Борисе он был спальник» [33]. Леонтия Степановича Плещеева воевода обвинил

---

[26] **ЧОИДР**, М., 1909, кн. 4, отд. IV. «Смесь», с. 8—9. Публикация любезно указана Д. Я. Резуном.
[27] **ЦГАДА**, ф. 214, д. 113, ч. 3; л. 394—395; д. 212, л. 462.
[28] **Зерцалов А.** О мятежах..., с. 171, 186—187.
[29] Там же, с. 187.
[30] **ЦГАДА**, ф. 214, д. 212, л. 489—494.
[31] Там же, л. 60—63.
[32] Там же, л. 514.
[33] Там же, л. 432.

в обмене тайными грамотками со своим ссыльным сыном, причем их посредник якобы распространял слухи о событиях в Польше, литовском посольстве в Москву и его целях [34].

Своих тобольских следователей, воеводу князя М. Гагарина и дьяка Г. Лукина, И. Скобельцын красочно обличал в небрежении чести государя и отсутствии на молебне по поводу именин царевича Алексея Михайловича [35]. Попа Якова воевода обвинил в самых губительных для него профессиональных, политических и религиозных преступлениях: воевода утверждал, что поп якобы не служил молебна в дни именин царской семьи и, кроме того, колдовал [36].

Для очернения своих врагов И. Л. Скобельцыну далеко не всегда требуется клевета, он очень умело пользуется подтасовкой и акцентировкой событий или просто сгущением красок и даже демагогией. Так, на вопрос, почему он дал «государев погреб» без указа, просто при устном известии о том, что «на Москве государя царевича объявили», Иван, чувствуя, что здесь любые преувеличения будут в его пользу, заявляет: «мы рады и слыша государское здоровье молити бога», и вслед за тем: «что де нам дороже бога да государского здоровья» [37].

Иногда в своих усилиях воевода так увлекается, что картина у него невольно становится наивно-утрированной, а хитрость, что называется, шита белыми нитками. Так, Скобельцын удивительным образом парирует обвинение в запрещенной торговле «на себя»: «никаким, государь, товаром не торгую, сведав то, что и служилые люди торгуют по деревням, и я сыскав завел товары на тебя государя, и что прибыли будет, и то, государь, объявится в сметном списке» [38]. Тут же воевода рисует идиллическую сцену сбора ясака в Нарыме и своей при этом кристальной честности: «а у казны государь у сбору живут целовальники двух годовые, да и служилые люди выбираются по три по четыре человека да торговые люди, а я холоп твой лише сижу, как примут ясак, и я их вином потчиваю и ключи живут у целовальников» [39]. Челобитные служилых людей как раз сюда вносят наиболее существенные фактические коррективы.

Обвинения в адрес воеводы И. Л. Скобельцына рисуют его действия достаточно традиционными для главы сибирского города того времени [40]. Здесь и присвоение «заповедной» пушнины, привезенной для уплаты ясака, и освобождение за взятку от «государевой пашни», и принуждение казаков и крестьян пахать на воеводу пашню, хлеб с которой шел на изготовление пива и вина, продававшимися воеводой в свою пользу, здесь и порча «государева» пива и

---

[34] **ЦГАДА,** ф. 214, д. 212, л. 432.
[35] Там же, л. 433.
[36] Там же, л. 1, 393, 394.
[37] Там же, л. 432—433.
[38] **Зерцалов А.** О мятежах..., с. 188.
[39] Там же.
[40] См.: **Бахрушин С. В.** Научные труды, т. 3, с. 191, 194, 195 и др.: **Чистякова Е. В.** Городские восстания..., с. 214—217 и др.

вина. Кроме того, воеводе инкриминировалась насильственная христианизация с корыстными целями, спекуляция различными товарами, организация игорного притона, всевозможные незаконные натуральные повинности[41]. Похоже, что воевода, формально следуя государственной политике в отношении холопов служилых людей, эксплуатировал ее в свою пользу. Неразработанность вопроса в литературе не позволяет точно сказать, в каких случаях в рассматриваемое время все же разрешалось казакам и другим категориям недворянского сибирского населения владеть холопами (не обязательно «ясырем»). В частности, в решении по упоминавшемуся делу о холопах попа Якова говорилось: если они до холопства платили ясак или оброк, то их у попа отнять, а если нет, то вернуть Якову[42]. Есть упоминание, что нарымский воевода не только отнимал холопов у служилых людей, но и организовывал сыск беглых от них же, тем самым утверждая их владельческие права[43]. Возможно, что воевода использовал сложную ситуацию с законодательством о холопах для вымогательства взяток или наказания неугодных. В своем своекорыстном «демократизме», как защитник и освободитель холопов, воевода, кажется, доходил и до своеобразной социальной демагогии. Казаки-челобитчики утверждали, что один из холопов публично укорял воеводу: «ты де нас... сам научал на казаков доводить, и хотел де у казаков имать половину животов и давать нам, и отпустить на волю, а ныне де нас опять казаком же отдаешь»[44].

И. Л. Скобельцын принял быстрые и беспощадные меры против складывавшейся оппозиции. Л. Плещеев, едва успев отправить челобитную в Томск, был посажен в тюрьму и оставался там до конца своего пребывания в Нарыме. Кроме того, казаки жаловались, что воевода «за те твои государевы дела одново служилово человека Микиту новокрещена убил до смерти», попа Якова привел в храме насильно к крестному целованью, чтоб тот «не бил на него челом», организовал «воровскую» челобитную в Москву от всех служилых людей Нарыма, и угрозами не выпустить на пашню заставил их заявить, что государевых дел на воеводу не знают, и все это только «завод» Л. Плещеева[45]. Но антивоеводская коалиция не пожелала сдаться. 16 декабря 1642 г. «учали после завтрени у Спаских ворот у караулни извещать», и спрашивая у головы Ю. Данилова разрешения одному из служилых людей отправиться с изветом в Томск, а другому — в Москву[46]. Перенесенный на широкую общегородскую публичную арену конфликт закончился обоюдной поножовщиной, причем изветчики вынуждены были отступить в храм, гонимые многочисленной дворней Скобельцына во главе с самим воеводой, его женой и родственниками,

---

[41] ЦГАДА, ф. 214, д. 212, л. 23—58.
[42] Там же, д. 113, ч. 2, л. 278.
[43] Там же, д. 212, л. 56.
[44] Там же, л. 51.
[45] Там же, л. 4, 5.
[46] Там же, л. 5.

вооруженными пищалями, рогатинами, чеканами и т. д. Из церкви осажденных вывел по их просьбе Ю. Данилов со служилыми людьми. В тот же вечер воевода официально довел до сведения казачьего головы, что «он... хочет побить до смерти» осмелившихся выступить против него. Несмотря на формальное объявление войны, Юрий на следующий день попытался отправить челобитные изветчиков в Томск с одним из казаков. Послал он его, правда, без провожатых, и воеводе легко удалось его «ограбить» [47].

Л. Плещеев в одной из стычек недаром сказал воеводе, что тот заводит «другую кокоревщину» [48]. Как и мангазейский воевода Г. Кокорев в 1631 г.[49], нарымский воевода И. Л. Скобельцын не задерживался перед тем, чтобы обернуть городские пушки против поссорившихся с ним соотечественников. Ночью 20 декабря воевода привел в город аборигенов, а утром приказал «выволотчи наряд» и стал с женой и родственниками «остяков забивать к приступу». Но задуманный поход не удался из-за отказа ясачных людей [50]. Тогда воевода попытался подкупить своих противников — каждого в отдельности, и также безуспешно. А 29 декабря попу «с товарищы» удалось, наконец, переслать изветные челобитные в Москву. После этого Иван возобновил жестокую войну с нарымчанами, послав своих приближенных и новоприборных казаков из гулящих людей и бывших холопов грабить и жечь дома челобитчиков в остроге и деревни «на Парабеле»[51]. Весь февраль 1643 г. продолжались по «сполошному колоколу» вооруженные ночные набеги на дом, где прятались служилые люди и поп Яков, несмотря на то, что там находились и присланные томским воеводой «для береженья» их приставы. В результате оказались и тяжелораненые.

И. Л. Скобельцын отнесся высокомерно к вмешательству своего непосредственного начальника томского воеводы князя С. М. Клубкова-Мосальского. В апреле, когда из Томска были присланы дополнительно 10 человек приставов, нарымский воевода, разозленный этой поддержкой своим непокорным подчиненным, высказался при многих служилых людях таким образом: «пишет де ко мне из Томского князишко с указом, не велит разорять домов тех, которые де на меня сказали государевы дела, и я де на те отписки плюю и гузно ими тру»[52].

В самый разгар этих событий в Москву пришли отписки от томского воеводы и две челобитные Л. Плещеева, полученные в Томске в июле 1642 г. Поскольку решить дело своими силами томскому воеводе оказалось явно не под силу, 30 декабря 1642 г. царь приказал направить воеводам П. Пронскому с товарищем в Тобольск указ вывезти из Нарыма Л. Плещеева с семьей и людьми и посадить его в тюрьму в Тобольске. Затем был послан указ привезти ту-

[47] **ЦГАДА**, ф. 214, д. 212, л. 6.
[48] Там же, л. 53.
[49] **Бахрушин С. В.** Научные труды, т. 3, с. 182.
[50] **ЦГАДА**, ф. 214, д. 212, л. 9.
[51] Там же, л. 10.
[52] Там же, л. 18

да же для следствия и попа Якова «с товарищи»[53]. Новые тобольские воеводы князья Куракин и Гагарин получили в наказе распоряжение послать из Тобольска в Нарым нового воеводу и пристава, который бы также привез И. Л. Скобельцына в Тобольск после передачи дел, после чего предписывалось провести сыск по челобитным[54]. «Гражданская война» в Нарыме кончилась лишь осенью 1643 г.: 17 июля в Тобольск был доставлен Л. Плещеев с женой и несколькими дворовыми, 17 сентября — поп Яков со служилыми людьми. Примерно тогда же прибыли и Ю. Данилов, и И. Л. Скобельцын с семьей и многочисленной дворней[55].

Но следствие, начатое было в Тобольске, практически сразу зашло в тупик. Еще в январе 1643 г. воевода Г. Куракин и дьяк И. Переносов исходатайствовали себе отставку от следствия. Куракин писал: «моя Гришкина недружба (с Плещеевым.— *Н. З.*) известна тебе государю, а Иван Скобельцын старой мне друг, а по тесте по князе Иване Борятинском мне ближней свой»[56]. Дьяк И. Переносов ранее участвовал в следствиях по делам Плещеева и опасался на себя челобитных от него. Однако второй воевода князь М. Гагарин и дьяк Г. Лукин сумели провести только одну очную ставку служилых людей и попа с И. Л. Скобельцыным (22 ноября 1643 г.), а затем нарымский воевода на вопросы отвечать отказался, обвиняя следователей в «понаровках» своим противникам и укрывательстве их измены государю[57]. В результате общих (включая и воеводу с дьяком) жалоб в феврале следующего, 1644 г., царь указал вести следствие обоим тобольским воеводам и дьякам[58], что вызвало еще более густой поток жалоб, поскольку оснований для обвинения в «недружбе» стало еще больше. С этого момента следствие практически не сдвинулось с места: воевода Скобельцын на явках отвечать отказывался, давая крупные взятки воеводам и одновременно посылая в центр челобитные со всевозможными обвинениями в адрес врагов — от саботажа следствия до политической измены. В Тобольске И. Скобельцын чувствовал себя достаточно уверенно: воевода Гагарин жаловался, что он свободно ходит по городу, несмотря на указ «быть за приставом», и отбил у приставов своих холопов. Противная сторона также забрасывала Москву челобитными, жалуясь, что из-за волокиты в следствии служилые люди вконец разорились и пашни их в Нарыме запустели, жалованье же государево им не платят, потому что И. Скобельцын, будучи еще воеводой, вычеркнул их из списков служилых людей. На запрос из Москвы новый нарымский воевода Иван Артемьевич Чеадаев отвечал, что платить жалованье челобитчикам не может, так как в книгах на их месте записаны другие слу-

[53] **ЦГАДА,** ф. 214, д. 212, л. 125.
[54] **Латкин В.** Материалы для истории..., с. 425.
[55] **ЦГАДА,** ф. 214, д. 212, л. 132—137, 77—91; **Зерцалов А.** О мятежах..., с. 129.
[56] **ЦГАДА,** ф. 214, д. 212, л. 233.
[57] Там же, л. 185—189.
[58] Там же, л. 194 об.

жилые люди, которым И. Скобельцын выдал жалованье на год вперед! Однако новый воевода, хотя и был зятем старого, не скрыл результатов сделанного по приказу из Томска обыска в доме у главного помошника Ивана Скобельцына — подьячего Афанасия Володимирова. Среди прочих бумаг была найдена подробная роспись отправленных на Русь из Нарыма с торговым человеком Иваном Медведем дорогих «заповедных» мехов Ивана Скобельцына, всего на сумму 541 руб.[59] Таким образом, одно из главных обвинений против него, в хищении пушнины, подтвердилось. По всей видимости, присвоено было значительно больше. И возможно, недаром Скобельцын жаловался, что в Тобольске у него была отнята шкатулка с 1,5 тыс. руб.[60], хотя ранее доказывал, что привез с собой из Нарыма лишь менее 300 руб., что подтвердил и тобольский таможенный голова Лысков[61]. Любопытно, что позже племянник И. Скобельцына Савва обвинял его в том, что во время следствия в Тобольске он раздавал баснословные взятки — до 9 тыс. руб.[62].

В конце концов, когда все подследственные стали разбегаться из Тобольска[63], а воеводы постоянно писали в центр, что «не смеют» проводить очные ставки ввиду публично высказываемого подследственными недоверия и подозрений, в феврале 1645 г. все следствие было переведено в Томск, а тобольским воеводам был дан выговор за волокиту[64]. Дело поручили вести томскому воеводе князю О. И. Щербатому,— второго воеводу, А. А. Молвянинова, отвел Л. Плещеев под предлогом «недружбы»[65].

Летом 1645 г все дело чуть было не получило желанного быстрого завершения. Им занялся только что воцарившийся Алексей Михайлович. Получив слезные челобитные Л. С. Плещеева и И. Л. Скобельцына пожаловать, взять их к Москве, сердобольный царь 29 августа распорядился дать указ О. И. Щербатому выслать в Москву и Плещеевых, и Скобельцыных вместе со всем сыскным делом[66].

Но указ еще не успел дойти до Томска, когда произошло роковое событие, затянувшее следствие еще на год и окончившееся трагически для одного из его главных героев. Ночью 1 октября на дощаник к Л. Плещееву (все участники нарымского дела только что приплыли из Тобольска к Томску) прибежал племянник И. Л. Скобельцына Савва и закричал на него «великое государево дело». Леонтий, естественно, заявил, как и в Нарыме, что он «таких

---

[59] **ЦГАДА,** ф. 214, д. 212, л. 243—251.
[60] Там же, л. 325.
[61] Там же.
[62] **Зерцалов А.** О мятежах..., с. 147.
[63] 18 сентября 1644 г. убежали пять нарымских служилых людей, причем донес об этом сам поп Яков. 29 ноября «побежал к Москве» И. Скобельцын со всем двором, но на другой день был пойман. Вслед за ним более удачно, обогнав по дороге медленно двигавшийся обоз Скобельцыных, устремился в столицу и поп Яков. (см.: **ЦГАДА,** ф. 214, д. 212, л. 291—307).
[64] Там же, л. 416—428.
[65] Там же, л. 412—413.
[66] Там же, л. 442—477.

государевых великих дел утаить и держать на себе не умеет» и на следующий день известил воеводу О. Щербатого[67]. Савва обвинял дядю с братом и Прасковью Скобельцыну ни мало, ни много в умысле извести Алексея Михайловича за то, что их долго не вызывали из Сибири к Москве. Через 20 дней уже сам Савва «извещал» томскому воеводе дополнительно, что якобы Иван Скобельцын посылал в Москву своего холопа подговаривать шурина Енаклыча Челищева выжечь Москву, сбежать в Литву и подготовить вызов его, Ивана, литовским королем из Нарыма к себе на службу[68]. И столь поздний извет, и само его содержание говорят о вымышленности обвинения и не совсем здоровой фантазии изветчика (хотя и могут свидетельствовать о темах бесед в доме Скобельцыных). Савва занимал в доме достаточно низкое положение, возможно, из-за своей неполноценности: И. Л. Скобельцын на допросе показывал, что «Савва грамоте не умеет и глуп и глух и нем»[69]. Племянник Ивана был в семье на побегушках, его часто наказывали, били, чего не отрицал и сам И. Скобельцын[70]. Трудно сказать, почему именно в Томске Савва решил донести на дядю,— возможно, три года мытарств семьи не прошли даром, и на долю всеми презираемого племянника стало перепадать больше колотушек.

Около года длились допросы и очные ставки в Томске, но мало что дали. Дворня И. Скобельцына и привезенные из Нарыма участники следствия не подтвердили ни обвинений в «государевом деле», ни по другим пунктам (взятки тобольским воеводам, размеры присвоения пушнины и т. д.). Показания были или разноречивыми, или же допрашиваемые ссылались на неведение да и не эти вопросы составляли ядро томского следствия. Практически большинство обвинений, содержавшихся в изветных челобитных попа Якова и нарымских служилых людей, отошли на задний план или не исследовались вовсе. Недаром Томская «Книга записная», сообщая о «нарымском деле», ошибочно сводит его только к извету Саввы Скобельцына[71].

После нескольких отписок О. Щербатого в Москву о сыске над нарымчанами 27 июня 1646 г. дело было вновь передано в Тобольск[72]. Новый тобольский воевода И. И. Салтыков кончил его в два месяца. За 4 дня были сделаны выписки из томского следствия, а 5 октября по ним начались допросы и пытки Скобельцыных и попа Якова с нарымскими служилыми людьми. И хотя Савва Скобельцын и единственый поддерживавший некоторые его обвинения холоп Ивана В. Фатеев после пыток сознались в «ложном заводе»

---

[67] **Зерцалов А.** О мятежах..., с. 116—117.

[68] Там же, с. 156.

[69] Там же, с. 157.

[70] Там же, с. 146.

[71] Книга записная. Томск, 1973, с. 30. В этом сообщении вообще много неточностей и ошибок; верна здесь только дата передачи в Тобольске всех участников «нарымского дела» томскому воеводе — 31 июля 1645 г.

[72] ЦГАДА, ф. 214, д. 212, л. 485—486.

(Фатеев — «избывая холопства»), бывшему нарымскому воеводе это уже было безразлично. 6 ноября после пытки он умер [73].

Если верить «Книге записной», Скобельцыных по государеву указу отпустили в Москву (Парасковья повезла туда тело мужа). Поп Яков «с товарищи» еще некоторое время жили на поруках в Тобольске — до государева указа [74]. Леонтий Степанович Плещеев единственый из подследственных вышел сухим из воды: пытки его миновали, и он отбыл в Москву, вероятно, еще до окончания следствия в Тобольске [75]. Прощенный и обласканный, уехал он осенью 1646 г. в столицу навстречу государевой милости [76] и своей судьбе, не зная, что переживет своего заклятого врага И. Л. Скобельцына менее чем на два года и встретит ужасную смерть.

Челобитная нарымского священника Якова, приказчика пашенных крестьян Ф. Костарева, толмача Ф. Деева, служилых людей К. Сергеева, Н. Исакова, К. Никитина, Г. Савина, И. Деева, И. Новосильцова. Подана в Сибирском приказе 16 февраля 1643 г.

л. 26. А дела твои государевы на Ивана Скобелцына и на жену ево Парасковью и на детей и на брата и на племянника и на людей:

Как он Иван в Нарым приехал и твое, государь, жалование наказ нам вычел и твое государево жалованное слово нам сказал и учал все делать заповедные дела мимо твой государев наказ. Завел корчьму немерную, сам и жена ево учали вино продавать мешаючи с поливами с пивными, а для горести клал горчицу, а продавал то вино всяким людям в чарки и в скляницы и ф фляги проезжим и остяком и новокрещеным на денги и на мяккую рухледь.

Да он же Иван имал на себя по три годы з государевы поварни государево вино не перепущаючи в перепуски аракою от браги по десети ведер, в первом году у целовалников у Вахромея Иванова да у Трифана Игнатьева, а в другой год у целовалников же у Семена Кутуфтина да у Третьяка проскурника, а в четвертой год у целовалников же у Ивана Боярки да у Ивана кузнецова брата, а тое араку мешал с поливами же с пивными, а для горести клал горчицу, а продавал по тому же на денги и на мяккую рухледь в четверть ведра флягу по рублю и болши, а на рухледь по бобру всяким людям и
л. 27 на всякую рухледь.// Да он же Иван не токмо в Нарыме корчму держал, и он Иван и по юртам посылал вино продавать на мяккую рухледь и на хмель менять сы Иваном з Бояркою.

Да он же Иван мне Нехорошке неволею велел на себя в деревне на Парабеле вино курити из моево Нехорошкина хлеба, а здобу дрозжи с хмелинами он Иван свои давал, а велел тое здобу имать у человека ево у Степанка и то вино велел имать аракою не перепущаючи в перепуски, а отвозил тое араку к нему кы Ивану человек

[73] Зерцалов А. О мятежах..., с. 179, 186.
[74] Там же, с. 184.
[75] ЦГАДА, ф. 214, д. 212, л. 487; Зерцалов А. О мятежах..., с. 185.
[76] Л. С. Плещеев был назначен судьей Земского приказа 15 августа 1647 г., в январе 1648 г. на свадьбе царя шел в свите за «государыниными санми» (см.: Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII века. М.— Л., 1946, с. 47; Дворцовые разряды..., т. 3, Спб., 1853, с. 78). Такой взлет карьеры Плещеева исследователи объясняли близостью этого рода всесильному временщику Б. И. Морозову (см.: Платонов С. Ф. Нечто о земских «сказках»..., с. 129).

мой Кулупко, а принял человек ево Иванов Степанко и тое араку мешал с поливами с пивными и продавал всяким людем на денги и на мяккую рухледь по тому же.

Да он же Иван для питухов и для приносу мяккие рухледи держал у себя за острог двои потайные ворота и теми потайными воротами мимо государевых острожных ворот к нему ходили днем и ночью всякие люди.

Да он же Иван держал у себя на дворе зернь и карты и запоя обыгрывал многих людей, а карты ево продавал служивой Трифон Игнатьев.//

л. 28 Да он же Иван приехав в Нарым для своей корчмы отнял у служилых в Нарыме огороды и пашни и на тех огородах и пашнях сеял рожь и ечьмень и ис тово хлеба варил пива и браги сам и племянник и люди все, а те пива продавал дорогою ценою на денги и на мяккую рухледь, ведро алтын по десети и по четыре гривны, а пива варил житко на остяцкую руку.

Да он же Иван не токмо казацкие пашни и огороды на себя поимал, и он и на Парабели государеву пашню и крестьянскую на себя взял и пахал и ис тово хлеба варил пива и браги сам и племянник и люди, а продавал те пива по тому же, а варил житко на остяцкую руку.

А пахали и обряжали на тех пашнях тот Иванов хлеб служилые люди и пашенные крестьяне и от тово ево зделья государеве пашне мешканье чинилось, в севу и в жнитвах опоздали и вся государева пашня пропала и семяна перевелись.

Да он же Иван приехав в Нарым торговых людей изогнал, остяком и служилым людем и пашенным торгами торговати с ними и новокрещенным не велел.//

л. 29. Да он же Иван приехав в Нарым и у нарымских у служилых люде[й] * и у пашенных и у новокрещенных промыслы все и торги отнял и остяком учинил заказ крепко, что служилыми и с пашенными и с новокрещены после государева ясаку торговати и долгов платити не велел. И изогнав торговых людей и отняв промыслы у нарымских людей, завел свои торги, и нарымских ясачьных людей и захребетников задолжил своими товары, а давал в долги дорогою ценою, а имал мяккую рухледь за свои долги дешевою ценою до государева ясаку и после, а носили ему тое рухледь потайными воротами днем и ночью, а иную рухледь ему пропивали, а про все про то ведает толмач Карпунка да Анъна Еремиха, оне ему Ивану и жене ево и толмачат.

Да он же Иван не токмо в Нарыме торги завел, и он и в Томском для своих товаров посылал на подводах людей своих Василья Фадеева, а покупал ему в Томском на продажу рожь и хмель, да ему же в Томском покупали для Енесейских торгов лошади, и то судно ево замерзло между Томским и Нарымом на половине, и он Иван по тое рожь и хмель посылал нужным зимьним путем в подводы ясачьных людей з девети волостей по пяти и по шти человек с волости, а ходили по те ево товары по рожь и по хмель двоижды, и

л. 30 в тех ево подводах// з голоду и с нужи один остяк на дороге и умер, а иные от той налоги и розбежалисе по розным местам, а ис тово хлеба он Иван варил пива и браги и продавал дорогою ценою на мяккую рухледь и на денги всяким людем.

Да он же Иван не токмо в Томской посылал торговать, и он Иван и в Енисейской с торгами со многою животиною посылал устюжанина Ивана Медведя, а снасти судовые давал государевы. А на те свои товары покупал ленские соболи, высылал к Русе с тем же Медведем, а в проезжей их писал на ево Медведево имя.

** Здесь и далее механические утраты текста восстанавливаются в квадратных скобках.*

Да он же Иван, сложася сы Иваном с Медведем, должил в Нарыме ясачьных людей и захребетников, и за те свои долги бил на правеже и сверх правежу и батоги бил и сверх батогов и в тюрму садил. И те ясачьные люди не перетерпя мук давали и последние животы свои и лошади, а лошади имал у князьца Чюры да у Семара. И те лошади он Иван взял себе, а Кызылма остяк от той налоги з
л. 31 братом своим с Авреею збежал безвестно.//

Да он же Иван со всех нарымских ясачьных людей имал государю в поминки с человека по одному соболю, а себе имал семеры поминки на себя и на жену и на пять дочерей опричe племянника и людей, а имал те поминки по вся годы не в один поем, как придут с ясаком, и он и имал лутчие звери на себя в семеры поминки, а иные имал за свои долги, а иные ему пропивали, а в государев ясак и в поминки имал плохие звери. И после тово с ясачьных с недобором приходят троизжи и четырезжи, а по вся приходы ему носят по семеры поминки, а поминки себе емлет лутчие звери жене и детем, а ведают про то про все толмач Карпунка да блядка Анъна Еремиха, оне у нево у Ивана и у жены ево и у детей и толмачат.

Да он же Иван давал служивому человеку Ивашку Снегирю свои самые худые плохие соболишка, а велел их продавать остяком на лутчие соболи, а те свои худые соболишка имал в государев ясак.

Да он же Иван из своих поминков лутчево остяка Киргатка бил кнутом за то, што он ему не хотел поминков давать и посадил в тюрму и из тюрмы он Киргатко выкупился, дал ему Ивану два со-
л. 32 боля поминочьных.//

Да сверх государь тово, что в сей росписе писано, что Иван воровал всякие лутчие звери у ясачьных людей, имал себе в семеры поминки, и сверх тово, что у ясачьных же людей имал лутчие звери за свои долги и до государева ясаку, и сверх тово, что ему ясачьные люди и пропивали, извещаем государь на нево Ивана во многом ево воровстве и во многой ево татьбе в дорогих зверях и во всякой мяккой рухледе. В Нарымском государь уезде во всех волостях ясачьных людей человек больше полутретьяста, и с тех ясачьных людей идет государю ясаку и поминков на всякой год с человека по десети соболей. А в том же государь в Нарымском уезде в тех же во всех волостях сверх ясачьных людей живут в захребетниках у отцов дети и племянники и братья отставленые ясачьные люди, которым мошно ясак платить, и тех захребетников будут столко же, сколко и ясачьных людей, а все те захребетники по вся годы ходят также на соболиные промыслы и на лисьи и на бобровые, что и ясачьные люди. И как Иван Скобелцын в Нарым приехал, и с тех захребетников и со отставленых ясачьных людей их промыслов все звери имал себе да жене своей и детем в поминки и за долги, а иные ему пропивали поневоле, что учинил заказ крепко всем остяком Нарымсково уезду, что всякую мяккую рухледь велел носить себе, а продавать никакой рухледи и за долги давать не велел никому, да и руским людем учинил заказ крепкой же, что отнюдь у остяков ничего купить и за долги имать не велел. А про все про то ведает толмач Карпунка. А как государев сыск будет, и те захребетники и все нарымские
л. 33. ясачьные люди и сами про то скажут, сколко у ково Иван//зверей у них взял и в котором году сколко у ково в поминки себе и жене своей и детем взял и что за долги имал и что ему пропивали и о том челом бьем государю, как ево государев сыск будет, и у сыску б велел бы государь быть в Нарымском остроге мне нищему богомольцу и нам холопем своим, и мы тех всех захребетников поставим и укажем на лице и во всем обличим, что у ково Иван дорогих зверей взял и всякой мяккой рухледи.//

л. 34 Да во всех сибирских городех государева заповедь крепкая не токмо самые дорогие черные лисицы и середние черные лисицы велено имать на государя, а Иван Скобелцын все дорогие черные лисицы по вся годы имал на себя в поминки, а иные ему пропивали, а в

государеву казну дорогие лисицы положить не велел ни одной, да и плохие черные лисицы все на себя же имал, а ведает про то толмач Карпунка да блядка Анъна Еремиха.

Да в Нарымском же уезде все ясачьные люди всех волостей ходят на бобровые промыслы, а добывают на промыслех многие добрые черные бобры и рыжие, а все те бобры емлет Иван себе и жене своей и детем, а ведают про те бобры толмач Карпунка да блядка Анъна Еремиха, оне у нево у Ивана и у жены ево и у детей и толмачат, а как государев сыск будет и все ясачьные люди и сами про то скажут же.

Да в Нарыме же был в толмачех по государеву указу лутчей человек Федор Деев, и как Иван в Нарым//приехал, учал воровать, все де-
л. 35 лать не по государеву указу и лутчие звери в поминки и за долги себе имать, и он Федор и учал государю прямити и за государевы дела стояти и говорити ясачьным остяком, чтоб лутчие звери носили государю, а не ему Ивану, и он ево за то бил и от толмачества отставил, а велел в толмачех быти детине новокрещену Карпунке, а у жены своей и детем взял в мамы и в толмачи новокрещенку блядку Анъну Еремиху, и что каких зверей ему Ивану и жене ево и детем остяки в поминки носили и за долги и что ему пропивали, днем и ночью приходя в потайные ворота, и про то про все ведает толмач Карпунка да блядка Анъна Еремиха и ево люди, которые у нево живут вверху женки и девки. Да в Нарыме же был ясачьной человек Кикпай Изырмаковы волости, а брат у нево родной в калмоках тайша. И наперед тово тот Кикпай с товарищы при Ондрее Усаве был в роспросе и в том воровстве был за приставом и дан на поруки, что ему из Нарымсково уезду на Барабу и в калмацкую сторону на промысел не ходити и в колъмаки не отъехати. И как Иван приехал и тово Кикпай отпустил на Барабу и он з Барабы отъехал в колмаки к брату к своему к тайше к Моуче.//

л. 36 Да от Ивановых же налог многие остяки Теш, Кутасалча, Алтымбай, Орий, Чинчика, Акъчичин з братом своим с Сарабаем семь человек побежали на Барабу в Тарской и в Колмацкой уезд. И в Тарском уезде прежней беглой остяк Ермамет пойман и по государеву указу ис Тоболску прислан в Нарым за приставом, а велено ему быть по прежнему в ясачьных людех и дать на поруку, что ему из Нарыму никуда не ехати. И Иван Скобелцын тово остяка Ермаметка, дав ему подводы, и опять отпустил в Тарской и Колмацкой уезд и запасу на дорогу ему дал. И после тово, как тово Ермаметка отпустил Иван, с пол году спустя извещали в съезжей избе ясачьной ясаул Кунаш да ясачьной же остяк Окрыкуп. Тарсково де уезду Барабинской волости лутчей человек Коготай Кунашу и Окыркупу сказывал, хотят де итти под Нарым колмаки с войною, а вожи де у
л. 37 них те беглые остяки Кикъпой с товарищы. И Иван Скобелцын, послыша вести, велел караул с башни свести.//

Да к нему же Ивану по ево Иванову велению с Руси приехал брат ево Федор Зима на государевых подводах с продажным вином. А встречю к брату своему посылал он Иван на государевых же подводах служивого человека Ондрюшку князь Иванова до Сургута со многими подводами для тово, чтобы брат ево Иванов Федор ехал к нему кы Ивану наспех с продажным вином, а подводы имал вперед и назад многие.

Да в Нарымском же остроге по государеву указу строен воеводцкой двор, а хором на нем горница с комнатою болшая на жилых подклетах да повалуша с тремя жиры, межу повалуши и горницы сени болшие да задние сени да мылня да поварня болшая да погреб да ледник на погреби да изба поваренная болшая да конюшна с сараями. И как Иван приехал в Нарым и мимо государев указ сверх воеводцких хором поставил в прибавку горницу у потайных ворот для продажного питья и для приносу мяккие рухледи, а ставил тое

горницу государевою казною ис красново лесу, а лес наметывал во-
л. 38 зить на ясачьных людей.//

Да он же Иван в Нарымском остроге для брата своево на воеводцком дворе не по государеву указу в прибавку поставил светлицу ис красново леса государевою казною, а наметывал тот лес возити на ясачьных людей, а от дела той светлицы давал из государевой казны денги многие, да сверх тово в тое же светлицу и в сени и в переходы изломал государевых два судна палаумыновые, а пришли те суды з государевым с киргиским запасом, а такие суды, которые он Иван спортил, торговым людем ставятца рублев по пятидесяти, по штидесяти.

Да нарымские же князцы и все ясачные люди со всей земли сверх ясачьных поминков собрали государю самые добрые поминки черную самую добрую лисицу и многие соболи и с теми дорогими поминками посылали к государю к Москве князца Вангая и хотели бити челом государю обо всяких налогах и об лутчих зверех, что воевода имал себе. И Иван Скобелцын те государевы дорогие поминки черную самую добрую лисицу взял себе, а их к государю к Москве князца Вангая не отпустил, а та лисица, с которою хотели ехать к
л. 39 государю к Москве, князьца Алгерова.//

Да мимо Нарымской же острог ходят по вся годы в Енисейской и на Лену и в ыные городы многие торговые люди дощаников по пятидесяти и болши, и Иван Скобелцын торговым людем чинил многие налоги, емлет многие денги и товары болшие, а которые ему Ивану не захотят дать, и тех людей проезжие грамоты держит у себя и оне грамоты выкупают, также дают многие денги и товары и всякие торговые люди являют словесными явками, а которые у них емлет товары, и теми товарами должит ясачных людей, в долги дает дорогою ценою, а за те свои долги емлет у них мяккою рухледью дешевою ценою до государева ясаку и после.

Да мимо Нарымской же острог ходят к Русе из Енисейсково и с Лены и из ыных городов торговые и промышленные люди с мяккою рухледью многие суды, и Иван Скобелцын тем торговым и промышленым людем чинит многие налоги, емлет с судов денгами и мяккою рухледью и болши тово. И от тово насилства торговые и промышленые люди и путь заложили и учали Нарым обходити Тымою и Вахом и через Мангазею и от тово многая государева пошлина и про-
л. 40 пала.// А которую государь в Нарыме мяккую рухледь дорогие звери и заповедные лисицы и соболи и бобры Иван Скобелцын своим насилством имал и что за свои долги дешевою ценою до государева ясаку имал и что семеры поминки имал и что ему на вино и на пиво и на брагу пропивали и что с торговых людей насилством денги имал и тое всее мяккую рухледь и денги и дорогие заповедные звери высылал к Русе с торговыми людми сы Иваном с Медведем с товарищы, а имал на них кабалы, а проезжие давал на тое свою рухледь и на денги на их имяна, с кем тое рухледь высылал. И про то про все ведает подьячей Офонасей и проезжие на те высылки писал он Офонасей сы Иваном вместе, а иную рухледь шил в платье, а делали на нево платье портные мастеры Сенка портьняга да сысолетин Михайло Семенов да Усолья Вычеготцково Михайло Чапышев да служивой Ивашко Снегирь да новокрещенка Анъна Еремиха и иные новокрещенки. А Сенка портьняга сказал в караулне при многих служилых людех, что он один Сенка своими руками зделал на Ивана и на жену ево и на детей собольих и пупчатых и лисьих черных черевих шуб три сундука болшие, а укладывал де я своими руками в сундуки
л. 41 опирш // он де тово, што оставил себе и жене и детем, портища по четыре по пяти, а от дела де мне не давал ничево, а что иные портъные мастеры на нево Ивана делали собольих и всяких шуб и то оне сами скажут, как государев сыск будет.

А иную мяккую рухледь и денги он Иван менял торговым людем на жемьчуг и на камки и на бархаты и на отласы и из тех камок и

из бархатов и из отласов делал себе холодное платье для тово, как бы ему мошно много и грабленой живот к Русе вывести.

Да в нынешнем во 151-м году в Нарымской же острог пришли с ясаком лутчие ясачьные люди князец Ванга с товарищы, а принесли государю в поминки самые худые две лисицы и плохие соболи, а те две лисицы взяты за три соболи поминочьные, а самую добрую дорогую черную лисицу Киргатковой добычи государю в поминки класть не велел Иван, а с тою дорогою с черною лисицею и с соболями и з бобрами и со всякою мяккою рухледью поставил их за острогом в слободе и приставил к ним приставов друга своево Стабровсково да Третьяка Мамыля и острожные ворота запер изутра и держал в запоре три дни, а тех всех ясачьных людей имал к себе потайными воротами и тою самою доброю дорогую черную лисицу Киргаткову
л. 42 и соболи и бобры взял к себе в поминки // и жене своей и детем, а иную рухледь имал за свои долги, а иную ему Ивану пропивали. И как ему рухледь всее пропили и он всех ясачных людей и по юртам отпустил и острожные ворота отпер. Да в нынешнем же во 151-м году Вангаевы волости ясачной остяк Кулин сын Чамай добыл самую добрую дорогую черную лисицу, и послышал про тое черную лисицу, Иван Скобелцын велел быти князьцу Вангаю да ясаулу Сямьбе с товарищы вдругоряд с ясачным с недобром и тое дорогую черную лисицу Чамаеву Иван государю в поминки класть не велел, а взял тое лисицу себе в поминки.

Да тое же Вангаевы волости ясачной остяк Пылка добыл самую же добрую дорогую черную лисицу и принесли было тое черную лисицу Пылкину государю в поминки, и Иван Скобелцын тое лисицу государю в поминки класть не велел, а взял тое лисицу себе в поминки.//

л. 43 Да в Нарымской же острог приходили с ясаком Пиковские волости ясачьные люди князец Сонгур да ясаул Салча, принесли государю в ясак немногие соболи да в поминки принесли черную лисицу рублев в двенадцать да тот же ясаул Салча принес болок государю в поминки самую дорогую черную лисицу, а такова та лисица была дорога, как и Сибирь стала, такой лисицы в Нарыме не добывывали, не токмо чамрук у хвоста сединки не было, а видел тое лисицу парабелской князец Е[...]альгер * да Ондрюшка князь Иванов, и тот Ондрюшка и извещал про тое лисицу в съезжей избе и в караульне при многих служилых людех и Иван Скобелцын тое плохую лисицу взял государю в поминки, а самую дорогую лисицу и лутчие соболи взял себе в поминки и жене своей и детем и брату.

Да наперед нынешнево 151-го году тот же ясаул Салча в прошлом во 150-м году добыл самую ж дорогую лисицу и Иван Скобел-
л. 44 цын // и тое черную лисицу себе же взял, а государю в поминки положить не велел, да и по вся годы все ясачные люди в Нарымском уезде добывают многие черные лисицы и Иван Скобелцын и жена ево имали себе, а государю класти в ясак не велели, а про все про то ведают толмач Карпунка да Анъна Еремиха, а как государев сыск будет и ясачьные люди и сами про то скажут про все, у ково Иван дороги звери имал.

Да нарымской же князец Чюра добыл самую добрую черную дорогую лисицу и хотел тое лисицу несть государю в поминки ото всее своей волости, и Иван Скобелцын тое дорогие лисицы государю в поминки несть не велел, а взял тое лисицу себе до государева ясаку, а дал ему за тое лисицу толко две фляшки вина мешаново, а то вино за тое лисицу дал ему в юрты и то продажное вино пили у нево в юртах толмач Карпунка да остяки Артык да Кайтотога с товарищы, а как оне то вино пили и тот Чюра с Сартыком и женою менялся.

---

* *Одна буква не разобрана.*

Да тот же нарымской князец Чюра добыл дорогую самую добрую черную лисицу и Иван Скобелцын и тое лисицы государю в
л. 45 ясак и в поминки по//ложить не велел, а велел тое лисицу принести к себе и к жене своей в поминки. И ясачьные люди Чюрины волости тое лисицы к нему кы Ивану в поминки несть не похотели и Чюра с тем прислал кы Ивану сына своево Масяръга, на што тое лисицы к нему кы Ивану и к жене ево в поминки нести не хотят, потому что тое лисицу ценит Чюра дорогою ценою. И Иван Скобелцын тем остяком учал грозить, и оне и за неволю положили тое лисицу и отнесли ему Ивану в поминки, да и многие черные лисицы он Чюра и ево волости ясачные люди по вся годы добывали, а все тое лисицы имал себе Иван Скобелцын и жена ево в поминки и за долги, а иные ему пропивали до государева ясаку и после, и про то про все и сами ясачьные люди скажут, как государев сыск будет, и толмач Карпунка да Анъна Еремиха про то ведают же, оне у нево у Ивана и у жены ево и у детей и толмачи.

Да нарымской же князец Ермак и ево волости захребетной остяк Кошпахта добыл самую добрую черную лисицу и тое лисицу взяли у нево в волость и хотели ее нести государю в поминки ото всее волости, и Иван Скобелцын тое дорогие лисицы государю в по-
л. 46 минки нести не велел, а взял тое лисицу себе в поминки.//

Да в сибирских же городех во всех государева болшая заповедь черных лисьих гнезд разорять и детей выкапывать из нор не велено. И нарымской остяк Коев сын Нендога добыл и кормил самово доброво черново лисенка государю в поминки и в ясак, и Иван Скобелцын тово черново лисенка взял себе.

Да нарымской же князец Аринзянево[й] волости ясачной остяк Ранепса добыл саму добрую черную лисицу и тое лисицу хотели несть государю в поминки ото всей волости, и Иван Скобелцын тое дорогие лисицы государю в поминки нести не велел, а взял тое лисицу себе в поминки.

Да нарымской же князец Тогурской волости Тобыл да и ево волости ясачной остяк Вонгий добыл самую же добрую дорогую черную лисицу и Иван Скобелцын тое черную лисицу государю в поминки класть не велел, а взял тое лисицу себе в поминки, да и по вся годы в Тогурской волосте добывают многие черные лисицы, и все тое лисицы Иван Скобелцын емлет на себя и всем Нарымсково уезду князком и ясаулом и ясачьным людем приказывает с толмачем с Карпункою лутчие звери черные лисицы и добрые соболи и бобры приносили бы к нему кы Ивану, а государю в ясак и поминки лутчие звери черные лисицы и добрые соболи и бобры носить не
л. 47 велит, и про то про все ведает //толмач Карпунка да Анъна Еремиха. А как государев сыск будет и ясачьные люди и сами про то скажут.

А как он Иван с женою в Нарым приехал и всех ясачьных людей и захребетников своим грабежем и насилством и корчьмою и долгами разорил до конца, да не токмо животы их имал, и он жен у ясачьных людей имал и силою и крестил. У лутчево у нарымсково князца у Тайбахтина сына у Чюры отнял жену и с пасынками, а с ево Чюриными братьми и с людми, и велел крестить дочере своей Овдотье, и окрестя, тое Чюрину жену и животы все и лошади себе поимал, а как тое Чюрину жену у мужа отнимал, и к нему приходили на двор многие ясачьные люди ясаул Меншик с товарищы и били челом и плакали у нево на дворе голосами, чтоб у князца их у Чюры жены не отимал, и он их велел з двора збити.

Да в Сибири ж государев указ во всех городех в упалые места велено ставить служилых людей и их детей и братью племянников, а Иван Скобелцын делал мимо государев указ, ставил в упалые места гулящих людей ярыжек Кирюшку Федорова да Олешку Серебреника да Сенку Портьнягу, да он же отнял у церкви, поставил в служивые люди пономаря Киприянка мимо казачьих детей и братьи
л. 48 и// племянъников, а которых ярыжек и пономаря ставил в служивые

люди, и он Иван их оклады государево жалованье имал себе денги.
Да он же Иван после тово ставил в службу в упалые места казачьих детей князь Григорьева Ол[е]шку да Олешку Ортемьева сына да Сенку Онтонова сына да Ивашка Оксенова сына да Первушку Кузмина сына, а государево жалованье их оклады имал себе денги.
Да в Нарымском же остроге на Парабеле заведена государева пашня, а пашенным давана болшая подмога, и Иван Скобелцын и жена ево Парасковья доброво пашенново крестьянина Ульянка Мартемьянова отставили, а взяли с нево посулу Иван три рубли, а жена ево Парасковья взяла с нево посулу рубль, а в то место поставили в государеву пашню ярышку Пронку Петрова, а тот Пронка увечен, слеп и ничево пашенново дела не знает.
Да тот же Иван и жена ево Парасковья как им итти ко храму к
вечерне и к заутрене и к обедне, и оне велели перед собою дороги
чистити служилым людем сторожу Нагаю да воротнику Ондрею да
л. 49 денщику Ивашку новокрещену.//
Да тот же Иван Скобелцын и жена ж ево Парасковья взяли к себе и к детем в мамы и в потайные в толмачи ворожею блядку Анъну Еремиху, да он Иван и жена ево взяли к себе и держали у себя ворожею ярышку Давыдка да ворожею Катку пашенново жену Завьялъкову, а што оне ворожили, и про то про все ведает он Иван и жена ево и те люди, которые ему ворожили.
Да он же Иван и жена ево Парасковья тово же ворожею
ярышку Давыдка у себя в хоромех научили клепать лутчих казацких
жен бездельем Олексееву жену Алатаеву Катерину да десятникову
жену Анъну Онътонову и пытал их безвинно, и оне ни в чем не винились, и он Иван и жена ево Парасковья тово ярышку отпустили из
Нарыма ночью потайными воротами.//
л. 50 Да та же десятникова жена молвила подьячему Офонасью, я
де тебя во сне видела в шубе. И Иван Скобелцын тое десятникову Онтонову жену Анъну взял в приказ и роспрашивал, видела де ты Офонасия подьячево в шубе и по тому сну што будет, и та Онтонова жена сказала, видела де подьячево в шубе, а што де будет, я не ведаю, и он за то ее хотел пытати, и служилые люди хотели ехать в Томской бити челом, и он ее не пытал и из приказу отпустил.
И после тово Офонасей подьячей позвал к себе на именины прожиточных людей казатцких жон и туто же прислал Иван Скобелцын ворожею блядку Анъну Еремиху, которую взял в мамы к детем своим и в толмачи, а с нею ево Иванова жена прислала ступишнова румянцу и велела подкинуть тот румянец в воду, и подьячей Офонасей сказал Ивану и Иван сказал, то де лютое зелье, и тех прожиточных казачьих жон, которые у нево у Фонасья были, хотел пытать безвинно для своей безделной корысти, и служилые люди хотели ехати в Томской на Ивана и на подьячево бити челом, и Иван Скобелцын тех служилых людей жон пытать не велел, а сказал, что тот
румянец жены ево Парасковьи, а дала тот румянец жена ево
л. 51 Парасковья // Анъне Еремихе.
Да тот же Иван Скобелцын всех казачьих купленных людей научал на казаков доводить в делавую пору для своей бездельной корысти. И как делавая пора минетца, и он тех казачьих людей давал опять тем же казаком на выкуп. И в приказе ему Иван Васильев человек Пушкарев Коноба говорил, ты де нас воевода сам научал на казаков доводить и хотел де у казаков имать половину животов и давать нам и отпустить на волю, а ныне де нас опять казаком же отдаешь. И теми налогами служилых людей разорил до конца.
Да тот же Иван Скобелцын не токмо Нарым и Нарымской уезд разорил до конца, и он Иван и проезжих людей сибирских розных городов побивал и из наряду по них стрелял для своей бездельной корысти<...>
л. 54 Да на нево же на Ивана ведал многие и великие твои государевы дела Микита новокрещен, и с теми с твоими государевыми дела-

ми с ызветом хотел ехать в Томьской, и Иван Скобелцын сведал про то, что он Микита на нево хочет ехати в Том[ской] с ызветом, и взял тово Микиту без людей в приказ и в приказе ему сказал, твоя де жена с остяком живет, а ты де на остяка не бьешь челом, и тово Микиту сам с палачем с Воргою бил ослопьем и батогами, и тот Микита от тех побой и умер.

Да Нехорошко наперед сего на нево на Ивана с тем же с твоими з государевыми делами хотел ехать с ызветом в Томской, и товарищу ево Иванову подьячему Офонасью и Левонтью Плещыеву про те твои государевы дела являл же и про то им сказывал, что с теми с твоими государевыми делами хочю ехати в Томской, и Офонасей подьячей пр[о] то Ивану сказал и Иван Скобелцын взял меня в приказ и хотел меня убити так же, што Микиту, и дал меня на поруку, что мне из Нарыма никуда не съехать.

А я нищей твой богомолец о тех твоих государевых делах хотел ехати с ызветом к архиеписк[у]пу в Тоболеск и изветные челобитные послать к тебе государю к Москве, и Иван Скобелцын меня нищево
л. 55 богомольца теснил // многим утесненьем и бил многажды и на правеже мучил и просил записи, что из Нарыму никуда не ехати и у себя на дворе привел меня в сенях к образу и после тово и во хъраму привел меня кресному целованью, что мне на нево с ызветом к архиепискупу в Тоболеск не ехати и к государю к Москве челобитных не посылати.

Да я холоп твой Гуляко с твоими государевыми делами хотел ехати к тебе государю к Москве, а отпросился у нево Ивана с торгом в Тоболеск для тово, как бы мошно из Нарыма выехать. И сведал про то Иван Скобелцын, что я хочю на нево Ивана ехати с твоими государевыми делами к Москве и он меня воротил и в Тоболеск не отпустил и отдал за приставы и без людей взял меня в приказ и в приказе бил сам ослопом насмерть и после тово велел меня бити кнутом, а приговаривал, не хвались доводом, и от тех побои я Гуляко лежал многое время при смерте.

А я Куземка Микитин наперед сево хотел с твоими государевыми делами с ызветом в Томской ехати и Иван Скобелцын велел перенять утопшево остяка некрещеново Тогурские волости Фетки новокрещена брата ево и велел ево нести во храм и отпевать попу велел
л. 56 силою и // положил у храму, а назвал тово остяка моим беглым человеком, а мой человек збежал в Енесейской, и он Иван и погонную за тем моим человеком послал в Енесейской, и теснил меня многим утесненьем и хотел пытать и также хотел меня известь, что Микитку, и дал на поруку, что мне из Нарыму никуда не ехати.

А с которыми государь с твоими государевыми делами на Ивана с ызветом хотели в Томской и в Тоболеск и к тебе государю к Москве и то мы являли Левонтью Плещыеву и Левонтей Плещыев о тех твоих государевых делах в Томской и в Тоболеск послал челобитные. И как Левонтей о твоих государевых делах челобитные послал, и Иван Скобелцын всех нарымских служилых людей со всех пашен забил в острог и написал воровскую челобитную с подьячим, что нам ево Ивана во всех твоих государевых делах укрыть и в том заперетца, что на нево твои государевы дела Левонтью являли. А писал тою воровскою челобитную Офонасей подьячей своею рукою по ево Иванову велению и принес тою челобитную Офонасей от нево от Ивана ко мне к Нехорошке и велел такую воровскую челобитную с своево писма написать мне Нехорошке ото всех нарымских служилых людей заочно. И я Нехорошко и служилые люди, которые в Нарыме были, такой челобитной писать не хотели и ему отказали, и он Иван не велел нас в делавую пору из острогу на всякое дело выпус-
л. 57 кать // и держал нас заперши в остроге в делавую пору и в промышленую в рыбную ловлю три недели. И мы не перетерпя мук такую воровскую челобитную с Офонасьева писма написали и руки приложили неволею, и тое вымученую челобитную взял у нас он Иван и

послал к тебе государю к Москве. И после тово он Иван собрал нас всех в приказ и посылал нас, велел Левонтья Плещыева и з женою убить, и мы ему учали говорить, Левонтей человек опалной и мы ево без государева указу убить не смеем, и Иван Скобелцын учал нас лаеть, на што вам указ, слушайте тово, што я вам велю, то и делайте, и мы ему учали говорить, дай нам наказ, почему ево убить, и он нас учал лаеть и уграживать<...>

Челобитная бывшего нарымского воеводы И. Л. Скобельцына. Подана в Сибирском приказе 11 мая 1645 г.

л. 432 Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии холоп твой Ивашко Скобелцын челом бьет. По заводу государь в Нарыме Левонтья Плещыева научил голову да попа с тав[а]рыщи меня холопа твоего убить, потому что прислана твоя государева грамота о сыску на попе с таварыщи соболей Ивана Загосткина. Да в те поры же, государь, привез грамотки Тобольского города сын боярской Сергей Тырков от сына Левонтьева к Левонтью грамотки и отдал тайно. Да он же Левонтью сказывал, что короля де в Литве не стало. Да в те поры шол в Енисейской служилой человек Ивашко Колесников и он то же сказывал, прислали де к Москве послов Литва и послов де к Литве не пустили, а гонец де на Москве был с тем, что прошают де по Можаеск. И я холоп твой писал к тебе государю многажды, а от их убойства ушед, сидел в осаде на дворишке, в осаде до мерены * и, как я ушел, и они избываючи вины своей, что они завели, почали на меня доводить твое государево дело. И по твоему государеву указу велено сыскать в Тоболску князю Михаилу Гагарину да дьяку Григорью Лукину. И князь Михайло, норовя Левонтью по свойству, чтоб меня задержать, и я холоп твой принес челобитную Левонтьеву и головине и попову с товарыщи заводу, что хотели меня убить и в острог засечть. И они у меня челобитную взяли и держали две недели, и казали Левонтью и голове и попу с товарыщи, и призвав меня, почали мне отдавать. И я холоп твой бил им челом, чтоб тое челобитную послали к тебе государю к Москве. И князь Михайло, государь, и Григорей и челобитную изорвал[и] и кинули мне в глаза. А как, государь, завели завод в Нарыме и голова нарымской назывался, при царе де Борисе я был спалник, ты де тово не ведаешь. И после тово учинили мне с теми ворами очную став[ку]. Я им подал челобитную, что как пришол с Москвы служилой человек и сказ[а]л, что на Москве государя царевича объявили, и я и служилые люди обрадовались и молили бога и для государскова здоровья били челом о погребе. И я холоп твой погреб дал и к себе их звал и голова отказал, нынеча де великой пост, не пьют вина. И как я по твоему государеву указу, посыл[а]л в Кецкой Василья Отяева сажать в тюрму, и он без престани пил в[и]но и пиво. И противу моих речей говорил перед князь Михайлом, для чего он погреб давал, была ли де к нему грамота. И я говорил, что мы рады и слыша государское здоровье молити бога, и князь Михайло отказал, дорогое де и дело, что голова не пил вина по государя ца-
л. 433 ревича здоровь[е].// И я князю Михаилу говорил, что же нам дороже бога да государскова здоровья. И он меня дал за пристава сыну боярскому Спиридону Шелехову и велел меня уморить, и я холоп твой отослал ему сто рублей с человеком своим з Гришкою, и он меня засадил на двор з женою и з детми и з братом и с племянником, а людишек роздавал по розным приставом. А по твоему государеву указу меня холопа твоего за пристава давать не велено, а они меня холопа твоего мучили не по делу для своей корысти и чтоб

* Возможно — «перемены».

меня замучить. Да они же, государь, писали на меня ложно, бутто я учинился силен и ево князь Михаила хотел зарезать и из-за пристава отбился и людишек выбил. И то, государь, писали ложно: написали силу, а за пристава дали. А после, государь, прислан сыск, а велено сыскивать князю Григорию Семеновичу Куракину, и князь Григорей меня за пристава не давывал ни людишек, потому что не за что. Да я ж холоп твой на ангел государя царевича и великаго князя Олексея Михайловича пришел к церкве, и меня холопа твоего позвал архиепископ к столу, и сведав князь Михайло и князь Григорей приехали перед обеднею и отказали архиепископу, токо де быть Ивану, ино де нам не быть. Да князь Михайло, не слушав обедни да и поехал, а я холоп твой пришел к архиепископу и архиепископ выслал приказных своих Максима Трупченинова да племянника своего Ивана Милзина и мне отказать велел, да послал по князям Михаила и по Григорья и они пировали сряду два дни. И я холоп твой принес челобитную к архиепископу, и он сказал, князь де Михайло болен. Ино, государь, у обедни стоять болен, а пировать здоров. И я холоп твой и про головины невежливые слова и про князь Михайловы и Григорьевы писал с служилым человеком к тебе государю с Ананею Звенигороцхом, а что на государев царевичев ангел деялось, и то писал к тебе государю с певчим дьяком с Ываном Струною и те отписки имали князь Михайло и Григорей, что по них указу нет, и я холоп твой те дела сказывал князю Григорью Семеновичю и Ивану Переносову, и они велели записать и послали к тебе государю. Да по их же государь ложному челобитью писано ко князь Григорь[ю] Семеновичу Куракину, что бутто я силен, на очную ставку не хожу з головою, а голова, государь, давно отпущен и с Левонтьем, и Левонтей на меня никаких писем не подал, да с ворами попом с таварыщи. И поп на очную ставку не пошел, да и збежал и таварыщи розбежались и с торговыми людми. А торговых, государь, людей и нет ни одного человека, и никакова на меня челобитчика нет. Мучю живот
л. 434 свой не по делу от Левонтьева з головою и от попа с таварыщи// и от ложново князь Михайлова и Григорьева писма в тюрме живот свой мучю, а жена и дети за приставом, и брат и племянник, а людишка и досталные живот свой мучат за розными приставы неповинно, и умираю совсем с голоду. Да тот же, государь, поп с таварыщи бутто ходили на Абалак молитца, да зашли в стадо, и у меня холопа твоего жили в стаде два человека, и они их посажали в воду, и слышали многие люди их крик и рукавицы и поясы нашли, а для тово, что многажды они им говаривали и князь Михайло за приставом мучил, чтоб те на меня люди говорили, и они им отказали. Да и меня холо[па] твоево по наученью Левонтьеву неодиново хотели убить, а за племянником гоняли, хотели зарезать, и он на князь Михайлов двор ушел, и князь Михайло велел людем з двора збить, и он одва ушел. И я холоп твой многажды писал к тебе государю и челобитные посылал, и князь Михайло не пропущал и людишек не отпущал побить челом, морил насмерть. Милосердный государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии, пожалуй меня холопа своего, не дай неповинне замучитца, не вели поверить воровскому ведомому заводу и князь Михайлову и Григорьеву ложному писму, не дай в неповинне з женою и з детми и з братом и с племянником и с досталными людишками за мое службишко и за кровь, вели меня, государь, отпустить к себе государю к Москве. А князь Михайлова, государь, и Григорьева ложь объявилась, писали, что я силен, не пошел на очную ставку, а нынеча они же писали, что поп отказал с таварыщи, а не я. А в убойстве и в заводе и в задержанье в позоре с Левонтьем и з головою и с попом с таварыщи и со князь Михайлом и з Григорьем в проести и в ложном писме князь Михайлове и в бесчестье, что меня сажали за пристава, вели твой государев указ учинить. А нынеча холоп твой умираю голодною смертью и последнюю деревнишко заложил да проел. Царь государь смилуйся.

Е. К. РОМОДАНОВСКАЯ

НЕИЗВЕСТНАЯ ПОВЕСТЬ-СКАЗКА В РУКОПИСНОМ СБОРНИКЕ XVIII в.

Публикуемый памятник до сих пор не был известен исследователям древнерусской беллетристики и низовой литературы XVIII в. Он обнаружен в рукописном сборнике ГИМ, собр. Забелина 510, 4 °, где носит название «Слово о судбах божиих, яко небе и земля мимо идет, а словеса моя не имут преитти». По-видимому, именно это заглавие, под каким в древнерусских рукописях обычно читается поучение о божием всеведении, было причиной того, что оригинальный текст, несущий следы индивидуального авторства не был замечен никем из ученых [1].

Между тем сборник, насчитывающий 86 л., составлен по единому плану, в котором ощущается целенаправленное редакторское творчество. Это единство подтверждается и палеографическими особенностями рукописи: все тексты написаны одним скорописным почерком первой половины XVIII в. на бумаге 30-х гг. XVIII в. с филигранями двух типов. Первая филигрань — сдвоенный вензель ВК в двухлинейном круге в сочетании с изображением Георгия Победоносца в таком же круге — относится к 1731—1734 г.[2], вторая — герб Ярославля 2-го типа (по Клепикову) в сочетании с литерами ЯѲЗ малого формата — к 1734—1742 г.[3]. Можно отметить преобладание 1-й бумаги (несколько более ранней) в начале сборника (л. 6—19), после чего почти исключительно использована бумага второго типа — л. 20—55, 57—62, 65—70, 72—79, 82—85. Однако и здесь встречаются отдельные листы 1-й бумаги, причем они, как правило, являются наружными листами тетрадей (см. л. 56 и 63, 64 и 71); по-видимому, переписчик использовал остатки старого запаса, а датировка бумаги, возможно, отражает этапы его работы над сборником.

---

[1] Эта повесть не отмечена даже таким крупным исследователем, как М. Н. Сперанский, составлявшим описание Забелинского собрания (см.: **Сперанский М. Н.** Собрание рукописей И. Е. Забелина. М., 1926, с. 21).

[2] Клепиков, 1959, № 120; См. также: Тромонин, № 1081 (1732 г.), Лихачев, бумага № 567 (1731 г.).

[3] Клепиков, 1959, № 784 (1737—1742), № 785 (1734—1741 г.).

Сборник был переплетен во второй половине 1780-х гг., о чем свидетельствует белая дата «1786 году» на листах от переплета (л. 1, 86); листы той же поздней бумаги попали и внутрь рукописи (см. л. 2—5, 80—81); все они без текста, что лишний раз доказывает включение поздней бумаги в рукопись лишь при переплете. Сам же сборник 1730-х гг. к 1780-м гг. стал дефектным: здесь утрачена часть текста между листами 42 и 43, а также 43 и 44 (на л. 42 об. оборван текст Сказания Иеронима об Иуде предателе; на л. 43—43 об. читается без начала и конца легенда из Великого Зерцала «О воине непостоянного жития и о неизреченной благодати пресвятыя богородицы»[4]; на л. 44 отсутствует начало Повести об Акире); не достает конца и Повести о царице и львице (см. л. 79 об.).

Бытование рукописи в какой-либо определенной среде установить почти невозможно. Имеющиеся на ней записи, как правило, относятся к позднейшему времени (кон. XVIII—XIX в.) и не сохранили, за единственным исключением, указаний на общественное положение владельцев книги. На л. 86 об. почерком XIX в. помечено: «Сия книга принадлежит московскому купцу Панкратью Абрамычу Качнову», однако еще в 1796 г. сборник принадлежал Карпу Иванову сыну Сосову (см. нижнюю крышку переплета, а также зачеркнутую карандашом запись на обороте верхней крышки). Пометы на л. 1 с указанием дат (март 1804 г., 17 января 1846 г.) не дают каких-либо иных конкретных сведений; более ранние записи, плохо датируемые по почерку, сохранились местами на полях: «Гаврила Иванович» (л. 49); «тетрать Ивана Егорова» (л. 55 об.— 56); «руку приложил по ево прошению писал Гаврила Иванов сын Любимов» (л. 59); «Федор Любимов» (л. 70 об.— 71).

По своему составу рукопись представляет собрание различных повестей, имеющих поучительный оттенок, большей частью — из Великого Зерцала. Необходимо отметить, что редактор выбирает далеко не любые дидактические сочинения и располагает их в соответствии с собственными задачами, не подчиняясь слепо источнику. Принципы оборота текстов прямо выражены в писцовой записи по поводу Повести об Акире: «Начало да конец, а середка не написана, мне не потребна» (л. 44 об., разрядка моя.— *Е. Р.*); к сожалению, в тексте «Акира», как уже отмечалось, утеряны первые листы, и потому трудно установить, какая часть Повести оказалась «не потребна» редактору.

Группы повестей из Великого Зерцала перемежаются в сборнике с иными произведениями, такими как Повесть о царе Аггее (л. 11—14), патериковое «Слово о манасе Иерониме, како прелсти его бес и сам посрамися» (л. 17—18 об.), Сказание о Иверской иконе богородицы (л. 19—21 об.), Поучение на память Николая Мирликийского (л. 26—30), Сказание Иеронима об Иуде предателе (л. 40—42 об.), Повести об Акире (л. 44—44 об.), о царице и льви-

[4] Ср.: **Державина О. А.** «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве. М., 1965, с. 205—207; данная рукопись в работе О. А. Державиной не учтена.

це (л. 71—79 об.), о Долторне и Элеоноре (л. 59 об.— 70 об.)[5]. Для всех этих произведений, как и для повестей из Великого Зерцала, характерно соединение занимательности (два последних памятника представляют переводы известных западноевропейских романов) и дидактизма, везде проводится идея великого божественного предвидения, всепрощения и справедливости. При этом можно отметить, что редактор-переписчик последовательно группирует сочинения в соответствии с их тематикой, постепенно раскрывая перед читателем разные аспекты своей главной мысли. Наиболее четко группировка памятников прослеживается в начальной (лучше сохранившейся) части сборника.

Первую группу составляют повести из Великого Зерцала, рассказывающие о милосердии богородицы к грешникам: «О неизглаголанном милосердии пресвятыя богородицы о некоей церковнице и о покаянии ея» (л. 6—7 об.), «К некоей вдовице щедроты пресвятыя богородицы» (л. 7 об.— 8 об.), «Страшно сказание о прелюбодеянии и о покаянии» (л. 9—10 об.)[6], «Поучение Иоана Климака притчею о души, како дел злых лишитися» (л. 10 об.— 11); среди них особое место занимает легенда «О некоем обидчике и мучителе, иже убогих подвластных и подручных озлобляя» (л. 8 об.— 9), повествующая о страшной посмертной судьбе нераскаявшегося грешника. Сюда же примыкает Сказание о Иверской иконе богородицы («Чюдо пресвятыя богородицы, како юноши показа милость свою», л. 19—21 об.).

Вторая группа содержит произведения, в которых речь идет о несомненности текстов священного писания. Это Повесть о царе Аггее (л. 11—14), легенды Зерцала «О славе праведных и небесней радости» (л. 21 об.— 23)[7], «О проповеди слова божия и не хотящих слушати» (л. 23—23 об.). Своеобразное противопоставление праведника и грешника достигается соседством глав, в источнике («Великое Зерцало») достаточно отдаленных друг от друга: «О благочестивом некоем християнине и мученице»[8] (л. 23 об.— 24), при вскрытии сердца которого там обнаружен образ распятия, и «О гордости и ярости, иже славнии подручных своих не хотят именем назвати: поди, чорт или диявол» (л. 24—24 об.)[9], где пришедший вместо слуги дьявол начинает снимать богохульнику не только сапоги, но и ноги.

---

[5] М. Н. Сперанский отмечает здесь также загадки (см.: **Сперанский М. Н.** Рукописные сборники XVIII века. Материалы для истории русской литературы XVIII века. М., 1963, с. 75, 126). Можно назвать еще несколько поучений («О обидимых», «О царстве»), выписки из библейских книг и т. п., но их доля в сборнике невелика.

[6] Ср.: «О прелюбодеянии и покаянии в силе словес — поздравление богородице зело полезно» (**Державина О. А.** «Великое Зерцало» и его судьба..., с. 204—205).

[7] Чаще встречается заглавие «О славе небесней и радости праведных вечней» (см.: там же, с. 215—217).

[8] См.: там же, глава 13, с. 198.

[9] Там же, глава 57, с. 235—236.

Следующая группа, которую можно выделить, объединяется темой «грех и наказание — покаяние и награда» (см. «О иже на поле со птицы и со псы забава» (л. 44 об.— 45), «Како умершии поминавшего их священника испоручиша» (л. 45), «Слово о уском пути, ведущем в жизнь вечную» (л. 45 об.— 51), Повесть о Удоне, епископе Магдебургском (л. 53—59)). Именно к этой тематике ближе всего повествования, где развязка беллетристического сюжета имеет оттенок непременной божественной справедливости (см. Повесть о царице и львице (сюжет о невинно оклеветанной жене), Повесть об Акире (мудрец, оговоренный приемным сыном), Сказание об Иуде предателе (наказание великого грешника)).

Состав сборника больше, чем владельческие записи, говорит о социальном облике его составителя. Скорее всего, это был какой-либо священник, достаточно образованный и не чуждый литературных интересов. В пользу такого предположения говорит отмеченное внимание к духовым сюжетам [10], а также особый оттенок в их отборе — прежде всего, памятники, повествующие о добродетельных священниках: уже упоминавшаяся легенда «Како умершии поминавшаго их священника испоручиша» (л. 45), а также рассказ «Священнику благополучныя щедроты пресвятыя богородицы» (л. 36 об.— 37 об.). Помимо названных повестей из Великого Зерцала священник играет большую роль в сюжете Повести о царе Аггее. Особенно важно отметить, что последнее произведение в рассматриваемом сборнике представляет особую редакцию, которую можно назвать «ученой»[11]; ее характеризует, во-первых, замена ошибочной ссылки на Евангелие (при тексте «Богатии обнищаша и взалкаша, а нищии обогатеша») совершенно правильным указанием на Псалтырь; во-вторых, в этой редакции особено усилена роль священника, который наказан царем не только за чтение «неверного» текста в церкви, но и за попытки вразумить монарха. Не вдаваясь в другие отличия данной редакции, стоит отметить еще обширную цитацию писания и в длинных покаянных речах гордого царя. Все эти черты, без всякого сомнения, свидетельствуют как о социальной принадлежности, так и об образованности нашего редактора [12].

«Слово о судьбах божиих...» помещено редактором среди сочинений второй группы. Правда, в самом Слове отсутствуют цитаты из Священного писания и какие-либо их толкования, но все оно по-

---

[10] Подобное внимание характерно и для старообрядческих сборников, но в данном случае, судя по написаниям «во веки веков» и «Иисус», сборник составлен в никонианской среде.

[11] К данной редакции, имеющей два варианта — краткий и пространный, относится еще 6 рукописей, но текст Забелин, 510 является наиболее ранним среди списков первоначального (краткого) варианта.

[12] В частности, ошибочная отсылка к Евангелию вместо Псалтыри характеризует почти все более ранние списки «Аггея», даже те, которые были связаны с Патриаршим двором (см. рукописи: **ГИМ**, Син., 294 («из патриаршей спальни»); **ГБЛ**, Муз. 3585 (принадлежала подьячему Патриаршего двора). Исправление впервые сделано в нашем сборнике).

вествует о предопределенности человеческой судьбы, в которой выражается божественная воля, хоть и предсказана она «волхвами и звездолюбителями». По-видимому, этот аспект произведения редактор стремился подчеркнуть и сугубо книжным заглавием. Между тем в основе сюжета здесь, несомненно, лежит чисто сказочная ситуация (ср. сказки о судьбе[13]), по-своему преобразованная неизвестным автором. Ближе всего к нашему памятнику сюжет «спящей красавицы» — с ним соотносится и предсказание грядущих бедствий при рождении ребенка, и безуспешные попытки родителей спасти дочь от тяжелой судьбы, и волшебное исполнение предсказанного. Чисто сказочным является и мотив ворона, который сначала крадет у девицы драгоценный камень, а в нужный момент возвращает его[14], доказывая тем самым неисповедимость божественных судеб.

Вместе с тем вся повесть создавалась как книжное произведение; именно поэтому сама предсказанная судьба (наказание царской дочери «бичом по нагому телу») нехарактерна для истинно фольклорных памятников, она явно соотнесена с официальным правосудием и законодательством, откуда и появляется мотив «бесчестия». Книжным элементом, созданным под влиянием реалий нового времени, является и попытка героини уйти от судьбы с помощью взрыва бочки с порохом («зелием»). Концовка памятника — возвращение царевны к родителям — также ближе к книжной повести, чем к сказке, где чаще всего невинно оклеветанная героиня делается женой царя или царевича.

Ряд эпизодов Слова появился, несомненно, как плод оригинальной авторской выдумки и фантазии. Нигде больше мы не знаем фигуры дряхлого философа, носимого «на златом ковре» и подающего царю мудрые советы; нигде до сих пор не встречалось торжественое описание посольства, везущего царю потерянную дочь. Отдельные детали получают у автора точные «жизненные» объяснения — таков весь эпизод с обучением царевны чужому языку, после чего она «нача царю поведати страну свою и отца своего, и вся по ряду». Индивидуальное авторское творчество проявилось и в четкой композиции памятника, соразмерности и соотнесенности всех частей и эпизодов, а также в умелом построении диалога.

Оригинальное сочетание фальклорного и книжного начала, как и свободное владение сюжетом, позволяет поставить публикуемый памятник в ряд наиболее интересных беллетристических произведений первой трети XVIII в. В настоящее время нет возможности сказать, насколько широко эта повесть была распространена в рукописях — вполне вероятно, что «неинтересное» заглавие скрыло ее от исследователей не только в данном списке. Однако необходимо отметить, что она послужила основой для сказочного сюжета, дважды записанного на Пинеге от одной исполнительницы —

---

[13] См.: **Сравнительный** указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л., 1979, с. 237—242.

[14] Там же, с. 240 (938В).

Т. О. Кобелевой [15]; сказательница исключила из своего варианта бо́льшую часть эпизодов, составляющих книжную повесть (мотивы «мраморного столпа», бочки с «зелием», жизни героини у чужого царя, философа на златом ковре, посольства с возвращенной царевной). От книжного сюжета остались фактически лишь предсказание о наказании кнутом, шитье царской шапки (а не короны!) жемчугом и мотив ворона, уносящего и возвращающего драгоценный камень; даже наказание сохранено лишь в виде невыполненного приговора. В то же время в устной передаче произошла контаминация с другими мотивами. Так, царевна у Т. О. Кобелевой не собирается уходить из дома, а случайно уплывает на корабле, куда зашла во время прогулки; живет она на чужбине не у царя, а у бабы Яги; важную роль играет мотив «талани» (т. е. доли, судьбы) [16], а в финале героиня выходит замуж за царя; о возвращении на родину в сказке нет речи. Можно видеть, что в процессе устной обработки сюжет потерял оригинальные авторские моменты и начал приспосабливаться к более традиционным сказочным ситуациям. Именно поэтому можно считать несомненным, что в данном случае не сказка, сохранившаяся в единичной и поздней записи, а именно рукописная повесть XVIII в. была первоначальной; текст же сказки несет явные приметы сюжетных и композиционных утрат и, следовательно, вторичен.

Подобный вывод подтверждается тем, что в репертуаре Т. О. Кобелевой мы встречаем еще несколько книжных сюжетов («Про львицу», «Про скомороха»). В свое время М. К. Азадовский уже поднимал вопрос о большом значении грамотности и книжных источников в среде сказочников [17]. На наш взгляд, публикуемый памятник дает дополнительный яркий материал для изучения процесса формирования сказки в новое время.

Слово о судьбах божиих, яко небо и земля мимо идет, а словеса моя не имут преитти

л. 14 Бысть царь неки, славен и богат зело, кипяше богатством многим. Едина ему печаль бяше: детей не бысть у него. И о том всегда моляся богу с супругою своею, дабы им поведал плод чрева. И услыша милосерды бог молитву их, пода им плод — дщерь родися. И сотвори царь пир велий о рождестве ея, и созва вси людие, иже во области его. И призва волхвы и звездолюбители, и рече им: «Зрите и узнавайте деву сию, что и какова будет».— Они же царю:
л. 14 об. «Господине, не смеем// глаголати».— Царь рече: «Глаголите без боязни».— Они же глаголя: «Девица сия будет благочестива и премудра, и всякаго разума исполнена, токмо едино зло: будет сия дева во своем возрасте обещещена, биена будет бичом по нагому те-

---

[15] См.: **Озаровская О. Э.** Пятиречие. Л., 1931, № 27; **Сказы** и сказки Беломорья и Пинежья. Запись текстов, вступ. статья и коммент. Н. И. Рождественской. Архангельск, 1941, № 23; в «Сравнительном указателе сюжетов» он получил название «Царевнина Талань» (736В *).

[16] Ср.: **Сравнительный** указатель сюжетов..., с. 181—184.

[17] **Азадовский М.** Сказительство и книга.— Язык и литература, 1932. № 8, с. 5—28.

лу».— Царь же, сие слышав, бысть в великой печали, и отидоша.

И растя же девица, и цветуще лепотою своею велми прекрасно, и разумом и премудростию всех превзыде, и научися грамоте и всякой премудрости. И бысть девица в возрасте, отец же ея устрои столп мраморен и позлати златом, и украси в нем всяким узорочием столы и седалища и подножия, все златом и камением украси. И введе ту девицу, и пристави к ней служити благозрачныя девы. Она же живяще, веселящеся.

И единою нача вопрошати девиц: «Что ради отец мой тако ми устрои?» — Едина же дева тайно ей сказа все по ряду, како о ней про разум прорековали. Она же о том нача вельми сетовати и тужи-

л. 15 ти, понеже зелен виноград не сладок, а млад ум// не крепок. Лутчи бы возложити на бога, нежели свое умышляти, понеже великим и славным людем паче греха бесчестие. Сие же умысли девица во уме своем: «Лутче мне умрети, нежели обезчещеной быти» — а не помысли судбы божия бездна.

И повеле царевна под столп бочку полну зелия подкатити и свещу прилепити, и взорва столп к воздуху со всем зданием, и бысть все в прах.

Едину же деву, дщерь цареву, манием божиим и несе по воздуху во иное царство и постави в царствующем граде среди людей на кулище. Людие же того города нача мнози сходитися и обступиша окрест. Дева же обзирашеся семо и овамо, стояще во всем царском своем платье.

И промчеся чюдо сие до царя. Он же повеле девицу вести пред себя. И видя девицу украшену и благочинну взором и ступанием, удивися и нача вопрошати, коево царства и какова рода. Она же токмо очима зряше, а ничего глаголаше и по сем, языка их не знаяше.

Бысть же у того царя философ стар, жив много и не моги ходити ногама. И учини ему царь златы ковер, он же на нем почиваше.

л. 15 об. И повеле царь принести того философа// и рече: «Что сие, философе?» — Философ же рече: «Царю, во веки живи! Видиши ли сие дело от судеб божих. Повели девицу языку учити своему».— И бысть тако.

И в мале времени научися девица языку и грамоте их, и нача царю поведати страну свою и отца своего, и вся по ряду. И от того времени царь девицу имея в великой чести, и причте ея ко своим дщерем.

Обычай же в том царстве таков: полагати на царя на новое лето новый венец на главу цареву, сотворен от драгаго бисера, и полагаше в нем три драгие камени на славу[a] пресвятей троице. И как приходит новое лето, повеле царь девице делати той венец и вда же ей три камени честные и драгие.

Царевна же взем, отиде в сокровенную камару и нача делу прилежати, бе бо хитра зело. И постави три камени на оконце на златом блюде. И божими судбами прилете вран, взем един камень и улете. Девица, сие увидев, нача сетовати и плакати, и поведа царю. Царь же нача деву вопрошати: «Где еси дела камень?» — И кляся она плакаше, что унесе птичищь.

Царь же возьярися на девицу: «Окаянница, еще еси юна, а

л. 16 старым лжеши! Украла еси камень! Несть другаго// таковаго в царской ризнице!» — И повеле девицу обнажити и кнутом пытати. Девица же токмо слезами обливашеся и помянув свое первое согрешение, како хотяше судеб божих избыти.

Царь же недоумевашеся, что сотворити, и повеле принести старого философа на златом ковре. Принесену же ему бывшу, рече царь философу: «Что учиню девице? Украде у меня драги камень.» — Философ глаголя: «Во веки живи! Аще сие дело от дияво-

---

а *Испр., в ркп.* главу.

ла — остави: само скоро обличится и в тление разорится; аще ли от бога, то ни ты, ни ин кто может раззорити — остави: само собою объявится. Ими же весть бог, судбами.» — И послуша его царь, повеле девице пребывати в свободе.

И по сем прииде ин год, и паки царь повеле девице венец царски устрояти, и даде ей паки три камня. И повеле своей царице дело снабдевати. Девица же отиде в свой терем, нача прилежати, а царица у нее седяше, и дщери царевы. И мановением божим прилете вран оконцем и принесе той камень, положи его на стол на златое блюдо, всем ту зрящим, сам же излете вон. Царица же и дева и
л. 16 об. сущии с нею взем камень, дивишася// и несе ко царю. И уведе царь, яко несть неправды в девице, и нача ее наиболе чтити.

Девица же вся царю о себе исповеда, чия дочи и за что пострада. И помысли царь отпустити девицу ко отцу ея. И учреди корету, оковав златом, и опоны окрест украси камением и чистым жемчюгом. И посла со девицею посла своего, честна мужа, и иные вельможи и жены и отроковицы ко царю, ко отцу ея.

Посол же со девицею прииде во царство ея и посла ко царю посланника своего, чтобы царь повеле полату такову уготовати, еже бы корета прошла: «а посла к тебе брат твой, царь наш, такия дары, яко несть у тебе таковых во всем царстве твоем.»

И повеле царь устроити полату, и вниде сам и со царицею в полату, повеле послу быти з дарами. Посол же идяше и вси вельможи пред коретою откровенными главами, благочестно вниде с коретою в полату и поклонився царю по подобию царскому, и правя от царя своего послование все по ряду.

И рече царь: «Яви ми, после, дары, яко же ты похвалился еси, что у нас таковых несть во всем царстви нашем.» — Посол же рече: «Воистинну, царю, не солга.» — И тако откры запану кареты златую,
л. 17 и выиде ис кореты дьщерь// царева. И рече посол: «О царю, познавай честъные дары, еже есть детище».— Царь же и царица позна свою дщерь, охапився, паде на выю ея, облобыза ея, плачася от радости. И бысть радость велия во всем царстве, не токмо царь, но и всии людие прославиша бога, творящаго дивная чудеса, яко мертва бе и оживе, погибла бе и обретеся. Царь же одарив посла много, отпусти восвояси. Богу нашему слава. Аминь.

(ГИМ, собр. Забелина, № 510, л. 14—17).

Т. С. МАМСИК

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ОБ АЛТАЙСКИХ «КАМЕНЩИКАХ»

Вопрос о побегах в Алтайские горы во второй половине XVIII в. и «прощении» «каменщиков» (так назывались у местных крестьян поселившиеся в горах беглецы) императрицей Екатериной II не раз обсуждался в дореволюционной и советской литературе, но существо его и значение так и не были выяснены до конца. Дореволюционная историография проблемы базировалась в основном на работах Г. Спасского и С. И. Гуляева, которые с источниковедческой, а тем более с методологической стороны, далеко не устраивают современного исследователя [1]. В последние годы были найдены некоторые новые материалы о «каменщиках», в определенной степени уяснено место в истории классовой борьбы и в особенности идеологическое значение этих событий, поставлен вопрос об их влиянии на последующее развитие общественного сознания и классовой борьбы русского крестьянства, о соотношении религиозного и социального протеста, реального побега и утопической легенды [2].

Публикуемые материалы о «каменщиках» подтверждают перспективность выработанного направления, расширяют круг вопросов, связанных с историей их «выхода». Общая канва событий выглядит следующим образом. В течение второй половины XVIII в. приписанные к Колывано-Воскресенским горным заводам крестья-

[1] Историографию вопроса см.: **Мамсик Т. С.** Община и быт алтайских беглецов — «каменщиков».— В кн.: Из истории семьи и быта сибирского крестьянства XVII — начала XX вв. Новосибирск, 1975, с. 30—70.

[2] **Чистов К. В.** Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. М., 1967, с. 239—290; **Покровский Н. Н.** Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974, с. 312—337; **Мамсик Т. С.** Община и быт...; **Она же.** Побеги как социальное явление. Приписная деревня Западной Сибири в 40—90-е гг. XVIII в. Новосибирск, 1978, с. 70—122. Последняя по времени опубликованная статья о «каменщиках» оказалась написанной не в русле отмеченной историографической традиции (см.: **Лукичев С. С.** К истории бухтарминских «каменщиков».— В кн.: Из истории Алтая. Томск, 1978, с. 220—239). Ее автор, используя, в частности, источники, публикуемые ниже, приходит к существенно иным выводам, что заставляет вернуться к этому вопросу.

не и мастеровые бежали от феодального гнета и религиозных гонений. В 70—80-е гг. на Бухтарме и ее притоках сформировалась независимая от феодального государства крестьянская промыслово-земледельческая община. В 90-е гг. «каменщики» вынуждены были просить правительство вновь принять их в подданство, на что получили «милостивое» согласие императрицы. По мере обсуждения и решения вопроса о «выходе» беглецов сформировалось дело о «каменщиках», часть материалов которого хранится в Государственном архиве Алтайского края (ГААК) в фонде 169 (Колыванская горная экспедиция) [3].

Источники, входящие в состав указанного дела, по содержанию делятся на три группы: 1) списки беглых; 2) деловая переписка чиновников и 3) указы и распоряжения в связи с организацией выхода беглых. Некоторые из перечисленных источников были введены в научный оборот еще дореволюционными исследователями, другие использовались частично и не с той долей внимания, которая необходима при нынешнем уровне историографии. Задача данной статьи — дать краткий анализ информации, содержащейся в указанных источниках, поставить ее в связь с опубликованными в последние годы материалами.

В первую группу выделенных источников нами включено два документа: а) публикуемая ниже «Роспись находящимся в камне разного звания беглым людям и которые поступили в ясак с их семействами, учиненная во время описания Бухтарминских урочищ 1792 г. унтер-шихтмейстером Лаврентием Феденевым» [4] и б) «Список российским беглецам, кроющимся вне границ в горах по реке Бухтарме ведения Колывано-Воскресенских заводов горным и заводским служителем, а также и Колыванского батальона заводским чинам» [5].

Роспись представляет выписку из «Журнала или дневных записок производимого описания по рекам Бухтарме и Нарыму и части Иртыша и другим, впадающим во оные, для показания старых, жительствующих в Бухтарминских урочищах разного звания беглых людей и вновь для них обысканных к поселению местожительств, сочиненных во время нарочной в 1792 г. обще с губернской стороны уездным землемером (Сергеевым.— *Т. М.*) поездки унтер-шихтмейстером Лаврентием Феденевым» [6]. По прибытии с Бухтармы в сентябре 1792 г. Л. Феденев представил журнал в качестве отчета начальнику горных заводов, Г. Качке.

Еще до объявления «прощения» беглецам начальнику пограничной линии Г. Штрандману каким-то образом удалось получить список беглецов, живших в горах. Этот список был им выслан правителю Колыванского наместничества Б. И. Меллеру, который в свою очередь, приказав составить на основе его список мастеровых и сол-

---

[3] ГААК, ф. 169, оп. 1, д. 196, л. 20—210.
[4] Там же, л. 164—174 об.
[5] Там же, л. 64—64 об.
[6] Там же, л. 134—174 об.

дат ведомства Колыванских заводов, послал этот список для выверки начальнику заводов Г. Качке[7].

Наличие двух списков беглых (Росписи Феденева и Списка мастеровых и солдат Штрандмана) позволяет проделать сравнительный анализ на предмет выявления полноты сведений о беглых в том и другом источнике, что важно для выяснения характера поведения разных групп «каменщиков» в период переговоров с правительством, для определения характера взаимоотношений внутри «общества» и для оценки тактики их руководителей.

Материалы Росписи Феденева были привлечены Ю. С. Булыгиным для подсчета количества жителей в «камне»[8]. Более подробную демографическую информацию из этого же источника извлек С. С. Лукичев. Он выявил, в частности, сведения о возрастном, сословном, семейном составе беглых, местах выхода, времени прихода в горы, а затем попытался сформулировать вывод о мотивах бегства, на наш взгляд, не вполне отвечающий исторической реальности. Это обстоятельство и важность источника делают целесообразной полную публикацию Росписи Л. Феденева.

Роспись по типу документа напоминает ревизскую «сказку», составленную на местах поселений беглецов. Она имеет табличный вид, состоит из 7 вертикальных граф и рубрикаций по деревням с указанием их местоположения по реке и количества дворов. В строках таблицы Л. Феденев занес следующие данные по графам: 1— имя и фамилия положенного в ясак мужского пола в возрасте от 7 лет и старше — под соответствующими номерами; 2— возраст ясашного; 3, 4— число и возраст детей мужского и женского пола, не положенных в ясак; 5— сословное положение и местожительство беглеца до прихода на Бухтарму; 6— продолжительность жизни в «камне»; 7— семейное положение беглеца, с указанием, где находится семья. В списке ясашных названа 131 фамилия беглых.

Неполнота сведений о некоторых беглецах (отсутствие указания на место выхода, местонахождения семьи, пола детей, а также слишком «круглый» возраст отдельных старожилов «камня» и т. п.) наводит на мысль, что информацию о них Л. Феденев получил не лично, а из вторых рук. Неполнота сведений о количестве беглецов, живших в «камне», становится особенно очевидной при сравнении количества беглых мастеровых и солдат, зафиксированных Л. Феденевым и неизвестным нам информатором Г. Штрандмана. По сведениям последнего, на Бухтарме проживало 45 чел. заводских и горных служителей, а также солдат Колыванского батальона. По Росписи Феденева таковых насчитывается лишь 25 чел. С остальными 20 беглыми Феденев либо не мог встретиться по объективным причинам (они могли быть в отлучке или жили в таких местах, куда он не мог пробраться), либо беглецы, опасаясь чего-то, сами не пожелали с ним встретиться. В данном случае речь идет только о

---

[7] **ГААК,** ф. 169, оп. 1, д. 196, л. 62—64 (письмо Б. Меллера Г. Качке от 16 апреля 1792 г.).

[8] **Булыгин Ю. С.** Первые крестьяне на Алтае. Барнаул, 1974, с. 24—25.

мастеровых и солдатах. Но, вероятно, и количество крестьян, как и представителей других сословий, Роспись дает не в адекватном соотношении с их реальной численностью. Если учесть, что и информатор Штрандмана, сведения которого впервые опубликованы С. И. Гуляевым, не мог дать полных сведений о селениях беглецов, как и о них самих, то следует признать, что о масштабах бегства на Бухтарму мы, как и заводское начальство в свое время, пока не знаем. Отдавая себе отчет, что Роспись не является списком всех беглецов, а есть лишь предварительный список «новоясашных» и весьма неточный, мы считаем нецелесообразным фиксировать внимание на подсчетах точного числа беглых, их распределения по полу, и т. п. Расчеты Ю. С. Булыгина и С. С. Лукичева показали нецелесообразность такого занятия. С. С. Лукичев провел также сословную классификацию беглых, исходя из наличного мужского состава всех беглецов, т. е. взрослых и детей, и пришел к заключению, что основную массу беглецов составляли крестьяне (казенные, приписные и посельщики), второе место по количеству беглых заняли мастеровые[9]. Классификацию по сословному принципу можно провести, взяв во внимание только лиц мужского пола (131 чел.), занесенных в графу 1, т. е. обложенных ясаком. Выводы будут те же: среди ясашных преобладали крестьяне, мастеровые после них занимали второе место. Реально по сословному принципу «ясашные» делились на: крестьян (75 чел.), мастеровых (25 чел.), военнослужилых (казаки, солдаты и проч.—13 чел.), ссыльных (8 чел., в том числе 3 поляка), дворовых (2 чел.), каторжных (1 чел.), родившихся в «камне» (6 чел.).

Анализируя состав беглых, С. С. Лукичев пришел к следующему выводу. Поскольку «отношение беглых мастеровых к их общему числу, проживающему в Колывано-Воскресенском округе, было значительно более высоким, чем отношение беглых крестьян к численности этой категории населения Алтая», следовательно, «главными мотивами бегства на Бухтарму были не религиозные, а уровень феодально-крепостнической эксплуатации и степень личной несвободы, бесправия»[10]. На наш взгляд, это заключение слишком категорично и страдает односторонностью. Побеги являлись способом борьбы далеко не для всей массы крестьян и мастеровых,

---

[9] **Гуляев С. И.** Алтайские каменщики.— Санктпетербургские ведомости, 1845, № 20, с. 126 («По переписи..., основанной только на показаниях каменщиков, считалось их: м. п. 205, ж. п. 68, а всего 273 чел.»). Эти же цифры фигурируют и в письме Штрандмана Качке. (**ГААК**, ф. 169, оп. 1. д. 196, л. 54—55 об.) Между тем, эти цифры довольно часто используются современными исследователями как точные, отражающие и количество беглых в «камне», и количество «прощенных» по указу Екатерины II.

Ю. С. Булыгин насчитал по «Росписи» 166 муж. и 57 жен., т. е. всего 223 чел., а С. С. Лукичев соответственно: 158 и 63, всего 221 чел. (**Булыгин Ю. С.** Первые крестьяне на Алтае, с. 25; **Лукичев С. С.** К истории..., с. 232). По нашим подсчетам, общее количество беглецов было по «Росписи» 188 чел., в их числе 144 муж., 38 жен., у 6 чел. пол не показан.

[10] **Лукичев С. С.** К истории..., с. 232—233.

а лишь для наиболее обездоленной ее части [11]. Поэтому соотносить число побегов на Бухтарму со всем количеством крестьян и мастеровых не имеет смысла. С другой стороны, нельзя ни отождествлять, ни абсолютно противопоставлять общие социальные причины бегства с оформлявшими их религиозными мотивами. В работах Н. Н. Покровского не раз подчеркивалось, что во многих религиозных по форме (по мотивам) актах старообрядческого протеста ярко проявлялись глубинные причины политического и социального свойства, близкие крестьянству в целом. Эта закономерность прослеживается и в отношении бегства. Религиозная мотивация в нем не только тесно переплетена с большим или меньшим осознанием реальных социально-экономических причин, но зачастую и выступает в крестьянском сознании, как наиболее обобщенное идеологическое выражение этих причин [12].

Очевидцам описываемых событий, в частности заводским чиновникам, было известно, что «каменщики» в большинстве своем противники официальной церкви, староверы. В ходе переговоров (как будет показано ниже) они сами громко заявили об этом. Впоследствии район их поселения единодушно считался местом бытования раскола. Правда, в период организации «выхода» беглых, и позже у заводского начальства и губернской администрации было достаточно оснований для того, чтобы преувеличивать масштабы староверческого движения в крае и размеры его влияния на сознание местного населения. Раскол обвинялся в пособничестве бегству, а беглецы — в природной лености с целью отвести обвинения Кабинета в притеснениях заводского населения его администрацией. При этом, разумеется, и насильственная приписка к заводам, и беззастенчивая эксплуатация крестьян и мастеровых не считались притеснением, а значит, по мнению властей, не могли быть социально-экономическими причинами бегства. Таким образом, в самом ходе борьбы господствующего класса с антифеодальным движением масс вырабатывалась традиция не признавать религиозную старообрядческую идеологию формой антифеодального протеста, а побег — разновидностью социальной борьбы [13].

Значит, задача состоит не в том, чтобы отказывать старообрядчеству в его исторической роли идеолога и организатора такого

---

[11] **Мамсик Т. С.** Побеги как социальное явление..., с. 37, 51.

[12] **Покровский Н. Н.** Антифеодальный протест..., с. 389, 390 и др.

[13] При этом представители господствующего класса ставили цель дискредитировать раскол как антифеодальную идеологию, не дать ему возможности распространиться на большую массу податного населения, ибо последнее означало — потерять над ней политико-идеологическое влияние и социальный контроль. Раскол же боролся за свое более широкое распространение и влияние, хотя вследствие несоразмерности сил часто терпел поражения и заходил в тупик. Несмотря на наличие несомненно консервативных сторон в расколе, не говоря уже об иллюзорности его целей, как и любого вероучения, положение гонимой веры быстро превратило его в удобное религиозное знамя антифеодальной борьбы масс. В свое время эта роль раскола была понята представителями передовой демократической историографии (А. П. Щаповым, А. И. Герценом), вступившими в острую борьбу по вопросу о сущности старообрядческого движения с официально-дворянской и либерально-буржуазной историографией.

вида социального протеста, каким было бегство, а в том, чтобы вскрыть те пути, на которых происходило взаимодействие формы и содержания, составлявшее суть реального процесса антифеодального движения.

На наш взгляд, Роспись Феденева дает косвенные, но сильные свидетельства в пользу вывода о роли старообрядческой идеологии в организации антифеодального протеста, и в частности побега. Вся совокупность содержащейся в Росписи информации позволяет реконструировать практику организации побегов, уяснив которую, можно делать заключение о роли в них чисто социальных и тех же социальных, но преломленных в религиозной идеологии моментов.

Помимо сведений о местах выхода и вселения беглецов, о времени пребывания в побеге, о сословном составе Роспись дает материал для установления родственных отношений между «каменщиками». Этот материал оказывается особо ценным при сопоставлении его со списками, составленными в Канцелярии Колывано-Воскресенских заводов в 1786 и 1790 гг. на основании допросов пойманных беглецов [14].

Пофамильное сравнение беглецов по состоянию на 1786, 1790 и 1792 гг. приводит, в частности, к заключению, что в 1792 г. в «камне» в значительном количестве живут уже представители второго поколения некоторых семей. Это — колыванские крестьяне братья Прокопий и Михаил Ушаковы, чаусские — Михаил и Федор Рубцовы, барнаульские — Тихон и Антип Долгановы, белоярский клан Кривошеиных. Отцы названных крестьян (Ефтифей Ушаков, Степан Рубцов, Петр Долганов, Роман и Никифор Кривошеины), жившие в 80-е гг. в «камне», не внесены в Роспись, так как, вероятно, большинства их не было в живых [15]. Таким образом, для отдельных крестьянских семей побег превратился в традицию, к которой прибегали при усилении эксплуатации на заводах, при возникновении опасности сдачи в мастеровые, религиозных преследований. Значительная часть мастеровых была приведена в горы отцами, братьями и другими родственниками. Крестьянин Вяткин увел в «камень» родственников своей жены — бергайера и крестьянина [16]; проживший в горах 5 лет белоярский крестьянин Яков Звонков помог убежать туда брату, сданному в рекруты Колыванского завода (см. Роспись, № 99 и 100); чарышский крестьянин Григорий Лямкин избавил от службы в том же заводе старшего брата, организовав ему побег вместе с семьей (там же, № 44, 45). Убежавшие от заводской службы бергайеры старались вывести в горы своих братьев-крестьян, так как по заведенному властями порядку вместо беглых мастеровых на службу должны были идти их родственники. Долго прослужившие на рудниках бергайеры, вырвавшись на волю, в свою очередь, старались вызволить из

---

[14] **Мамсик Т. С.** Побеги..., с. 94, 96—98.
[15] Там же.
[16] Там же, с. 97.

заводской неволи своих товарищей [17]. Путь в горы был известен далеко не всему окрестному населению. Его мог запомнить даже не всякий взрослый человек, попавший в горы. Знавшие дорогу, хранили тайну. Попасть в «камень» можно было лишь, благодаря родственным или дружеским связям.

Указанные в Росписи места выхода беглых легко группируются в пять районов, расположенных в направлении с севера на юг: 1— Степной (Бурлинская и Кулундинская слободы); 2-й — Приобский (Барнаульская, Белоярская, Касмалинская, Бердская слободы; Барнаульский, Сузунский, Павловский заводы); 3— Предгорный (слободы по Чарышу и Алею); 4 — Верхнеалейский (Колыванская слобода, Локтевский завод, Змеиногорский рудник); 5— Верхнеиртышский (Убинская и Глубокая слободы).

Анализ районов выхода беглецов позволяет сделать предположение, что в организации бегства играли роль и налагавшиеся на семейно-родственные отношения связи религиозного характера. Три района из названных пяти (Приобский, Предгорный и Верхнеиртышский) в изучаемое время были известны как места широкого распространения староверческого движения. Слобода Белоярская (Приобье) дала наибольшее количество беглецов. По подсчетам С. С. Лукичева, в «камне» жили 21 мужчина и 17 женщин — выходцев из этой слободы. Роман и Никифор Бердниковы-Кривошеины, вероятно, были одними из первых поселенцев Бухтарминских «ущелин». Их сыновья провели большую часть жизни в горах (Данила —27, Василий —20, Леонтий —18 лет), а несколько внуков родились здесь. Возможно, что старшие Бердниковы бежали на Бухтарму еще от приписки к заводам, либо от религиозных преследований 50-х гг. В выборе столь отдаленного и отличающегося по природным условиям от места их выхода, района поселения могли сыграть свою роль и религиозные традиции пустынножития.

Верхнеалейский район дал наибольшее количество беглых мастеровых. Однако эти беглецы реально были выходцами из тех же приобских деревень, что и их родственники — крестьяне. Наконец, последний район выхода беглых, Степной — это район новой, иногда принудительной колонизации. Возможно, что пришедшие в «камень» крестьяне из Бурлинской и Кулундинской слобод были недавними переселенцами сюда из Приобья, воспользовавшимися для побега родственными или религиозными связями. Упоминавшиеся уже беглецы Рубцовы распределились по местам выхода следующим образом: один из братьев пришел из Колыванского завода, другой — из Кулундинской слободы, а отец их был выходцем из Чаусской слободы. Названный выходцем из г. Томска М. Лысов, вероятно, был родственником семьи Лысовых с Ануя (Предгорный район); беглец Иван Калмаков, названный в Росписи крестьянином Бийской слободы, в списках 1790 г. назван «крестьянином с Оби». Наконец, у крестьянина г. Тары Петра Носкова, прожившего в «камне» всего два года, в горах жил род-

[17] **Мамсик Т. С.** Побеги..., с. 92, 94, 96—98.

ственник, возможно, отец, упоминавшийся в списках 1790 г. и живший тогда в группе с выходцами из Колывани и с Иртыша [18].

Несмотря на то, что Роспись не дает описания мест выхода всех беглецов, на основании имющихся сведений можно заключить, что большинство «каменщиков», включая мастеровых и отчасти солдат,— выходцы из алтайских крестьянских селений, составившие один из отрядов вольной крестьянской колонизации, социальные механизмы которой опосредовались родственными и земляческими связями и связями по вере. На наш взгляд, нет оснований считать, что все мастеровые, селившиеся в горах, обязательно исповедовали отличную от крестьян веру, предполагать, что обращению молодых мастеровых в раскол способствовала лишь специальная пропаганда старообрядческих наставников. Наряду с известными фамилиями крестьян-старообрядцев (Бобровы, Кротовы, Лубягины, Шарыповы, Рахмановы) среди «каменщиков» встречаются фамилии староверов, обладателями которых были как крестьяне, так и мастеровые и солдаты (Черепановы, Бердюгины, Зыряновы, Блиновы, Сизиковы, Огневы, Санаровы, Быковы). Грань между приверженцами официального и неофициального православия проходила не по сословной линии, а по линии семейных традиций.

Роль семейно-клановых, соседских и, вероятно, религиозных связей прослеживается и на характере расселения беглецов в «камне». Родственники, единоверцы и выходцы из одних и тех же мест, как правило, селятся в одной деревне, либо по соседству (Блиновы, Бобровы, Лысовы, Кривошеины, Сосновские, Ушаковы, Долгановы и т. д.). В отдельных случаях удалось установить родство семей живущих рядом, но носящих разные фамилии — свидетельство того, что внешних признаков родства мало для установления родственных отношений беглецов. Родственниками оказались Красковы (Красновы) и Юдины, они же Гуртины. Двуфамильность оказалась широко распространенной в «камне»: так, Ершовы в списках 1786 и 1790 гг. носят фамилию Окалевых; Кривошеины — Бердниковых; Ушаковы — Орловых. В будущем привлечение ревизских сказок или документов церковного учета может пролить свет на аналогичное родство других беглецов.

В Росписи перечислено 20 поселений «каменщиков», названных по какому-либо природному признаку, а чаще — по фамилии (имени) их основателей [19]. Основная масса селений — типичные заимки отдельных семей, превратившиеся затем в небольшие деревни. Лишь некоторые селения, по составу жителей имеющих разные фамилии и большой стаж побега, вероятно, можно отнести к скитам. Так, в деревне Сизиковой в двух дворах живут три старца (от 60 до 75 лет, холостые) и, вероятно, два ученика — одному из них только 23 года, но 13 лет из них он прожил в «камне», другому 35 лет, 5 лет он — в побеге. Все беглецы показаны холостыми. По тем же признакам близка к Сизиковой деревня Кротова. Характер-

[18] **Мамсик Т. С.** Побеги..., с. 94, 96—98; ср. Роспись.
[19] Список селений см.: **Лукичев С. С.** К истории..., с. 225.

но, что именно об этих двух селениях в «Росписи» меньше всего сведений.

Поражает удивительная «ползучесть» поселений беглецов, выясняющаяся по сопоставлении трех указанных выше списков «каменщиков». Этот момент, вероятно, характерный для крестьянской колонизации в целом, требует специального рассмотрения. Здесь мы отметим лишь то, что особенно бросается в глаза. Поселения, основанные отдельными семьями или пустынниками, постепенно разрастались за счет подселяющихся беглецов — родственников, знакомых, единоверцев. Вероятно, наступал момент, когда первопоселенцы, успевшие за год-два освоить округу, переселялись на новые места, обрастая затем и здесь дворами новых пришельцев. Так, в 1790 г. по р. Белой было отмечено большое селение из 9 дворов. В 1792 г. о деревне Большой сказано, «в коей ныне три двора». Зато по соседству с ней основаны новые однодворные и двудворные деревни, названные по фамилиям бывших жителей «Большой»: Лысова, Быкова, Назарова (по имени Назара Сосновского). Кроме изменений, связанных с переездами в новые деревни, происходила значительная перетасовка жителей между старыми деревнями, что, вероятно, было связано с временным проживанием недавних поселенцев у старожилов.

Помимо явного стремления родственников объединяться в особые однодворки после некоторого проживания в деревнях старожилов, можно отметить и прямо противоположный процесс: поселившаяся в свое время в одной деревне большая патриархальная семья Кривошеиных к 1790 г. оказалась в значительной степени рассеянной по разным деревням[20]. Эти две, кажущиеся на первый взгляд разными, тенденции вызваны, по-видимому, одними социальными причинами — наличием в «камне» постоянного притока даровой рабочей силы, позволявшим выделившимся семьям быстро создавать крепкие хозяйства[21]. На почве неравного имущественного положения старожилов и новоприходцев в Бухтарме формировались определенные социальные противоречия, сказавшиеся в ходе борьбы за условия возвращения в официальное подданство в 1792 г.

Старожилы «камня», преимущественно старообрядцы по вере, чувствовали себя хозяевами положения не только из-за крепкого имущественного положения, но и в результате осознания своего приоритета в освоении заселяемой территории. То обстоятельство, что основная масса беглецов пришла из районов Алтая и Западной Сибири, тяготевших к расколу, может служить основанием для предположения, что первыми поселенцами на Бухтарме были старообрядческие беглецы-пустынники, в сознании которых стремление оправдать бегство путем обращения к религии сочеталось со стремлением подвести под него более сознательно и базу из жи-

---

[20] **Лукичев С. С.** К истории..., с. 229; **Мамсик Т. С.** Побеги как социальное явление..., с. 96—98.

[21] **Мамсик Т. С.** Община и быт... с. 53, 55 и др.

тейских, земных мотивов: нежелания попасть в ревизию, в рекруты, в мастеровые, в число приписанных к заводам. Описанные Н. Н. Покровским крестьянские тайники и скиты, разгромленные на Убе в 50-е гг. XVIII в., идеология и образ жизни «стариков»-пустынников типологически должны соответствовать первым староверческим поселениям и на Бухтарме [22]. Генетически они связаны.

Одним из прямых доказательств этого является наличие среди «каменщиков», живших в горах в 80-е гг., беглеца «Степана Максимова сына Наумова» — внука тюменского крестьянина Ивана Лукина Наумова, пойманного на Убе, жившего там, согласно его показаниям, с пустынниками [23]. Здесь мы вновь сталкиваемся с крестьянской традицией не только передачи внукам веры, но и специфической идеологии пустынножития. Чтобы объективно оценить роль идеологического фактора в организации антифеодального протеста, следует четко уяснить, что без освоения определенного комплекса пустынножительских идей (не просто оправдывающих бегство, но и возводящих его в ранг религиозного долга), жизнь в побеге, вдали от привычной обстановки, особенно в молодом возрасте, могла стать психологически более тяжелой, чем податное бремя или даже бергайерство. Богатый материал допросов беглецов позволяет убедиться в этом. Сын упоминавшегося Ивана Наумова — Максим (отец Степана), не выдержав жизни в побеге, бросил отца и ушел в Томск для записи в ревизию [24]. Бергайер Тимофей Сизев, три года прожив на р. Белой, решил вернуться в «свою команду», потому что «не только чрезвычайно наскучило, но и смерзело такое уединение» [25]. Бремя одиночества для старообрядцев скрашивалось общением с близкими по духу обитателями соседних скитов и заканчивалось формированием своеобразных религиозных общин. Впоследствии, когда пустынножительство в Сибири превратилось в знакомое любому крестьянину явление, его традиции стали быстро трансформироваться, можно сказать, «обмирщаться». Из индивидуального подвижничества пустынножительство по существу превращалось в подвижничество коллективное (равных по возрасту «стариков») и все чаще — в семейное. Древнехристианская форма идеологического протеста по существу наполнялась новым социальным содержанием, соответствующим новым историческим условиям.

Среди «каменщиков», недавно пришедших в горы, мы находим несколько стариков преклонного возраста (Федор Кротов, Харитон Чирцов, Василий Клепиков, Иван Заворин, Филипп Медведев), которые пришли в «камень» не для того, чтобы освободиться от уплаты податей и работы на заводах. По крестьянской традиции, эти беглецы явно искали места для уединения, где бы можно было

---

[22] **Покровский Н. Н.** Крестьянский побег и традиции пустынножительства в Сибири XVIII в.— В кн.: Крестьянство Сибири. Классовая борьба, общественное сознание и культура. Новосибирск, 1975, с. 19—50.

[23] Там же, с. 25—29; **Мамсик Т. С.** Побеги как социальное явление..., с. 96.

[24] **Покровский Н. Н.** Крестьянский побег..., с. 26.

[25] **Мамсик Т. С.** Побеги как социальное явление..., с. 105.

путем молитв «просить бога о спасении души». Однако, судя по всему, некоторые из названных стариков (Кротов, Чирцов) мечту о «спасении души» не отрывали от надежды спасти сыновей от заводской службы и податей.

Вернемся, однако, к первым поселенцам «камня». Анализ их возрастного и семейного положения позволяет предположить, что они были также скитниками, пустынниками. Большинство из них, несмотря на преклонный возраст, остались холостыми, из чего можно заключить, что всех их объединяло единое согласие, скорее всего, беспоповцев, отрицавшее официальные браки: это — Белоярской слободы крестьяне:

Роман и Никифор Кривошеины (их сын и племянник Данила Кривошеин, 55 лет, холостой, 27-й год в «камне»);
Фадей Кутермин, 70 лет, холостой, 21-й год в побеге;
Федор Уржумов, 56 лет, холостой, 10-й год в «камне»;
Федор же Уржумов (возможно, двоюродный брат первого.— *Т. М.*), 50 лет, 6-й год в побеге;
«старики», место выхода которых осталось неизвестно:
Василий Гаврилов, 70 лет, 30 лет в «камне», холост;
Федор Кобылин, 75 лет, 25-й год в «камне», холост;
Андрей Сизиков, 60 лет, 15-й год в «камне», холост;
Иван Кротов, 70 лет, 15-й год в «камне, холост;
Михаил Шарыпов, 60 лет, 21-й год в «камне», холост, но имеет при себе «женку» с 4 детьми.

В Росписи и в списках 1786 и 1790 гг. указывается также некоторое число немолодых женщин, именуемых «девками», несмотря на то, что многие из них имеют детей. Так, Данила Кривошеин, согласно Росписи, живет с двумя сестрами-«девками», 35 и 45 лет, имеющими десять «незаконнорожденных» детей. Василий Кривошеин содержит также сестру, 40 лет, с двумя внебрачными детьми. Согласно списку 1790 г., «Василий Гаврилов сын» (эта формула свидетельствует; что «Гаврилов» — отчество, а не фамилия) с двумя сестрами-«девками», 50 и 60 лет, и теткой, 90 лет, в 1790 г. жил «при речке Язовой» вместе с упоминавшимся уже выше Степаном Наумовым и «Иваном Филипповым сыном Поморцевым». Последнего беглеца, как и предыдущего его товарища, в «Росписи» мы не находим. Жилище названных беглецов, очевидно, было одним из первых скитов, о которых писал С. И. Гуляев. Мы не знаем мест выхода Гаврилова и Поморцева, возможно, что кто-то из них был «выходцем из раскольнических пустынь и скитов» зауральской России [26]. Не знаем мы также, умерли ли они к моменту «выхода» беглецов, или ушли из «камня» с той группой, которая не пожелала идти на компромисс с властями.

---

[26] **Мамсик Т. С.** Побеги как социальное явление..., с. 96—98; **Гуляев С. И.** Алтайские каменщики..., с. 90, 126.

Ясно пока лишь одно, что к основанию первых поселений на Бухтарме имели непосредственное отношение старообрядцы, что их идеология пустынножительства и его традиции сыграли и здесь свою положительную роль, в придании этим поселениям стационарного характера. Следовательно, материал о «каменщиках» подтверждает концепцию, согласно которой, причину обращения к раннехристианским традициям пустынножития следует искать не в сугубо религиозной сфере сознания, а в сфере социальных отношений и классовой борьбы [27]. При такой постановке вопроса оказывается возможной более объективная оценка идеологии старообрядчества как элемента классового сознания для периода колонизации XVII— первой половины XIX в.

Несмотря на то, что в большинстве своем «каменщики» по вере были старообрядцами, среди них, вероятно, не было единства по вопросу об отношении к официальной церкви и к государству [28]. Лица, поселившиеся в «камне», но принадлежавшие формально к официальной церкви, на самом деле были равнодушны и к вопросам веры и до поры не играли никакой роли в обсуждении вопросов, существенных для староверов. Эти люди еще не увидели в официальной церковной организации своего социального противника. К таковым, в частности, принадлежал драгун Иван Быков, пришедший в «камень», согласно Росписи, в 1785 г. Родом из местных крестьян, прошедших военную службу, он был человеком решительным, вероятно, хорошо ориентировался в настроениях пограничных властей и обладал определенным организаторским талантом. Именно он, думается, уже в 1786 г. поднял вопрос о «выходе» из «камня». Вопрос обсуждался на сходе и был отклонен [29]. Диспуты о «выходе», кажется, были горячими и заканчивались прямой расправой с противниками. Тут на память приходят не принятые как-то во внимание исследователями факты, приводимые Г. Спасским, записанные им со слов бывших «каменщиков»,— о расправе над Быковым и Загуменновым. Сам Г. Спасский интерпретировал этот факт как свидетельство полной анархии, охватившей беглецов и послужившей в конечном итоге причиной их возвращения под власть матушки-императрицы. Гуляев, опровергая доводы Спасского, в свою очередь приводил свидетельства в пользу «порядочного поведения» Быкова и Загуменнова [30]. Но факты, вероятно, свидетельствовали о социальной и идеологической борьбе в среде «каменщиков», закончившейся в тот период победой староверов, не хотевших верить, что правительство может пойти на компромисс в

---

[27] **Покровский Н. Н** Крестьянский побег..., с. 19—50; **Он же.** Антифеодальный протест..., с. 312—337.

[28] Беглецы-раскольники, поселившиеся в горах, принадлежали к трем сектам — «поморской, двоекрещенской, иконоборской» (см.: **Гуляев С. И.** Алтайские каменщики..., с. 90).

[29] Там же, с. 121; **Мамсик Т. С. Община и быт..., с. 65.**

[30] **Гуляев С. И.** Алтайские каменщики..., с. 119—120; **Спасский Г.** Путешествие по южным Алтайским горам.— В кн.: Сибирский вестник на 1818 г., ч. 4. Спб., 1819, с. 67—100.

их пользу[31]. Вероятно, тогда же часть непримиримых приверженцев старой веры, предчувствуя, что вопрос о выходе встанет еще не раз, покинула территорию, освоенную «каменщиками»[32]. Быков, действительно, идеи своей не оставил. Через шесть лет после первого обсуждения возможности выхода, вопрос о нем всплыл вновь. На этот раз у Быкова оказалось, вероятно, гораздо больше сторонников из прибывших за последние годы беглецов, работавших в хозяйствах старожилов. Мы не знаем, как в 1791 г. происходило обсуждение вопроса о выходе. Возможно, Быков решил действовать вопреки воле большинства. Возможно также, что и на этот раз часть наиболее упорных «стариков» (с сыновьями и их семьями) ушла на Уймон или дальше, о чем косвенно свидетельствует расхождение в списках беглых Штрандмана и Феденева. Уход с территории общины несклонных к компромиссу с властями старообрядцев дал основание для будущей легенды о наличии за границей империи религиозных общин русских беглецов, сохранивших в чистоте древнюю христианскую веру. Разработанный К. В. Чистовым вопрос о генетической связи «каменщиков» с беловодским движением первой половины XIX в. находит в высказанной гипотезе свое подтверждение. Конкретным фактическим подтверждением этих связей является обнаруженное нами совпадение фамилий будущих «беглецов» с фамилиями «каменщиков». В поисках Беловодья в 1811 г. принимают участие Быковы и Блиновы; в 1825 г.— Мурзинцевы и Огневы (известен по списку мастеровых и солдат Штрандмана), позже — Бобровы. Не исключено, что, отправляясь на поиски Беловодья, «новоясашные» мечтали найти поселения своих бывших соседей по «камню», а может быть, и родственников. Возможно также, что некоторые бывшие беглецы знали, но держали в тайне пути, ведущие в эти поселения. Михаил Лысов, например, заявил в разговоре с приписным крестьянином Д. Бобылевым, о том, что он, бывая на промыслах, посещал «Беловодье»[33]. На фоне всего сказанного предложение Д. Бобылева в Министерстве внутренних дел (1807 г.) вывести староверов из Беловодья в пределы России не выглядит уже столь неожиданным и загадочным.

* *
*

Круг вопросов, поставленных в связи с анализом списков беглых, уточняется и расширяется при обращении к следующим двум группам источников, входящих в состав дела о «каменщиках»,— к переписке чиновников и указам о «прощении». Логически

---

[31] **Мамсик Т. С** Община и быт..., с. 60.
[32] **Мамсик С. С.** Побеги..., с. 104.
[33] **Клибанов А. И.** Народная социальная утопия в России. М., 1977, с. 222—223.

эти источники тесно взаимосвязаны. В ходе переписки обсуждались возможные условия выхода беглецов, рождались формулировки будущих указов. Формулировки уточнялись в соответствии с тактикой беглецов. Таким образом, переписка важна для нас как источник, свидетельствующий не только о тактике правительства в отношении беглецов (этот вопрос подробно освещен в указанной выше работе С. С. Лукичева), но, что не менее важно, о тактике «каменщиков». Для этой цели использована, в частности, переписка сибирского генерал-губернатора Пиля, правителя Колыванского наместничества Б. И. Меллера, начальника Колывано-Воскресенских горных заводов Г. Качки и командира линейных (пограничных) войск Г. Г. Штрандмана. Письма этих лиц позволяют уточнить некоторые, неизвестные ранее обстоятельства, возникавшие при переговорах. Выясняется, что Г. Г. Штрандман посылал в горы своих «конфидентов» с целью склонить беглецов к компромиссу с властями. (А возможно, хотел вывести их обманом?). Опыт его предшественников показал, что выловить поселившихся в труднодоступных местах беглецов дело безнадежное. Ответственный за пограничные дела, Штрандман был весьма заинтересован в скорейшем решении судьбы беглецов. Как уже отмечалось выше, конфидентам каким-то образом удалось получить список беглецов [34].

Из переписки выясняется также, что беглецы последовательно предложили правительству два варианта условий выхода. Первый из них был изложен И. Быковым и зафиксирован в рапорте штейгера Приезжева обер-берг-мейстеру В. С. Чулкову, а затем — соответственно в доношении последнего высшему начальству и непосредственно — в письме в Кабинет е. и. в., Екатерине II [35]. Первый компромисс, предлагаемый правительству, звучал следующим образом: «усердно желают они (т. е. беглецы), как и прочие верноподданные е. и. в. быть записаны в ревизию и платить ясак или другую подать. Если же понадобились (бы) их услуги при проведении линии, или для чего-нибудь другого, то Быков с 300 способных и вооруженных людей, всюду готов употреблять себя, куда только указано будет» [36].

Мы не знаем, когда и кем был передан чиновникам второй вариант условий выхода «каменщиков», но, судя по переписке, он выглядел гораздо радикальнее, чем предыдущий: «и чтоб по испрошении высочайшего е. и. в. им прощения позволить поселиться на

[34] ГААК, ф. 169, оп. 1, д. 196, л. 44—47 (письмо Пиля Качке от 28 января 1792 г.); л. 54—55 об. (письмо Штрандмана Качке от 15 марта 1792 г.); л. 62—64 об. (письмо Меллера Качке от 16 апреля 1792 г.).

[35] Там же, л. 20—210 (осень 1790 г.); **Гуляев С. И.** Алтайские каменщики..., с. 121.

[36] ГААК, ф. 169, оп. 1, д. 196, л. 138 об.

Бухтарме, на известных им местах по рекам Хамиру и Тургусуну, и чтоб *не разорять у них раскольничью веру* (выделено нами.— *Т. М.*) и священников к ним не определять, а кои из крестьян и платят за них подати родственники или миром, с тех бы оныя снять и наложить на них — зверями, и всем им позволить производить ее (подать — *Т. М.*) по примеру иноверческих народов ясаком и по недостаточеству их при заселении дать на несколько время льготы...» [37].

В варианте Быкова нет речи о свободе веры, а вопрос о статусе ясашных, если и ставится, то в очень нечеткой форме. Во втором варианте четко сформулированы четыре условия «выхода» беглецов: свобода веры и статус ясашных иноверцев; свободный выбор места поселения и предоставление льгот, т. е. временная отсрочка в выплате ясака.

Наличие двух вариантов условий выхода можно объяснить по-разному. Возможно, что условия, поставленные Быковым, были всего лишь пробным камнем на пути исследования позиции местного начальства и правительства. И лишь после того, как вообще была выяснена склонность их к компромиссу, «каменщики» на сходе обговорили более детальные условия выхода.

Учитывая, однако, все, что изложено в первой части статьи, можно также предположить, что Быков без общего согласия схода или даже вопреки ему апробировал возможность переговоров с правительством, а затем сход, поставленный перед фактом, вынужден был сформулировать свои условия выхода и предъявить их конфидентам Штрандмана. Возможно, что этим обстоятельством объясняется тот факт (отразившийся в переписке), что высшие чиновники (начальник заводов и начальник пограничной линии) были несколько дезориентированы в отношении условий выхода и довольно долго боролись друг с другом за приоритет «открытия беглецов» и их желания вернуться под власть императрицы [38].

Государственный совет обсуждал оба варианта условий, выдвинутых «каменщиками»[39].

Все перечисленные условия были выполнены правительством Екатерины II, но далеко не сразу. До сих пор, описывая историю «прощения» беглецов, исследователи ссылались на указ императрицы Пилю от 15 сентября, опубликованный С. И. Гуляевым [40]. В письмах Пиля Б. Меллеру и Г. Качке цитируется текст постановляющей части указа Екатерины от 20 января 1792 г., также на имя Пиля [41]. Сравнение названных указов показывает, что императри-

[37] **ГААК**, ф. 169, оп. 1, д. 196, л. 46—46 об. (письмо Пиля Качке от 28 января 1792 г.).
[38] Там же, л.. 45, 54 об.
[39] **Лукичев С. С.** К истории..., с. 237—238.
[40] **Гуляев С. И.** Алтайские каменщики..., с. 121—123.
[41] **ГААК**, ф. 169, оп. 1, д. 196, л. 62—63 об., 184—186 об.

ца не сразу согласилась на требования «каменщиков» (чему, возможно, способствовала нечеткость формулировок в первом варианте их условий). В ее сентябрьском (1791 г.) указе вообще не было речи о положении в ясак, а лишь предлагалось поселить их близ Бухтарминского рудника, либо «склонить к переходу во внутрь России на основании изданных манифестов о выходцах из-за границы»[42].

В результате такого «прощения» «каменщики» могли поселиться на отведенных им администрацией местах, получить на несколько лет освобождение от феодальных повинностей, а по истечении заповедных лет перейти на положение государственных крестьян[43]. По существу, в первом указе императрица выдвигала и просила Пиля апробировать встречные условия «прощения».

Старообрядцы, как видно, отвергли и быковский вариант условий, и условия, выдвинутые самой императрицей. Они выдвинули свои условия компромисса, более радикальные, чем прежние, и, таким образом, заставили правительство еще раз вернуться к этому вопросу. Возможно, что в случае его отрицательного решения к компромиссу с властями склонилась бы лишь группа Быкова, а именно выезжавшие с ним для переговоров с Приезжевым 26 человек вместе с их семьями.

Появление январского (1792 г.) указа означало, что бухтарминские старообрядцы одержали крупную победу не только в борьбе с правительством за свои условия выхода, но и внутри своей крестьянской общины. Однако только к июню переговоры были закончены и при Бухтарминском руднике назначена встреча поверенных. 25 июня Г. Качка в присутствии высоких представителей сибирской администрации — Штрандмана и Меллера зачитал Даниле Кривошеину, Михаилу Булычеву, Алексею Шестакову и Василию Зайцеву документ, составленный на основе двух описанных выше правительственных актов,— «Беглым российским людям, укрывающимся в Бухтарминских горах, объявление», текст которого приводится ниже. «Ея императорское величество, по матерному своему ко всем преступникам милосердию, приемля ваше раскаяние, всемилостивейше повелеть изволила присланным от 15 сентября прошлого 1791 года за собственноручным ее подписанием указом простить вас в проступке вашем, с тем, чтобы ежели вы согласитесь, поселиться у Бухтарминских рудников и способствовать от набегов киргиз-кайсацких и других подобных беспокойств, или, если похотите, перейти и внутрь России на основании изданных манифестов

---

[42] ГААК, ф. 169, оп. 1. д. 196, л. 182—183 об.

[43] См. подробнее о правительственной практике «прощения» беглецов в кн.: **Мамсик Т. С.** Побеги как социальное явление..., с. 201—203.

о выходцах из-за границы. И, ежели, вы у рудников поселиться согласитесь, то и места вам удобные отвести высочайше повелено.

А после от 20 января сего года также за собственноручным ея императорского величества указом не только даровано вам всемилостивейшее ея прощение, но и позволено, по прошению вашему поселиться на изысканных вами местах и платить ясак по примеру других ясашных иноверческих народов, исключа вас из прежних подушных податей с находящимися при вас детьми, но не распространяя сего исключения и перемещения на тех детей ваших, кои остались в своих селениях, о чем вам через сие и объявляется июня 25 дня 1792 года. Качка»[44].

В свете всех вышеописаных обстоятельств нам теперь ясно, почему «объявление» имеет такую странную форму. В нем «прощение» представлено в виде двух дополняющих друг друга указов. На самом деле, второй указ по существу отменял первый. Перевод в статус «ясашных иноверцев» означал выполнение тех развернутых требований староверов, о которых речь шла выше, По условиям вхождения иноверцев в состав русского государства, им предоставлялись свобода от рекрутской повинности, некоторая независимость в управлении, а главное — свобода вероисповедания. В тексте «объявления» предусмотрительно не сказано об этих трех положениях статуса «ясашных», однако реально «прощенные» «каменщики» пользовались этими льготами долгое время.

Тот факт, что среди поверенных бухтарминских беглецов не было Быкова, а был Данила Кривошеин, свидетельствует о том, что, видимо, этот последний и являлся одним из идеологов и организаторов той части «каменщиков», которая одержала победу. (Вспомним, что в Росписи Феденева Кривошеин назван «старостой», в то время как Быков, называвший себя при встрече с Приезжевым «старшиной», в Росписи уже так не назван.)

Яркий эпизод «прощения» алтайских беглецов императрицей не раз использовался дворянской и буржуазной историографией для демонстрации «милостивой» природы русских самодержцев и единства интересов феодального государства и крестьянства в вопросах колонизации окраин. Рассмотренные источники позволяют говорить о том, что «милости» абсолютизма крестьянство завоевывало в упорной борьбе за свои насущные интересы.

---

[44] ГААК, ф. 169, оп. 1, д. 196, л. 185—185 об.

Роспись находящимся в камне разного звания укрывающимся беглым людем и которые поступили в ясак с их семействами, учиненная во время описания Бухтарминских урочищ 1792 года унтер-шихтмейстером Лаврентием Феденевым *

Имена положенных в ясак	Сколько лет от роду	Их семейства от каких и до колики лет		Где прежде жительство имели и из каких	Сколько годов в камню жили	Женат или холост
1	2	3	4	5	6	7
Деревня Чесноковка, в коей 6 дворов						
1. Харитон Чирцов	70	—	—	Из крестьян Касмалинской слободы	2	Вдов
Дети его:						
2. Самойло Чирцов	30	—	—	Из бергайеров	2	Женат, коя находится в жиле
3. Карп Чирцов	22	—	—	Из крестьян	2	Холост
Внучек						
4. Давыд Чирцов	10	—	—	»	2	»
5. Саватей Блинов	33	—	—	Из бергайеров Змеиногорского рудника	3	»
6. Иван Блинов	30	—	—	Из бергайеров Павловского завода	3	»
7. Илья Блинов	27	—	—	Из бергайеров Змеиногорского рудника	3	»
8. Ксенофонт Блинов	23	—	—	»	3	»
9. Феклист Сергеев	40	—	—	Из поляков Убинской слободы	3	»
10. Максим Бобров	42	Один — полтора года	Трое — от 2 до 17 лет	Из крестьян Бурлинской слободы	2	Женат, коя при нем
Дети его:						
11. Григорий	15	—	—	Из крестьян Бурлинской слободы	2	Холост
12. Никифор	9	—	—	»	2	»
13. Прохор	7	—	—	»	2	»
Брат его:						
14. Максим Бобров	30	—	—	»	2	»

1	2	3	4	5	6	7
15. Иван Дятлов	36	Один — три года	—	Из мастеровых Барнаульского завода	4	Женат, коя в жиле
16. Карп Смирнов	42	—	Одна — годовая	Из крестьян слободы Глубокой	2	Женат, коя при нем
17. Абросим Шумихин	73	—	—	Из присыльных крепости Семипалатинской	10	Холост
18. Иван Клюев	40	—	—	Человек Де-Гариги	2	Женат, коей при нем нет
19. Филимон Ощеулов	40	—	—	Из крестьян	4	Холост
20. Емельян Юргин	40	—	—	Из крестьян	15-й год	Вдов
Деревня Кротова при ключе, впадающем в речку Середчиху, в коей 5 дворов						
21. Осип Красков	45	—	—	Из крестьян	10-й год	Холост
22. Ксенофонт Юдин	22	—	—	»	»	»
При нем:						
мать Овдотья	90					
сестра ее — Фекла	80					
23. Еремей Кротов	36	—	—	»	6-й год	Холост
При нем:						
отец Федор	80	—	—	»	6-й год	Вдов
24. Иван Кротов	70	—	—	»	15-й год	Холост
25. Василий Гаврилов	70	—	—	Из казаков Кулундинской крепости	30-й год	Холост
26. Григорий Токмин	33	—	—	Из крестьян	6-й год	»
27. Михаил Сорокин	30	—	—	»	6-й год	»
28. Василий Подкорытов	30	—	—	»	3-й год	»
Деревня Погорелиха, при речке того же имени, впадающей в Язовую, в коей 1 двор						
29. Егор Шишкин	45	—	—	Из каторжных	7-й год	Холост
30. Осип Троеглазов	35	—	—	Из поляков	4-й год	Женат, коей при нем нет

1	2	3	4	5	6	7
Деревня Середчиха в вершинах речки Середчихи, в коей 6 дворов						
31. Петр Лубягин	33	—	—	Касмалинской слободы из крестьян	2-й год	Холост
32. Петр Шималин	26	—	Двое — от 3 до 5 лет	Из дроворубов Сузунского завода	2	Женат
33. Венедикт Шималин	30	Один — 7 лет, находится в жиле	Двое — от 1 до 5 лет	Кулундинской слободы из крестьян	5-й год	Женат
34. Василий Лубягин	30	—	—	Крестьянин деревни Бобровки близ Барнаула	1-й год	»
35. Конон Ершов	40	—	Двое — находятся в жиле	Бердской слободы из крестьян	20 годов	Женат, коей при нем нет
36. Петр Ершов	30	—	—	»	20	Холост
37. Василий Бобров	37	—	—	Бурлинской слободы из крестьян	2	Женат и оная при нем
38. Устин Мингалев	25	—	—	Из егерей с линии	2	Холост
39. Андрей Черепанов	37	Четверо от 3 до 12 лет	Двое — от 0,5 до 10 лет	С реки Ануя деревни Петропавловской из крестьян	1 год	Женат, коей, равно и детей при нем нет
40. Антон Черепанов	25	—	—	»	6-й год	Холост
При нем:						
вдова сестра Авдотья	40	—				
41. Михаил Булычев	30	—	—	Из крестьян деревни Выдрихи	6-й год	Холост
42. Василий Подкорытов	25	—	—	Из солдат Ширванского полка.	3-й год	Холост
Деревня Устьпашенная при речке того же имени, за рекой Белой, в коей 2 двора						
43. Петр Носков	30	—	—	г. Тары из крестьян	2-й год	Холост
44. Прохор Лямкин	36	—	Двое — от 1 до 5 лет	Из мастеровых Колыванского завода	2-й год	Женат, коя при нем

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7
45. Григорий Лямкин	25	—	—	Чарышской слободы из крестьян	3-й год	Холост
46. Севастьян Бердюгин	34	—	—	Из бергайеров Змеиногорского рудника	4-й год	Холост
47. Леонтий Бердюгин	35	—	—	Из бергайеров Колыванского завода	2-й год	Женат, коя при нем
48. Алексей Архипов	28	—	Одна — годовая	»	2-й год	»
49. Михайло Белозеров	40	—	Трое — от 5 до 9 лет	Из мастеровых Сузунского завода	4-й год	Женат, но жены и детей при нем нет
Деревня Тихонова при речке Белой, в коей 2 двора						
50. Киприан Тихонов	43	—	—	Усть-Каменогорской крепости из солдат	7-й год	Холост
51. Михаил Рубцов	35	—	—	Из мастеровых Сузунского завода	9-й год	Холост
52. Федор Рубцов	30	—	—	Кулундинской слободы из крестьян	5-й год	Холост
53. Осип Зырянов	23	—	—	Чарышской слободы	3	Холост
54. Алексей Зырянов	50	—	Одна	»	2	Женат, коей при нем нет
55. Прокопий Ушаков	40	—	—	Колыванской слободы из крестьян	5-й год	Холост
56. Михаил Ушаков	30	—	—	»	5-й год	Холост
57. Яков Седяшев	30	—	—	»	2-й год	Женат, коей при нем нет
Деревня Назарова в вершинах речки Фыкалки, в коей 1 двор						
58. Иван Сосновских	75	Один — 1 год	Четверо—от 15 до 30 лет	Из крестьян деревни Большой речки	5-й год	Женат, коя и дети в жиле
59. Назар Сосновских	50	—	—	»	10-й год	Холост
60. Фома Барсуков	25	—	—	Белоглазовской слободы из крестьян	2	»
61. Семен Барсуков	39	—	—	»	2	»

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7
Деревня Фыкалка при речке того же имени, в коей 2 двора						
62. Остафей Веснин	34	—	Одна — 7 лет	Усть-Каменогорской крепости из драгун	2-й год	Женат, коей и дочери при нем нет
63. Алексей Ешев	60	—	—	Из присыльных	3-й год	Холост
64. Григорий Чадов	23	—	—	Усть-Каменогорской крепости из драгун	2-й год	»
Деревня Большая при речке, впадающей в речку Белую, в коей ныне 3 двора						
65. Тихон Долганов	35	—	—	Барнаульской слободы из крестьян	5-й год	Холост
66. Антип Долганов	27	—	—	»	5-й год	»
67. Прокопий Санаров	30	Один — 4 года	—	»	2	Женат, коей с сыном при нем нет
Деревня Лысова, при речке, впадающей в реку Белую, в коей 2 двора						
68. Иван Лысов	40	Двое — от 4 до 6	Одна — 5 лет	Ануйской слободы из крестьян	5-й год	Женат, коя и дети при нем
69. Василий Лысов	30	—	—	»	5-й год	Холост
При них:						
мать	60					
сестра	20					
Деревня Вяткина при реке Белой, в коей 6 дворов						
70. Егор Коротков	22	—	—	Черладского форпоста из крестьян	4-й год	Холост
71. Гордей Бочкарев	30	Двое — от 1 до 2 лет	—	Барнаульской слободы из крестьян	2-й год	Женат, коя с детьми в жиле
72. Федор Уржумов	50	—	—	Белоярской слободы из крестьян	6-й год	Холост

1	2	3	4	5	6	7
73. Тимофей Соколов	40	—	—	Из драгун Усть-Каменогорской крепости	5	Холост
74. Михаил Шарыпов	65	—	—	Из крестьян с Иртыша	21-й год	Холост, но имеет при себе женку, у которой четверо детей
Деревня Татарка при речке того же имени, впадающей в речку Верхнюю Черневую, в коей 4 двора						
75. Лука Кашкаров	59	—	Двое — 22 и 26 лет	Касмалинской слободы из крестьян	2-й год	Женат, коей с детьми при нем нет
76. Иван Кривошеин	18	—	—	В камне и родился	18-й год	Холост
77. Матвей Мурзинцев	50	—	Двое — 10 и 15 лет, находятся при нем	Отставной из мастеровых	3-й год	Женат, коей при нем нет
Деревня Сизикова на реке Верхней Черневой, в коей 2 двора						
78. Федор Кобылин	75	—	—	Из крестьян	25-й год	Холост
79. Максим Дранишников	60	—	—	»	13-й год	»
80. Александр Коновалов	23	—	—	»	13-й год	»
81. Андрей Сизиков	60	—	—	»	15-й год	»
82. Ерофей Босоногов	35	—	—	Из бергайеров	5-й год	»
Деревня Кривошеина при речке, впадающей в Верхнюю Черновую, в коей 4 двора						
83. Староста Данила Кривошеин	55	—	—	Белоярской слободы из крестьян	27-й год	Холост
При нем:						
сестры:						
Анна	35					
Марфа	45					

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7
Незаконнорожденные при оных:						
84. Софон Кривошеин	18	—	—	Родился в камне	18	Холост
Ему братья и сестра		Трое — от 2 до 5 лет	Одна — 7 лет			
85. Гордей Кривошеин	10	—	—	Родился в камне	10	Холост
86. Севастьян Кривошеин	8			Родился в камне	8	»
Ему братья незаконнорожденные и сестра		Двое — 3 и 6 лет	Одна — 5 лет			
87. Василий Атаманов	36	—	—	Белоярской слободы из крестьян	20-й год	»
88. Семен Орлов	55	—	—	»	10-й год	»
89. Игнат Семиреков	36	—	—	Белоглазовской слободы из крестьян	6-й год	»
90. Филипп Медведев	83	—	—	Отставной из мастеровых	4-й год	»
91. Василий Устюжанин	44	Двое — 6 и 16 лет	Четверо—от 0,5 до 14 лет	Из бергайеров Змеиногорского рудника	1	Женат, коей с детьми при нем нет
Деревня Клепикова при реке Верхней Черновой, в коей 1 двор						
92. Василий Клепиков	70	—	Двое — 20 и 40 лет	Из крестьян	8	Вдов
93. Павел Нагибин	30	—	—	»	2	Женат, коей при нем нет
Деревня Беределяска при реке Береле, где 1 двор						
94. Иван Калмаков	41	Один — незаконнорожденный — 4 лет	—	Бийской слободы из крестьян	9	Холост
При нем:						
Тетка родная	55					
сестра	25					

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7
95. Фадей Кутермин	70	—	—	Белоярской слободы из крестьян	21	Холост
96. Михаил Лысов	30	—	—	г. Томска из крестьян	2-й год	»
97. Агафон Федоров	33	—	—	Из рекрут Барнаульского завода	2-й год	»
98. Борис Стремяков	38	—	—	Из бергайеров Змеиногорского рудника	7-й год	»
Деревня Язевка при речке того же имени, впадающей в реку Берелу, где 1 двор						
99. Яков Звонков	35	—	—	Белоярской слободы из крестьян	5	Женат, коей при нем нет
100. Ефим Звонков	38	—	—	Из рекрут Колыванского завода	2	Холост
101. Федор Уржумов	56	—	—	Белоярской слободы из крестьян	10-й год	
Деревня Архипова, в коей 6 дворов						
102. Леонтий Кривошеин	26	Двое — от 5 до 7 лет	Одна — 3 лет	Белоярской слободы	18-й год	Холост, но имеет женку с 3 детьми
103. Кирил Кривошеин	18	—	—	Родился в камне		Холост
104. Василий Кривошеин	29	—	—	Белоярской слободы из крестьян	20-й год	Холост
Имеет при себе сестру-девку	40					
При ней незаконнорожденные		Один — 5 лет	Одна — 10 лет			
105. Федор Соколов	42	—	—	г. Томска из казаков	22-й год	Холост
При нем: Кормленка**		3 года		Родился в камне		
106. Петр Зыков	38	—	—	Усть-Каменогорской крепости из драгун	2	»

1	2	3	4	5	6	7
107. Матвей Ситников	50	—	—	Убинской слободы из крестьян	6-й год	Вдов
108. Сын его Федор	23	—	—	»	6-й год 2	Холост Женат, коя с детьми при нем
109. Яков Коновалов	56	Один — 13-й год	Трое — от 6 до 13 лет	Касмалинской слободы из крестьян	2	Холост
110. Сын его Абросим	20	—	—	»	2	Женат, коей и детей при нем нет
111. Иван Рахманов	40	Двое от 7 до 9 годов	Одна — 2 года	Крепости Петропавловской из крестьян	10	Холост, но имеет при себе женку
112. Брат его Григорий	35	—	—	»	6-й год	Холост
113. Иван Заворин	80	—	—	Из посельщиков	7	Вдов, детей при нем нет
114. Алексей Вяткин	60	Двое — 17 и 19	Двое	Барнаульской слободы из крестьян	2	Холост
115. Дмитрий Бедарев	30	—	—	Из бергайеров Змеиногорского рудника	2	»
116. Дмитрий Сидоров	25	—	—	»	9-й год	Женат, коей с детьми при нем нет
117. Архип Коробейников	28	—	Двое	Барнаульской слободы из крестьян	7-й год	Женат, коей при нем нет
118. Яков Загуменнов	40	—	—	Из бергайеров Змеиногорского рудника		
119. Василий Черкашенин	26	—	—	Из драгун	3-й год	Холост
120. Иван Конюхов	17	—	—	Из школьников	10-й год	Холост

1	2	3	4	5	6	7
Деревня Поскочиха при реке, впадающей в реку Белую, в коей 1 двор						
121. Иван Качусов	35	—	—	С реки Чарыша из крестьян	3-й год	Холост
122. Федор Качусов	33	—	—	»	3-й год	»
123. Гаврила Франдин	30	—	—	Из егерей Усть-Каменогорской крепости	2	»
124. Оверьян Кузьминых	26	—	—	Кулундинской слободы из крестьян	2	»
Новое селение. Деревня Быкова при реке Бухтарме, по левую руку оной, от рудника Зыряновского в 22 верстах, где 2 двора						
125. Василий Черепанов, он же Сивриков	44	—	—	Из бергайеров Змеиногорского рудника	12-й год	Холост
126. Иван Быков	45	—	—	Из драгун Усть-Каменогорской крепости	7-й год	Холост, но имеет женку и при ней 2 детей
127. Михаил Тиндяков	47	—	—	»	7-й год	Холост
129***. Василий Корнеев	40	Один — 1,5 года	—	Из поляков	5-й год	Женат, коя при нем
130. Никита Совестин	45	—	—	Локтевского завода из крестьян	2-й год	Холост
131. Артем Петров	18	—	—	Статского советника Ивановского человек	4-й год	»

* ГААК, ф. 169, оп. 1, д. 196, л. 167—174 об.
** Т. е. приемыш.
*** Так в тексте источника, т. е. за номером 127 следует 129.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААН — Архив Академии наук СССР.
АГО — Архив Географического общества (г. Ленинград).
БАН — Библиотека Академии наук СССР (г. Ленинград).
БАН УССР — Библиотека Академии наук Украинской ССР (г. Киев).
Брике — Briguet C. M. Les filigranes. Dictionaire historique des marques du papier des leur apparition vers 1282 jusqu 'en 1600, vol. I—IV. Amsterdam, 1968.
Быкова — Каталог изданий Острожской типографии и трех передвижных типографий. Сост. Т. А. Быкова. Л., 1972.
ВСОРГО — Восточно-Сибирский отдел Русского Географического общества.
ГААК — Государственный архив Алтайского края (г. Барнаул).
ГАКО — Государственный архив Калининской области.
ГАТОТ — Государственный архив Тюменской области (Тобольский филиал).
ГАЯО — Государственный архив Ярославской области.
ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (г. Москва).
Гераклитов — Гераклитов А. А. Филиграни XVII в. на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963.
ГИМ — Государственный исторический музей (г. Москва).
Горфункель — Каталог книг кирилловской печати XVI—XVII вв. Сост. А. Х. Горфункель. Л., 1970.
ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (г. Ленинград).
ГПНТБ — Государственная публичная научно-техническая библиотека СО АН СССР (г. Новосибирск).
ДАИ — Дополнения к актам историческим.
ДРВ — Древняя Российская Вивлиофика.
ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения.
Зернова — А. С. Зернова. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII вв. Сводный каталог, М., 1956.
ИИФиФ — Инстиут истории, филологии и философии СО АН СССР (г. Новосибирск).
ИМЛИ — Институт мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР.
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности АН.
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (г. Ленинград).
Каманін — Водяні знаки на папері українських документів XVII в. (1566—1651). Київ, 1923.
КГУ — Казанский государственный университет им. Н. И. Лобачевского.

Клепиков, 1959 — С. А. Клепиков. Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX вв. М., 1959.

Клепиков, 1978 — С. А. Клепиков. Филиграни на бумаге русского производства XVIII — нач. XX века. М., 1978.

ЛГУ — Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова.

Лихачев — Н. П. Лихачев. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. СПб., 1899.

МАО — Московское археологическое общество.

МГУ — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.

МДА — Московская духовная академия.

НБ МГУ — Научная библиотека им. А. М. Горького Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

НСРК — Новое собрание рукописных книг.

ОИДР — Общество истории и древностей российских при Московском университете.

ОЛДП — Общество любителей древней письменности.

ОРЯС — Отделение русского языка и словесности Академии наук.

ОСРК — Основное собрание рукописных книг.

ПДП — Памятники древней письменности.

ПДПИ — Памятники древней письменности и искусства.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.

РГО — Русское географическое общество.

РИБ — Русская историческая библиотека.

РФВ — Русский филологический вестник.

СГУ — Саратовский государственный университет.

ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР.

Тромонин — К. Тромонин. Изъяснение знаков, видимых на писчей бумаге. М., 1844.

ЦБАН УССР — Центральная библиотека Академии наук УССР (г. Киев).

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов СССР (Москва).

ЦГИА — Центральный государственный исторический архив (Ленинград).

ЧОИДР — Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете.

ЯГМЗ — Ярославский государственный музей-заповедник.

Churchill — Churchill W. A. Watermarks in Paper in Holland, England, France etc., in the XVII and XVIII Centuries and Their Interconnections. Amsterdam, 1935.

Heawood — E. Heawood. Watermarks, mainly of the 17-th and 18-th Centuries. Hilversum, 1950.

СОДЕРЖАНИЕ

ДРЕВНЕРУССКАЯ РУКОПИСНАЯ КНИГА И ЕЕ БЫТОВАНИЕ В СИБИРИ

Ответственные редакторы
Николай Николаевич Покровский,
Елена Константиновна Ромодановская

Утверждено к печати Институтом истории, филологии и философии СО АН СССР

Редактор *Ю. М. Ключников*
Художественный редактор *С. М. Кудрявцев*
Художник *Н. А. Пискун*
Технический редактор *Н. М. Бурлаченко*
Корректор *В. А. Бирюкова*

ИБ № 10324

Сдано в набор 04.12.80. Подписано к печати 23.12.81. МН-05640. Формат 60×90 1/16. Бумага типографская № 2. Обыкновенная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 17. Усл. кр.-отт. 17. Уч.-изд. л. 20. Тираж 2950 экз. Заказ № 3146. Цена 2 р. 20 к.

Издательство «Наука», Сибирское отделение. 630099. Новосибирск, 99, Советская, 18.

Типография издательства «Советская Сибирь». 630048. Новосибирск, 48, Немировича-Данченко, 104.